История
Общество
Политика
2017
№1(1)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА

№ 1(1)
2017

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2017. №1 (1)

Сетевое научное периодическое издание.
Точка доступа: http://www.clio-brgu.ru. Размещено на официальном сайте журнала: 01.03.2017

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: С.В. Артамошин - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: А.В. Федин – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,2017
© Коллектив авторов, 2017

HISTORY SOCIETY POLICY

N 1 (1)
2017

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2017. №1 (1)

Network scientific periodical.
AP: http://www.clio-brgu.ru. Placed on the official website of the journal: 02/20/2017

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, pofessor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2017
© Authors, 2017

Содержание

История праворадикальных идей и движений

Артамошин С.В. А. Розенберг: творец нацистской идеологии **7**

Турыгин А.А. «Тайный диктатор» Класс и «повелитель прессы и кино» Гугенберг: к вопросу о выборе тактики политической борьбы **14**

Сироштан Е.К. Рейнхард Гейдрих и политическая полиция нацистской Германии **23**

Культурная история

Федин А.В. «Их войны – лишь войны на истребление»: иезуитская миссия в этническом конфликте в Новой Франции в первой половине XVII в. **30**

Прилуцкий В.В. Возникновение практики полигамии в истории Святых последних дней: основные вехи (1830–1850-е гг.) **50**

Федарков Ю.А., Горло М.М. Фольклор в мобилизации солдат Первой мировой войны: по материалам журнала «Военный сборник» **57**

История культуры

Мироненко Л.В. Редкие типы архитектурно-декоративной керамики Батурина **63**

Свиридова А.С. Личность Никколо Макиавелли по его письмам **74**

Фролова Ю.А. Культура дворянской усадьбы по изобразительным источникам первой половины XIX века **81**

Шинаков Е.А., Чубур А.А., Рябчевский Н.Г. Новые данные о времени сооружения укреплений городища Чашин Курган **92**

Политическая история

Залепеев В.Н. Влияние исторических факторов на формирование общественного восприятия России в Польше **101**

Ранчинский В.П. Судьбы христианства в Сирии на разных этапах её истории **105**

Роленков А.Г. Комиссары Ж.-Н. Бийо-Варенн и Ж. Севестр в департаментах Кот-дю-Нор м Иль-и-Вилен в марте-апреле 1793 г. **113**

Сагимбаев А.В. Конституционная комиссия Дж. О. Саймона и её роль в трансформации политико-административной системы Британской Индии в конце 1920-х гг. **120**

Историческое краеведение

Соловьев Ю.П. Кто и как бомбил Брянск: гражданское население под немецкими и советскими бомбами в 1941-1944 гг. **129**

Турлакова Е.С. Брянский дамский кружок в годы Первой мировой войны: благотворительная деятельность. **176**

Скороход Г.Н., Чубур А.А. Загадка капиталов князя В.Н. Тенишева. **179**

Историография

Гришин Н.И. Николай Тальберг – историк и деятель русского зарубежья ***192***

Митрофанов В.П. Англоязычная историография аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов ***198***

Общество и политика

Балыкина О.С., Мисник М.Ю. Образ политического лидера в восприятии студентов ***208***

Золотов В.И. Преподавательское сообщество исторического факультета БГУ в эпоху перемен. ***212***

Фельдман П. О природе социальных конфликтов в годы гражданской войны начала XVII в. ***222***

О сетевом издании «История. Общество. Политика» ***228***

История праворадикальных идей и движений

УДК 94(430)

С.В. Артамошин

А. Розенберг: творец нацистской идеологии

Аннотация: *Статья посвящена анализу теоретической концепции нацистской идеологии Альфреда Розенберга. Рассматривается расовая конструкция нацистского мировоззрения, ее влияние на внутриполитическую стратегию нацизма.*
Ключевые слова: *А. Розенберг, нацизм, нацистская идеология.*

Artamoshin S.V. A. Rosenberg: creator of Nazi ideology.

Abstract: *This article analyzes the theoretical concept of the Nazi ideology of Alfred Rosenberg. We consider the construction of the Nazi racial ideology, its impact on the internal strategy of Nazism.*
Keywords: *A. Rosenberg, Nazism, Nazi ideology.*

Нацистское мировоззрение представляло собой комплекс политических идей, являвшихся отражением политических процессов германского общества Веймарской республики. Однако нацисты претендовали на то, чтобы выступить нечто большим – мировоззренческим явлением эпохи кризиса буржуазного государства в момент становления нового мирового порядка. В их политических претензиях проступало желание превратиться в новое мировоззрение, кардинально отличное от буржуазного и, противоположного ему, коммунистического мировоззрения, существующего в рамках социальной структуры, в которой действуют классовые измерения. Национал-социализм отказался классового подхода и стал проводником и творцом расового общества. Биологический расовый подход стал основанием национал-социалистической немецкой народной общности. Одним из теоретиков нацистского государства и, что более важно, нацистского мировоззрения был Альфред Розенберг.

В розенбергском мировидении национал- социализм был закономерным результатом естественного развития, гармоничной взаимосвязью природы и национал-социалистического движения. Он представлялся закономерным результатом многовекового генезиса ландшафта и германской истории. Исходя из расовой основы исторического развития, А. Розенберг объединял природные и духовные стороны человеческой жизни. Это позволяло ему утверждать, что нацизм был “историей природы и мистикой души”[10.S. 23].“Душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот, раса - это внешняя сторона души<…>Каждая раса имеет свою душу, каждая душа - свою расу, свою собственную внутреннюю и внешнюю архитектонику, свои характерные формы проявления и стиль жизни, свое собственное соотношение между силами воли и разума, каждая раса в конечном итоге культивирует только один высший идеал”[10. S. 2, 116].Расовая интерпретация делала акцент на иррациональное восприятие жизни, с акцентированием внимания на вере, а не разуме. Это представляло собой разрыв с картезианской основой буржуазного общества. Вместо рациональных показателей жизни населения, опирающихся на экономические, политические и культурные основания, национал-социализм стал рассматривать жизнь народа сквозь призму мистического восприятия. “Жизнь расы, народа представляет собой <...>образование мистического синтеза, духовную деятельность, которую невозможно ни объяснить заключениями разума, ни сделать понятной, сформулировав причину и влияние” [10.S. 117].

А. Розенберг отмечал, что сейчас происходит возрождение “органического бытия”. Под ним он понимал “связанную с расой душу с её высшей ценностью, честью и духовной свободой, которая определяет архитектурную организацию других ценностей. Эта расовая душа живет и развивается в природе, которая пробуждает определенные качества, а другие сдерживает. Эти силы расы, души и природы являются вечными предпосылками, бытием, жизнью, из которых складывается сначала цивилизация, тип веры, искусство и т.д.”[10.S. 251].Особенностью нового мировоззренческого перелома выступало осознание значения крови в становлении и развитии общества. В душе немцев просыпалась новая сущность - осознание роли и значения крови. Это возвращало германцак глубинным истокам природы. Происходила трансформация системы ценностей с заменой политических конструктов биологическим постулатом крови. Это приведет к тому, что на смену христианским верованиям, либеральным или консервативным ценностям придет новая парадигма. “Сегодня просыпается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью будет защищена вообще божественная сущность людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие”[10.S. 114].

В представлении А. Розенберга, сущность крови определяет характер и народность, создавая основы для доминирования над разнообразными влияниями ландшафта, климата или политической традиции. Центральным утверждением нацистского идеолога была позиция, что человек может выступать как представитель народности только на основе общности крови. Восстановить “естественность здоровой крови”, создать ценности, в которых “закон крови определяет идею и деятельность человека”, с точки зрения А. Розенберга, являлось “величайшей задачей, которую в настоящее время может поставить перед собой человек” [10.S. 17, 22].

Выступая с расовой интерпретацией истории, А. Розенберг придерживался классического расистского подхода к проблеме кризиса человеческой истории, причиной которой было “смешение крови и вытекающее отсюда снижение уровня расы” [10.S. 81]. Ослабление арийской крови носило поступательный характер под воздействием войн и миграций населения. Современное общество ориентировано на ассимиляцию населения, сосуществование разных культур в рамках одного народа. В современно европейском обществе“негры и мулаты идут под руку с белыми женщинами, возникает чисто еврейский квартал с новыми синагогами”[10.S.103-104]. Расистская позиция А. Розенберга рассматривала это как угрозу европейской цивилизации.

А. Розенберг утверждал, что “XIX век показал параллельное существование во всей Европе трех возможных систем. Первую представлял собой нордический Запад, опирающийся на свободу души и идею чести; второй была завершенная римская догма, полная смирения, раболепской любви, находящаяся на службе у централизовано управляющего духовенства; третья была очевидным предвестником хаоса: неограниченный материалистический индивидуализм, имеющий целью политико-экономическое мировое господство денег как единственно типообразующей силы. Эти три силы боролись и борются за душу каждого европейца”[10.S. 118]. XX век стал началом этапа обновления нордической расы и переоценкой политико-нравственных ценностей. На это указывало то обстоятельство, что “кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности”[10.S. 1-2].

В представлении Розенберга нордический германский дух разделял мир свободы и мир природы. Мир свободы, выступая как “естественное” явление, наделял германство “идеей внутренней свободы”. “Свобода в германском смысле, - писал А. Розенберг, - есть внутренняя независимость, возможность исследования, независимое построение картины мира, истинно религиозное чувство”[10.S. 111].Всякая свобода имеет свои пределы.“Свобода органично определена расой и народом”[10. S. 396], и поэтому свобода отдельного человека заканчивается там, где она вступает в противоречие с свободой народа, народной общности. Нацизм считал естественным подчинение человека интересам народной общности. Это вытекало из того, что носителем свободы был не отдельный индивидуум, а его народ или народная общность. Ценность личности была обусловлена его осознанным местонахождением в народной общности, поэтому индивидуум может быть свободен только в свободной народной общности. Если же она потеряет свою свободу, то автоматически ее лишается и каждый отдельный человек.

Как отмечал В.А. Буханов, А. Розенберг и его окружение нацизм как “мировоззренческий перелом”, смысл которого состоял в стремлении природы поднять понимание свободы с механического уровня на биологический, поэтому задача национал-социализма состояла в контроле за развитием отдельных элементов целостного природного процесса, не допуская перехода границ естественных свобод[1.С.16-17].А. Розенберг подчеркивал взаимосвязь между “естественной свободы с присущей немцу идеей чести и долга”. Она вытекала из “благородства отдельной, ориентированной на себя, души”, выступающей в качестве глубинной основы идеи чести. Последняя порождена сознанием внутренней свободы, которая сформировывала “характер нашей расы, нашего народа и государства”[10.S. 238-239, 147].

А. Розенберг считал, что нордический немец в своем служении нации поставил чувство долга и чести выше личной выгоды, и скорее предпочёл бы гибель при выполнении своих обязанностей по отношению к нации, нежели дальнейшее существование, лишенное чести. В условиях веймарского общества призывы к защите чести народа были обращением к необходимости противостояния Версальской системе и борьбе с самой Веймарской республикой. Нацисты стремились придать идеи чести статус “национального учения, выступающего началом и концом всего нашего мышления и действия”[10.S. 154, 514].Честь выступала абсолютной категорией, не терпящий сосуществования с любой другой идеей. А. Розенберг отмечал, что “честь и свобода - это в конечном итоге не внешние свойства, а сущности, не имеющие пространства и времени, которые образуют ту “крепость”, из которой вылазку в “мир” предпринимают истинная воля и истинный разум”[10.S.218].

Национал-социализм был ориентирован на создание нового человеческого типа, в основу которого были бы положены принципы естественной свободы, идея чести, долга и творческая воля. Эти черты создавали целостность нацистского человека. “Понятие чести Фрица, метод отбора Мольтке и святая воля Бисмарка - это три силы, которые воплощаются в личностях в разных соотношениях и все служат только одному -чести немецкой нации. Они представляют собой миф, который должен определить тип немца будущего”[10.S. 521-522].

Немецкий народ относился А. Розенбергом к нордическому народу. Для него ариец был скорее самоценным образом, чем конкретной личностью. Со временем арийский тип был сведен нацистами к строго определенным физическим характеристикам, являвшимся основой для подтверждения или опровержения принадлежности человека к нордической природе. Созданный арийский тип выступал в нацистском мировоззрении в качестве противоположности образу немца современной Германии. Заявляя о своем стремлении переустроить духовную жизнь страны и каждого ее отдельного гражданина, нацисты были вынуждены

воплотить свои личностные, интеллектуальные, духовные чаяния в фигуре арийца. Он должен был прийти на смену существующему в их представлении ущербному типу немца периода Веймарской демократии, который, пойдя на поводу ложных и чуждых германскому духу идеалов, утратил качества, присущие его характеру. Таким образом, ариец выступал как антипод “веймарского человека” и прообраз будущего германского народа.

История Веймарского государства была для А. Розенберга картиной крушения германских ценностей. Он писал, что в эти годы “под давлением Версаля Германия стояла перед вопросом погибнуть или пробудиться к новой мощи”[2.Л. 12].А. Розенберг указывал на то, что “национал-социализм возник из сердца нашей эпохи”[7.S.9] и выражал ее насущные потребности. Нацистское движение стремилось создать у немцев “новое ощущение жизни..., состоящее из всех предметов духовно-душевной природы” и представлявшее собой “глубокую мистерию крови, казавшейся умершей в мировую войну, но все-таки возрожденной в этом новом движении. В этом знаке лежит строительный элемент немецкой души, восстающей из немецкого народа. И в этой здоровой, новорожденной крови кружится вся та мысль, борющаяся за эту новою Германию и великое грядущее время”[21.S.12]. Он наделял нацизм качествами провозвестника нового века. Нацистское движение – это “герольд нового века для всей Европы, для белой расы вообще", борющейся не только против политики и идеологии современной Германии, но и представавший как "культурный протест... против очевидного издевательства над всей немецкой сущностью”[19. S.115; 5. S.187].Задача национал-социализма состояла в формировании расовочистого общества, выступившего альтернативой космополитического либерального государства. Националистический расистский характер нацистского государства позволит стать ему “неприступной крепостью, вокруг которой другие немцы смогут строить свои дома”[18.S. 79]. Выполнение этой задачи требовало от нацистов четкого определения своих политических противников и оппонентов.

Прихарактеристике политических сил Веймарской республики нацисты выделяли евреев как “метафизического противника в истории”[15. S.113]. В представлении А. Розенберга еврейский народ выступал как международная враждебная сила, нацеленная на уничтожение Германии с помощью политических, экономических и культурных методов и утверждении над ней своего господства. Причем, Розенберг считал, что борьба против евреев не только политической необходимостью, а, прежде всего,“являлась нравственной необходимостью, как борьба против ослабления народа и разлагающего его яда”[6.S.12; 4. S.67].

В представлении нацистских теоретиков утверждение в европейских государствах демократических режимов являлось целенаправленным действием евреев, а идеи демократии объявлялись Розенбергом идеями “восточных народов”, которые в 1789 и в 1871 гг. победили во Франции, а в 1918 г. в Германии. Он считал, что благодаря этим идеям “еврей ... завоевал европейские народы через победу “идеи Свободы-Равенства-Братства”, - это был его великий триумф”[10.S. 639; 15. S. 28]. Розенберг характеризовал демократический режим с биополитических позиций как “безрасовый и антинародный”, подменявший интересы народа абстрактными категориями политического и правового равенства, терпимости и т.д.Он заявлял о взаимосвязи демократического космополитизма с международным масонством, идеи которого были идеями международного еврейства, борющегося против Германии, и поэтому были лишь “еврейским инструментом” в достижении этой цели[15.S. 78; 11. S. 29-30].

Утверждение Веймарской демократии воспринималось А. Розенбергом как злонамеренная акция еврейства, которое воспользовалось “ослаблением нации” вследствие потерь на полях мировой войны, и в союзе со своими пособниками сумели захватить власть в Германии. Германская революция была “большой кражей”, которая в ноябре 1918 г. привела к “победе класса над нацией”[14. S. 6]. Социал-демократия и марксизм стремились к получе-

нию власти с целью мировоззренческой перестройки германского общества. А. Розенберг утверждал, что “марксизм есть не дискуссия по экономическим проблемам, а борьба за власть и культуру”[20. S. 6].Им были “боевые группы международного еврейского зла, направленного против национальной индустрии всех государств”[13. S. 13].

Для А. Розенберга большое значение имел анализ большевизма как политического и мировоззренческого явления. Он предложил рассматривать большевизм в контексте мирового расового противостояния, как его апофеоз. Он видел в нем восточно-монгольское противопоставление нордической культуры. А. Розенберг считал, что большевистская революция являлась чуждым русской природе явлением. Она была “возмущение потомков монголов против нордических форм культуры, и потому является стремлением к степи, ненавистью кочевников против корней личности, означает попытку вообще отбросить Европу”[10. S. 113]. В результате революции “в 1917 г. с “русским человеком” было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрав китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем”. В результате этого была создана “рафинированная система, в которой чуждые расы и народы действуют против русской нации”[9. S.136; 10. S. 213; 20. S. 27]. А. Розенберг полагал, что “народы Советской России биологически обезглавились” и потому сегодня “русского народа в старом смысле больше не существует”. Таким образом, считал Розенберг, большевизм представлял собой “молодую, варварскую, возможно, разрушительную силу, более того, это власть вырождения”[2. Л. 11, 7]. А. Розенберг считал, что большевизм не обладал мировоззренческой основой и был только “политическим действием на службе определенного мировоззрения”[20. S. 44; 8. S. 364]. Отличие большевизма от национал-социализма, по мнению Розенберга, состояло в том, что “первый выступал с интернациональными лозунгами, понимая немецкого рабочего, прежде всего, как рабочего. Для нацизма же определяющим являлся не его род занятий, а, прежде всего, его национальность, то, что он немец. Призыв же большевизма к нации носит временный характер, и это не может изменить его антинациональной сущности”[24. S. 271].

“Общеизвестно, - писал Розенберг, - что весь “русский” большевизм находится под еврейским руководством”, и с его победой в Советском Союзе утвердилась “еврейская диктатура”[4. S. 72; 8. S. 372]. Она угрожает существующему европейскому порядку, стремится перекроить его на собственный лад. “Чума в России ежедневно работает над нашим разрушением; она сегодня более чем когда-либо простирает свои когти над немецкой родиной, над всей Европой”[20. S.48].

Следует иметь в виду, что рассуждения А. Розенберга о природе большевизма имели под собой политическое основание. Большевизм являлся той политической силой, которая выступала соперником нацизма в борьбе за власть. Нацистский идеолог умело использовал антисоветские настроения среди части граждан Германии с тем, чтобы показать в наиболее ужасающем виде надвигающуюся “красную чуму” и предложить себя в качестве силы, способной ей противостоять. Здесь идеологический и политический аспект сливались в единое целое. С одной стороны, большевизм являлся политическим соперником нацизма в борьбе за влияние на массы населения, а также в стремлении к обретению политической власти в Германии. С другой стороны, он выступал как мировоззренческий противник, как творение евреев, агрессивный продукт расового смешения. Для потенциальных сторонников, таким образом, большевизм мог выступать либо как продукт еврейской воли, либо как политическая сила, стремящаяся к захвату власти и перелицовке всего политико-экономического уклада жизни на коммунистический лад. Потому противодействие большевистской угрозе, по мнению А. Розенберга, “не только является проблемой для Германии, но и для всей Европы”[12. S. 5].

Национал-социалистические идеологи создали четкое, логически построенное мировоззрение, которое позволило им дистанцировать НСДАП от большинства политических сил Веймарской республике. Положив в основу своей идеологии расовую доминанту, нацисты сумели соотнести силы по двум лагерям - свои и чужие. Считая, что расовополноценными народами являлись арийцы, нацистская партия выступала выразителем их интересов. Их интересы противопоставлялись интересам расово неполноценных народов, во главе которых были выдвинуты евреи. Еврейский народ являлся вечным врагом арийского народа, и существование мира зависело от того, кто из них будет господствовать на земном шаре.

Взяв еврея как образ, который воспринимался населением в течение многих веков с чувством зависти и злобы, нацисты заявили о том, что во всех бедах виноват именно он. Даже если прямого его участия в этих событиях не наблюдалось, то, считали нацисты, еврей всегда стоял за ними и являлся их организатором. Это позволяло нацистским теоретикам определить своих политических противников как исполнителей еврейской воли. Таким образом, “еврейской была революция 1918 года и вся республика, еврейским был марксизм и советская “кровавая диктатура” и, конечно, международный биржевой капитал – это “наемное войско еврейства”, а также политические партии левых, и, наконец, еврейскими были демократия и парламент” [3. S.65]. Таким образом, существовавшая система политической власти в Германии признавалась нацистскими идеологами порочной и антинародной. Взамен её они предложили свое “арийское” государственное устройство.

А. Розенберг считал, что существовавшие ранее старые системы уже отжили свой век и на смену им должна прийти обновленная структура. Он писал, что “старый национализм мертв. ...Старый социализм умирает” [22. S.369]. Нацистское движение призвано придать этим двум понятиям новое звучание. А. Розенберг считал, что великим государственным объединением XX века будет являться “синтез национализма и социализма. Национализм, очищенный от личных интересов бессердечных экономических политиков; социализм, очищенный от иллюзий интернационализма и самоубийственности классовой борьбы”. Нацизм хотел создать новую социальную идею “на фёлькишеско-культурной и расово-государственной основе”[23. S.34; 22. S.370]. Он считал, что “всякое подчинение индивида требованиям коллектива не является, таким образом, социализмом, как не является им также всякое обобществление, огосударствление или “национализация” [10. S.534]. Лишь “конкретное служение нации” может служить основанием определения социалистического характера государства [17. S.125]. А. Розенберг утверждал, что ценность человека заключалась в его принадлежности к нации, в которой он выступал “как немец, как товарищ по крови и судьбе”[6. S.12-13]. Нация была отправной точкой всех поколений, “как разнообразный результат крови, ландшафта, политической или душевной общей судьбы” [16. S.299].

Таким образом, можно заключить, что мировоззрение национал-социализма носило натуралистический характер. А. Розенберг как идеолог национал-социализма делил мир на природу и непознаваемую душу. Его представления были расистскими. Он полагал, что на формирование народа определяющее влияние оказывали биологические показатели и прежде всего кровь, которая текла в его жилах. Ценной, несущей творческое начало кровью, в представлении А. Розенберга являлась нордическая кровь, от сохранения и соблюдения чистоты которой зависела жизнь и развитие нации. Поэтому А. Розенберг видел в нацистском движении начало нового мировоззренческого перелома, который состоял в переустройстве жизни германского народа на биологических основах. В его сочинениях предвещалось создание нового типа немца, вобравшего в себя исконно германские черты “органической свободы”, чести, долга и воли. На смену колеблющимся людям Веймарской демократии должен был прийти решительный, целеустремленный и бескомпромиссный немец будущего рейха. Опираясь

на мировоззренческие аксиомы, национал-социалистический идеолог А. Розенберг создавал мировоззренческую программу внутриполитического переустройства Германии.

Библиографический список.

1. Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933-1939. - Свердловск,1991.
2. Российский государственный военный архив. (Далее - РГВА). - Ф.1525 .- Оп.1 - Д.11.
3. JäckelB. Hitlere Weltanschauung. EntwurfeinerHerrschaft. Tübingen, 1969.
4. Rosenberg A.Antisemitismus//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.3. Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921-1932, hrsg.v. T.v.Trotha. - München, 1938.
5. Rosenberg A.Arbeitertum und Kultur//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.2. Gestaltung der Idee. Reden und Aufsätze von 1933-1935, hrsg. v. T.v.Trotha.- München, 1937.
6. Rosenberg A. Das Parteiprogramm. Wesen, Grundsatze und Ziele der NSDAP. – München, 1942.
7. Rosenberg A. Das Wesensgefüge des Nationalsozialismus. Grundlagen der deutschenWiedergeburt. - München,1934.
8. Rosenberg A. Der BolschewismusalsAktioneinerfremdenRasse//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.2. Gestaltung der Idee. Reden und Aufsätze von 1933-1935, hrsg. v. T.v.Trotha.- München, 1937.
9. Rosenberg A. Der judischeBolschewismus//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.3. Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921-1932, hrsg.v. T.v.Trotha. - München, 1938.
10. Rosenberg A. Der Mythus des 20. Jahrhunderts. Eine Wertungseelisch-geistigen Gestaltenkampfeunserer Zeit. - München, 1934.
11. Rosenberg A. "Deutsche" Freimaurerei//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.3. Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921-1932, hrsg.v. T.v.Trotha. - München, 1938.
12. Rosenberg A. Deutschland alsBollwerk in europaischenOsten// Rosenberg A. Europa und seinTodfeind. VierRedenüber das bolschewistische Problem. - München, 1938.
13. Rosenberg A. Der völkischeStaatsgedanke. - München, 1924.
14. Rosenberg A. Die Entwicklung der deutschen Freiheitsbewegung. - Munchen, 1933.
15. Rosenberg A. Die Protokolle der Weisen von Zion und die judische Weltpolitik. - München, 1933.
16. Rosenberg A. Krisis und NeugeburtEuropas//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.l. Eine Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933, hrsg.v. T.v. Trotha. - München, 1936.
17. Rosenberg A. NationalerSozialismus? //Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.l. EineKampffür deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933, hrsg.v. T.v. Trotha. - München, 1936.
18. Rosenberg A.Nationalsozialismus// Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.3. Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921-1932, hrsg.v. T.v.Trotha. - München, 1938.
19. Rosenberg A. NationalsoziaiismusimWeltkampf// Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.l. EineKampffür deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933, hrsg.v. T.v. Trotha. - München, 1936.
20. Rosenberg A. Pest in Russland. Der Bolschewismus, seine Haupter, Handlanger und Opfer. - München, 1936.
21. Rosenberg A. Um das nationalsozialistischeGedankengut// Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.2. Gestaltung der Idee. Reden und Aufsätze von 1933-1935, hrsg. v. T.v.Trotha.- München, 1937.
22. Rosenberg A. Verfall//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.3. Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921-1932, hrsg.v. T.v.Trotha. - München, 1938.
23. Rosenberg A. Verrat am deutschenArbeitertum//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.l. EineKampffür deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933, hrsg.v. T.v. Trotha. - München, 1936.
24. Rosenberg A. "Westen" und "Osten"//Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.l. EineKampffür deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933, hrsg.v. T.v. Trotha. - München, 1936.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

УДК 94(430)

А. А. Турыгин

«Тайный диктатор» Класс и «повелитель прессы и кино» Гугенберг: к вопросу о выборе тактики политической борьбы

Аннотация. *В статье речь идет о тактиках политической борьбы Пангерманского союза и Немецкой национальной народной партии против легитимного правительства Веймарской республики в Германии. Вынося за скобки описание истории противостояния консерваторов и либералов, воссоздание хроники событий и анализ методов борьбы, в настоящей статье акцент поставлен на анализе формы сопротивления – союзе пангерманцев Класса и немецких националистов Гугенберга. Интерес к нему продиктован спецификой политической борьбы: противодействие парламентской демократии, созданными ею же средствами.*
Ключевые слова: *Пангерманский союз, политические партии, парламент, Веймарская республика, консервативная революция, национализм.*

Turygin A.A. "Dictator of a mystery" Heinrich Claß and "Sir of the press and cinema" Hugenberg: to a question of the choice of tactics of political struggle

Abstract: *In article it is about tactics of political struggle of the Pan-German union and German National People's Party against the legitimate government of the Weimar republic in Germany. Putting the description of history of opposition of conservatives and liberals, a reconstruction of chronicle of events and the analysis of methods of fight outside brackets, in this article the accent is delivered on the analysis of a form of resistance – the union of pan-Germans of the Class and the German nationalists of Gugenberg. Interest in it is dictated by specifics of political struggle: counteraction of parliamentary democracy, the means created by it.*
Keywords: *Pan-German League, political parties, parliament, Weimar republic, conservative revolution, nationalism.*

Если исследованию немецкого консерватизма периода Веймарской республики посвящено немало научных трудов, то всего лишь несколько десятков из них написаны в жанре исторической биографистики. Возможно, такая ситуация представляется всего-навсего временной, пока в историографии сохраняется определенное разочарование в метанарративе и каким бы то ни было обобщениям. Интерес к биографиям немецких политических и общественных лидеров, представляющим целое поколение («вильгельминистское поколение»), способен придать новый импульс исследованиям консервативной революции. Методологически решение проблемы поколений, следуя терминологии структурного анализа Карла Мангейма, позволяет изучить историческое явление с точки зрения индивидуальных восприятий, памяти, опыта социализации, мировоззренческих структур, воспитания и обучения, что создает гомогенное временное, историко-культурное пространство. У Мангейма поколение характеризуется тремя взаимосвязанными уровнями: «положением», внутренней «взаимосвязью» («целостность») и «преемственностью» [14, S.516].

Анализ консервативной революции может быть более полным, если обратиться к изучению политической деятельности председателя Пангерманского союза Генриха Класса (1868-1953), прозванного «тайным диктатором» [15, S.787-788] и «повелителя прессы и кино» [9], лидера Немецкой национальной народной партии – Альфреда Гугенберга (1865-1951). Прожив более восьмидесяти с половиной лет, оба лидера принадлежали к одному поколению, чье профессиональное становление происходило уже после объединения Германии Бисмарком. «Поколение 1888», которое иногда называют «вильгельминистским» обладало сравнительно иными характеристиками, чем предыдущее поколение основателей рейха. На фоне экономического и научно-технического прогресса, национально-духовного подъема, происходившего на рубеже веков, поколение кайзера было увлечено идеями возрождения

Германии, превращения ее в ведущую мировую державу. По отношению к предыдущему поколению оно стремительно дистанцировалось, «предпочтя интеграции оппозицию» [18, S.40].

Присущие «поколению 1888» амбиции, намерения, устремления были привнесены Классом и Гугенбергом в собственные политические организации, где были развиты дальше в духе «когортной дисциплины» (Мангейм), но и решительно экстраполированы в политическую плоскость.

«Фиксация положения когорты» (Мангейм)

Воплощение присущих поколению ценностей и политических взглядов происходило в процессе общественной и партийной консолидации.

Пангерманский союз, возникший в 1891 г. и просуществовавший вплоть до 1939 г., представлял собой консервативную, националистическую организацию, основанную на идеях борьбы за «жизненное пространство», защиты и пропаганды немецких интересов, «места под солнцем» и сохранения за Германией статуса великой колониальной державы. Главная резиденция Пангерманского союза размещалась в Берлине, а по стране действовали его многочисленные филиалы. В соответствии с программными положениями Пангерманский союз не являлся политической партией, отчасти из-за невозможности объединить разрозненные националистические движения и ассоциации, имевшие конкретные взгляды и интересы. Фактической целью деятельности пангерманцев было лоббирование интересов крупных промышленных и финансовых корпораций, что при содействии интеллектуалов из академической среды, выразилось в идее «борьбы за германство».

Немецкая национальная народная партия (ННН П) была образована сразу после Ноябрьской революции 24 ноября 1918 года, являлась преемницей Немецкой консервативной партии, объединив Свободную консервативную партию с Партией немецкого отечества, а также и целый ряд мелких национально-консервативных и антисемитских группировок. Возникновение и начало активной деятельности консервативной партии пришлось на время, «когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила» [1, с.3].

Скорейший успех НННП уже на выборах в национальное собрание 19 января 1919 года (для молодой партии взлет достаточно стремительный), предоставивший партии 44 места – в 1919 г. и 71 – в 1920 г., ставит вопрос о его причине. Во много он был связан с поддержкой партии Пангерманским союзом – «влиятельным националистическим союзом по интересам времен империи» [10, S.100]. Генрих Класс, его руководитель, уже стал в известной степени тем «общественно-политическим мультипликатором, националистических, расистских и антисемитских идей, у которых был потенциал быть реализованными конкретной структурной, организационной и финансовой сфере» [13, S.16].

По словам гамбургского историка Йенса Флемминга, пангерманская ориентация партии нашла отражение в требовании восстановления монархии и пропаганды антисемитизма [8, S.302]. О связи НННП с пангерманцами говорит факт участия лидера партии Альфреда Гугенберга (1965-1951) в деле учреждения Пангерманского союза. Сам Пангерманский союз не являлся политической партией. Идеология «надпартийности» стала своего рода протестом против либеральной политической культуры, а политические партии рассматривались пангерманцами как чуждые, обладающие разрушительной силой по отношению к национальному единству образования – так, во всяком случае, писал генерал-лейтенант Август Кайм в своей статье о «партийной зависимости» [5, S. 46f.].

Оставаясь верными принципу «надпартийности», сформулированному еще в начале XX века, после Ноябрьской революции и крушения монархии пангерманцы вынуждены были признать перемену общественно-политического климата, и начать действовать уже в духе времени. Не затрагивая основ уже сформированного имиджа и авторитета Пангерманского

союза (вопросы «чести» и верности убеждениям – тот специфический политический капитал, который был приобретен пангерманцами неполитическими методами; отказ от него и «встраивание» Союза в политическую систему Веймара означал крушение и утрату сторонников) пангерманцы стали рассматривать «новую» партию как одно из средств политической борьбы. По этой причине в числе депутатов Рейхстага от НННП оказалось много убежденных пангерманцев: Отто Лубарш, Аксель барон фон Фрайтаг-Лорингхофен, Карл Готфрид Гок, Карл Ломан и Вальтер Греф.

Влияние пангерманцев на НННП сказывалось в области идеологии, особенно идеологии антисемитизма, а также тактики – формирование оппозиции правительству, так называемой «национальной оппозиции» (Класс). Вопрос о влиянии пангерманцев на НННП в историографии изучен достаточно основательно (В.Либе, М.Дёрр, В.Руге, В.Краббе). Билефельдский историк Томас Мергель все же полагает, что НННП пыталась проводить самостоятельную политику, по крайней мере, до прихода к власти Гугенберга в 1928 году, когда в период между 1924 и 1928 годами обладала определенной «лояльностью к системе» (сотрудничество с кабинетами Ханса Лютера и Вильгельма Маркса). Это мнение поддержал американский историк Б.Джекиш, убедительно доказавший, что до прихода Гугенберга НННП представляла «последний бастион разумного консервативного республиканизма». Влияние Класса на Гугенберга в современной историографии также подлежит переоценке, поскольку медиамагнат, «царь прессы» мог позволить себе быть самостоятельным в плане формирования общественного мнения накануне выборов в руководство НННП.

По представлению Класса НННП в обмен на поддержку пангерманцев должна была лоббировать их интересы в рейхстаге. Речь шла прежде всего об антисемитизме, так как пангерманская пресса, формируя общественное мнение о связи партии с Пангерманским союзом, и, соответственно, вытекающее из этого представление о ее ответственности перед ним, уже представила НННП как «партию антисемитов». «Борьба против еврейства не дремлет, - писал Класс, - о ней, следует помнить (депутатам НННП), как о долге» [6, S.143]. Пангерманцы не возлагали слишком больших надежд на НННП, полагая что их цели государственного переустройства и рецепции Версальского договора не достигнуть парламентскими методами. Класс намеревался сформировать фундаментальную оппозицию Веймарской республике, делая ставку на фрайкоры, националистические и радикальные союзы, южногерманскую Немецкую отечественную партию, Немецкий союз обороны и наступления и др.

Позиция пангерманцев по отношению к НННП в период формирования Классом «национальной оппозиции», давала возможность ее депутатам Райнхольду Вулле, Альбрехту фон Грефе-Гольдебе и Вильгельму Хеннигну до прихода к власти в партии Альфреда Гугенберга (1928) фактически сотрудничать с правительственными кабинетами. Конечно, такое поведение депутатов НННП подвергалось критике со стороны пангерманцев, обвинявших депутатов в «двойной игре», «расщеплении национального движения» и пр.

«Внутренняя взаимосвязанность когорты»

Кристаллизации поколенческих позиций способствовала внутренняя чистка в партии и формирование вертикали власти внутри НННП. Кризис партии был связан с обострившейся конкуренцией внутри НННП, в том числе по вопросам радикального антисемитизма (группа во главе с Фитингхоф-Шеелем оказалась верна умеренным позициям, ставя идею государства в духе федеративного объединения выше идеи государства в духе расовой чистоты и целостности, развиваемую великим гроссмейсером Немецкого союза (*Deutschbund*) Максом Робертом Герстенхауэром).

Майские выборы в рейхстаг (1924) показали, что тема антисемитизма у немцев актуальна (идея о вине евреев в тяжелых последствиях Версальского мира, активно артикули-

руемая пангерманцами и их сторонниками); позиции НННП в соотношении к 1920 г. выросли на 4.5%.

Усиление фракции НННП после выборов 1924 года обеспечило большую свободу её депутатам в принятии самостоятельных решений, усилив интерес ее лидера графа фон Вестарпа к сотрудничеству с проправительственными фракциями. Практически впервые, по мнению самих чиновников, «ведущая консервативная партия Германии приняла на себя ответственность за судьбу Веймарской республики» [12, S.147].

Все это наносило ущерб авторитету лидера пангерманцев амбициозному Классу, который сразу после выборов в рейхстаг начинает активнее поддерживать решительного оппозиционера правительству Гугенберга (НННП). Средством для критики правительства Класс выбирает политику «исполнения условий Версальского договора», а точнее экономическую политику правительства и подписание «Плана Дауэса» (1924), ставящих в зависимость размер репарационных выплат Германии от ее хозяйственной мощности. Предметом его критики стал международный контроль над обеспечением выплат репараций. Кроме того Класс настойчиво критиковал внешнеполитическую деятельность министра иностранных дел Штреземана и заключение Локарнских договоров (1925).

В сложившихся условиях лидер НННП граф фон Вестарп вынужден был лавировать между правительством рейхсканцлера Ганса Лютера, с одной стороны, пангерманцами во главе с Классом, настойчиво требовавших выходы НННП из правительственной коалиции. Критика пангерманцами коалиции, в которую входили депутаты от НННП, развернулась с новой силой вокруг подписания Локарнских соглашений (1925), что привело НННП к партийному кризису. Кризис был вызван противоречиями между депутатами фракции НННП, входящими в правительственную коалицию, и правым крылом партии, активно поддерживаемыми пангерманцами, антидемократической конфедерацией объединенных отечественных союзов Германии (*Vereinigten Vaterländischen Verbände Deutschlands, VVVD*), национальным союзом немецких офицеров (*Nationalverband Deutscher Offiziere, NDO*) и др. Находясь под давлением пангерманцев и правых, 25 октября 1926 г. Вестарп вынужден был обратиться к депутатам фракции с предложением отказаться от поддержки правительства. Это было сделано, так как Вестарп был заинтересован в сохранении целостности партии, не допущении ее раскола (Б. Джекиш). Обращение к фракции ее лидера было поддержано и принято как руководство к действиям: уже в октябре депутаты от НННП вышли из правительственной коалиции, фактически инициировав ее скорейший распад. Вестарп оставался руководителем партии до 20 октября 1928 года.

Разочарование в политике депутатов НННП у пангерманцев вылилось в поддержку нового, решительно настроенного Гугенберга, причастного к образованию Пангерманского союза в 1891 г. Гугенберг категорически отвергал республику, рассматривая ее как временное состояние: «Наша партия, по существу, является непарламентской, однако тем не менее должна действовать в парламентском государстве. Эта дилемма является фактом, о котором мы никогда не должны забывать. Такая неловкая ситуация вынуждает некоторых наших людей, по крайней мере в парламентах, принять в целом существующую парламентскую систему. Любой, кто принимает эту парламентскую систему, принадлежит с точки зрения исторической перспективы к тем «безымянным» фигурам, которые идут (или шатаются) по исторической сцене. История решит, станут ли они помощниками для тех элементов, которые полностью уничтожат Германию, или, если всё пойдёт хорошо, будут только извозчиками, заботящимися об их умственной работе, без каких бы то ни было творческих идей. Тот, кто верит, теоретически, в необходимость полного обновления и перестройки нашей общественной жизни, тот, кто относится с презрительным высокомерием к сегодняшнему государству и в

то же время строит своё личное благосостояние и будущее на основе сотрудничества с парламентской системой, является моральным калекой. Скоро его амбиции возьмут верх над всеми теориями и убеждениями…» [2, с. 33].

Для Класса амбиции Гугенберга стали предметом беспокойства. Из прагматических соображений (в целях недопущения распада ННННП после неудачных для нее майских выборов в рейхстаг 1928 года; партия потеряла 6.2% голосов), желания сдерживать правительство изнутри, нужен был харизматичный, способный к активным действиям лидер.

Стремление сохранить парламентскую фракцию ННННП у пангерманцев возникло в связи с пересмотром и фактической переоценкой стратегии. С середины 1920-х гг. пангерманцы стремились добиваться поставленных целей легитимным путем, т. к. попытки насильственных переворотов не имели успеха. По мнению А. Шильдта, после неудачного Капповского путча стало очевидным, что попытки переворота военными методами не находили поддержки у большинства населения. Класс развивает компанию по формированию «национальной оппозиции» во главе с фюрером, начав с реформы Пангерманского союза и пересмотра его целей. В этот намерении Класса, обнаружившим тонкое политическое чутье, проявились современные тенденции, поскольку, как писал в 1926 году Эрнст Юнгер, ставший одним из теоретиков консервативной революции, «настало время, когда отдельные движения должны влиться в единый национальный фронт» [4, с. 83]. Далее он продолжил: «Второй главный вопрос, требующий неотложного решения, - это вопрос о центральной роли вождя. Мы до сих пор не знаем, есть ли у нас человек, который был бы настолько захвачен идеей объединения всех интересов в одном кулаке. Но нам, увы, известно, что нет никого, кто пользовался бы всеобщим признанием, столь необходимым для этой роли» [4, с. 86-87].

После провала Капповского (1920) и «Пивного путча» (1923), возможность насильственного захвата власти для пангерманцев стала иллюзорной, хотя ни то, ни другое выступление они открыто не поддержали. В условиях изменения стратегии и тактики Пангерманского союза, связанных с формированием национальной оппозиции средствами парламентской демократии, требовалось учредить диктатуру президента республики. О диктатуре, «спасительной» и «необходимой», Класс писал еще с начала 20-х гг. Речь шла о реализации статьи конституции, дающей право президенту особые полномочия: «Статья 48… Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок, или если грозит серьезная опасность какого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав [...]» [3, с. 335]. Президент должен был сам сформировать свой кабинет министров, куда, разумеется, стремились попасть пангерманцы. Этот кабинет должен был обеспечивать решения президента, не согласовывая их с депутатами. И, в этой связи, актуальной становится отмена действия статьи 54 конституции об ответственности кабинета перед рейхстагом: «Статья 54. Рейхсканцлер и имперские министры нуждаются для выправления своих должностей в доверии рейхстага. Каждый из них должен подать в отставку, если рейхстаг определенным постановлением лишает его доверия» [3, с. 336].

Ситуация с выбором нового кабинета стала актуальной ввиду того, что правительство Ганса Лютера в мае 1926 года подверглось резкой критике из-за «спора о флаге» и «экспроприации княжеского имущества», вследствие чего канцлер получил отставку.

11-12 мая 1926 года по подозрению в организации нового путча, в Берлине была проведена проверка штаб-квартир и частных домов отдельных персон, в число которых попал Класс (сам Класс в это время находился на лечении в Бад-Киссингене). Полицией были об-

наружены записи о планируемом государственном переустройстве в духе диктатуры с участием организаций «Викинг» (*Wiking-Bund*), «Олимпия» (*Sportverein Olympia*), «Вервольф» и «Стальной шлем». В переписке Класса с представителями этих организаций, а также влиятельными пангерманцами – Гугенбергом, Фрайтаг-Лорингхофеном и другими речь шла о том, чтобы после отставки кабинета Лютера организовать открытое выступление в поддержку президента Гинденбурга. Тот должен был воспользоваться полномочиями (Статья 48), распустить рейхстаг и учредить новый кабинет без согласия на то депутатов. Новый кабинет должен был состоять из националистов и правых сил. Поскольку среди подозреваемых Класс был одной из самых авторитетных фигур, попытку правового переворота стали называть «путчем Класса».

Поскольку конфискованные у Класса материалы были преданы широкой огласке, начались массовые обыски, аресты и общественные дискуссии. Защиту членов НННП и лидеров Пангерманского союза было решено выстроить вокруг несостоятельности идеи путча, а также попытки дискредитации правых. Так, вынужден был подать в отставку проходящий по делу о «путче Класса» бургомистр Любека Иоганн Нойман, отстранения которого добивались социал-демократы (Юлиус Лебер). Дискредитация авторитетного политика – критика внешнеполитического курса правительства Гугенберга, была выгодна Штреземану. Кроме того, в виду причастности президента Гинденбурга, которому отводилась определенная роль, а также неправомерности действий полиции, до суда предавшей конфискованные материалы официальной огласке, вынудили министра юстиции Иоганна Белла прекратить дело против Класса, но продолжить его против лидеров «Олимпии» и «Викинга».

Следствие по делу об организации путча длилось больше года. За это время часть электората НННП изрядно поредела. К началу новых выборов в рейхстаг четвертого созыва, назначенных на май 1928 года, требовалось активизировать политические усилия. Члены партии уже вошли в четвертый кабинет (с 1 февраля 1927 г. по 12 июня 1928 г.) канцлера Вильгельма Маркса, разделив министерские должности с членами Немецкой демократической партии, Баварской народной партией и партией Центра. Участие в правительственном кабинете для членов НННП стало возможным только после отказа содействовать образованию новой оппозиции и сотрудничеству с пангерманцами.

Новая тактика Класса по отношению к НННП после завершения следствия по делу о путче стала состоять в смене руководства партии. Партийную фракцию в рейхстаге с февраля 1925 года возглавлял граф фон Вестарп, который пошел на сотрудничество с рейхсканцелром Марксом и президентом Гинденбургом, не пожелавшем изменить систему введением диктатуры. Конкуренцию фон Вестарпу должен был составить решительно настроенный к отказу от любой поддержки правительства, «радикальный по отношению к Веймарской республике» Гугенберг. Его кандидатуру Класс рассматривал на место нового руководителя партии. Ставка на Гугенберга, имевшего определенный авторитет у националистов, была оправдана его финансовыми и медийными возможностями «царя прессы». К тому же Гугенберг с 1925 г. уже являлся депутатом НННП в рейхстаге. Его избранию лидером партии в октябре 1928 г. предшествовала широкая кампания в прессе по всей стране (фактически с критикой действующего руководителя НННП фон Вестарпа). Критика была направлена, во-первых, на фракцию НННП в рейхстаге, до февраля 1929 г. возглавляемую фон Вестарпом (Гугенберг обвинил группу фон Вестарпа в расхождении с официальной линией партии из-за пособничества правительству, стремясь подчинить ее своему влиянию), во-вторых, майские выборы в рейхстаг четвертого созыва (1928) оказались для НННП провальными (по сравнению с 1924 г. партия потеряла 6.2% голосов, хотя и прошла в новый рейхстаг). Несогласие с

новой антиреспубликанской тактикой НННП Гугенберга и Класса вынудило фон Вестарпа выйти из партии (1930).

Вместе с Гугенбергом пангерманцы планировали новую мобилизацию и открытое, хорошо спланированное, выступление против республики. Поводом для активных действий становится критика «Плана Юнга» (1929), в соответствии с которым предполагалось последовательное снижение для Германии репарационных выплат при условии отмены особого налога на промышленность, ликвидация контрольных органов.

План Юнга вызвал консолидацию консервативных и реакционных сил Германии. В стране была развязана травля представителей, подписавших план Юнга, а также сторонников республики. Созданный ими «Имперский комитет по проведению народного опроса» (июль, 1929) против плана Юнга был по сути дела первой формой коалиции, которая три с половиной года спустя погубила республику. Называя план «механизмом высокого капитализма по угнетению Германии» [11, S.67], Гугенберг развернул свою антиправительственную пропаганду под лозунгом «Вы должны принудительно работать до третьего поколения!» [11, S.67]. Однако инициированный в соответствии с конституционным порядком плебисцит (Статья 73), состоявшийся 22 декабря 1929 г. показал мощную поддержку населением правительственных мер (из необходимых для принятия блокирующего план Юнга законопроекта высказались лишь 13.8% населения вместо необходимых 50%). Это заставило Гугенберга искать способ усиления партийной фракции НННП в рейхстаге (из-за несогласия с усилившимся антиправительственным курсом партии лидер фракции НННП фон Вестарп сложил с себя полномочия). Вопреки Классу Гугенберг стал искать поддержки у лидеров фракции НСДАП, чтобы усилить влияние своей собственной партии за счет новой коалиции. У Класса были основания не доверять Гитлеру, так как после провала «пивного путча» на суде тот пытался обвинять Класса, отводя подозрения от себя самого. Гитлер также не доверял Классу из-за того, что пангерманцы не поддержали выступление национал-социалистов, а их лидер вел переговоры с «баварским триумвиратом» за спиной Гитлера. Недоверие Гитлера, которое Класс в сложившихся условиях считал «деструктивным», привело к введению в начале 1930 г. двойного членства в партии для приверженцев НСДАП [16, S.271], что нанесло удар по самолюбию и авторитету пангерманцев.

«Когортная преемственность»

Рассмотрение политической тактики пангерманцев Класса и националистов Гугенберга эффективно в контексте преемственности. Как раз здесь можно наблюдать линию разрыва между теми и другими: сохранение элитарности типичного вильгелиминистского сообщества – Пангерманского союза, все более замыкающегося на внутренней структуре, и формирование массовой организации Гугенберга, стремящейся объединить все радикальные, националистически настроенные силы для захвата власти.

Гугенберг лавировал между пангерманцами Класса и национал-социалистами Гитлера, стремясь усилить собственную партию и инициировать новое мощное выступление против республики, позже получившее название в историографии «гарцбургский фронт».

Для создания широкого оппозиционного движения «серебряная лиса» Гугенберг (*Silberfuchs*) сделал публичное заявление, изобразив из себя патриота и жертву обстоятельств: «Со всей страны вот уже несколько месяцев подряд мне приходят сотни писем. В них звучит один вопрос: «На выборах 1930 года ты сказал: «Сделаем правое крыло сильным!». Тысячи поняли это как сигнал поверить национал-социалистам, которые образуют сегодня правое крыло. Однако позволю заметить, что сегодня правое крыло все еще образуем мы. В духе пробуждения национального самосознания нам нет равных. Никто с большей ясностью не ведет борьбы с марксистами и союзниками, как руководимая мною партия… Теперь я дока-

зал, что во имя национальной оппозиции июля 1930 года способен поставить на карту даже собственную партию» [7, S.354].

Встреча лидеров НННП, НСДАП, Пангерманского союза, «Стального шлема», а также промышленных магнатов и представителей рейхсвера состоялась в Бад-Гарцбурге 11 октября 1931 г. Общим требованием собравшихся являлась отставка правительства рейхсканцлера Брюнинга и назначение новых выборов. Хотя на съезде правых национальных сил обнаружилось редкое единство мнений в отношении тактики, в судьбе Пангерманского союза он сыграл определенную роль. По мнению Й.Ляйхта, гарцбургский съезд обнаружил падение авторитета и «утрату значения пангерманцев» [13, S.376]. Так, доклад лидера пангерманцев, развивавшего идею диктатуры уже более десятка лет, из-за изменения программы выступлений был не только сокращен по времени, но Классу пришлось выступать после Гугенберга, Гитлера и Зельдте. Кроме того Пангерманский союз не будучи политической партией постоянно поддерживал НННП, оказавшись в конечном итоге в тени партии Гугенберга, как это стали признавать сами пангерманцы (в особенности лидеры региональных филиалов Союза).

Гарцбургский фронт признается в историографии «мертворожденным» (У.Ширер), хотя в судьбе Пангерманского союза он сыграл определенную роль, выведя на арену политической борьбы совсем иных актеров – Гугенберга, Гитлера, Зельдте. С начала 30-х гг. вплоть до официального роспуска союза в 1939 г. он больше не играл важной роли, хотя и существовал дольше чем НННП, распущенной в 1933 году.

Библиографический список

1. *Гейден К.* История германского фашизма. - М.-Л.: Госсоцэкономиздат, 1935. – 434 с.
2. *Дорпален А.* Германия на заре фашизма / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва, 2008. – 560 с.
3. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. *Бонвеча, Ю.В. Галактионова* - М.: КДУ, 2008, - Т.3: Документы и материалы / отв. ред. *С.А. Васютин, Ю.В. Галактионов, Л.Н.Корнева*. – 592 с.
4. *Юнгер Э.* Националистическая революция. Политические статьи. 1923-1933. – М: Скимень, 2008. – 362 с.
5. Altdeutsche Blätter. № 35 (1925).
6. Altdeutsche Blätter. №.19 (1920).
7. Aus einer Rede Alfred Hugenbergs auf einer Versammlung der Parteivertreter der DNVP im Festsaal des Preußischen Landtags zu Berlin, 2. Dezember 1931, in: Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte. Bd. 7. Die Weimarer Republik. Vom Kellogg-Pakt zur Weltwirtschaftskrise 1928-30. Berlin, 1962.
8. *Flemming J.* Konservatismus als «nationalrevolutionäre Bewegung»: konservative Kritik an der Deutschnationalen Volkspartei 1918-1933, in: *Dirk Stegmann; Bernd-Jürgen Wendt; Peter-Christian Witt; Fritz Fischer* (Hrsg.), Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. Bonn: Verl. Neue Gesellschaft, 1981.
9. *Guratzsch D.* Macht durch Organisation. Die Grundlegung des Hugenbergschen Presseimperiums. Bertelsmann, Düsseldorf, 1974.
10. *Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Christians Verlag, 2003.
11. *Heyde P.* Das Ende der Reparationen. Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929-1932. – Paderborn: Schöningh, 1998.
12. *Jackisch B.* Kuno Graf von Westarp und die Auseinandersetzungen über Locarno. Konservative Außenpolitik und die deutschnationale Parteikrise 1925, in: *Larry Eugene Jones* and *Wolfram Pyta* (Hrsg.). Ich bin der letzte Preuße: Der politische Lebensweg des konservativen Politikers Kuno Graf von Westarp (1864-1945). Köln: Böhlau Verlag, 2006.

13. *Leicht J.* Heinrich Claß (1868-1953) / Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012.
14. *Mannheim K.* Das Problem der Generationen // Karl Mannheim, Wissenssoziologie / Hrsg. von *K.H. Wolff*. Berlin / Neuwied: Luchterhand, 1964.
15. *Pol H.* Bemerkungen. Clas und Seekt, in: Die Weltbuehne. Wochenschrift fur Politik, Kunst, Wirtschaft. XX. Jg., Nr. 23.
16. *Rösch M.* Die Münchner NSDAP 1925 - 1933. Eine Untersuchung zur inneren Struktur der NSDAP in der Weimarer Republik. - München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2002.
17. *Streubel C.* Radikalen Nationalistinnen. Agitation und Programmatik rechter Frauen in der Weimarer Republik. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006.
18. *Weiß V.* Moderne Antimoderne. Arthur Moeller van den Bruck und der Wandel des Konservatismus. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. – 548 S.

Сведения об авторе:

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромской государственный университет 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17 , тел. +7(4942) 31-48-14; info@kstu.edu.ru

УДК 94(430)

Е.К. Сироштан

Рейнхард Гейдрих и политическая полиция нацистской Германии

Аннотация: *статья посвящена анализу роли Р. Гейдриха в становлении системы политической полиции нацистской Германии.*
Ключевые слова: *нацистская Германия, служба безопасности СД, государственная тайная полиция – гестапо, Главное имперское управление безопасности – РСХА.*

Siroshtan E.K. Reinhard Heydrich and the political police of Nazi Germany
Abstract: *the article is devoted to analysis of the role of R. Heydrich in the establishment of the system of the political police of Nazi Germany.*
Keywords: *Nazi Germany, Security Service CD, Secret State Police –Gestapo, Reich Main Security Office – RSHA.*

Несмотря на то, что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже более 70 лет, интерес к феномену нацистского государства не ослабевает. Особенно внимание исследователей притягивает к себе проблема формирования системы государственного политического террора. В этой связи обычно рассматриваются 3 структуры: партийная служба безопасности СД, государственная тайная полиция – гестапо, и созданное на их базе Главное имперское управление безопасности - РСХА. Все эти три структуры тесным образом связаны с именем Рейнхарда Гейдриха.

Данная статья посвящена анализу роли Р. Гейдриха в становлении системы политической полиции нацистской Германии.

Обращаясь к биографии Рейнхарда Гейдриха, следует указать, что он родился в Галле-на-Заале, 7 марта 1904 г. Политический интерес Рейнхард Гейдрих начал проявлять довольно рано. В 15 лет он оказывается членом Национальной ассоциации пангерманской молодежи - "Немецкого национального союза молодежи" в Галле [3; с. 172]. 30 марта 1920 г. Гейдрих поступает в военно-морское училище в Киле. Военно-морской флот казался Гейдриху военной элитой нации, и он стремился целиком посвятить себя офицерской карьере. В 1926 г. лейтенанта Гейдриха направляют на службу в разведку флота. В декабре 1930 г. он знакомится с деревенской учительницей, Линой фон Остен, и в январе 1931 г. он женится на ней. До этого у него развивался роман с дочерью начальника военно-морской верфи в Киле. Гейдрих разрывает с ней отношения, послав ей по почте объявление о помолвке с Линой, вырезанное из газеты. Отец девушки обращается к главе ВМФ - адмиралу Эриху Редеру с просьбой повлиять на Гейдриха [5; с. 10]. По кодексу чести ВМФ Гейдрих совершил тяжкий проступок, имея два романа одновременно. Поведение молодого лейтенанта рассматривается на суде чести, который возглавляет сам Редер. На заседании суда чести Редер подмечает, что дочь «такого человека» достойнее «деревенской простушки», Гейдрих же ответил просьбой не вмешиваться в его выбор. В апреле 1931г. адмирал Редер отправляет Гейдриха в отставку за «недостойное поведение» [6; с. 160].

Друг детства – барон Фридрих Карл фон Эбергштайн, познакомил Рейнхарда с Генрихом Гиммером. Оценив карьерные перспективы, Гейдрих 10 августа был зачислен в СС в звании штурмфюрера СС [6; с. 161]. По мнению Гиммлера Гейдрих обладал всеми свойствами начальника секретной службы: прекрасными аналитическим способностями и умением выражать свои мысли.

Геринг, однажды в шутку высказался, что «мозг Гиммлера зовется Гейдрих», намекая на то, что все крупные операции СС готовились «человеком с волчьими глазами. Свои док-

лады Гейдрих строил мастерски, сначала он давал краткую характеристику личности или рассматриваемому вопросу, а затем приводил аргументы по их значимости, после чего он делал вывод и вносил предложение, от которого трудно было отказаться» [6; с. 162].

Во время своей поездке по стране, в апреле 1932 г., Гейдрих придает организационные формы созданной им разведывательной сети. Несмотря на свою немногочисленность, сеть стала приобретать всеохватывающий характер. Одновременно пришлось решать следующую задачу. Правительством были запрещены СС и СА, а, следовательно, и вся система, только создаваемая Гейдрихом, оказалась вне закона, что значительно затрудняло ее работу. Гейдрих нашел простое и эффективное решение - структура была переименована в «службу прессы и информации». В последующем отдел получил официальное название «службы безопасности» – СД [1; с. 70].

После преобразований структуры СД Гейдрих не стал делать паузу. Его следующий шаг должен был еще сильнее структурировать новую организацию. Гейдрих собрал всех шпиков и осведомителей из подразделений СС и собрал их у себя, создав из них первое спецподразделение СС. Это позволило улучшить обработку получаемой информации.

Основное направление работы созданной структуры в 1932 г. – сбор информации о членах НСДАП и выявление агентов и провокаторов. Надо отметить, что это направление деятельности было вполне оправданным. С момента превращения НСДАП в парламентскую партию, интерес к ней как со стороны государственных органов, так и других политических партий возрос. Кроме того важной частью деятельности СД этого периода является наблюдение за членами фракции НСДАП в рейхстаге.

Таким образом, к моменту прихода Гитлера к власти СД как партийная разведывательная сеть была сформирована и сделано это, было в первую очередь усилиями Гейдриха.

Теперь перед Гейдрихом замаячила новая цель – превратить СД в партийную разведку, строгую монолитную организацию, неусыпно следящую за всем потенциальными политическим союзниками и противниками [10; с. 51]. Только такая организация, по его мнению, могла обеспечить НСДАП захват власти.

Гиммлер поощрял все его начинания, и Гейдрих очень быстро продвигался по служебной лестнице: 10 октября 1931 г. – штурмфюрер, 1 декабря 1931 г. – гауптштурмфюрер, 19 июля 1932 г. – начальник службы безопасности, 29 июля 1932 г. – штандартенфюрер, 21 марта 1933 г. – оберфюрер [6; с. 163].

Гейдрих видел полицию, которая будет обладать безграничной властью, и ее задачей будет обеспечение диктатуры фюрера. Обладая отменной склонностью к составлению разного рода планов, Гейдрих быстро понял, как надо действовать. Ключевые посты в политической полиции, он предложил занять сотрудникам СД, а саму полицию вывести из-под контроля министерства внутренних дел. В конечном этапе, полиция и СС должны будет стать единым охранным органом государства. Так же, Гейдрих планировал, чтобы полиция, СС и государственная бюрократия превратилась в одно целое.

После прихода нацистов к власти 30 января 1933 г. начинается сложный процесс системной перестройки немецкого государства, его слияния с НСДАП, формирование режима террора. Одну из ведущих ролей в этом процессе принадлежала тайной политической полиции – «гестапо».

Создателем гестапо в Пруссии выступил Герман Геринг. Во главе новой службы поставили Дильса Геринга, и на все руководящие посты были назначены приверженцы НСДАП. Таким образом, происходило замещение государственных служащих членами НСДАП, что делало органы государства проводниками нацистского режима [1; с. 37].

Таким образом, делались первые шаги к установлению террора. По декрету от 30 ноября 1933 г., гестапо выходило из подчинения прусского министерства внутренних дел. И его передавали в ведение министра-президента. Специальным декретом, 30 января 1934 г., в день годовщины прихода нацистов к власти, полицейская служба стала находиться под юрисдикцией рейха. В юридическом отношении это был важный шаг, так как до этого все полицейские функции осуществлялись правительствами земель.

20 апреля Гиммлер обосновался в Берлине, и сразу назначил Гейдриха начальником Центральной службы гестапо. Он объединил все организации политической полиции по всей стране, в одно целое. Это послужило тем, что гестапо вышло за пределы Пруссии и охватило всю территорию Германию.

Гейдрих сохранил за собой контроль над партийной службой безопасности – СД. Благодаря решению от 9 июня 1934 г. СД становилась единственной секретной службой НСДАП. Гейдрих в скорости оказался перед серьезной проблемой – взаимодействие гестапо и СД оказалось заторможено из-за уступающей профессиональной квалификации сотрудников последней. Поэтому Гейдрих стал использовать при создании новой общегерманской политической полиции ведущие полицейские кадры.

Криминальоберинспектор Рейнхард Флеш, и его коллеги, среди которых были Генрих Мюллер, Франц Иосиф Хубер и Иосиф Майзингер – составили основу будущей новой полиции [6; с. 170]. Так же Гейдрих стал привлекать к себе юристов и чиновников из разных частей Германии. Например, судья из Гессена, В. Бест стал ближайшим сподвижником Гейдриха.

Были образованы три главных управления гестапо. Первое главное управление (административные вопросы и право) возглавил оберштурмбанфюрер СС Бест. Третьим стал командовать штандартенфюрер СС Гюнтер Пачевски. Второе (собственно гестапо из шести отделов) принял унтерштурмфюрер СС Флеш.

Аппарат насилия принял свои черты – дальше ему предстояло доказать делом свою эффективность. Первым крупным испытанием стала «ночь длинных ножей».

После удачного проведения «ночи длинных ножей» гестапо и СД под руководством Гейдриха показали свою эффективность. В течении 48 часов режим с помощью террористических методов уничтожил своих самых влиятельных врагов. Были убиты Рем, Шляйхер, Грегор Штрассер, ослаблены позиции правых и католиков. Настоящим победителя в событиях 30 июня оказались Гитлер, так как его оппоненты были устранены. В НСДАП больше не осталось человека равного по авторитету фюреру.

Во время событий 30 июня Гейдрих лично отдавал приказы о казнях. Его исключительная решительность потрясала даже самых закаленных бойцов партии.

Одним из важных нововведений в деятельности полиции стало изобретение Гейдрихом системы превентивного ареста. Когда по тем или иным причинам требовалось провести репрессии, люди из списков задерживались как «потенциально опасные», после чего значительная часть из них направлялась в лагеря. Управление Гейдриха, в рамках этой профилактике, получило возможность обвинять врагами нации, большие группы населения и подвергать их репрессиям.

Сфера деятельности СД многократно расширилась. Прежде всего, это отразило изменение роли данной структуры. Из «корпоративной службы безопасности» СД перевоплощалось в главного контролера мыслей всего германского государства. Теперь именно СД отвечало за то, чтобы все немцы верили в национал-социалистическую доктрину, и за то, что несогласные должны быть немедленно изолированы от общества – упрятаны в концентрационные лагеря, уничтожены [1; с. 76].

После уничтожения оппозиции, роль СД меняется в сторону «профилактики». Теперь, когда лица официально или прямо выражавшие свое оппозиционное отношение к нацистскому режиму были уничтожены или загнаны в концентрационные лагеря, предстояла работа иного плана – выявлять тех кто, мог быть недовольным, но скрывал это, выявлять тех, кто не сейчас опасен, а будет опасен через некоторое время. Другой важно функцией оставалось создание компроматов на все руководство рейха.

Чтобы определить базу политического воспитания, способного обратить в национал-социалистскую веру тех, кто еще придерживался старой идеологии, СД разработала основу для изучения социальных групп. Она использовала статистические и научные методы, приступила к изучению деятельности ранее существовавших группировок марксистов, евреев, франкмасонов, либеральных республиканцев, верующих, людей свободных профессий, которые могли бы, по мнению нацистов, породить новую оппозицию. Под таким прикрытием СД создала огромные архивы, позволившие установить слежку за потенциальными оппозиционерами. Аппарат контроля СД был расширен и улучшен. В управлении безопасности на Вильгельмштрассе, где находился начальник штаба Гейдриха штандартенфюрер СС Зигфрид Тауберт, были созданы новые отделы. Для упрощения работы структуры СД было введена четкая номенклатура отделов. Центральные управления обозначались римскими цифрами: I – организационные вопросы, II – контрразведка, III – зарубежная разведка.

В документации СД фамилию Гейдриха в рассматриваемый период тяжело обнаружить, ее заменяет латинская буква «С». Именно так подписывал Гейдрих документы о привлечении лиц, так называли его подчиненные во внутренней переписке [4; с. 185].

В основу работы СД был положен территориальный принцип, что позволяло с высокой степенью эффективности следить за настроениями населения конкретных территорий.

Для регистрации возможных противников режима была введена специальная картотека. Ее завели как в столице, так и в провинциальных управлениях гестапо на три группы лиц. К первой – А 1 относились те, кто подлежал аресту в первую очередь при подготовке к проведению мобилизации в стране (они отмечались скрепками красного цвета прикреплявшимися на левой стороне карточки). Во вторую – А 2 входили личности, которых было необходимо взять под стражу уже при объявлении мобилизации (отмечались скрепками зеленого и голубого цвета). Третью – А 3 составляли граждане, не представлявшие непосредственной опасности (отмечались скрепками зеленого цвета), за которыми, однако, в случае осложнения ситуации требовалось установить наблюдение. Вторая скрепка, прикрепляемая к правой стороне карточки, обозначала явного врага государства: скрепка темно-красного цвета предназначалась для коммунистов, светло-красного – для марксистов, коричневого – для террористов, фиолетового – для кляузников и сутяг. Два раза в год – 1 апреля и 1 октября – карточки проверялись на соответствие указанным в них характеристикам [9; с. 97].

Важно отметить, что все действия, совершаемые СД и гестапо, находились в рамках нацистского правового поля. Законы давали полицейским структурам очень широкие полномочия.

Особую категорию преступлений в рейхе составляли так называемые расовые преступления, куда входили брак с представителем низшей расой, гомосексуализм, аборт. Для борьбы с ними в рамках СД был создан специальный отдел, который возглавил Майзингер. Лица, уличенные в преступлениях подобного рода, после расследования отправлялись в лагеря.

Также специальный отдел СД занимался церковными вопросами. Это касалось, прежде всего, католической церкви, и разного рода сект и астральных обществ, которые в большом количестве существовали в Веймарской республики. Нацисты опасались создания на их основе политических структур и поэтому искореняли подобные течения на корню.

Переход Германии к активной внешней политике вызвал необходимость в изменении организации служб безопасности. Уже во время аншлюса Австрии и оккупации Чехословакии гестапо и СД играли не последнюю роль в уничтожении местной оппозиции и формировании новых органов власти. С началом польской компании идея объединения всех разрозненных служб в единое целое стала очевидной. О создании Главного имперского управления безопасности, более известного по своей аббревиатуре – РСХА, было принято решение 27 сентября 1939 г. Таким образом, были объединены службы следствия, расследования, криминальной и политической документации. Первым результатом стало усиление контроля со стороны центрального руководства СС над всеми полицейскими службами, РСХА с самого начала рассматривалось как правительственная служба, входящая в министерство внутренних дел, и одновременно как одна из главных служб СС, подчиненная Верховному командованию СС. Главой новой структуры стал Гейдрих.

РСХА окончательно сформировалось к сентябрю 1940 г. и включало в себя семь департаментов, каждый из которых имел отраслевые подразделения. Ниже приводится структура РСХА, на конец 1940-начало 1941 г:

1-й Департамент (кадровые и организационные вопросы). Начальник: бригадефюрер СС Бруно Штреккенбах (1940-43гг.)

- I A (Кадры): штандартенфюрер СС и оберрегирунгсрат доктор Вальтер Блюме
- I B (Образование и воспитание) штандартенфюрер СС Эрвин Шульц
- I C (Физическое развитие): штандартенфюрер СС и оберрегирунгсрат фон Даниэльс
- I D (Уголовные дела): бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Бруно Штреккенбах

2-й Департамент (административные, правовые и финансовые вопросы). Начальники: штандартенфюрер СС и полковник полиции Ханс Нокеманн; оберштурмбаннфюрер СС Рудольф Зигерт.

- II A (Организация и право): штурмбаннфюрер СС и регирунгсрат доктор Рудольф Бильфингер
- II B (Принципиальные вопросы паспортной службы и связи с иностранной полицией): министериалрат Йоханнес Краузе
- II C a (Бюджет и материальная часть полиции безопасности) штандартенфюрер СС и министериалрат доктор Рудольф Зигерт
- II C b (Бюджет и материальная часть СД): оберштурмбаннфюрер СС Карл Броке
- II D (Техническая служба): оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Рауфф

3-й Департамент (служба безопасности СД). В рамках данного департамента рассматривались вопросы государственного строительства рейха, иммиграции, расы и народного здоровья, науки и культуры, промышленности и торговли. Начальник: группенфюрер СС Отто Олендорф

- III A (Вопросы правопорядка и государственного строительства): штурмбаннфюрер СС доктор Карл Генгенбах
- III B (Население рейха): штурмбаннфюрер СС доктор Ханс Элих
- III C (Культура): штурмбаннфюрер СС доктор Вильгельм Шпенглер
- III D (Экономика): штурмбаннфюрер СС Вилли Зайберт

4-й Департамент (тайная государственная полиция рейха — гестапо). Контрразведка, борьба с саботажем, диверсиями, вражеской пропагандой и уничтожение евреев. Начальник: группенфюрер СС Генрих Мюллер.

- IV A (Борьба с противником): оберштурмбаннфюрер СС и оберрегирунгсрат Фридрих Панцингер
- IV B: (Секты): штурмбаннфюрер СС Альберт Хартль

- IV C: (Картотека): оберштурмбаннфюрер СС и оберрегирунгсрат Фриц Ранг
- IV D (Оккупированные территории): оберштурмбаннфюрер СС доктор Эрвин Вайнманн
- IV E (Контрразведка): штурмбаннфюрер СС и регирунгсрат Вальтер Шелленберг;
- IV N (Сбор информации): н/д.
- IV P (Вопросы иностранной полиции) криминалрат Альвин Виппер (с августа 1941г.)

5-й Департамент (криминальная полиция — крипо). Уголовные преступления (в том числе мошенничество, преступления против нравственности и др.) и правонарушения. Начальники: Артур Нёбе

- V A (Криминальная политика и профилактика правонарушений): штандартенфюрер СС Пауль Вернер
- V B (Следствие): регирунгсрат и криминалрат Георг Гальзов
- V C (отдел криминалистической техники крипо и розыска): оберрегирунгсрат и криминалрат Вольфганг Бергер
- V D (Криминально-технический институт полиции безопасности): оберштурмбаннфюрер СС и оберрегирунгс- и криминалрат доктор

6-й Департамент (т.н. СД - заграница). Разведывательная работа в Северной, Западной и Восточной Европе, СССР, США, Великобритании и в странах Южной Америки. Начальники: Хайнц Йост (27 сентября 1939 г. -22 июня 1941г.); Эрвин Вайнманн (и.о. с 13 января – по июль 1942г.); Вальтер Шелленберг (с 22 июня 1942г. - до конца войны).

- VI A (Общая организация разведывательной службы): оберштурмбаннфюрер СС доктор Альберт Фильберт
- VI B (Германо-итальянские подконтрольные территории в Европе, Африке и на Ближнем Востоке; всего: 10 отделов)
- VI C (Восток, русско-японские подконтрольные территории) до апреля 1941г. н/д., с апреля 1941г. — оберштурмбаннфюрер СС и оберрегирунгсрат доктор Хайнц Грефе
- VI D (Запад, англо-американские подконтрольные территории; всего: 9 отделов): до сентября 1942 н/д., оберштурмбаннфюрер СС доктор Теодор Пэффген
- VI E (Изучение настроений во враждебных государствах; всего: 6 отделов): оберштурмбаннфюрер СС доктор Гельмут Кнохен,
- VI F (Технические средства для разведки за рубежом; всего: 7 отделов): оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Рауфф

7-й Департамент (справочно-документальная служба). Начальник: штандартенфюрер СС Франц Зикс

- VII A (Изучение и обобщение документации): оберштурмбаннфюрер СС и оберрегирунгсрат Пауль Милиус
- VII B (Подготовка, обработка, дешифровка данных): н/д.
- VII C (Архив, Музей, Специальные научные исследования): н/д. [7; с. 199]

Говоря о РСХА необходимо упомянуть, о 2 лицах, игравших наравне с Гейдрихом ключевую роль в этой организации – начальнике 4-го департамента (гестапо) – Генрихе Мюллере и начальнике контрразведки, а с 1942 г. 6-го департамента Вальтера Шелленберга.

Надо отметить, что РСХА распространяло свою деятельность на оккупированные или аннексированные страны и территории. Службы, создаваемые в этих странах, до мельчайших деталей копировались со служб центральной организации.

Гейдриху удалось создать единую службу безопасности третьего рейха, объединившую в себе полицейскую и разведывательную функцию. Он оставался начальником этой службы до своей гибели в 1942 г. После удачного покушения на него, проведенного в Праге, РСХА

возглавил Эрнст Кальтенбруннер. До окончания Второй мировой войны система, созданная Гейдрихом, продолжала эффективно выполнять свои главные функции – обеспечение безопасности третьего рейха и уничтожения его врагов.

Таким образом, Рейнхард Гейдрих оказался именно тем человеком, который был необходим НСДАП и лично Гиммлеру и Гитлеру для создания машины политического террора, способной высчитывать своих врагов и нейтрализовать их. Немаловажную роль играли личные способности Гейдриха – природный ум, развитая интуиции, скрупулезность в работе, привычка контролировать исполнение приказов. Гейдрих, начав создание СД с небольшой комнатки в коричневом доме в Мюнхене, сумел расширить службу безопасности, охватывавшую всю Европу. Немалую роль в успехе Гейдриха в создании системы политического террора сыграли сами немцы. Многие из них добровольно сотрудничали со службой безопасности, веря в идеалы национал-социализма или из-за ментальной черты верности государству. В момент прихода нацистов к власти именно СД обладало важными данными на политических противников нового режима, и указывала, кого необходимо устранять штурмовикам, одновременно проводилась работа по очищению НСДАП от случайных людей, а также агентов и провокаторов.

Р. Гейдрих отлично понимал, что такая машина, как служба безопасности государства нуждается в постоянном усовершенствовании. Именно поэтому на протяжении всех 1930-х г. структура гестапо и СД постоянно эволюционировала. Пиком развития системы стало создание четко структурированной РСХА, структура которой отражала видение нацистской полиции руководителями рейха.

По мере роста СД требовалось новые сотрудники, Гейдрих хотел видеть на ключевых позициях гибких и ловких людей, не связанных юридическими нормами, поэтому основной акцент был сделан на высокообразованных молодых специалистов, имевших прекрасное юридическое образование и высокий потенциал. Так в рядах службы безопасности оказались юрист и экономист Отто Олендорф, Вернер Бест, Херберт Мельхорн, журналист Герман д'Алквен. Привлечение интеллектуалов в СД избавило Гейдриха от опасности, угрожавшей динамике его полицейско-государственного аппарата. Поскольку до тех пор гестапо играло ключевую роль в его системе, он опасался, что будет слишком от нее зависеть. Таким образом, к 1937 г. в штате у Гейдриха в СД состояло около 3000 высокообразованных специалистов.

Таким образом, роль Р.Гейдриха была определяющей в создании и развитии системы политического террора в довоенной Германии.

Библиографический список

1. Батлер Р. Гестапо: история тайной полиции Гитлера. М.: Эксмо, 2006 – 192с.
2. Деларю Ж. История гестапо. М.: Центрполиграф, 2004 – 205с..
3. Подъяпольский А., Непомнящий Н. Несостоявшиеся фюреры. Гесс и Гейдрих. М.: Вече, 2004 – 221с.
4. СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: СВЕТОТОН, 2000 – 624с.
5. Хёттль В. Секретный фронт. Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938-1945. М.: Центрполиграф, 2003 – 175с.
6. Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М.: Олма-Пресс, 2005 - 358с.
7. Шелленберг В. Лабиринт. М.: 2005 – 235с.
8. Эванс Р. Третий рейх. Зарождение империи. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель. 2010 – 640с.
9. Best W. Die deutsche Polizei. Darmstadt. 1941 – 97s.
10. Deschner G. Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Verlag Ullstein, Frankfurt/M-Berlin, 1987.

Культурная история

УДК 9.94, 271-9, 271.5

А. В. Федин

«Их войны – лишь войны на истребление»: иезуитская миссия в этническом конфликте в Новой Франции в первой половине XVII в.

Аннотация. *Широкомасштабный межплеменной конфликт, развернувшийся на территории североамериканского Вудленда в XVII в. и вошедший в историю как Ирокезские (или «Бобровые») войны, сыграл важную роль не только в развитии европейских колоний в регионе, но и их миссионерской деятельности, определяя ее границы и направления. Иезуитские миссионеры Новой Франции, создавая свою миссионерскую сеть, прежде всего, среди главных врагов и конкурентов ирокезов (гуронов, алгонкинов, монтанье и др.), оказались на переднем крае этого конфликта, став его основными свидетелями и жертвами. В условиях этнических войн формировалась особая миссионерская стратегия и идеология ордена в Северной Америке.*
Ключевые слова: *иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, Ирокезские войны, этнический конфликт, мартирология, святость.*

Fedin A.V. «Their wars are but wars of extermination»: Jesuit mission in the ethnic conflict in first half 17th-century New France.

Annotation. *The large-scale intertribal conflict which developed in territory of 17th-century North American Woodland and has become history as Iroquois (or "Beaver") wars, has played the important role not only in development of the European colonies in region, but also their missionary activity, defining its borders and a direction. Jesuit missionaries of New France, creating the missionary network, first of all, among the main Iroquois enemies and competitors (Hurons, Algonquins, Montaigners, etc.), have appeared on a first line of this conflict, becoming its basic witnesses and victims. In the conditions of ethnic wars special missionary strategy and ideology of an award in the North America was formed.*
Keywords*: Jesuits, the missionary activity, New France, Iroquois wars, the ethnic conflict, martyrology, sanctity.*

Начиная миссионерскую деятельность среди племен долины р. Св. Лаврентия в первой половине XVII в., французские иезуиты оказались в самом сердце глобального этнического конфликта, в который были вовлечены не только все племена североамериканского Вудленда, но и европейские колонии Франции, Голландии и Англии. В историографии закрепилось название Ирокезские, или «Бобровые», войны, поскольку именно племена Ирокезской лиги (могауки, онейда, онондага, кайюга и сенека) развернули широкую экспансию на торговых коммуникациях и охотничьих территориях соседних племен в борьбе за контроль над мехоторговлей с европейскими колониальными центрами.

В условиях разворачивающегося конфликта логика колонизационного процесса, экономической основой которого была мехоторговля, привела Самюэля де Шамплена, основателя французской колонии в Квебеке (1608 г.), к военному союзу с ее торговыми партнерами и врагами ирокезов – кочевыми группами монтанье долины Св. Лаврентия, полуоседлыми алгонкинскими племенами ироке о. Монреаль, кичезипирини и вескарини на р. Оттава и, конечно, с главными поставщиками мехов в регионе – конфедерацией гуронских племен (Вендат), располагавшихся на берегах озера Гурон и Джорджиан-Бей. Французы приняли участие в нескольких военных экспедициях против могауков (наиболее близких к границам их колонии) с целью укрепления союза с их алгонкинскими и гуронскими поставщиками. Другим важным фактором консолидации франко-индейского альянса стало присутствие в этих племенах католических миссионеров: с 1615 г. реколлектов, которых в 1632 г. сменили иезуиты.

Окончательное оформление иезуитской миссионной системы к концу 30-х гг. XVII в. совпало с резким обострением племенных конфликтов, вызванным изменением баланса сил в североамериканском Вудленде. На рубеже 30-40-х гг. XVII в. могауки, нанеся поражение своим восточным соседям – могиканам и абенаки, монополизировавшим торговлю с Новыми Нидерландами и Новой Англией, получили неограниченный доступ к огнестрельному оружию в голландских поселениях на р. Гудзон [24, vol. II, p. 87*; vol. V, p. 56-57][1]. Уже в 1639-1640 гг. могауки, вооруженные голландскими и английскими мушкетами, вторглись в долину р. Св. Лаврентия, сея ужас и смерть среди местных алгонкинских групп.

Несмотря на официальные протесты со стороны французских властей, голландцы не могли или не хотели пресекать торговлю оружием[2]. К середине 40-х гг. военное преобладание могауков в долине р. Св. Лаврентия стало абсолютным: «четыреста вооруженных человек, знающих, как использовать их преимущество», держали в страхе и местные индейские племена, и их французских союзников [9, vol. I, p. 182][3]. Несмотря на разрешение на продажу неофитам-аборигенам аркебуз, их количество оставалось небольшим, так как французы попрежнему «боялись чересчур вооружить дикарей» [29, vol. XXIV, p. 291]. Союзные индейцы, сокрушался в 1643 г. супериор миссии Бартелеми Вимон, «не имеют ни одной аркебузы, и не находят никакой другой защиты, кроме бегства; и, если их захватывают [в плен], они позволяют себя вязать и уничтожать как овцы» [29, vol. XXIV, p. 271-273]. С этого времени ирокезская конфедерация получает явный перевес на тропе войны, до конца века сумев разгромить почти всех традиционных и вновь появившихся врагов на Северо-Востоке. Алгонкинские племена, обитавшие по р. Св. Лаврентия, были вынуждены либо бежать к северу от нее, либо искать защиты во французских поселениях.

Основой ирокезской военной стратегии стал контроль над водными коммуникациями вдоль реки Св. Лаврентия, главной транспортной, военной и торговой магистралью Северо-Востока. Каждым летом ирокезские военные партии (главным образом, могауки) появлялись на великой реке, подстерегая гуронские или французские торговые караваны, нападая, уничтожая и захватывая грузы и сопровождавших их людей. «Мы теперь рискуем быть плененными и замученными так же, как и гуроны; – сообщал о. Ж.-М. Шомоно в мае 1640 г. из Гуронии, – ибо каждый год мы проходим, – или спускаясь к Квебеку, или поднимаясь, – теми местами, где постоянно находятся враги наших Дикарей, чтобы захватить их в пути; и едва ли найдется год, когда несколько гуронов не захвачены или убиты» [29, vol. XVIII, p. 33]. Первые захваты ирокезами французов, как правило, с целью последующего выкупа, произошли в феврале 1641 г. [29, vol. XXI, p. 23-29]

Только в 1642 г. ирокезский разбой обошелся Новой Франции, прежде всего, самим иезуитам, отправившим крупный груз в Гуронию, «скромную помощь нашим Отцам у гуронов, по большей части то, что им необходимо для часовен, питания и потребностей тридцати трех человек, которых мы поддерживаем на том краю света для обращения тех народов», в 8 тысяч ливров [20, t. I, p. 271][4]. Подобные эксцессы продолжались и в дальнейшем: «Наш груз в прошлом году был захвачен по пути [вверх по реке], – отчитывался Вимон осенью 1643 г., –

[1] Торговля огнестрельным оружием с туземцами была запрещена всеми торговыми компаниями в Америке, в том числе и голландской Вест-Индской компанией. Однако, с 1639 г. ею был провозглашен режим свободной торговли с индейцами для всех поселенцев, которые воспользовались этим, чтобы начать активно поставлять в селения могауков мушкеты и алкоголь, самые выгодные товары для пушного бартера в тот период. См.: 9, vol. 1, p. 119-123, 150-152; 31, p. 87. «Этим нехристианским оружием (О позор и преступление!) голландцы снабжают язычников!», негодовал в своей «*Истории Канады*» (1664) иезуит Дюкре (11, vol. II, p. 517).

[2] Их позицию иллюстрирует решение платить за скальпы, принятое в 1641 г. (5, с. 88).

[3] В 1640 г. ружей у могауков было не более 40 24, vol. V, p. 57).

[4] В пересчете на современный курс доллара эта сумма равна 100 тыс. долл. (8, p. 128).

в этом году, при спуске. Сейчас я узнаю, что он захвачен в третий раз на пути вверх» [29, vol. XXIII, p. 269]. В 1644 г. таким же фиаско увенчалась еще одна попытка переправить припасы в Гуронию [29, vol. XXVI, p. 35-37].

В этой ситуации иезуитские миссионеры разработали собственную стратегию поведения в условиях этнического конфликта, основой которой стала главная цель их присутствия в Новой Франции – обращение ее народов в христианство. Опираясь на нее, иезуиты, следуя аккомодационной миссионерской модели, использовали различные средства для прекращения конфликтов: насильственные (организация военных действий против основных врагов тех племен, где они основали миссии, прежде всего, ирокезов), мирные (т. н. «пацификация», т. е., примирение враждующих групп и народов), собственно миссионерские (т. е., начало непосредственной апостольской деятельности среди враждебных племен, что способствовало их примирению с французской колонией и ее индейскими союзниками). Уже на первом этапе миссионерской деятельности в Новой Франции (в первой половине XVII в.), когда колония была еще слаба, а мехоторговля играла определяющую роль в ее экономике, иезуиты использовали весь спектр этих средств, исходя из конкретных условий конфликта.

В июне 1641 г. близ Труа-Ривьер между французами и могауками состоялись переговоры с участием губернатора Монманьи и иезуита П. Рагено в качестве переводчика. Помимо предложения союза и торговли могауки также приглашали французов поселиться в их стране. Однако условием соглашения с могауками было предоставление им возможности покупать огнестрельное оружие для войны с алгонкинами и гуронами. Это заставило Монманьи отказаться от переговоров с ирокезами без своих индейских союзников, «иначе, – считал иезуитский миссионер о. Поль Лежён, – мы могли вступить в более опасную войну, чем ту, которой желали избежать». В результате могауки напали на алгонкинов и гуронов, укрывшихся в Труа-Ривьер, но были разогнаны французской артиллерией. Тем самым французская колония вступила в открытую войну с ирокезами, латентную до этого момента [29, vol. XXI, p. 33-49, 53-61].

Большинство колониальных лидеров, в том числе и иезуиты, были убеждены, что корень зла находится не столько в самих ирокезах, сколько в их голландских и английских партнерах, которые, будучи развращены своей ересью, развращали и общавшихся с ними «дикарей». Уже в 1640 г. Лежён увидел в их присутствии в Северной Америке не только угрозу истинно христианской религии, но и существованию французской колонии. В ежегодной Реляции 1642 г. о. Вимон заявлял, что сами ирокезы признавали, что «голландцы… обещали помогать нам против французов» [29, vol. XXII, p. 251]. Герцогиня д'Эгийон, к которой Лежён обратился с предложением содействовать изгнанию еретиков из Северной Америки, в 1641 г. заверила иезуитов, что и она, и ее могущественный родственник – кардинал Ришелье разделяют их опасения и готовы помочь им [29, vol. XVIII, p. 245; 24, vol. V, p. 45-46, 56]. Осенью 1641 г., после июньского столкновения у Труа-Ривьер с вооруженными аркебузами могауками, ощущая надвигающуюся на французскую колонию и ее миссии опасность, и одновременно стремясь открыть ирокезскую территорию для мехоторговли и католической евангелизации, светские и духовные власти Новой Франции решили послать о. Лежёна к Ришелье за обещанной помощью [24, vol. V, p. 56, 594; 29, vol. XX, p. 119][1].

Одновременно с просьбой о помощи к властям обратились и миссионеры в Гуронии. Супериор Гуронской миссии Жером Лалеман уже в 1639 г. писал о своих опасениях относи-

[1] В этот момент, по расчетам Л. Кампо, французская колония насчитывала лишь ок. 200 человек (мужчин), способных носить оружие, но большая часть которых не имела какого-либо военного опыта, тем более в непривычных условиях лесов Северной Америки, которым противостояли до 700 воинов-охотников только одних могауков, без учета воинов остальных племен Ирокезской Лиги, ко всему прочему, снабженных европейским оружием (6, p. 85).

тельно судьбы гуронов, «что кульминационный момент их грехов приближается», и божественное правосудие может «истребить их так же, как другие нации, что должно более чем когда-либо, пробудить милосердие и ревность всех, чтобы помочь этим несчастным» [29, vol. XIX, p. 127]. 28 марта 1640 г. Ж. Лалеман обратился лично с письмом к кардиналу Ришелье, прося помощи против ирокезов, за которыми стояли голландские и английские еретики [29, vol. XVII, p. 223-225].

В Реляции за 1640-1641 г., которую Лежён написал и взял с собой во Францию, он с первых строк обрисовал ирокезскую угрозу, предупреждая, что «или мы потеряем эту страну, или помешаем этому быстрым и эффективным способом» [29, vol. XXI, p. 21-23]. Ирокезы рассматривались не только как опасные враги французов и их индейских союзников, но и как главное препятствие для утверждения христианской веры и церкви в Америке. С этого времени «Иезуитские Реляции» становятся главным источником начавшейся демонизации ирокезов, создав из них к 50-м гг. образ бича Божьего и главного врага веры и колонизации.

Лежён писал о «множестве племен» к западу от о. Монреаль, «которые возделывают землю, и являются полностью оседлым, но никогда не слышали об Иисусе Христе; дверь ко всем этим народам закрыта для нас ирокезами». Даже к гуронам, «к которым мы донесли благую весть Евангелия, мы вынуждены добираться ужасными дорогами, и в постоянной опасности быть сваренными или зажаренными, а затем алчно пожранными несчастными ирокезами». Как следствие этого жалкого состояния и звучит призыв миссионера, чтобы «старая Франция спасла жизнь Новой». В качестве последнего аргумента Лежён утверждал, что «торговля, французская колония и религия, которая начинает процветать среди Дикарей, будут ниспровергнуты, если не победить ирокезов» [29, vol. XXI, p. 117-119].

Прибыв поздней осенью 1641 г. в Париж, Лежён пытался с помощью королевского советника и секретаря Франсуа Сюбле де Нуайе и герцогини д'Эгийон представить кардиналу Ришелье свой план изгнания голландских еретиков и замирения ирокезов. «Если этих людей не изгнать, или по соглашению с ними, или силой оружия, – писал он, – страна всегда будет находиться под угрозой разрушения, миссия – разгрома…, а колония – уничтожения; дверь евангелия будет закрыта для множества наций, а наши отцы подвергнутся опасности плена и сожжения» [29, vol. XXI, p. 271-273; 24, vol. V, p. 231].

Лежён смог добиться только частичного успеха в своей миссии. Он получил дотацию в 30 тыс. ливров для строительства форта против ирокезов (будущий форт Ришелье), но относительно проекта изгнания голландцев из Северной Америки был вынесен отрицательный вердикт. И главными противниками этого предприятия выступили его коллеги по ордену, прежде всего провинциал Франции Ж. Дине и прокуратор миссии Ш. Лалеман, исходившие из соображений безопасности. В письме к о. Э. Шарле, французскому ассистенту в Риме, прокуратор изложил свои аргументы против проекта Лежёна. С его точки зрения, война с голландцами и их индейскими союзниками окажется чересчур дорогой, притом, что «мы не можем быть уверены в победе над ними». Лалеман опасался, что иезуитов «не станут слушать, когда мы будем, возможно, нуждаться даже в меньшей помощи». Но даже в случае победы опасность ответного нападения со стороны могущественной голландской Вест-Индской компании, которой принадлежали Новые Нидерланды, и ее союзников-ирокезов была слишком высока. Вместе с тем, можно ли быть «уверенным, что это обяжет ирокезов примириться с нашими дикарями? А ведь именно на уверенности в таком мире зиждется весь этот проект», и «должны ли мы из-за одной только этой надежды подвергнуться упомянутым выше опасностям?» [29, vol. XXI, p. 269-271].

В результате, Лежёну запретили искать у Ришелье помощи против голландцев, а лишь против ирокезов. Лежён был вынужден весной 1642 г. вернуться в Новую Францию, так и не

встретившись с кардиналом, хотя, как он сообщал генералу ордена М. Вителлески перед отплытием в колонию, «беседовал со многими могущественными и знатными людьми, показавшими свое расположение к миссии» [24, vol. V, p. 234-235]. Он подал официальный запрос на имя Людовика XIII о помощи против ирокезов, а все переговоры при дворе, по-видимому, вели Ш. Лалеман и Ж. Дине. Как писал современный иезуитский историк Л. Кампо, «остается только гадать, что предпринял бы Ришелье, поставленный перед официальным запросом о завоевании Новой Голландии» [24, vol. V, p. 233].

В Канаду о. Лежён вернулся в июле 1642 г. со взводом солдат и новыми миссионерами – предназначенным для Гуронской миссии о. Франсуа-Жозефом (Франческо Джузеппе) Брессани и о. Жоржем Дёдемаром, назначенным капелланом для нового форта [24, vol. V, p. 215, 235, 238].

Строительство форта Ришелье у истоков реки Сорель, которую также переименовали в честь кардинала, началось 12 августа 1642 г. Ирокезы несколько раз нападали на строителей, однако в течение месяца крепость была возведена. Уже 20 августа иезуиты отслужили в ней торжественную мессу [29, vol. XXII, p. 275-279]. Тем не менее, миссионеры достаточно скептически отнеслись к ее возможностям в пресечении военной активности ирокезских отрядов на р. Св. Лаврентия. Еще в марте 1642 г., находясь в Дьеппе, Лежён написал Ришелье письмо, где прямо высказал сомнение в эффективности этой меры против ирокезских нападений, особенно для Монреаля: форт «отнюдь не открывает дверь к нациям, которые [находятся] выше этого острова» [24, vol. V, p. 230-231]. «Верно, что эти укрепления будут иметь превосходный эффект, – вторил ему Б. Вимон, – но поскольку они не нападают на корень зла, и поскольку эти Варвары продолжают войну по образу Скифов и Парфян, дверь не будет полностью открыта Иисусу Христу, и угроза не будет предотвращена для нашей колонии, пока ирокезы не будут побеждены или истреблены» [29, vol. XXII, p. 35]. Это впоследствии подтвердил и о. Жог, сообщив в 1643 г. из Ирокезии, где находился в плену у могауков, что «форт Ришелье создает им некоторые помехи, но не препятствует им в целом» [29, vol. XXIV, p. 295].

Тем не менее, иезуиты не только приняли участие в основании форта Ришелье, но и создали там миссию, так как его начали посещать охотничьи партии алгонкинов из редукций в Труа-Ривьер и Силлери. Вимон в письме, отправленном генералу ордена в сентябре 1642 г., прямо назвал Ришелье «нашей новой резиденцией», наряду с Виль-Мари (Монреалем) [24, vol. V, p. 280-281; 29, vol. XXIV, p. 195-197; vol. XXVII, p. 81].

Развитие Бобровых войн подтвердило опасения иезуитов относительно малой эффективности форта Ришелье в борьбе с ирокезами. Потерпев неудачу в его прямом захвате, ирокезские воины просто обходили форт стороной в рейдах к поселениям на р. Св. Лаврентия. К осени 1645 г. форт был «был почти оставлен, за исключением 8 или 10 солдат». В сентябре отцы Дёдемар и Ж. Дюперон, бывшие на тот момент в резиденции, вернулись в Квебек, «и никто не пошел, чтобы остаться там вместо них». В конце концов, постоянная резиденция в Ришелье была ликвидирована, ее присоединили к резиденции Ля Консепсьон в Труа-Ривьер, суперior которой Ж. Бюте был назначен настоятелем для форта [29, vol. XXVII, p. 81]. С этого времени форт был полностью заброшен и сожжен ирокезами, вероятно, весной 1646 г. [29, vol. XXX, p. 183]

В первой половине столетия иезуитские миссионеры приняли и непосредственное участие в племенных войнах. Готовность к личному военному «подвигу» во многом определялась идеологией и образом жизни членов Общества Иисуса, заложенными его основателем – св. Игнатием Лойолой, некогда профессиональным военным, получившим «откровение» в результате ранения в бою. Воспринимая мир как поле битвы между силами добра и зла, Бога

и Сатаны, Лойола позиционировал свое Общество именно как военный отряд «рыцарей Христа», вставших под его знамена и готовых пожертвовать собой ради великой цели строительства Царства Божьего: «Поскольку вы – Его солдаты в этом Обществе с особым правом и особой наградой. Его награда – вся вселенная и все материальное и духовное, что в ней есть» [22, t. I, p. 495-510]. В «Духовных упражнениях» Лойолы, краеугольном камне иезуитской духовности, содержится «Размышление о двух знаменах», представлявшее подготовку к этому эпическому сражению между армиями Христа и Сатаны, в результате которой «истинный Вождь» Христос «избирает многих людей… и посылает их по всему миру сеять Его святое учение». Новиций ордена был призван найти свое место под знаменем Христа [4, с. 54-55].

И для миссионеров Новой Франции была характерна та мартиальная риторика, которую активно использовали иезуиты XVI-XVII вв. и в заморских, и в так называемых «внутренних», европейских миссиях. Супериор канадской миссии Поль Лежён воспринимал себя, прибыв в Новую Францию в 1632 г., как авангард, посланный, чтобы «вырыть траншеи» для «храбрых солдат», которые «осадят и возьмут город». Он направлял лингвистические «экспедиции», чтобы «напасть на врага на его территории с его собственным оружием», и расставлял «батареи» из школ и редукций, чтобы «уничтожить империю Сатаны», над которой «развернется знамя Иисуса Христа». Его коллеги в Гуронии развивали те же военные метафоры: иезуитские резиденции назывались «фортами» и «цитаделями», из которых язычников бомбардировали «батареи проповедей и наставлений», нацеленных на сатанинскую «твердыню» [29, vol. I, p. 221; vol. V, p. 21; vol. VIII, p. 121; vol. XIII, p. 81; vol. XIV, p. 107, 125-127, 149; vol. XVII, p. 115]. Поэтому для миссионеров «духовная брань» часто имела свои материальные воплощения, и они были готовы вступить в бой (в границах орденского устава).

Например, в 1635 г. иезуиты впервые столкнулись с ирокезской опасностью в Гуронии, опасностью, которая станет фатальной и для гуронов, и для миссии. Весной прошлого года отряд сенека уничтожил военную партию гуронов. С наступлением лета, военного сезона, в гуронских деревнях началась паника: большинство мужчин-воинов отсутствовало, уехав в торговые экспедиции, и деревни были практически беззащитны перед врагом. Только у светских слуг иезуитов были аркебузы в этой стране. Именно тогда иезуиты посоветовали людям «столицы» гуронов, Оссоссане, сделать квадратную изгородь с угловыми башнями, «подобно Бастилии». Таким образом, четыре француза, вооруженные аркебузами и занявшие каждую башенку, могли помешать приблизиться врагу. Ирокезы так и не появились. «Однако, – писал позднее «апостол гуронов» о. Жан Бребёф, – эти опасения не были бесполезны, поскольку мы смогли добиться уважения народа, и стать полезными для них, также, давая им железные наконечники для стрел, стремясь помочь им в их фортах, согласно нашим возможностям» [29, vol. X, p. 51-53; 24, vol. IV, p. 37-38].

В августе 1637 г. иезуитские миссионеры, отправившиеся в Гуронию вместе с гуронскими торговцами, подверглись нападению могауков у Труа-Ривьер. Индейцы (гуроны, алгонкины и монтанье) и французы укрылись в форте поселения. Из Квебека срочно прибыли подкрепления во главе с губернатором Монманьи, который встал на защиту своих союзников. Иезуиты активно включились в оборону форта: Лежён «назначил отца Бюте защищать монтанье и заботиться о раненых, а отца Даньеля – гуронов. Отец Клод Пижар должен был вместе с хирургом помогать нашим французам; отец Дюмарше охранять часовню и слушать исповеди тех, кто мог преставиться». Сам супериор «находился во всех этих местах», наблюдая за происходящим. Однако ирокезы не решились напасть и отступили [29, vol. XII, p. 199-207, 215].

Весной 1648 г. гуронский караван каноэ, плывших во французскую колонию для торговли, 17 июля был атакован могауками в Пуэнт-дю-Лак, уже на подступах к Труа-Ривьер.

Растерявшихся и собиравшихся бежать гуронов воодушевил о. Брессани, сопровождавший караван: размахивая своими искалеченными руками, «этот добрый Отец без страха взобрался на пень, откуда кричал и воодушевлял своих людей, в то время как град пуль свистал вокруг, совершенно не ранив его, что можно считать чудом». В результате гуроны разгромили ирокезский отряд и в триумфе прибыли в Труа-Ривьер с 20 пленными [20, t. I, p. 370-371; 29, vol. XXXII, p. 97, 177-185].

С началом реализации с конца 30-х гг. программы создания редукций (поселений для христианских индейцев) ирокезы оказались одним из главных препятствий ее существованию и расширению на новые племена и территории: многим, кто «услышал об Иисусе Христе, его доктрина кажется красивой и желанной, – отмечал П. Лежён в 1641 г., – но малая помощь, которую мы можем дать им, и ярость ирокезов, препятствует им присоединиться к нам» [29, vol. XXI, p. 117]. Поэтому отцы не были против, когда их алгонкинские неофиты из редукций Силлери (близ Квебека) или Ля Консепсьон (в Труа-Ривьер) присоединялись к военным партиям своих языческих родственников или формировали свои собственные. Более того, иногда миссионеры сопровождали эти отряды в качестве своеобразных капелланов (как, например, поступил о. Дрюйет, уйдя в рейд вместе с индейцами Силлери в июле 1648 г.) [29, vol. XXXII, p. 95].

Отряды по 10-20 человек совершали рейды против ирокезов на реке Св. Лаврентия или даже на территории Лиги, отвлекая на себя большие группы врага и тем самым оказывая колонии серьезную помощь в обороне. С 1640 до заключения мира с Лигой в 1655 г., индейцы редукций вели против нее такую «маленькую войну» (petite guerre), как называли эту тактику иезуиты [29, vol. XXX, p. 171-173]. Историк XVIII в. Леруа де ля Потри даже утверждал, что рейды, организованные вождем Ля Консепсьон Пискаретом, заставили могауков искать мира у французов в 1653 г. [18, p. 300-303][1] Однако поражений, и весьма болезненных, тоже хватало. Весной 1650 г. довольно большой отряд из Силлери, включавший в себя и гуронов, был полностью уничтожен могауками [29, vol. XXXV, p. 217-223].

Сохраняя воинские традиции, индейцы редукций, вместе с тем, наполнили их новым содержанием. Благодаря проповедям иезуитов, военное противостояние с ирокезами обретало религиозную форму священной войны с неверными. Так, в 1637 г. иезуиты учили христианских воинов монтанье, собиравшихся в военный поход, следующей молитве: «Ты, кто сделал все, помоги нам; помоги нам возлюбить друг друга, мы полюбили бы и ирокезов, наших врагов, но они – грешники; помоги им стать хорошими, или иначе помоги нам убить их» [29, vol. XI, p. 217]. А в 1650 г. неофиты Силлери мотивировали свое участие в рейде против ирокезов тем, что собираются «отрезать ноги их врагам, чтобы помешать тому, чтобы они пришли нарушить их молитвы» [29, vol. XXXV, p. 217-219]. Именно в том походе принимал участие молодой алгонкин Жозеф Онахаре, который попал в плен к ирокезам и был подвергнут традиционным пыткам огнем. Во время казни он громко молился и пел христианские гимны, «три дня и три ночи в ужаснейших муках, в насмешках над верой, которую он прославлял до последнего вздоха». Согласно Полю Рагено, Онахаре поднял оружие против ирокезов «лишь с целью сохранения Церкви», и принял «решение пострадать и умереть с твердостью ради этого». Рагено отождествлял конфликт с ирокезами со священной войной, «ибо

[1] С другой стороны, веком позже другой канадский историк Б. Сюльт назвал туземные военные отряды редукций «недисциплинированной и неверной группой, ценность которой сводилась к нулю во время войны» (28, t. III, p. 51). Все же, видимо, историческая правда на стороне ля Потри: в первой половине XVII в. без поддержки своих индейских союзников французы были обречены на поражение в «лесной войне» с ирокезами, не только численно превосходившими их, но и обладавшими тактическим и стратегическим преимуществами.

многие наши христиане не поднимали оружия,.. кроме, как ради спасения христианства в наших новых Церквях» [29, vol. XXXV, p. 223-227; 20, t. I, p. 432].

Известие об обстоятельствах смерти Онахаре укрепило тенденцию к признанию не только возможности полного обращения в христианство американских туземцев, но и достижения ими высших форм религиозности, в том числе и святости, которая начала формироваться среди иезуитов еще в 30-е гг. В Реляции за 1650 г. впервые выдвигалось предположение, что Онахаре мог быть святым. Некоторые христианские гуроны, сообщал летописец, «говорят, что он заслужил венец мученика, ибо действительно он пострадал ради Иисуса Христа» [29, vol.XXXV, p. 223]. Настоятельница квебекских урсулинок Мари л'Энкарнасьон, которая лично знала и любила Онахаре, в письме своему сыну во Франции сообщала о горе, но и материнской гордости относительно его «великолепной смерти». «Но есть ли у меня добрый сын? Он – скорее мой отец и мой защитник перед Богом» [20, t. I, p. 432]. Мать Мари смогла изменить отношение к этому индейцу от «сына» к «отцу»: индеец из духовного ребенка становится зрелым проводником и защитником. Однако потребуется еще полстолетия для того, чтобы подобный подход к проблеме туземной святости смог утвердиться в идеологии ордена.

Одновременно, неофиты стремились опровергнуть клевету «неверных и плохих христиан» о том, что, по словам вождя монтанье Силлери Этинешкауата, «молитва делает нас трусами и снижает нашу храбрость. Мы должны показать им, что они лгут, и что вера далека от превращения нас в трусов, что, напротив, она оживляет наши сердца среди… опасностей, и делает нас храбрыми в нашей наибольшей слабости» [29, vol. XXV, p. 157]. Однако, совместные экспедиции язычников и христиан против общего врага редко приводили к успеху в первой половине XVII в. не только по объективным причинам военного превосходства ирокезов, но и в результате внутренних противоречий между религиозными фракциями военных партий. Так, во время совместного похода язычников-кичезипирини и неофитов Силлери против ирокезов зимой 1641 г. эти противоречия возникли с самого начала. Во-первых, кичезипирини, выступившие инициаторами похода, в качестве стимула привлечения к нему христиан редукции обещали покреститься после возвращения. Неофиты, напротив, требовали от них предварительного крещения. Не добившись согласия, большинство воинов Силлери остались дома, а те, кто отправился с язычниками, «все время шли отдельно, становясь на колени в молитве», демонстрируя им свою веру. Неизбежно, эта экспедиция потерпела поражение [29, vol. XX, p. 165-171].

По мере расширения конфликта и вовлечения в него новых участников, иезуитские миссионеры, находившиеся на переднем крае французской колонизации, оказались первыми жертвами ирокезов.

2 августа 1642 г. большой отряд могауков близ современного города Ланоре атаковал гуронскую флотилию из 80 каноэ, возвращавшуюся с французскими товарами домой. Отправившиеся вместе с ними в Гуронскую миссию о. Изаак Жог и два донне (иезуитских слуги) – врач Рене Гупиль и Гийом Кутюр, были захвачены в плен [24, vol. V, p. 595-598; 29, vol. XXIV, p. 305; vol. XXVI, p. 189-191; vol. XXVIII, p. 119-121].

Пленных забрали с собой в Ирокезию, подвергнув их по дороге ужасным пыткам. Кутюр, самый молодой и здоровый, был отослан в наиболее отдаленную деревню могауков и смог вернуться в колонию лишь в 1645 г. в результате заключения франко-ирокезского перемирия. Жог и Гупиль оказались вместе в селении Оссерненон (совр. Орисвилль, шт. Нью-Йорк), где вновь подверглись пыткам. Пленного иезуита «приветствовали избиениями на входе в деревню; некоторые вырвали и унесли волосы с его головы; другие, в насмешку, вырвали его бороду. Женщина… отрезала ножом большой палец его левой руки. Другая откуси-

ла палец на правой руке, повредив кость; другие вырвали его ногти, затем прижгли концы тех бедных пальцев огнем» [24, vol. V, p. 600-606; 29, vol. XXIII, p. 249-251; vol. XXIV, p. 281].

Цель ирокезской пытки заключалась не в убийстве человека, а скорее в обновлении его идентичности через ритуальную смерть и возрождение, чтобы пленник мог быть принят («усыновлен») в качестве нового члена племени, заменив погибших. Пленника либо принимали, либо, в конце концов, убивали. Но Гупиль и Жог не были ни убиты, ни «усыновлены», подобно Кутюру. Им оставили жизнь, поскольку «замешательство возникло в советах ирокезов». Некоторые желали казнить их, в то время как другие предпочитали получить за них выкуп [29, vol. XXVIII, p. 127; 24, vol. V, p. 606-607].

В отличие от Кутюра, они не были приняты какой-либо могаукской семьей, а превращены в общих рабов, которые не стоили даже собаки. Существование их было жалким: по словам Жога «вместо дома у него было несколько кусков коры; земля – его кровать и его матрац; кусок кожи, грязной и зловонной, служит ему накидкой днем, и покрывалом ночью. Его питание состояло лишь из небольшой порции маиса, сваренного в воде без соли» [29, vol. XXIV, p. 299-301]. Иезуитов оставили в состоянии неопределенности, на грани между жизнью и смертью. Они получили статус, эквивалентный испытательному сроку, который мог длиться месяцы или всю жизнь, во время которого пленник, как ожидали, докажет готовность интегрироваться в ирокезское общество, поступая как ирокез [25, p. 69]. Но, кажется, иезуиты презрели возможность компромисса, отказываясь играть роль приемных детей ирокезов. Они провоцировали конфликт, проповедуя, публично молясь и пытаясь обратить других. Они оставались чужими, а значит, представляли угрозу: реальную или ритуальную. Рано или поздно такой стиль поведения должен был привести к закономерному результату. 29 сентября 1642 г. Гупиль нанес знак креста на лоб мальчика и тут же был зарублен ирокезским воином [29, vol. XXVIII, p. 129-135]. Его действия были восприняты как отказ следовать нормам ирокезского образа жизни, это был акт провокации и агрессии, ответом на который стала быстрая и безжалостная смерть.

Жог оставался рабом могауков еще около года. Он пытался проповедовать могаукам, тем самым, фактически, став первым миссионером у них, но «ирокезы неохотно слушали то, что он говорил о Боге» [29, vol. XXIV, p. 283; vol. XXV, p. 71; vol. XXXI, p. 83]. В начале августа 1643 г. о. Жогу удалось бежать в Форт-Оранж к голландцам во время торговой экспедиции могауков на Гудзон, участником которой он был. Больше месяца он скрывался в доме Иоганна Мегаполензиса, протестантского пастора голландской колонии, спасаясь от мести ирокезов. Последние, наконец, приняли от голландцев выкуп за иезуита, Жога отправили в Новый Амстердам, и 5 ноября он отплыл на голландском корабле в Англию, а оттуда – во Францию [29, vol. XXV, p. 43-65]. 5 января 1644 г. о. Жог достиг Ренна во Франции, вызвав настоящий фурор сначала в местном иезуитском коллеже, а затем и в Париже. Во время аудиенции при дворе королева не смогла сдержать слез при виде его искалеченных рук, на которых ирокезы отрезали большинство пальцев. Папа Римский, в нарушение ритуальных правил, требующих, чтобы священники были физически полноценными для служения мессы, решил, что «несправедливо, что мученик за Христа не может пить Кровь Христа», о чем Жогу сообщил сам генерал ордена [29, vol. XXXI, p. 105-107; 24, vol. VI, p. 49; 23, p. 164]. Тем не менее, Жог вскоре предпочел вернуться в Новую Францию – страну креста [29, vol. XXIII, p. 269; vol. XXIV, p. 71, 139, vol. XXVII, p. 89].

Весной 1644 г. могауки вновь захватили иезуита: в этот раз жертвой стал о. Франсуа-Жозеф Брессани, направлявшийся в Гуронию «с богатыми дарами» в сопровождении шестерых учеников гуронской семинарии из Труа-Ривьер и молодого слуги-француза. Их караван был атакован ирокезами 28 апреля на оз. Сен-Пьер, в устье р. Маскинонже [29, vol. XXIV, p. 27-35].

Так же, как и Жога, Брессани отвели в страну могауков и подвергли мучительным пыткам. В первой деревни, в которую он был доставлен, ирокезы избили его дубинками при входе, заставили танцевать на горящих углях и вырвали бороду и волосы. «Каждую ночь, они начинали снова это занимательное развлечение; они жгли один из его ногтей или один из его пальцев в течение семи или восьми минут. В первую ночь они сожгли ноготь; во вторую, первый сустав пальца; в третью, второй сустав. Таким образом они подносили огонь к его пальцам более восемнадцати раз. Они пронзили его левую ногу пикой, а тем временем он был вынужден петь. Целый месяц прошел в этой манере». Затем миссионера отправили еще в две деревни, где он последовательно подвергся тем же издевательствам. В одной «они отрезали его левый большой палец и два пальца правой руки, сначала разрезав руку в длину между вторым и средним пальцами. Они сожгли его оставшиеся ногти и несколько пальцев, сломали пальцы ног, и заставили есть грязь и то, что не доели собаки». В другой, его подвешивали «на цепях за ноги» в течение недели, «он пострадал в тех местах и таким способом, о которых пристойность не позволяет нам писать. Он был покрыт гноем и грязью, и его раны изобиловали червями» [29, vol. XXVI, p. 41-47; vol. XXXIX, p. 71-73; 24, vol. VI, p. 31-39].

Так же, как и Жог, Брессани был обращен в рабство и отдан одной ирокезской вдове, которая, однако, вскоре (19 августа) продала его голландцам в Форт-Оранже. Возможно, его исковерканные пытками руки не позволили ему стать хорошим рабом. Слабое знание гуронского языка и слишком короткое пребывание в Ирокезии не позволили Брессани вести миссионерскую работу ни среди могауков, ни среди пленных индейцев. Более того, как писал он позже, «гуронские и алгонкинские пленники, вместо того, чтобы утешать, первыми мучили меня, чтобы угодить ирокезам» [29, vol. XXXIX, p. 73]. Единственным крещением, которое он совершил перед самым отъездом, стал обряд над пленным гуроном перед его казнью у пыточного столба. Голландцы обеспечили иезуиту лечение и возможность вернуться во Францию: 15 ноября 1644 г. о. Брессани достиг Ла-Рошели, «в лучшем здоровье, чем когда-либо» [29, vol. XXVI, p. 49-51; vol. XXXIX, p. 79-83; 24, vol. VI, p. 50-51]. Но, как и Жог, Брессани вернулся в 1645 г. обратно в Новую Францию, а затем и в Гуронию, окончательно закрепив образ истинного миссионера-мученика в умах своих коллег.

Иезуитские миссионеры осмысливали происходящее почти исключительно в религиозном контексте: военные рейды отрядов индейских союзников (даже если они состояли не только из христиан) напоминали им «священные войны» прошлого, борьбу за веру и церковь. Именно на таком «военном материале» формировалась не только мартирологическая традиция канадских иезуитов, но и их представление о святости, достигаемой в мученичестве, и доступной не только «цивилизованным» европейцам, но и «диким» индейцам. В результате в иезуитской миссионерской среде все более отчетливым становился образ «дикаря», крещенного или языческого. Одновременно французские иезуиты пытались на этой основе осмыслить сам феномен этнического конфликта, частью которого они оказались.

В результате событий 1642-1645 гг. ирокезы стали объектом постоянного внимания в Иезуитских реляциях. Их демонизированный образ активно использовался иезуитами для подчеркивания преемственности молодой канадской церкви со всей христианской традицией, ведущей начало с апостольских времен. Ирокез обретал все более сочные краски врага веры и творца мучеников. Но при этом он абсолютно лишался собственной активной воли: подобно древнееврейским пророкам, иезуиты в Новой Франции видели его «бичом божьим», карающим младенческую канадскую церковь за ее грехи. «Бог считает вас своими детьми: он желает дать вам разум, – убеждали миссионеры индейцев в 1643 г., – он использует ирокезов как бич, чтобы исправить вас, дать вам веру, заставить вас обращаться за помощью к нему. Когда вы станете мудры, он бросит розги в огонь; он не накажет и ирокезов, если они испра-

вятся. Эти же бичи были и во время оно, с которыми сталкивались в ранней Церкви. Оскорбления – предвестники присутствия великого Господа... Необходимо умерить гордость и надменность этих народов, чтобы впустить веру» [29, vol. XXV, p. 37-39]. Получив известия о пленении могауками о. Брессани, настоятель редукции Силлери Ж. Декон «произнес проповедь по этому поводу, чтобы показать им [неофитам], что этот несчастный случай и очень много других бед были проявлениями гнева Божьего, который был справедливо разгневан греховностью плохих христиан и неверных, которые не повинуются его слову» [29, vol. XXV, p. 149].

Этот образ привлекался миссионерами и как средство конверсии индейских союзников французов: алгонкинов и гуронов. Презентация ирокезов как «демонов», уподобление традиционных пыток вечным адским мукам, а их военных набегов – каре Господней служили мощным средством привлечения индейцев Св. Лаврентия и Великих озер к христианской религии и ее утверждения в их среде.

Не последнюю роль в этом сыграли также определенные элементы этого послания, особенно картины ада. Следуя практике визуализации (которая была основой Духовных упражнений, обязательных для каждого иезуита), миссионеры рисовали настолько впечатляющие образы адских мучений, что вызывали подчас ужас у своих слушателей [29, vol. X, p. 29; vol. XI, p. 9, 107, 207]. Тем более что за конкретными примерами далеко ходить было не надо: практика пыток пленных, в том числе и огнем, была хорошо развита у всех народов региона. Представление, что подобные пытки могут длиться вечно, сильно впечатляло индейских воинов. Так, в Instructions d'un infidel moribond (наставлениях перед смертью для гуронов) четко проводилась мысль, что страдание пленника не может сравниться с тем, что претерпевают грешные души в аду. Боль «длится только короткое время для тех, кто связан, замучен и умирает», но грешников Бог наказывает «вечно»: «Они вдыхают огонь... Они готовят для себя еду из огня. Они пьют огонь... Огонь служит им ложем... Кровь кипит в их венах. Мозги кипят в их головах. Кипение никогда не закончится... Ах, как страшно под землей» [13, p. 611-619].

Надо сказать, что «ирокезскую карту» миссионеры разыгрывали мастерски: «если для того, чтобы избежать рук ирокезов, они используют любое средство, какая еще должна существовать причина… не попасться однажды в руки жестокого врага, который будет мучить их вечно?» [29, vol. XV, p. 117]. Постепенно формировалась новая традиция: испрашивать у миссионеров крещение или, по крайней мере, благословение перед военным походом. «Некоторые молодые люди заняли место на нашей стороне, начиная с зимы, и их наставление заняло большую часть нашего времени; они предложили себя нам с их собственного согласия, со многими свидетельствами доброй воли», – сообщал из Гуронии Лемерсье в Реляции 1638 года [29, vol. XV, p. 125].

Таким образом, в первой половине XVII в. иезуитские миссионеры весьма активно способствовали реализации планов разгрома Ирокезской лиги как в самой колонии, так и в метрополии. Эта позиция была вызвана ростом угрозы со стороны ирокезов существованию французской колонии в Новой Франции вообще, и ее миссионерской деятельности, в частности.

Наряду с разработкой планов разгрома или покорения ирокезов, иезуиты не оставляли надежды на примирение с ними или даже основания среди них миссии и, тем самым, их привлечения в орбиту французского экономического и политического влияния. Ирокезы были одним из самых развитых и могущественных народов Вудленда, и их христианизация открывала заманчивые перспективы для всего иезуитского апостолата в Северной Америке. «Если гуроны и ирокезы договорятся между собой о мире, я предвижу роскошное открытие для Евангелия», – был уверен о. Лежён [29, vol. VII, p. 223].

Уже летом 1635 г., когда иезуиты впервые столкнулись с ирокезской опасностью в Гурении, возникли предпосылки для их «миротворческой» деятельности. В переговорах с племенами Лиги гуроны пытались задействовать иезуитов, однако Бребёф отказался. У. Н. Фентон и, вслед за ним, Ю. П. Аверкиева считали, что этот отказ был вызван нежеланием французов гуроно-ирокезского мира, который отклонил бы поступавшие с территории Великих озер меха от Квебека к голландцам Форт-Оранжа [12, p. 227; 1, с. 223; 30, p. 145][1] Даже если миссионер и имел подобные мотивы, вряд ли они были доминирующими. Скорее, напротив: в 1635 г. для иезуитских миссионеров ирокезы еще ничем принципиально не отличались от гуронов и представлялись столь же перспективной паствой, как и последние. Проникнуть к ирокезам было давней целью иезуитов, еще со времен I Квебекской миссии (1625-1629 гг.), и «если бы это произошло, благородная дверь была бы открыта для Евангелия». Но супериор Гуронской миссии руководствовался стратегией, которую в 30-е гг. разделяли все канадские миссионеры: «я не считаю мудрым куда-то идти, пока мы не установили здесь прочную основу Евангельского Закона, и пока мы не протянули нить, которой смогут руководствоваться другие нации, должные быть обращенными» [29, vol. VIII, p. 115-117].

До пленения Жога в 1642 г. миссионеры вступали в контакт с представителями Ирокезской лиги весьма редко, в основном с воинами, попавшими в руки индейских союзников французов. Первых ирокезов иезуиты увидели в 1632 г. в Тадуссаке, пытки и смерть которых Лежён подробно описал в первой реляции из Новой Франции [29, vol. V, p. 31]. По мере проникновения миссионеров в индейские племена, с одной стороны, и эскалации Бобровых войн, – с другой, эти контакты становились все чаще и привели к первым попыткам христианизации пленных ирокезов, то есть крещения перед неизбежной пыткой и казнью. Первое такое крещение ирокеза-могаука совершил о. А. Даньель в 1636 г. на о. Алюмет, по пути в Квебек из Гурении: «он наставил и крестил его прямо перед тем, как тот отправился на смерть» [29, vol. IX, p. 65-67; vol. XIII, p. 83]. В 1638 г., после успешного совместного алгонкино-гуронского военного рейда против племен Лиги, в Гурению доставили более ста ирокезских пленных: все они были крещены перед пытками и казнью. «Некоторые из них показали такую силу духа в их мучениях, что наши Варвары решили больше не позволять нам крестить этих несчастных, считая бедой для страны, когда те, кого они пытают, совсем не вопят». Другой мотивировкой сопротивления крещению ирокезских пленных было убеждение гуронов, что «крещение сделает их более счастливыми в смерти» [29, vol. XV, p. 173]. Сомнительно, что в тот момент гуронов устраивало утверждение иезуитов, что «Бог любит всех людей во всем мире, ирокезов так же, как гуронов» [29, vol. XIII, p. 47].

С началом франко-ирокезской войны в 1641 г. эти контакты становятся все более интенсивными с каждым годом: иезуиты не только крестили пленных ирокезов, но и участвовали в переговорах с ними в качестве переводчиков или непосредственных представителей колониальных властей. Появление иезуитов в ирокезских селениях в качестве военнопленных (с 1642 г.) впервые дало возможность начать (пусть и несистематическую) миссионерскую работу среди их населения с целью создания уже не «церкви торжествующей», но «церкви воинствующей». Эта перспектива, со временем становясь все более реальной, предопределила тенденцию к смягчению взглядов иезуитов на ирокезов не как на врагов церкви, но как потенциальную паству. Во второй половине XVII в. этот взгляд полностью возобла-

[1] Возможно, Фентон основывал эту идею на пассаже из «*Истории Канады*» (1636) Г. Сагара, который заявлял, что его попытки примирения гуронов и ирокезов были пресечены светскими властями, так как это угрожало тем, что «гуроны начнут торговлю с фламандцами, и оставят Квебек» (26, vol. III, p. 811). Однако, Сагар был в Новой Франции в 1623-1624 гг., за 10 лет до описываемых событий и почти за 5 до основания Компании Новой Франции, изменившей индейскую политику ранних торговых компаний.

дал среди иезуитских миссионеров, основавших миссии как в самой Ирокезии, так и ирокезские редукции на территории колонии. В то же время, в первой половине столетия «пацифистские» настроения укреплялись в иезуитской миссионерской среде по мере осознания невозможности на данный момент силового решения «ирокезской проблемы».

Ситуация в колонии к середине 40-х гг. достигла максимального кризиса. В июне 1643 г. могауки впервые напали на Монреаль, предварительно разгромив торговый караван гуронов [29, vol. XXIV, p. 273-279; vol. XXV, p. 47-49]. В 1644 г. девять военных отрядов могауков нанесли удары по различным пунктам колонии, в том числе по Монреалю, форту Ришелье и Труа-Ривьер, вызвав панику среди французского и индейского населения. Неофиты в страхе покинули редукцию Силлери, рассеявшись в лесах. В течение года могауками были захвачены три большие гуронские флотилии, что полностью остановило всю мехоторговлю по реке Св. Лаврентия [29, vol. XXV, p. 193; vol. XXVI, p. 35-37; vol. XXVIII, p. 45]. Сложившаяся ситуация представлялась настолько безнадежной, что супериор Б. Вимон позволил себе заметить в 1644 г., через 20 лет после основания иезуитской миссии в Новой Франции, о том, что «мы только начинаем» [29, vol. XXV, p. 115].

Колония находилась на краю гибели. Ее светские и духовные лидеры прекрасно осознавали ту угрозу, которую несли с собой ирокезы для поселенцев и миссий, и свое бессилие перед ними. Они справедливо опасались, после получения известий в 1643 г. о смерти кардинала Ришелье и короля Людовика XIII, что никакой помощи в решении ирокезской проблемы из метрополии они уже не получат. Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну, рост социально-политического противостояния (Фронда), серьезный экономический кризис – все это препятствовало проведению активной заморской политики французским государством [3, с. 38-39]. Феодальный собственник колонии – Компания Новой Франции, подверглась в 1643 г. болезненной процедуре ликвидации долгов, сумма которых достигла 350 тыс. ливров, что привело к ее фактическому устранению от участия в управлении [2, с. 105]. Абитанам предстояло самим решать свою судьбу и судьбу Новой Франции. В условиях эскалации этнических конфликтов, французы выбрали единственно возможную стратегию выживания – выйти из них.

Поэтому, когда в мае 1644 г. победоносная военная партия гуронов и алгонкинов явилась в Труа-Ривьер с несколькими ирокезами, захваченными у форта Ришелье, Монманьи сделал все, чтобы сохранить пленникам жизнь и отправить их обратно в Ирокезию с посланием о мире и приглашением на переговоры. Алгонкины отдали своих пленных, тогда как гуроны предпочли договариваться с Лигой без посредничества французов [29, vol. XXVI, p. 57-71; vol. XXVII, p. 229, 241-243, 245; vol. XXVIII, p. 45-47].

5 июля 1644 г. посольство могауков во главе с вождем Киотсеаэтоном прибыло в Труа-Ривьер для переговоров о мире. Франко-индейский союз представляли губернатор Монманьи и супериор иезуитской миссии Вимон. В знак доброй воли ирокезы освободили Кутюра, который в дальнейшем выполнял функции переводчика во время совета. Могауки были готовы заключить мир и с французами, и с их индейскими союзниками, и требовали лишь отпустить их пленных соплеменников. Алгонкины согласились, но гуронские представители не успели прибыть до того, как могауки покинули Труа-Ривьер 15 июля, чтобы ратифицировать соглашение в своей стране. Поэтому, для подтверждения мира и включения в него гуронов, 17-20 сентября 1645 г. в Труа-Ривьер вновь состоялся совет, на котором присутствовали все заинтересованные стороны: Монманьи, иезуиты, гуроны, которые возвратили одного из двух пленников, алгонкины, монтанье, аттикамек и могауки, всего более 400 человек. Мир был торжественно подтвержден. Киотсеаэтон также принес присутствующим на совете Жогу и Брессани извинения за причиненные им страдания [29, vol. XXVII, p. 247-253, 267-303].

Главным фактором, способствовавшим готовности могауков заключить мир с франко-индейским союзом, был, по-видимому, экономический. Получив контроль над торговлей мехами с голландцами, могауки стремились направить поток пушнины, поставлявшейся из Гурони в Квебек, в Новые Нидерланды. Попыткой достигнуть этого мирным путем и явился договор 1645 г. [14, p. 212] Эта цель объясняет и отсутствие на переговорах в Труа-Ривьер представителей других племен Ирокезской лиги, не имевших в тот период прямых торговых контактов ни с голландцами, ни с французами.

Во время переговоров ярко проявился конфессиональный подход французов в отношениях с их индейскими союзниками. Один из представителей могауков, которого французы называли ле Кроше (Крюк), предложил им отказаться от союза с алгонкинами в обмен на мир. После консультации с Вимоном и Лежёном губернатор ответил, «что было два вида алгонкинов, одни подобны нам, признанные как христиане; другие отличаются от нас. Без первых, это бесспорно, мы не заключим мир; что касается последних, они сами себе хозяева, и притом не связаны с нами, как другие» [29, vol. XXVIII, p. 151]. Помимо всеобщего мира, Монманьи предлагал также посредничество французов во всех противоречиях между ирокезами и другими народами. В конце концов, мир был подписан, с условием решить все оставшиеся вопросы в ближайшем будущем, и стороны расстались, питая сильные подозрения относительно мотивов друг друга [29, vol. XXVIII, p. 283].

Франко-ирокезский договор 1645 г. был ограниченным: лишь могауки заключили мир с франко-индейским союзом, все остальные племена Лиги не только не приняли в нем участие, но и выступали против его заключения могауками [29, vol. XXVIII, p. 275]. Последние сами были разделены. Из трех родов могауков, Черепахи из Оссерненон, Медведя из Андагарон и Волка из Теонтугена, где три года жил Кутюр, именно Волки вели переговоры, другие роды воздержались от визитов в Новую Францию. С другой стороны, мир 1645 г. открыл новую перспективу в отношении иезуитов к ирокезам. Впервые возникла возможность начать планомерную миссионерскую работу среди племен Лиги. «Время ярости прошло, – утверждал Ж. Лалеман в Реляции 1646 г., – те монстры превратятся в людей, а из людей станут детьми Божьими» [29, vol. XXIX, p. 151].

Весной 1646 г. в Труа-Ривьер состоялся очередной раунд переговоров между франко-индейским альянсом и могауками, связанный с окончательной ратификацией мирного договора, условием которой было включение в него французских индейских союзников. 13 мая могаукская делегация приняла это условие, заключив мир с Тессуатом, вождем алгонкинов Острова. Тогда же могаукам сообщили о подготовке франко-алгонкинского посольства в их страну [29, vol. XXVIII, p. 169-171, 291-303].

Неопределенность политической ситуации, с одной стороны, и сильное стремление начать миссию среди ирокезов, – с другой, привели к решению светских и духовных лидеров колонии послать к могаукам новое посольство для подтверждения достигнутых соглашений. Ж. Лалеман после долгих консультаций со своими духовными советниками 26 апреля 1646 г. в качестве посла указал на И. Жога, «поскольку он уже был знаком с этими людьми и их языком, монетой, более драгоценной, чем золото или серебро» [29, vol. XXVIII, p. 183; vol. XXIX, p. 47].

16 мая из Монреаля в страну могауков отправилось французское мирное посольство, состоящее из о. Изаака Жога и картографа Жана Бурдона в сопровождении ирокезского и алгонкинского эскорта. Сделав недолгую остановку в голландском Форт-Оранже, посланники 7 июня достигли первой деревни могауков – Оссерненон, которую Жог посвятил Св. Троице. 10 июня там состоялась «Генеральная Ассамблея всех основных капитанов и старейшин страны», которая подтвердила обязательство сохранять мир не только с французами,

но и их индейскими союзниками. Жог отметил, что представители рода Волка «заверили французов, что для них здесь всегда будет безопасное жилье». Он также «публично подарил 2000 фарфоровых бусинок» представителям онондага, «чтобы побудить их принять план французов». 16 июня Жог с компаньонами оставил Оссерненон, а 27-го достиг французских поселений; 3 июля послы прибыли в Квебек. В целом, посольство можно было считать успешным. Бурдон сделал первую «вполне точную карту этих областей», а Жог крестил нескольких больных детей и исповедал тех гуронских христиан, которые находились в этом селении [29, vol. XXVIII, p. 137-139, 213; vol. XXIX, p. 49-61; vol. XXX, p. 227-229].

Успех посольства воодушевил Ж. Лалемана на открытие Ирокезской миссии. 9 июля на консультации супериора с оо. Лежёном, Вимоном и Жогом было решено отправить последнего к могаукам при первом удобном случае [29, vol. XXVIII, p. 217]. Уже 21 августа на очередной консультации было решено, что такой случай представился: Жогу было предписано провести среди могауков зиму. «Наш преподобный отец-настоятель, – писал Жог своему другу во Францию, – весьма склонен к этому. Только моя собственная трусость и телесная слабость создает сильные препятствия планам Бога для меня и для этой страны» [29, vol. XXVIII, p. 139, 225-227].

24 сентября 1646 г. о. Изаак Жог и донне Жан де Ляланд, в сопровождении нескольких ирокезов и гуронов, собиравшихся навестить своих пленных родственников, отправились в страну могауков для основания там миссии Мучеников. Уже в пути большинство сопровождавших покинуло миссионеров, что было, несомненно, дурным знаком. Тем не менее, французы продолжили путь. Недалеко от форта Ришелье иезуитов встретил ирокезский отряд, который, фактически, под конвоем, сопроводил их в селение Оссерненон: они «были избиты, ограблены и раздеты донага, и в таком состоянии приведены в деревню». По случаю прибытия французов был собран совет племени, на котором им предъявили обвинения в колдовстве, приведшем к потери запасов зерна и болезням [29, vol. XXVIII, p. 231; vol. XXIX, p. 61-63; vol. XXX, p. 221]. Появление французов совпало с одной из самых сильных эпидемий гриппа (1646-1647 гг.), опустошавших Ирокезию в первой половине XVII в. [29, vol. XXX, p. 227-229; 27, p. 142; 21, p. 201-202][1]

Но решения о казни послов вынесено не было; возможно, лидеры могауков вновь разрабатывали варианты выкупа. Однако 18 октября член клана Медведя, вопреки воле совета, убил И. Жога. «Они пришли, чтобы позвать Изаака на ужин, он встал и ушел с тем варваром к хижине Медведя. Был предатель с топором за дверью, кто, на входе, расколол его голову; затем немедленно отрезал ее и установил на палисаде». На следующий день та же участь постигла и Ж. Ляланда, «и их тела были брошены в реку» [29, vol. XXXI, p. 117; 23, p. 194-210][2]. Так Жог стал первым иезуитским мучеником Новой Франции.

Отправляя Жога к могаукам, Ж. Лалеман, помимо прочего, инструктировал его «убедить всех верхних ирокезов… примириться. Если они откажутся, он был уполномочен просить могауков препятствовать тому, чтобы они появлялись на Ривьер де Прери [Оттаве], по которой путешествовали гуроны, чтобы ограничить их войну на Св. Лаврентии как можно дальше вверх по реке от Монреаля, или, по крайней мере, запретить подходить к этому острову» [29, vol. XXIX, p. 181-183].

На самом деле уже летом 1646 г. могауки начали переговоры с другими племенами Ирокезской лиги с целью масштабного вторжения в Гуронию и уничтожения ее населения

[1] Например, онондага потеряли более 50% своего населения (16, p. 397-398; 17, p. 86).

[2] В октябре 1647 г. предполагаемый убийца Жога и Ляланда был захвачен в плен союзными французам индейцами и доставлен в Силлери, где был допрошен и крещен перед казнью, получив имя Изаака, в честь убитого им священника (29, vol. XXXII, p. 21-25).

[29, vol. XXX, p. 227]. Возобновление войны могауков с франко-индейским союзом стало неизбежным: главная цель могауков – контроль над мехоторговлей гуронов – так и не была достигнута. Гуроны продолжали поставлять меха в Новую Францию, игнорируя требования посредничества могауками. В 1645 г. в Новую Францию прибыли 60 гуронских каноэ с мехами, в 1646 г. уже 80 (в тот раз они даже были вынуждены увезти обратно несколько связок шкур, так как у французов не хватило товаров для бартера) [29, vol. XXVIII, p. 141, 231].

Вместе с тем, война против французской колонии не считалась ирокезами неизбежной. Могауки, заключив мир с французами и их союзниками, не стремились его нарушить. Гибель Жога и Ляланда, спровоцировавшая ее, была, видимо, вызвана субъективными ситуационными факторами: порча зерна и эпидемия породили слухи о колдовстве иезуитов. В результате, часть могауков (род Медведя), издавна находившихся на антифранцузских позициях, пошли против решений совета и убили иезуита и его слугу, как традиционно поступали в отношении колдунов североамериканские индейцы. При этом, судя по сообщениям голландцев, из которых в Квебеке узнали о произошедшем, «нации Волка и Черепахи сделали все, что могли, чтобы спасти их жизни», даже ценой своих. Генерал-губернатор Новых Нидерландов Виллем Кифт в письме Монманьи предупреждал французов о необходимости готовиться к войне с ирокезами [24, vol.IV, p.527-528, 540; 29, vol.XXXI, p.117; vol. XXXVI, p.23].

Возобновление войны ирокезов с франко-индейским союзом осенью 1646 г. вновь парализовало все движение по р. св. Лаврентия, отрезав западные миссии от колониального центра. В ноябре был сожжен уже покинутый к этому времени форт Ришелье, а в Монреале были захвачены несколько гуронов и французов [10, p. 35; 29, vol. XXX, p. 221-223]. Это вызвало новую остановку гуронской торговли и бегство алгонкинов вглубь охотничьих территорий, что серьезно осложнило деятельность иезуитских редукций и торговые операции. В 1647-1650 гг. Ирокезская лига расширила военную экспансию на все пространство долины св. Лаврентия и область Великих озер. Последовательно были разгромлены, уничтожены или поглощены кичезипирини (1647), ироке (1647), гуроны (1649). Вместе со своей паствой от ирокезского оружия гибли и ее священники.

Смерть Жога и де Ляланда произвела огромное впечатление на всю иезуитскую миссию в Новой Франции, но наибольшее – в Гуронии. Можно сказать, что миссионеров у гуронов охватила определенная эйфория в преддверии неминуемой гибели во славу Божью. Предпосылкой для этого была не только возросшая опасность со стороны ирокезов, но и рост оппозиции деятельности миссионеров и среди самих гуронов. И ранее склонный к мистическим переживаниям и видениям, о. Жан де Бребёф в этот период жил особенно интенсивной духовной жизнью, оказывая сильное влияние на своих коллег и туземных хозяев. Его видения становились все более насыщенными сценами скорого и жестокого мученичества за веру и связанными со страданием Христа, который являлся ему «неся свой Крест, или уже будучи на нем», отражая пылкое желание миссионера разделить его страдания, желание, которое он удовлетворял ритуальным искупительным самоистязанием [29, vol. XXXIV, p. 161, 183]. Незадолго до смерти Бребеф вновь писал о стремлении к мученичеству, выражая готовность перенести даже адскую муку аборигенной пытки ради Христа: «я даю тебе обет никогда не бежать от благодати мученичества, если однажды своим бесконечным милосердием ты предложишь ее мне... мой возлюбленный Иисус, я предлагаю тебе сегодня... свою кровь, свое тело и свою жизнь; чтобы я мог умереть только за тебя» [29, vol. XXXIV, p. 165-169]. За три дня до гибели, он рассказал о видении своего мученичества, точно указав, что с ним должно произойти [20, t. V, p. 409].

Мистические предчувствия Бребёфа касались не только его судьбы, но отражали и его страх за выживание всех иезуитов Гуронской миссии. Рассказывая о своем зловещем виде-

нии громадного креста в небе, который «прибыл со стороны ирокезских наций», Бребёф отметил, что он был «достаточно большим, чтобы распять нас всех» [29, vol. XXXIV, p. 163-165]. В 1644 г. Бребеф видел себя и его компаньонов обрызганными Кровью Христа [19, p. 233]. Одновременно и другие члены Гуронской миссии начали рассуждать о своем призвании к мученичеству, особенно Ш. Гарнье, который «часто говорил, что ему хочется попасть в руки ирокезов, ибо, сжигая его живьем, у него по крайней мере будет шанс наставлять их столько, сколько они продлят его муку» [24, vol. VI, p. 257-258; 29, vol. XXXV, p. 135-137].

Война подступала к самому сердцу Гуронской миссии. С 1647 г., когда против гуронов выступили не только их традиционные враги – онондага, но вся Лига, включая и могауков, ситуация стала катастрофической. Гуронов охватило ощущение надвигающейся гибели, которое, вероятно, оказалось весьма плодородной почвой для укоренения христианского учения в их среде, а «преданность и пыл их христиан» выросли «больше, чем когда-либо» [29, vol. XXX, p. 223].

В ночь с 3 на 4 июля 1648 г., внезапно около тысячи онондага, сенека и могауков появились у миссии Сен-Жозеф (Теаностайе). Большинство воинов отсутствовало, отправившись к французам, рыбача или находясь на тропе войны. Антуан Даньель только что закончил мессу, когда послышались крики нападающих и выстрелы. «Некоторые ринулись в битву, другие бежали; всюду ужас, всюду плач,.. многие искали крещения». Отец призвал прихожан бежать, сам же вернулся в церковь, где начал крестить катехуменов. «Когда его люди бежали, он сам, ища выгоды для душ, помня о безопасности других, но забыв о собственной, поспешил в хижины, чтобы крестить больных, пожилых и детей». При приближении ирокезов к церкви, он поджег ее и направился в их сторону, чтобы «задержать врага, и, как добрый пастырь, помочь спасению его паствы». Они осыпали его стрелами, а пуля аркебузы пробила ему грудь, убив на месте. «Жестоко разъяренные против его безжизненного тела, едва ли кто-либо из врагов не добавил новую рану его трупу: пока его обнаженное тело не бросили в пламя горящей церкви, сгоревшее так, что не нашли даже костей» [29, vol. XXXIII, p. 259-263; vol. XXXIV, p. 87-95].[1]

Началось уничтожение гуронского народа и его священников. Паника или пассивное ожидание смерти стали доминирующими формами поведения гуронов к 1649 г. «Пятнадцать деревень были оставлены, люди рассеялись повсюду, – в лесах, на озерах и реках, и среди островов. Другие нашли убежище в соседних нациях, более способных выдержать трудности войны», прежде всего, у петун и нейтральных [29, vol. XXXIV, p. 197; vol. XXXV, p. 79-81]. Племя Оленя из Сен-Мишель почти в полном составе мигрировало в течение 1649 г. на территорию нейтральных, а к 1650 г. осели у сенека, основав там свое собственное поселение на правах «племянников» [29, vol.XXXVI, p.119, 141-143, 179; vol.XLIV, p.21]. В дополнение ко всему прочему, «голод распространился в этом году во всех этих областях, более сильный, чем за последние пятьдесят лет», так как гуроны не обрабатывали поля в прошлом году. Иезуиты были вынуждены обеспечить едой более 6 тысяч беженцев, собравшихся близ Сент-Мари со всей Гуронии [29, vol. XXXIV, p. 197-199].

16 марта 1649 г. еще один ирокезский отряд из тысячи воинов появился у деревни Сен-Луи, где находились Жан де Бребёф и Габриель Лалеман, прибывший в Гуронию всего полгода назад. Оба иезуита отказались от бегства, чтобы помочь раненым и защитникам, а также крестить их: «Один крестил катехуменов; другой отпускал грехи неофитам». По словам Ж. Лалемана, они успели даровать крещение 2700 гуронам [29, vol.XXXIV, p.123, 129; 24, vol.VII,

[1] Такая судьба останков о. Даньеля заставила других миссионеров озаботиться сохранением реликвий еще при жизни потенциальных мучеников, как случилось, например, с кровью о. Бребёфа, которую они взяли и сохранили почти за год до его смерти.

p.543]. Ирокезы взяли миссионеров в плен. Отведя их вместе с другими пленниками в уже захваченный к этому времени Сен-Иньяс II, они предались развлечениям: казни двух иезуитов.

«Они взяли обоих, и раздели их полностью, и привязали каждого к шесту. Они связали их руки. Они отрывали ногти от их пальцев. Они били их дубинками по плечам, пояснице, животу, ногам и лицу... После этого они заставили [Бребёфа] перенести несколько других пыток. Первая заключалась в раскаливании топоров, и прикладывании их к пояснице и подмышкам. Они сделали ожерелье из этих раскаленных топоров, и повесили его на шею доброму Отцу. После этого они надели на него пояс из смолистой коры и подожгли, огонь охватил все его тело. Во время этой муки, отец де Бребёф, стоял как скала, не чувствуя пламени, что удивило всех кровожадных грешников, которые мучили его. Его ревность была настолько велика, что он проповедовал непрерывно этим неверным, пытаясь обратить их. Чтобы помешать ему говорить, они отрезали его язык и губы. После этого они срезали плоть с его ног, бедер и рук, до самых костей; и затем зажарили и съели у него на глазах». Старое сердце 56-летнего человека, изношенное трудами и пытками, не выдержало к четырем часам утра, после трех часов пытки. Тогда «эти мясники, видя, что добрый Отец начал слабеть, заставили его сесть на землю; и, один из них, взяв нож, отрезал кожу, покрывающую его череп. Другой из тех варваров… сделал отверстие в верхней части его груди, и вырвал его сердце, которое изжарил и съел. Другие пили его кровь, еще теплую, говоря, что о. де Бребёф был очень храбр, вынеся такую большую боль, какую они причинили ему, и что, выпив его крови, они станут храбрыми, как он». С шести часов, после небольшого отдыха, ирокезы занялись Габриелем Лалеманом, который в свои 38 лет и в руках опытных палачей смог продержаться до девяти часов утра. Он получил, наконец, удар топора по левому уху. В глаза ему были вставлены горящие угли. У него также вырвали и съели сердце [29, vol. XXXIV, p. 27-33, 139-149].

После казни, ирокезы двинулись на Сент-Мари, однако к этому времени жители других селений, прежде всего Оссоссане, смогли сформировать военный отряд, который перехватил ирокезов на подступах к миссии, отбив атаку [29, vol. XXXIV, p. 131-135]. Однако эта победа изменить уже ничего не могла. Гуроны потерпели поражение намного раньше этой жестокой экспедиции Ирокезской Лиги, в своих сердцах и умах, выбрав иные пути жизни и смерти. Пока большинство воинов Оссоссане преследовало отступающих ирокезов, в поселке началась паника, инспирированная слухами о гибели всех воинов от рук врага. Без общего совета, без обсуждений, без приготовлений, без плана, без запасов, глубокой ночью, одно из наиболее многочисленных селений гуронов бежало по снежным дорогам в горы петун. Настоятель Ля Консепсьон о. Шомоно был вынужден последовать вслед за ними [7, p. 93-94]. Это был конец иезуитской миссии в Гурении: иезуиты были вынуждены оставить Сент-Мари и вернуться в колонию. В 1650-1651 гг. ок. 600 христианских гуронов переселились в иезуитскую редукцию на Орлеанском острове близ Квебека. Остальная часть конфедерации рассеялась на огромном пространстве к западу от Великих озер, смешавшись с местными народами.

По мере развертывания Ирокезских войн и включения в них французской колонии, с одной стороны, и более глубокого познания различных сторон традиционной культуры и образа жизни канадских индейцев с другой, иезуиты переосмысляли некоторые аспекты межплеменных конфликтов.

До конца 1640-ых гг. иезуитские презентации индейской войны подчеркивали насилие и смерть, как для ее мотивов, так и результатов. Война была лишь «войной на истребление» [29, vol. XXVII, p. 27]. Ирокезы, например, хотели «уничтожить, истребить, убить, и напугать… жестокой пыткой» всех своих врагов [29, vol. XIX, p. 81]. Цели ирокезских военных партий против гуронов и алгонкинов, в 1641 г. описывались как «разбой, убийство и уничтожение всех, кого они смогут захватить» [29, vol. XXI, p. 33]. Аналогично, намерения гуро-

нов по отношению к врагам определялись как убийство или захват с целью смертельной пытки [29, vol. XIX, p. 81].

Но по мере понимания специфики индейской войны и ее участников, с одной стороны, и ростом количества неофитов, с другой, к 1650-м гг. происходит коррекция иезуитских представлений о североамериканских дикарях. Не страсть к насилию мотивировала ирокезов и другие племена в их войнах, а стремление регулировать демографические процессы, связанные с резким падением численности населения в результате эпидемий. Одним из традиционных способов такой регуляции была «адопция», т. е., принятие пленных в племя путем ритуального «усыновления». Уже в 1643 г. иезуиты, благодаря сведениям от о. Жога, знали, что «план ирокезов заключается в захвате всех гуронов; и, казнив самую значительную и добрую часть их, стать с ними одним народом» [29, vol. XXIV, p. 297]. В 1651 г. гуронский суперior П. Рагено сообщал, что ирокезы, напав на «нейтральную нацию», взяли «чрезвычайно большое» число пленников, особенно «молодых женщин, чтобы увеличить население своих деревень» [29, vol. XXXVI, p. 177]. Такими же мотивами руководствовались ирокезские военные партии, нападавшими на гуронов [29, vol. XXXVIII, p. 51], алгонкинов и ниписсинг [29, vol. XXXVI, p. 189]. Скатологические и анималистские мотивы все больше уступают место реальным оценкам мотивов традиционной деятельности «дикарей»: будь то военная тропа, ритуальная практика или аспекты повседневности.

Таким образом, развитие Ирокезских войн в Новой Франции оказало сильное влияние на иезуитскую миссионерскую идеологию и стратегию уже к середине XVII в. В их контексте была оформлена иезуитская миссионерская мартирология, ставшая идеологической основой миссионерской деятельности ордена в Северной Америке на протяжении XVII в.; сложились особенности презентации христианского вероучения иезуитами; конкретизировался образ североамериканского «дикаря», как защитника веры или ее гонителя.

Библиографический список

1. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., Наука, 1974.
2. Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., ВИРД, 1999.
3. Блюш Ф. Людовик XIV / Пер. с фр. М., Ладомир, 1998.
4. Лойола Игнатий, Св. Духовные Упражнения // Символ. Париж, декабрь 1991. № 26. С. 15-122.
5. Народы Америки. Т. 1-2 / Под редакцией А. В. Ефимова, С. А. Токарева. М., Издательство АН СССР, 1959.
6. Campeau L., SJ. La Mission Des Jésuites chez les Hurons, 1634-1650. Montréal, Éditions Bellarmin, 1987.
7. Chaumonot P.-J.-M., SJ. Un missionaire des Hurons: Autobiographie du Père Chaumonot de la Compagnie de Jésus et son complement par le R. P. F. Martin. Paris, H. Oudin, 1885.
8. Côté J. The Donnés in Huronia. Midland, Steve Catlin, 2003.
9. Documents relative to the colonial history of the State of New York: procured in Holland, England and France. Vol. I-XV. Albany, Weed, Parsons & Co, 1853-1887.
10. [Dollier de Casson F.] Histoire du Montréal. 1640-1672 // Histoire du Montréal. 1640-1672. Montréal, Eusebe Senécal, 1871. P. 1-118.
11. Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J. B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
12. Fenton W. N. Problems arising from the historic Northeastern position of the Iroquois // Essays in historical anthropology of North America. Published in honor of Dr. John R. Swanton. Wash., Smithsonian Institution, 1940. P. 159-252.
13. Huron Manuscripts from Rev. Pierre Potier's Collection // Fifteenth Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario, 1918-19. Toronto, 1920. P. 609-22.

14. Jennings F. The Founders of America: How Indians Discovered the Land, Pioneered in It, and Created Great Classical Civilizations, How They Were Plunged into a Dark Age by Invasion and Conquest, and How They Are Reviving. N. Y., W. W. Norton, 1993.
15. Johnston S. Epidemics: The Forgotten Factor in Seventeenth Century Native Warfare in the St. Lawrence Region // Native People, Native Lands: Canadian Indians, Inuit and Metis / ed. by Bruce Alden Cox. Ottawa, McGill-Queen's Press, 1988. P. 14-31.
16. Jones E. E. Population history of the Onondaga and Oneida Iroquois, AD 1500-1700 // American Antiquity. 2010. Vol. 75, № 2. P. 387-407.
17. Jones E. E., DeWitte S. N. Using spatial analysis to estimate depopulation for Native American populations in northeastern North America, AD 1616-1645 // Journal of Anthropological Archaeology. March 2012. № 31. P. 83-92.
18. La Potherie (M. Bacqueville de) C.-C. Histoire de l'Amérique septentrionale, depuis 1534 jusqu'a 1701. Divisée en quatre Tomes. Paris, Chez Jean-Luc Nion et François Didot, 1722.
19. Latourelle R. Jean de Brébeuf. Québec, Bellarmine, 1993.
20. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I-II. Paris, Librairie internationale catholique; Tournai, Vve. H. Casterman, 1876.
21. Levasseur G. S'allier pour survivre. Les épidémies chez les Hurons et les Iroquois entre 1634-1700: une étude ethnohistorique comparative. Philosophiæ doctor (Ph.D.), Université Laval. Québec, 2009.
22. Loyola I. de. Epistolae et Instructiones. Vol. 1-12. Madrid, Typis Gabrielis Lopez del Horno, 1903-1911.
23. Martin F., SJ. The life of Father Isaac Jogues, missionary priest of the Society of Jesus, Slain by the Mohawk Iroquois, in the present State of New York, Oct. 18, 1646. N. Y., Cincinnati, and St. Louis, Benziger Brothers, 1885.
24. Monumenta Novae Franciae / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
25. Richter D. The Ordeal of the Longhouse: The Peoples of the Iroquois League in the Era of European Colonization. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1992.
26. Sagard G. T. Histoire du Canada et voyages que les Freres Mineurs recollects y ont faicts pour la conversion des infideles depuis l'an 1615. Avec un dictionnaire de la langue huronne. Vol. 1-4. Paris, E. Tross, 1866.
27. Schlesier K. H. Epidemics and Indian Middlemen: Rethinking the Wars of the Iroquois, 1609-1653 // Ethnohistory. Spring, 1976. Vol. 23. No. 2. P. 129-145.
28. Sulte B. Histoire des Canadiens-Français, 1608-1880: origine, histoire, religion, guerres, découvertes, colonisation, coutumes, vie domestique, sociale et politique, développement, avenir. T. I-VIII. Montréal, Wilson & Cie, 1882-1884.
29. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.
30. Trudel M. The Beginnings of New France, 1524-1663. Toronto, McClelland and Stewart, 1973.
31. Turner O. Pioneer history of the Holland Purchase of western New York. Buffalo, 1850.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович - кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета имени академика И.Г. Петровского, доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, Тел +79532985245, avfedin@yandex.ru

УДК 94(73)"1830/1860"

В.В. Прилуцкий

Возникновение практики полигамии в истории Святых последних дней: основные вехи (1830-1850-е гг.)

Аннотация: *В статье представлены основные вехи ранней истории мормонской полигамии. Полигамия прочно вошла в XIX в. в образ жизни многих групп мормонов, крупнейшей из которых стала бригамитская Церковь Иисуса Христа Святых последних дней («Святые Скалистых гор»).*
Ключевые слова: *история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, мормонская полигамия, Джозеф Смит-младший, Бригам Янг, бригамиты.*

Prilutskiy V.V. The emergence of the practice of polygamy in the history of Latter-Day Saints: main milestones (1830–1850-s)

Abstract: *The article presents main milestones in the early history of Mormon Polygamy. Polygamy is firmly established in the XIX-th century the way of life of many groups of Mormons, the largest of which was the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints (Brighamites or Rocky Mountain Saints).*
Keywords: *history of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, Mormon Polygamy, Joseph Smith Jr., Brigham Young, Brighamites.*

Мормонизм – одна из новых религий (наряду с адвентизмом и иеговизмом), возникших в Северной Америке в XIX в. и распространившихся по всему миру. В наши дни мормоны являются одной из наиболее интенсивно развивающихся конфессий в США и других странах: прирост составляет в среднем около миллиона человек за три года. Для людей, читавших романы об освоении Дальнего Запада или смотревших фильмы-вестерны в кинотеатрах, мормоны ассоциируются с носителями полигамии – феномена странного, загадочного и малопонятного для пуританских Соединеных Штатов. Необходимо прояснить ситуацию.

Во многом из-за практики полигамии (полигинии) мормоны получили мировую известность. Учение о множественности жен – один из краеугольных камней мормонской религии, основанной Джозефом (Иосифом) Смитом - младшим (1805-1844). Другие «столпы» мормонизма: вера в пророческую миссию первого президента Смита, в истинность «Книги Мормона» и других Писаний, представления о существовании эволюционирующих духов и политеизм (идея о наличии множества богов). Религиозную идеологию мормонов можно определить как неопротестантскую, постпротестантскую иди даже как современный вариант гностицизма. Мормонское вероучение носит эклектичный, но в то же время и оригинальный характер. Оно испытало на себе влияние масонства (тайные обряды и церемонии в храмах, мистика, оккультизм), гностицизма, восточных религиозных доктрин (буддизм, индуизм, ислам), платонизма, древнегреческой и древнеримской религий (мифология), спиритизма, первобытного анимизма и индейских верований (почитание духов).

Родиной мормонства является западная часть штата Нью-Йорк. Первая община «конецформыначалоформыЦеркви Иисуса Христа Святых последних дней» (ЦИХСПД, англ. The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, LDS) возникла в г. Файетт в апреле 1830 г. В 1831 г. началось знаменитое продвижение Святых последних дней из восточных штатов на Запад США под давлением властей и враждебно настроенного протестантского населения. Временами это перемещение караванов - поездов из повозок-фургонов с домашним скарбом, сопровождаемых вооруженными мужчинами и их семьями, приобретало характер своеобразного крестового похода и даже религиозной войны. В этот период для мормонов были характерны ярко выраженные апокалипсические настроения, ожидание скорого второго при-

шествия Христа. Первоначально «народ Бога» обосновался на несколько лет на Среднем Западе – в городах Киртланд (штат Огайо) и Сион (штат Миссури). Однако в результате новых гонений в 1839 г. Святые вынуждены были перебраться в Иллинойс, где построили город Наву [15, p. 323-330]. Вскоре там сосредоточились более 15 тыс. мормонов, многие из которых были иммигрантами из Канады и Европы (преимущественно выходцы из Англии, Шотландии, Уэльса). Согласно официальной версии в Наву около 1840-1841 гг. некоторые мормоны впервые стали тайно практиковать многоженство, ссылаясь на пример ветхозаветных патриархов. У некоторых исследователей есть основания предполагать, что произошло это еще раньше – в 1831 г. Мормонское многобрачие усилило враждебность местного населения. Однако в 40–50-е гг. XIX в. полигамия еще не успела укорениться среди Святых: по несколько жен имели не более 2-3% мормонов, как правило, руководители организации.

27 июня 1844 г. Джозеф Смит и его родной брат патриарх Хайрам были убиты толпой в тюрьме. Новый вождь и пророк Бригам Янг (1801-1877) возглавил начавшееся в 1846-1847 гг. движение десятков тысяч мормонов на Дальний Запад, где они оказались вне зоны досягаемости для американского правительства. На пустынной территории Юта в районе Большого Соленого озера Святые создали теократическое квазигосударство Дезерет (Сион или Новый Иерусалим), просуществовавшее до 70-х – начала 80-х гг. XIX в. Мормоны быстро стали экономически процветающей общиной, занялись фермерским хозяйством, посреднической торговлей, сопровождением и перевозкой поселенцев, участвовали в золотодобыче в Калифорнии. До 1911 г. Святые агитировали за переселение всех новообращенных из других государств на Запад Америки, которую они считали страной возможностей, «благословенной Богом территорией», «землей обетованной» [16]. Десятки тысяч иммигрантов из Англии, Германии, Дании, Швеции, соседней Канады поселились в Юте, Калифорнии и сопредельных штатах.

По мнению мормонов, первый пророк Джозеф Смит, работая в начале 1830-х гг. над переводом Библии, был озадачен тем фактом, что Авраам, Иаков, Давид и другие ветхозаветные руководители имели более одной жены. Абсолютный рекорд принадлежал израильскому царю Соломону, гарем которого насчитывал тысячу женщин. Пророк молился о вразумлении и вскоре узнал, что в определенные периоды для особых целей в соответствии с Небесными законами Бог одобрял и благословлял многоженство. Джозеф Смит узнал также и то, что с божественного одобрения некоторые Святые последних дней скоро будут избраны властью священства, чтобы иметь более одной жены. Это мистическое откровение имело место в 1831-1832 гг., но официальное учреждение многоженства произошло 12 июля 1843 г. В этот день Джозеф согласился записать в присутствии своего брата Хайрама Смита и Уильяма Клейтона «глубокое откровение» о брачном завете. Эта доктрина позднее была занесена в раздел 132 «Учения и Заветов» – одной из четырех основных священных книг мормонства (другими важными писаниями, вероучительными «образцовыми трудами» являются: «Библия короля Иакова» (перевод текста на английский язык сделан в начале XVII в.), «Книга Мормона» и «Драгоценная Жемчужина»).

В разделе 132 «Учения и Заветов», в частности, «Господь Бог речет» Смиту и «Божьему народу» о многоженстве как о «новом и вечном завете». При этом те, кто не примут его, «будут прокляты... ибо никто не может отвергнуть этот завет и войти в славу Мою. Ибо все, желающие иметь благословение от рук Моих, должны соблюдать этот закон...» «Истинно, истинно так говорит Господь тебе, раб Мой Иосиф, что раз ты просил от руки Моей знать и понимать, как Я, Господь оправдал рабов Моих Авраама, Исаака и Иосифа, а также Моисея, Давида и Соломона, рабов Моих, касательно того закона и учения, что у них было много жен и наложниц, то вот Я – Господь, Бог твой, и отвечу тебе на это» [8]. Указывается на главу 16

библейской «Книги Бытия», в которой повествуется о том, как Аврам сделал Агарь второй женой с согласия Сары [9]. Далее следуют пояснения условий правильной и законной полигамии «божьих людей»: мужчина может брать в жены столько женщин, сколько захочет, если только каждая из них девственница и не обручена с другим мужчиной [10]. В октябре 1843 г. Джозеф Смит написал «Ключи многоженства» и «Наставления о множественности жен», ставшие основой для храмовых церемоний заключения брака. В это же время пророк провел и первую церемонию «запечатления» («запечатывания») брака в храме. Первоначально Смит полагал, что только высшие священники могут иметь несколько жен, но впоследствии, особенно в эпоху президентства «американского Моисея» Бригама Янга (1844-1877 гг.), эта практика стала общераспространенной.

Следует знать, что учение о многоженстве, оформившееся, вероятно, под влиянием существовавших в то время в США полигамных сект коммунистической направленности и ислама, противоречит ранним «откровениям Бога», содержавшихся в «Книге Мормона», изданной в 1830 г. Основной источник вероучения недвусмысленно осуждал полигамию как «беззаконие», «тяжкое преступление» и «практику крайне отвратительную перед Богом»: «Вот, истинно Давид и Соломон имели много жен и наложниц, что было Мне противно, речет Господь» [4]. Однако мормоны полагали, что последнее откровение Дж. Смиту являлось более истинным и действенным, нежели полученные другими пророками два тысячелетия назад. Члены Высшего Совета Церкви и многие рядовые мормоны были ознакомлены с учением о многоженстве, зафиксировали его в личных дневниках и приступили к «практике».

Но церковное руководство еще длительное время, опасаясь репрессий со сторон государства, официально отрицало его наличие и заявляло о необходимости моногамии. Только после миграции и обоснования в области Скалистых гор Церковь публично заявила о приверженности полигамии. Произошло это 29 августа 1852 г. на Генеральной конференции в мормонской столице Солт-Лейк-Сити. Будущий апостол старейшина Орсон Пратт, следуя указанию Янга, объявил, сославшись на «Деяния» (3:19-21), что практика, когда мужчина имеет более одной жены, является частью «Господнего плана совершения всего» [7, с. 97-98]. В 1876 г. раздел 132 был официально включен в «Учение и Заветы». Следует понимать, что в Новом Завете отсутствуют прямые осуждения полигамии. Исключением являются слова апостола Павла, содержащие требования к священникам: «…епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен…» (1-е Тимофею 3:2).

Практика многоженства была органично связана с религиозными представлениями мормонов. Идеи крепкой семьи, прочного брака («запечатления»), культ деторождения – одни из центральных принципов и в современном мормонизме. Возможен не только временный земной брак, но и вечный небесный, заключаемый в храме в ходе специальной церемонии. Согласно мормонскому учению, оформившемуся в XIX в., Христос был многоженцем, «подобно патриарху Иакову и пророку Давиду, от которых Он произошел по плоти». Иисус якобы женился в Кане Галилейской и имел в качестве жен Марию, Марфу (дочери Лазаря), Марию Магдалину, а также, возможно, и других женщин, от которых у него были дети. Потомком одного из этих детей и является Джозеф Смит. Ученики Христа также якобы были многоженцами. Некоторые высшие церковные руководители и идеологи в рассматриваемый исторический период даже утверждали, что «главная причина распятия Христа... – его полигамия» [17]. Впервые публично лидеры Святых заявили об этой доктрине около 1853 г., чем сразу же вызвали шквал нападок в прессе восточных штатов и обвинений в страшном богохульстве со стороны христианского духовенства и политиков.

Мормоны верят в то, что Вселенная заселена бесчисленным множеством богов. Все боги, как и люди, обладают «физическими телами из плоти и костей» [11], владеют планетой

или правят галактикой. Бог Земли Элохим является отцом множества духовных сущностей, которые рождает Небесная Мать. Неисчислимые множества «чистых и светлых» духов стремятся воплотиться в человеческих телах, ожидают своей очереди, поэтому мужчина тем благочестивее и производительнее, чем больше у него жен. Мормоны буквально воспринимают слова Библии – «плодитесь и размножайтесь» (Бытие 1:27). Добродетельным бездетным людям уготована после смерти, как правило, судьба ангелов и подчиненное положение в отношении богов. Только мужчина может быть священником и начальником. Долг женщины – помогать мужчине и реализовать себя в «материнской карьере», чтобы получить «спасение, священство и процветание» в небесной жизни. Обязанность каждого праведного мужчины и каждой праведной женщины состоит в том, чтобы приготовить тела для как можно большего количества чистых и святых духов [13, с. 164]. С этой целью запрещается употребление спиртных напитков, табака, наркотиков, содержащих кофеин продуктов (обычно это чай, кофе, кока-кола), что во многом схоже с «санитарным кордоном» адвентистов. Очищению тела и души способствует и ежемесячный пост как «жертва Богу», который осуществляется в первое воскресенье каждого месяца. Мормоны воздерживаются от еды и питья в течение 24 часов (как правило, это два приема пищи в период с вечера субботы до вечера воскресенья). В период поста они изучают Священные Писания, молятся и размышляют. Сэкономленные деньги идут в особый фонд пожертвований, средства из которого используются для помощи бедным и нуждающимся.

Человеческая жизнь – необходимый этап для последующего воплощения в ангелов или богов, которые будут иметь собственные планеты, создавать новые царства, миры и населять их «духовными детьми» от множества жен («закон вечного прогресса»). Многоженцы имеют наиболее реальные перспективы «достичь возвышения», стать богами, чтобы впоследствии воспроизводить потомство – будущее новое человечество и новых богов. Небесный Отец тоже многоженец, поскольку у него была смертная жена Мария – мать Христа и есть несколько бессмертных жен-богинь.

Был ли первый пророк Святых многоженцем? «Каноническая версия жития» Джозефа Смита свидетельствует о том, что у него была только одна жена Эмма, на которой он женился в январе 1827 г. У них было несколько детей. Любопытно, что Эмма Хейл Смит после трагической гибели мужа не последовала в Западную Америку за Янгом, а осталась жить в Наву, где и скончалась в престарелом возрасте в 1879 г. Ее сын Джозеф Смит (1832-1915) был провозглашен новым пророком отколовшимися от организации Янга мормонами. Он возглавил в 1860 г. «Реорганизованную Церковь», выступившую против многобрачия и категорически отрицавшую наличие полигамных браков у первого пророка.

Некоторые историки утверждают, что у Смита были дети, по крайней мере, от семи женщин, не считая первой жены. Другие исследователи прошлого Мормонской церкви полагают, что первый пророк отличался «пуританизмом» и мог позволить себе только бездетные «духовные браки». По разным подсчетам у него в 1833-1844 гг. были 27, 33, 48 или 84 жены. Критики мормонизма утверждают, что Смит якобы также выступал и за учреждение временного брака – некого подобия аналогичного освященного духовенством института, существовавшего у мусульман-шиитов. Официально мормонская церковь не поддерживает подобные утверждения, свидетельствуя о том, что Джозеф – провидец, апостол, святой мученик за веру, прямой потомок царя Давида и Христа. Тем не менее, признается наличие у него множества «духовных жен» на небесах, в том числе и после смерти. В пользу полигамности Смита свидетельствует и отрывок из мормонского Писания: «И пусть служанка Моя Эмма Смит примет всех тех, кто были даны слуге Моему Джозефу, кто добродетельны и непорочны передо Мной… речет Господь Бог... И я повелеваю служанке Моей Эмме Смит пребывать и

прилепиться к слуге Моему Джозефу, и никому другому. Но если она не соблюдает этого повеления, то будет уничтожена…» [12].

Отделившиеся от главной церковной организации в 1844 г. последователи пророка Джеймса Стрэнга также придерживались полигамии – «закона патриарха Авраама». Странгиты создали в 1848-1856 гг. теократическую монархию на крупнейшем острове Бобровый озера Мичиган. Король Стрэнг (1813-1856), помимо законной супруги, вступил в брак с юной «духовной женой», родившей ему ребенка, и еще с несколькими молодыми женщинами [18, p. 79-83; 19, p. 78-79, 91]. Различные источники расходятся в оценке количества полигамных жен у Янга: 19, 25, 30, 55, 60 или 70. Официально мормоны признают, что он был мужем для 23 жен и отцом 57 детей.

В XIX в. полигамия естественным образом вписывалась в варварскую жизнь пионеров-первопоселенцев в суровых условиях Дикого Запада. Среди краснокожих некоторые имели несколько жен или наложниц. Вступавшие с ними в контакт белые американцы - немормоны иногда также заимствовали этот обычай. В частности, крупный калифорнийский торговец и известный золотопромышленник Джеймс Сэвидж в 1849-1850 гг. имел до 33 жен (белых и индианок) и поэтому пользовался уважением среди индейцев [6, с. 225-226].

С инициативой возрождения древнего многоженства или учреждения «христианской полигамии» в XIX в. выступали некоторые американские публицисты. Например, в 1869 г. в Новой Англии вышла в свет книга «История и философия брака», написанная неким «христианином-филантропом» Джеймсом Кэмпбеллом. Автор утверждал, что многобрачие соответствует «естественному закону Природы, человека и Бога», не приводит к «деградации» женщин, а вполне отвечает их интересам. Кэмпбелл отстаивал патриархальный идеал: мужчина должен быть «сильным и обеспеченным», «женщина же нуждается в поддержке, защите и покровительстве». Женский удел – это только «муж и домашние дела». Полигамный брак подобен «космической гравитации» и напоминает взаимодействие Солнца и планет, «каждой из которых светило дает равное количество тепла и света» [14, p. 208-218].

Мормоны утверждали, что только благодаря многоженству умножилось потомство Авраама в эпоху Ветхого Завета. Вступая в полигамные браки, женщины в основном руководствовались чувством религиозного долга и ответственности перед общиной. Среди мормонок были распространены культ жертвенности, самопожертвования, представления о том, что испытания, страдания в земной жизни должны привести к очищению от грехов и вознаграждению раем на небесах. Некоторые бездетные женщины даже подбирали для мужей новых жен. Девушки при этом чаще старались выйти замуж за уважаемого и надежного старика-многоженца, чем за молодого холостяка. Большое семейство патриарха гарантировало его «бессмертную славу» и обеспечивало для жен перспективу загробного блаженства, которой были лишены одинокие, бездетные женщины или же имевшие моногамные семьи. Неслучайно, что среди мормонов Юты в XIX в. значительное число составляли молодые неженатые мужчины, среди которых были далеко не только закоренелые холостяки и женоненавистники. Дело в том, что в США в это время женское население почти на миллион человек уступало мужскому. На Дальнем Западе существовал катастрофический дефицит порядочных женщин, могущих стать нормальными женами. В период «золотой лихорадки» 1848-1856 гг. процветали проституция и кратковременные свободные связи [6, с. 96-100].

Большинство мормонов Скалистых гор в XIX в. (около 70%) не были многоженцами. В конце 1858 г. в Юте проживало около 30 000 Святых, среди которых были 3 617 мужчин - полигамистов, из которых 1 117 имели 5 жен и более. При этом большая часть мужчин еще не вступила в брак [1, с. 136]. Число жен у рядовых многоженцев обычно не превышало четырех. Материально обеспеченные церковные руководители могли позволить себе иметь де-

сять и более жен. Как правило, для параллельных семей строился отдельный дом, но существовали также двухсемейные жилища. Иногда вторые и третьи жены жили вместе с мужем и первой супругой под видом квартиранток или служанок. Почти четверть полигамных браков сопровождались острыми конфликтами, заканчивались разводами и разделом имущества. Основными причинам семейных кризисов являлись материальные проблемы, женская ревность и сплетни. Разводы не были исключением не только среди рядовых мормонов, но и высших священников. Первая законная жена пророка Стрэнга забрала троих детей и ушла от мужа сразу же после того, как к нему явилось «божественное откровение» о многоженстве [19, p. 91, 140]. Развод Янга с одной из тридцати жен сопровождался громким скандалом и судебным процессом. Бывшая супруга Анна Элиза Уэбб обвинила экс-мужа в пренебрежении своими обязанностями, в жестокости и потребовала на содержание более 200 000 долл. Она даже написала книгу «Жена №19». Мормонский епископ Дж.Г. Харрис (1830-1919) после смерти первой жены Анны, родившей ему шестерых детей, в 1862 г. женился на родных сестрах Саре и Марии. Полигамные жены родили восемь детей, но брак с ними все же распался в 1873 г.

Каковы же причины многоженства? Неправильно было бы выводить мормонскую полигамию только из особенностей личности Дж. Смита, его женолюбия, как это делали многие противники мормонов - представители исторического христианства. Некоторые современники Янга и Смита предполагали, что Святые заимствовали институт многобрачия у индейцев Северной Америки, с которыми вступали в соприкосновение на западной границе. Отчасти это верно, но все же преувеличивать степень культурного воздействия краснокожих аборигенов на белых американцев не стоит.

Публицисты XIX в. указывали и на значительное восточное, мусульманское влияние на общину Святых. Известно, что высшие мормонские иерархи неоднократно позитивно отзывались о пророке Мухаммеде и исламе, но выступали против представления о своей полигамии как о восстановлении обычаев турецкого сераля. Не вполне объясняет природу многоженства и версия о том, что учреждением подобного института мормоны лишь желали привлечь в свои ряды новых сторонников – причем как мужчин, так и женщин [2]. Советские исследователи, как правило, связывали полигамию с антидемократическим устройством религиозной организации Святых, с абсолютной властью церковных наставников и пророков над рядовыми членами общины. Деспотическая власть распространялась на развитие семейно-брачных отношений. Руководство мормонской церкви поощряло создание многодетных семей, в которых процветал культ отца, «патриарха». Все эти специфические особенности обычаев, морали, культа общины Святых не способствовали ее интеграции в американское общество, и на протяжении многих лет она продолжала оставаться в духовной изоляции, несмотря на видимые успехи в экономической области [3, с. 103].

Представляется все же, что главная причина полигамии – религиозно-идеологическая. В отличие от Корана, который лишь допускает возможность, но особо не рекомендует иметь четыре жены [5], мормонское учение в XIX в. фактически требовало от последователей многоженства. Без соблюдения этого «божьего закона» спасение было невозможно. Многобрачие имело также и практическую задачу – повышение рождаемости «божьего народа», увеличение народонаселения, необходимое для заселения новых территорий Запада США. Дети Авраама должны быть так же многочисленны, как песок морской. В условиях высокой смертности, особенно среди детей, мормоны предложили собственное решение демографической проблемы.

Библиографический список

1. Антоненко С.Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие.- М.: ООО «Родина», 2007.- 304 с.
2. Григулевич И. Ирвинг Стоун и его книга об американском Диком Западе // Стоун И. Достойные моих гор: Открытие Дальнего Запада, 1840-1900. М.: Прогресс, 1985. С. 5-14.
3. Кислова А.А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М.: Наука, 1989.- 238 с.
4. Книга Мормона. Иаков 1:15; 2:23-24; 2:26-28; 3:5; Эфер 10: 5-7; Мосия 11:2.
5. Коран 4:1-3.
6. Крете Л. Повседневная жизнь Калифорнии во времена «золотой лихорадки». 1848-1856. М.: Молодая гвардия, 2004.- 256 с.
7. Наше наследие. Краткая история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Б.м., 1999.- 152 с.
8. Учение и Заветы (далее – У. и З.) 132: 1-5.
9. У. и З. 132: 32-34, 65.
10. У. и З. 132: 61-62.
11. У. и З. 130: 22.
12. У. и З. 132: 52, 54.
13. Учения Президентов Церкви. Бригам Янг. Б.м., 1997.- 386 с.
14. Campbell J. The History and Philosophy of Marriage, or Polygamy and Monogamy Compared. Boston (Mass.): James Campbell, 1869.- 256 p.
15. Clark J.A. Gleanings by the Way. Philadelphia - N.Y.: W.J. & J.K. Simon - Robert Carter, 1842.- 352 p.
16. Critical Notices: L.A. Bertrand's Memoires d'un Mormon // The North American Review. 1863. April. Vol. 96. № 199. P. 563-564.
17. Journal of Discourses. 1:346; 2:210 // URL: http://jod.mrm.org/1/341; http://jod.mrm.org/2/202 (дата обращения 01.11.2016).
18. Van Noord R. Assassination of a Michigan King: The Life of James Jesse Strang.- Ann Arbor (Mich.): University of Michigan Press, 1997.- 368 p.
19. Williams E.W. A child of the sea and life among the Mormons.- Harber Springs (Mich.): J.E. Jewett.- 1905.- 229 p

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, телефон: +7-953-2729-574, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК930.85(470)“1914-1917”

Ю.А. Федарков, М.М. Горло

Фольклор в мобилизации солдат Первой мировой войны: по материалам журнала «Военный сборник»

Аннотация: *в статье на основе анализа содержания раздела журнала «Военный сборник», посвященного фольклору, показано как Военное министерство через материалы прессы пыталось формировать отношение населения к военной службе в годы Первой мировой войны.*
Ключевые слова: *Первая мировая война, Военное министерство, военная печать, «Военный сборник», фольклор, военная служба.*

Fedarkov Y.A. Folklore in the mobilization of soldiers of the First World War According to the magazine "Military Collection"

Annotation: *On the basis of analyzing the content of section of the magazine devoted to folklore, is shown as the through the press materials tried to shape public attitudes toward military service during the First World War.*
Keywords: *World War I, War Ministry, Military press, "Military Collection", folklore, military service.*

Периодическая печать времен Первой мировой войны предоставляет уникальную возможность не только для углубления знаний о происходивших день за днем событиях, но и для изучения инструментов формирования общественного мнения и настроений различных социальных групп в тылу и на фронте.

«Сформировавшийся тогда новый тип военной мобилизации требовал участия в военных событиях не только армии, но и различных общественных сил, олицетворявших целостность и единство национальных интересов. Российской власти на протяжении довольно длительного промежутка времени, в условиях регулярно изменявшейся ситуации в тылу и на фронте требовалось постоянно поддерживать волю к победе. Пресса была в числе тех участников этого процесса, которые должны были мобилизовать страну на ведение изнурительной войны» [1, 37]. Она выполняла роль посредника между фронтом и тылом, должна была убедить население мужественно переносить неизбежные всевозможные трудности, проявлять готовность к несению добровольной военной службы.

Благодаря последним исследованиям, посвященным событиям 1914–1918 гг., впервые затрагиваются или по-новому трактуются вопросы, связанные с причинами и характером войны, целями сторон, влиянием войны на различные стороны жизни общества [2]. Новым в исследовательских подходах явился анализ представлений населения о причинах войны, ее ходе, оценке в массовом сознании [3], по-новому рассматривается проблема героизма русских солдат и офицеров [4, 5, 6, 7]. В новейшей отечественной историографии появились работы, посвященные истории периодической печати периода Первой мировой войны как обобщающего характера [8], так и рассматривающие отдельные проблемы ее функционирования [9, 1, 10]. Привлечение новых видов источников, в том числе и фольклора 1914–1918 гг., периодической печати, позволяет выяснить мнение простого народа о войне.

Фольклор, как проявление творческой деятельности народа, является выражением мировоззрения, идеалов, народных настроений, принципов оценки тех или иных явлений. Более того, он практически не был подвержен контролю со стороны военной цензуры, поскольку распространялся по неофициальным каналам и поэтому являлся одним из средств объективного отражения общественных представлений о происходивших военных событиях.

Данная статья основана на анализе материалов журнала «Военный сборник» за 1914–1916 гг. Этот ежемесячный военный журнал являлся официальным органом Военного мини-

стерства Российской империи и выходил 1858—1917 годах. Издание было подчинено общей цензуре, предусматривало обязательную подписку для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов. Помимо официальной части, содержавшей приказы и документы Военного министерства, в нем публиковались выкладки из последних достижений военной науки, имелся литературный отдел с рассказами из военного быта, мемуарами, биографиями военачальников, а также библиографические известия. В годы Первой мировой войны в журнале был создан специальный раздел, содержавший материалы фольклорного творчества, где в народных песнях, частушках показывалось отношение солдат к войне, к своим врагам и союзникам, забота близких к солдату женщин, давалось представление о настроениях тех лет. Поднималась тема о роли книг и газет на войне [11, №12, с.199; 12, №10, с.191-214; 12, №11, с.84].

Целью статьи является показ того как «Военный сборник» пытался через народное фольклорное творчество формировать отношение населения к военной службе в годы Первой мировой войны.

У мобилизованной в армию массы крестьян восприятие военной действительности выражалось в песнях, частушках, в которых солдаты выплёскивали свои ощущения о происходившем. Основными ценностями при этом продолжала оставаться семья, родная земля, деревня, в которой они выросли. Именно эти представления крестьянин являлись ключевыми. Отсюда в фольклоре и отражены наиболее важные моменты воинской службы: новобранство; взгляды семьи; родительские благословения; напутствия-провожания; моления; заговоры и т.д.

Вот, например, молодец-рекрут просит мать:

«Сшей-ка, маменька, котомку
С красным со крестом.
Проводи меня в солдатики
Со истинным Христом» [13, № 5, с. 133].

Задушевна, глубока материнская любовь, велико горе-матери:

«Не кукушечка кукует
Не соловушка поет,
Родная матушка горюет
Сын в солдатушки идет».
Девушкин завет:
«Служи забавочка в солдатах,
Служи не унывай
Служи начальникам верней [13, № 5, с. 134].

Обряд провожания на военную службу начинался «причетями» по проводам солдат на службу. Сами причитания – это заунывные, монотонные, речетативные плачи-песнопения, в которых непосредственно изливаются переживания. «Последнее утро» солдата в отчем доме начиналось с особой для него молитвы, в которой воин как бы спрашивает у Господа Бога себе благословение:

«Послужить Царю Всероссийскому,
Постоять за веру христианскую,
Защищать нашу Русь подселенную» [13, № 7, с. 110].

Затем начинались причитания матери:

«Станьте очи, да не мутитесь,
Мои слезы да не бегите,
Лицо бело да не мочите…» [13, № 7, с. 110].

Далее следовали причитания жены, крестной матери, теток, сестер и др. Около полудня служился молебен в церкви, за которым следовало напутствие батюшки-священника.

Таким образом, народное творчество, создавшее все обряды-причети, затрагивало чувства любви к семье и родине и к предстоящему для солдата долгу службы.

Одной из важнейших тем народных песен были патриотизм, необходимость защиты своей Родины от врага. В песнях, частушках ярко проявлялось отношение народа к войне и всеобщей мобилизации, к генералам и правительству.

Начало Первой Мировой войны российское общество встретило с настроением патриотизма, её считали справедливой, освободительной и даже сравнивали с войной 1812 года. В годы Первой мировой войны стали популярны слова марша:

«Ура, пойдем мы на границу – бить отечества врагов,
За Царя и за Царицу и за родину отцов…»

Солдаты уходили на фронт с большим желанием защитить свое Отечество и полными уверенности в успешном завершении войны. Подобные взгляды мы находим в словах частушек:

«Мы по Пруссии пройдем, чаю в Страсбурге попьем.
А обедать, как один, дружно двинемся в Берлин» [13, № 6, с. 117].
«Уж как наши-то ребята не боятся немчуры;
Как поймают супостата, оттаскают за вихры!» [13, № 6, с. 117].

Солдаты, идя на фронт, не только были уверены в своей победе, но и желали показать свою «молодецкую удаль», свою храбрость, что выразилось в следующей частушке:

Зададим мы немцу перцу, пропадёт он ни за грош!» [13, № 6, с. 117].

Многочисленные частушки являются дополнительным свидетельством успеха мобилизации, причем добровольного характера.

Пойдем, товарищ, добровольцем, будем родине служить:
Распроклятого австрийца, будем вместе с тобой бить».

или:

«На войну меня не взяли, добровольцем значит пру» [13, № 6, с. 119].

В то же время солдат семьянин подумывал:

«Какой ныне год тяжелый, немец вздумал воевать.
Мне солдатику семейному, идти не миновать» [13, № 6, с. 117].

Жены и матери призывников встречали новость о мобилизации с объяснимой горечью:

«Мобилизация идет, в город призывают.
Баба голосом ревет, мама причитает».
«Плясать пойду с оглядкою, как жить, как быть солдаткою…» [13, № 6, с. 117].

Однако всё же в сознании большинства людей эта война была за правое дело и, несомненно, она должна была закончиться победой России, для чего мужчины и уходили на фронт:

«Что ты, немец, к русским лезешь, в нас то сила велика.
Тебя скрутим, все отнимем: не лезь к русским никогда».

Таковы же были и слова народных песен, которые имели чрезвычайно важное патриотическое и воспитательное значение. В этом отношении народная песня, зерцало народной неписаной морали, скрижаль прапрадедовских воззрений, а также заветов – от прошлого к славе грядущего, непререкаемый авторитет и устав народных обычаев.

«Ненаглядный, мой любимый!
Долг зовет тебя святой
Послужить земле родной.
Ты мой сын, но у тебя есть другая мать, милее,
Драгоценнее, роднее –
Наша Русская земля
Жизнь твою, твои все силы,

Всю любовь и все, что было мило
Ты неси на жертву ей,
Доброй матери твоей.
Нам и деды завещали
Православную, святую
Землю Русскую любить;
И отцы нам приказали
За Царя, за землю родную,
Веру – жизни не щадить.
Знаю, грустно расставанье;
Что же делать! Долг велит.
О тебе же воспоминанье
Сердце вечно сохранит.
Не, прощай! Твоя родная (мать)
Твой отец, твоя семья
И Матерь Божия Святая
Молится будут за тебя» [13, № 10, с. 159].

Связь с домом, семьей и деревней всецело поддерживается письмами – «скорописны-грамотками». В этом отношении будут уместны и интересны некоторые пояснения собственно о солдатском письме, как особом виде-образце народной словесности и даже народном художестве, потому что солдатские письма, – подписываемые на особых листках почтовой бумаги или открытках, большей частью иллюстрированы, и, конечно, в народном вкусе или же в направлении народной мысли.

Листки и картинки подобных народных и солдатских «письменных принадлежностей» зачастую имеют на себе готовые тексты письма-послания, в прозе или в стихах, иногда связанных с картинкой, напечатанной на листке-карточке, а иногда вполне независимых; бывает так, что текст изъясняет картинку, то есть иначе, картинка иллюстрирует текст, но бывает, что картинка не имеет никакого отношения к тексту.

Девушки много поют о письмах от солдат:
«Пришло от милого письмо
От маменьки скрывается;
В черной юбке, в кармашке,
Каждый день читается» [13, № 11, с. 130].

Нерушимое, мистическое, хранение старых обычаев, а с ними взглядов-воззрений русского народа на солдата и его службу повсеместно встречается в молениях, которые проникнуты одним направлением – к благословлению Государя и воинства и заботе о благополучии родины, а так же в заговорах «воинско-ратных», как специальных для службы вообще и на время войны [13, № 11, с. 130].

Легенда-сказание в понятии народа является рассказом (преданием) правды (действительности, а не вымысла), но, разумеется, под углом духа и взглядов народа, предопределяющих построение и выводы легенды. Она, захватывая событие, обыкновенно переиначивает его во времени и в пространстве, и в подробностях, нередко и в лицах, сохраняя, однако, первоначальную истину, обуславливаемую народным миропониманием. Тенденция, выражаемая легендой, весьма часто открывается в то, во что народ хочет верить, что он хочет видеть претворившимся в действительность – настоящего, как факта.

Одна из таких легенд-сказаний о «книге Христовой», где предсказывалась большая война, «человечество в грехе погрязло, книгу Христову покаянную велено от Него, от Господа, всем списывать, поверит – спасется, а кто не уверует – погибнет» [14, № 1, с. 169].

Характерно мнение об антихристе и о том, что Господь «наслал» немца, чтобы люди опомнились. Толки об антихристе, о близящемся конце мира – светопреставлении, отклики-толки народа на явления комет и других физических явлениях всегда следуют по времени войны или на стыке веков.

«Солнечное затмение 1914 года, равно как и «короткий мясоед» 1915 года, а далее необычно ранняя Пасха (случавшаяся раз в 500 лет) и некоторые другие народно-календарные чрезвычайные особенности, выделили 1914–1915 годы в представления народа, из вереницы годов «не к добру» [14, № 1, с. 170].

Так же, простой народ, служивший, в армии домысливал, все виденное на войне и непознанное им, например, новые машины и технику:

«С другой стороны у немца чертовы «анатабили», т. е. попросту автомобили, – которыми «он» больно много вреда делает.

– Идет, значит, такой «анатабиль», шибко бежит вперед и вокруг его сыплются пули и ядра, – передают бывалые. – Так и сыплет, так и сыплет… Дым валит и пламя пышет. Взять его никак нельзя – шкура на «ем» железная: пуля не прошибает.

– Однако, так что, наши ребята догадались: стали ямы вырывать, да ветками прикрывать. Не увидит «ён» ямы и попадет туда колесом. Тут «его» на «ура» берут…» [14, № 1, с. 171].

Нет сомнения, что все народные легенды-сказы были известны на позициях – в окопах и они столь же солдатские, сколько народные.

Вот другое, подмеченное случайно оброненное солдатом воспоминание: «У нас за Рязанью в лесах спасался один святой человек. Как объявили мобилизацию, ребята-то наши к нему: так и так, мол, выкладывай, старик, что знаешь. Он только три слова сказал: «Божий это, – говорит, суд». Перекрестил нас и рукой махнул: ступайте дескать. А глаза у него стали светлые пресветлые, словно в них свечи горят; и полились у него из глаз слезы» [14, № 1, с. 179]. Подобных рассказов было много.

Таким образом, народные сказания, как выражение народных воззрений, чрезвычайно важны для понимания, так как в них живы народные идеалы, народные печали-радости о прошлом, отношение к настоящему, взгляды на будущее. Они выявляют народное миропонимание и национальное самосознание, и тем дают непосредственно в том настоящем чувствовать происходящее минувшее, и «осязать» то чем они были и что есть. В то же время фольклор способствует выяснению особенностей настроений, состояния общественного мнения относительно Первой мировой войны. Так, если до 1916 года, было характерно преобладание частушек с позитивной тематикой, что было вызвано подъемом патриотического движения в стране, то в последующие года фольклор был переполнен пессимистическими настроениями.

Библиографический список

1. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье». 1914-1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». Научный редактор В.Ф. Блохин. 2016. С. 37.
2. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
3. Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. 400 с.

4. Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет / Под ред. Мягкова М.Ю., Пахалюка К.А. СПб., 2014. С. 206-236.
5. Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы / Под ред. Г.В. Кретинина, И.О. Дементьева, С.А. Якимова. Калининград, 2013. С. 305-314.
6. Алферова И.В., Гончаров Е.В. «Героическое» как атрибут войны (к вопросу о функционировании наградной системы в Первой мировой войне) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 13-17.
7. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 16-23.
8. Гужва Д.Г. Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 годов. Новосибирск, 2009. 167 с.
9. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «Героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
10. Блохин В.Ф., Алферова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.
11. Военный сборник. 1914.
12. Военный сборник. 1915.
13. Военный сборник. 1916.
14. Военный сборник. 1917.

Сведения об авторах:
Федарков Юрий Александрович – студент Факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.
fedarkov99@yandex.ru
Горло Марина Михайловна – магистрант Факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.

История культуры

УДК 903.022(477.46)

Л. В. Мироненко

Редкие типы архитектурно-декоративной керамики Батурина последней трети XVII – начала XVIII вв.

Аннотация: *В данной работе рассматриваются редкие типы архитектурно-декоративной керамики Батурина, включающие изразцы нестандартной формы и декоративные детали оформления печи. Источниковой базой исследования являлись материалы, полученные во время раскопок гетманских домов и жилища представителя высшего сословия. Основываясь на анализе аналогий из соседних с Украиной регионов, совершенна попытка определить функциональное назначение батуринских печных деталей и их место в конструкции печи. В результате удалось сформировать представление о стиле печей в жилищах социальной верхушки Гетманщины 2-й половины XVII – начала XVIII вв.*

Ключевые слова: *изразцы, декоративные детали оформления печей, Батурин, Украина, вторая половина XVII–начало XVIII вв.*

Myronenko L. Rare types of architectural and decorative ceramics from Baturin in the last third of 17th – beginning of 18th century.

Abstract: *The paper deals with rare types of Baturin architectural and decorative ceramics, which include stove tiles with unique form and decorative details of the ovens design. Materials from excavations of the Hetman's palaces and the house of Baturin nobleman are considered. Based on analysis of wares from neighboring regions with similar structural features, it has been done the attempt to determine the functionality of Baturin unique stove tiles and decorative details as well as their place in the ovens construction. Idea of ovens design and decoration in the houses of social elite from Hetmanate in last third of 17th – beginning of 18th century is proposed.*

Keywords: *stove tiles, decorative details from oven design, Baturin, Ukraine, the last third of the 17th – the beginning of the 18th century.*

Изразцы, наравне с керамической посудой, являются наиболее встречающимися находками в городских слоях и объектах позднесредневекового и раннего нового времени. Детальное изучение их морфологических и декоративных характеристик позволяет не только получить информацию о внутренних и внешних торгово-культурных связях разных регионов страны, но и дополнить сведения о быте и стратификации населения. Одна из наибольших коллекций архитектурно-декоративной керамики на территории Украины происходит из Батурина. Городок на левом берегу р. Сейм был основан как форпост Речи Посполитой в 1620-х гг. после заключения Деулинского перемирия с Московским государством [7, с. 260]. С перенесением в Батурин столицы украинского государства – Гетманщины в 1669 г. начинается активный социально-культурный и экономический рост города, пик которого приходится на правление гетмана И. Мазепы. Процесс дальнейшего развития был прерван полным уничтожением и сожжением гетманской столицы российскими войсками под командованием А. Меньшикова в 1708 г.

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. Батурин состоял из цитадели, крепости (укрепленного посада), собственно посада, подола, включал загородные Крупицко-Батуринский Свято-Николаевский мужской, Кербутовский Новомлынский женский монастыри, а также личные усадьбы за пределами укреплений, среди которых особое место занимали усадьбы В. Кочубея на Чорной речке и И. Мазепы на Гончаровке.

На протяжении 20 лет археологических раскопок памятника была собрана значительная коллекция архитектурно-декоративной керамики, включающая печные изразцы и деко-

ративные детали внешнего оформления построек. Огромное количество материала, представленного в основном небольшими обломками изразцов, потребовало поиска способа их систематизации. Схема, предложенная Ю. Сытым, предполагала нумерацию разновидности изразцов по характеру их декоративного оформления. В случае подобных по декору изделий, отличия которых проявлялись в отсутствии или наличии мелких деталей, характере и масштабе изображения, разновидность изразца получала, в дополнение к числовому, буквенное значение кирилличного алфавита. На основе анализа более чем 8 500 фрагментов и целых изделий, обнаруженных на территории Батурина и его окрестностей, было выделено 210 орнаментальных типов изразцов, число которых с подтипами достигает 363. Большинство материалов, за исключением единичных фрагментов, относится ко времени наибольшего расцвета Батурина в последней трети XVII – начале XVIII вв.

По морфологическим особенностям и месту расположения в конструкции грубы печные изразцы делятся на лицевые (стенные), карнизные и городки, что соответствует наиболее простому печному изразцовому набору.

Более сложный печной набор предусматривает наличие изразцовых панно, изразцов-подзоров, ножек, колонок и декоративных деталей оформления. Подобного рода изделия при раскопках Батурина фиксируются крайне редко.

В данной работе будут рассмотрены изразцы нестандартной формы, являющиеся частью составного изразцового панно, а также декоративные детали оформления груб. На основе их конструктивных особенностей и ближайших аналогий будет предпринята попытка установить их место в конструкции и декоре изразцовых печей Батурина.

Рассматриваемые нами материалы происходят из раскопок трех объектов: гетманского дома на цитадели, постройки № 8 [4] на территории крепости, получившей условное название «дом полковника», а также загородной усадьбы гетмана Ивана Мазепы на Гончаровке.

К изразцам нестандартной формы, относящимся к составному изразцовому панно, принадлежат изделия, обнаруженные во время исследования гетманского дома на цитадели (Рис. 1). Составное панно как элемент печного набора представляет собой композицию из нескольких изразцов, в центре которой, как правило, находится большой изразец-медальон, обрамленный по периметру более мелкими изразцами, создавая, таким образом, сложную изразцовую рамку [15, с. 81]. Наличие в развале печей гетманского дома изделий, морфологически и стилистически дополняющих друг друга, позволяет отнести их именно к составному панно, реконструкция композиции которого будет проиллюстрирована ниже.

Лицевая пластина прямоугольного изразца (21,5 х 26 см) не имеет рельефного декора и покрыта голубой поливой (Рис.1: 1). В верхнем и нижнем углу с одной стороны имеются округлые (в четверть круга) выемки. К данным выемкам прикасался изразец округлой формы (диаметр 12,5 см), толщина лицевой пластины которого достигает 1 см (Рис.1: 2). Румпа круглого изразца располагается под наклоном в сторону центра, не отступая от края лицевой пластины. Изделие покрыто глухими поливами голубого, желтого и белого цветов. Встречаются экземпляры с пережженной поливой. В основе рельефного декора изразца геральдический щит желтого цвета, окруженный по периметру венком из листьев и цветков. По бокам от щита симметрично отхотят два завитка, символизирующие перья от нашлемника. На голубом фоне в центре щита находится изображение согнутой в локте руки, которая держит две белые стрелы наконечниками вниз. Между оперением стрел в верхней части расположен четырехконечный крест желтого цвета. Впервые предположение касательно принадлежности герба было выдвинуто Ю. Гутник [5]. Согласно ее утверждению, изображение в декоре батуринского изразца очень близко к гербу И. Брюховецкого, с отличием в фигурах, расположенных между оперением стрел: вместо креста на изразце в оригинальном гербе расположены пять шестиконечных звезд [9, с. 40, 91].

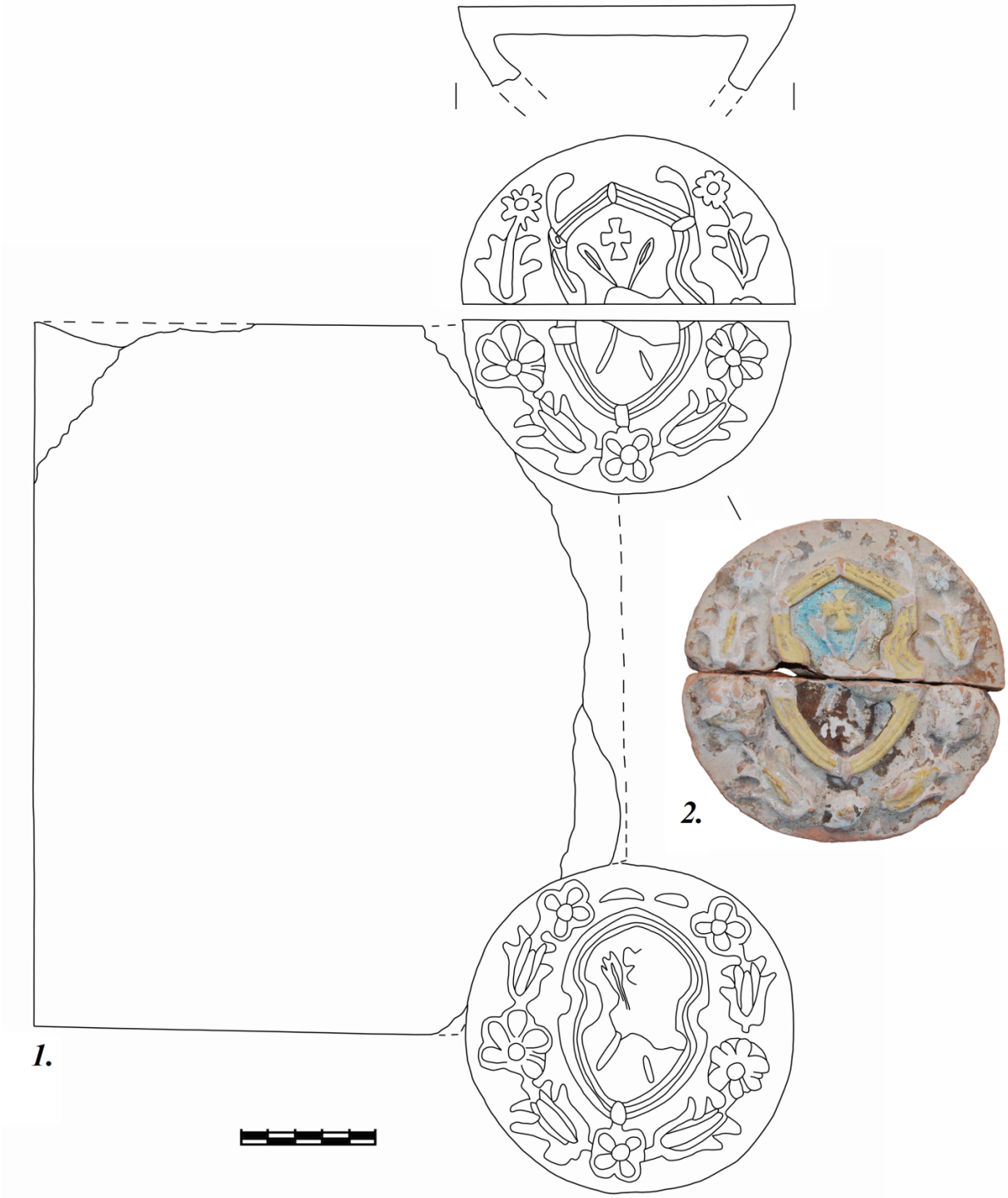


Рис. 1. Изразцы составного панно из гетманского дома на Цитадели Батурина

Изразцовое панно составляли четыре прямоугольных изразца, покрытых голубой поливой, на стыке которых вверху и внизу размещались половинки круглого изразца, а в центре – целый. Использование именно данной композиции не препятствовало оформлению печи другими изразцами квадратной или прямоугольной формы. В пользу озвученного варианта говорит также наличие двух выемок в прямоугольных экземплярах и находки половинок круглых изразцов.

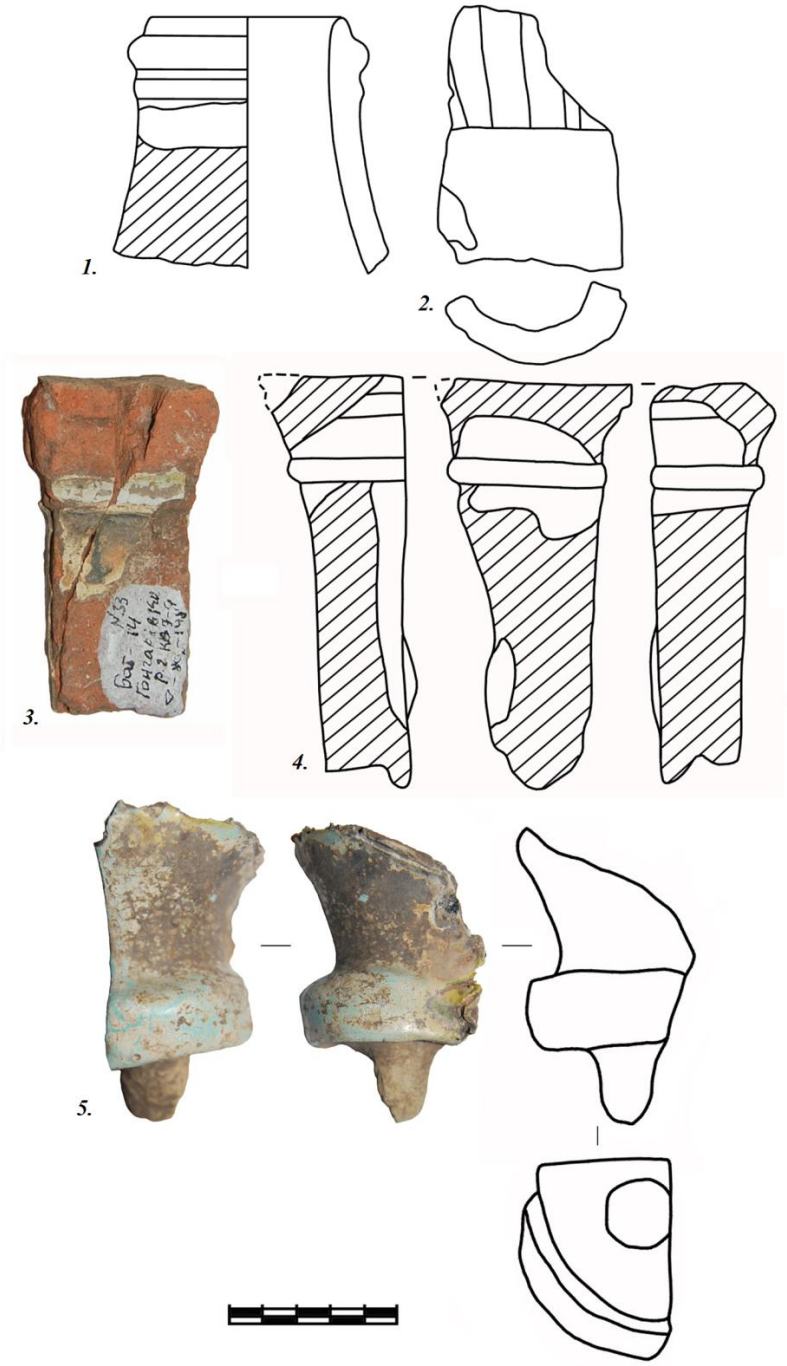


Рис.2. Колонки печей в гетманском дворце на Гончаровке:
1, 2, 5 – фрагменты фигурных колонок; 3,4 – плоские колонки.

С учетом того, что большинство прямоугольных изразцов были найдены в обломках, можно предположить, что выемка на некоторых экземплярах имелась лишь на одном из углов. В таком случае возможен вариант композиции с использованием четырех прямоугольных изразцов, в центре которых располагался лишь один круглый изразец с изображением герба. Такое изразцовое панно должно было размещаться на виду в центральной части зеркала печи. Аналогий данным изделиям на сегодняшний день выявлено не было, однако, со-

ставные изразцовые панно с геральдическим изразцом в центре композиции встречаются в печных наборах середины – второй половины XVII вв. на территории Беларуси [15, с. 84].

Декоративные детали оформления печи фиксируются при раскопках «дома полковника» на крепости и дворца И. Мазепы на Гончаровке. Согласно стратиграфическим наблюдениям и письменным источникам, представленные объекты датируются концом XVII – началом XVIII вв. [11, с.216; 4 с. 275]. На синхронность существования построек также указывает схожий изразцовый печной набор, использованный для сооружения печей, в состав которого входят колонки, керамические заклепки-розетки, а также детали нижнего оформления печи.

Колонки по их конструктивным и морфологическим особенностям можно разделить на две группы: плоские и в виде пустотелой трубы. Плоские декоративные колонки (Рис. 2: 3, 4) были обнаружены во время археологических исследований огромной наземной деревянной постройки на территории загородной усадьбы И. Мазепы на Гончаровке, интерпретированной как курень-дежурка [12, с.169]. Попадание в заполнение объекта находок архитектурно-декоративной и строительной керамики, в большинстве аналогичной материалам из дворца, объясняется процессом разборки последнего после его разрушения в 1708 г.

Плоские колонки, представленные фрагментами, имеют форму прямоугольника шириной 4,5 см и толщиной 3,7 см (Рис. 2: 3, 4). Длина наиболее сохранившегося экземпляра достигает 12 см. Верхний и, пре дположительно, нижний край детали имеют утолщение шириной 6 см, переход к которому оформлен в виде валика (Рис. 2: 4) или выемки (Рис. 2: 3). Лицевая и боковые грани покрыты глухой поливой голубого, желтого, белого и зеленых цветов. С внешней стороны имеются следы румпы, расположенной по вертикальной оси изделия.

Отсутствие прямых аналогий плоским декоративным колонкам, а также обнаружение их вне контекста, не позволяет точно определить их место в конструкции печи. Основой решения данной проблемы может служить поиск изделий с подобной плоской вертикально расположенной румпой. Такие румпы имеются у балясин из Белогородки под Киевом, служивших для оформления углов [3, с. 36, рис. 43]. В то же время, вертикальные полусферические перемычки московских печей второй половины XVII в. с румпой в форме вертикального гребня находились не только в углах, но и между стенными изразцами одного из ярусов печи [14, с. 231; 10, рис. 38, 39].

Форма и незначительные размеры колонок из Батурина свидетельствуют, скорее, о версии их использования в декоре зеркала грубы, на стыке между соседними лицевыми изразцами, возможно, в участках ближе к углам. Также можно предположить, что плоские колонки служили декором нижней цокольной части одной из печей во дворце И. Мазепы.

Ко второй группе колонок принадлежат изделия в форме пустотелой трубы (Рис. 2: 1, 5; 3). Согласно форме и декору их можно разделить на два вида, соответствующие двум разным печам. Во время исследования «дома полковника» были обнаружены массивные колонки, первичный анализ и интерпретация которых была проведена Л. Виногродской и Ю. Сытым [4, с. 273]. Изделия имеют форму цилиндра с двумя утолщениями в нижней и, возможно, верхней части, диаметр которых составляет 8,2 – 8,5 см, а толщина стенок – 1 – 2 см. Возможная длина целого изделия достигала 35 см [4, с.273]. На поверхности колонок имеется растительно-геометрический рельефный орнамент (Рис. 3). Лицевая и боковая часть изделий, в зависимости от экземпляра, покрыта многоцветной (Рис. 3: 1 – 3) или зеленой (Рис. 3: 4) поливой. С тыльной стороны детали имеются два сквозных отверстия диаметром 0,4 см, которые, вероятнее всего, служили для крепления в системе печной конструкции (Рис. 3: 1).

Цилиндрические колонки встречались при раскопках объектов второй половиной XVII – начала XVIII вв. в Чернигове и Киеве [3, с. 36, рис. 103]. На территории Литвы печные ко-

лонки датируются XVII в. [18, p. 51, pav. 26]. Существует два способа их использования в конструкции грубы: в декоре зеркала [13] и в нижней части печи в качестве ножек-подпорок [19, fig. 4, p. 10; 20, tab. 9]. Наличие отверстий с тыльной стороны изделий, а также отсутствие в данной части поливы, позволяет сделать вывод о размещении подобных колонок по углам в центральном либо нижнем ярусе печи.

Рис.3. Цилиндрические колонки из «дома полковника» на территории Крепости:
1 – 3 – полихромные экземпляры; 4 – покрыт зеленой поливой.

Пустотелые колонки из загородной резиденции И. Мазепы на Гончаровке характеризируются другой формой (Рис. 2: 1, 5). Ограниченное количество фрагментов не позволяет восстановить внешний вид и размеры целых изделий. Край одного из экземпляров (диаметр 5,5 см, толщина стенок – 0,9 см), обнаруженного при раскопках куреня-дежурки (Рис.2: 1), украшен двумя рельефными валиками разной толщины и покрыт глухими поливами желтого и белого цветов. В направлении от края тело колонки расширяется до диаметра в 8,2 см. По аналогиям с печами на территории Польши [16, s. 172, rys. 207] и России [13, рис. 6; 10, рис. 198] первой половины XVIII вв., данный фрагмент может принадлежать к фигурным колонкам, расположенным в углах печи, в месте перехода от одного яруса к другому.

Уникальная находка, являющаяся, скорее всего, крайней частью одной из разновидностей фигурной колонки, была также обнаружена во время раскопок куреня-дежурки. Изделие, покрытое глухими поливами голубого, желтого и белого цветов, является пустотелым и

резко расширяется, отходя от основы (Рис. 2: 5). Деталь сохранилась на высоту 9,5 см. Основа в горизонтальном сечении имеет форму четверти круга (4,0 х 4,5 см) и высоту около 2 см. В нижней части изделия имеется непокрытый поливой заостренный, круглый в сечении штырь диаметром 2 см и высотой 2,5 см. Форма основы предполагает размещение детали в углу печи. Штырь в нижней части изделия, вероятно, служил для более прочной фиксации в конструкции.

На территории Гончаровки также встречаются обломки центральных частей полихромных колонок (Рис. 2: 2), незначительные размеры которых не позволяют определить их основные параметры. Фрагменты с равной долей вероятности могут принадлежать к изделиям как фигурным, так и цилиндрической формы.

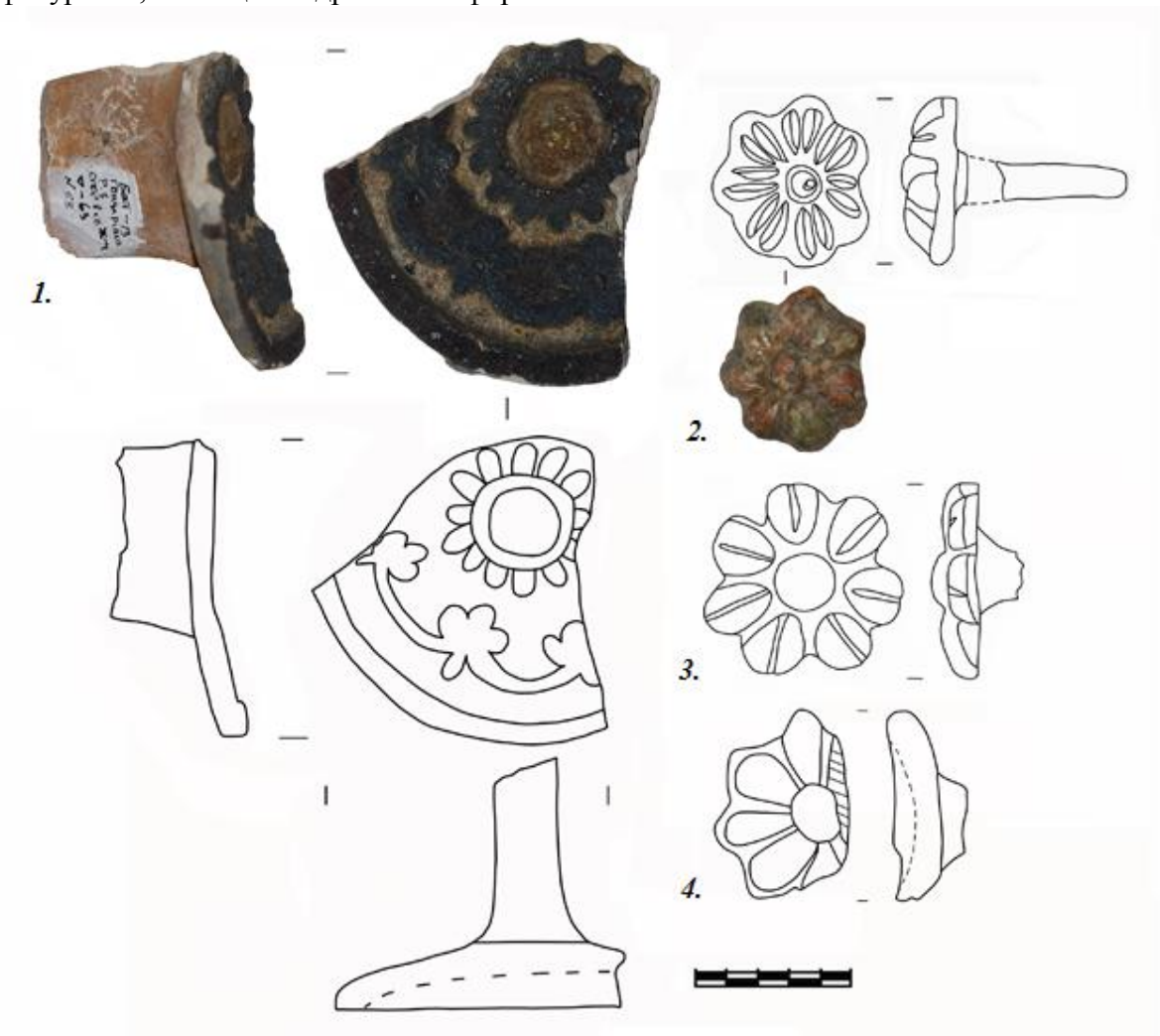


Рис.4. Декоративные детали оформления печи:
1 – декоративная вогнутая деталь из Гончаровки; 2 – 4 – заклепки-розетки из «дома полковника» (2), территории Крепости (3); усадьбы на Гончаровке (4).

Декоративные заклепки (Рис. 4: 2–4) являются редкими типами архитектурно-декоративной керамики и на данный момент встречаются исключительно во время археологических исследований Батурина. Деталь представляет собой керамическое изделие в форме рельефного многолепесткового цветка, на обратной плоской стороне которого имелась румпа в виде заостренного круглого в сечении штыря. На сегодняшний день найдено три заклепки, обнаруженные в разных частях города.

Керамическая заклепка размером 5 х 5,5 см с развала печи в «доме полковника» имеет форму 7-лепесткового выпуклого рельефного цветка. Каждый лепесток раздвоен углубленной линией (Рис.4: 2). Длина румпы достигала 5 см [4, с. 273]. Лицевая часть покрыта поливами зеленого и коричневого цветов. Во время охранных работ на территории крепости в культурном слое одной из траншей была выявлена подобная 7-лепестковая красноглиняная заклепка (Рис.4:3) больших размеров (6,2 х 6,5 см). В отличие от предыдущего экземпляра, поверхность детали покрыта зеленой поливой. Румпа в форме штыря полностью не сохранилась.

Обломок керамической заклепки из гетманской усадьбы на Гончаровке имеет несколько иную форму (Рис. 4: 4). Лицевая пластина изделия толщиной 1,5 см слегка вогнута вовнутрь. Размер фрагмента и характер рельефного изображения позволяет предположить, что цветок в основе декора имел восемь лепестков, покрытых темно-синей и белой глухой поливой. Серединка цветка украшена желтой глазурью. Диаметр слома румпы составляет 2,3 см.

Исходя из формы румпы и лицевой пластины заклепок-розеток, наиболее вероятным кажется их размещение в углах печи между лицевыми или карнизными изразцами. Также возможен вариант использования их в декоре завершения печи. Данное предположение находит подтверждение в работе *S. Teuber* [20], который, рассматривая керамическую поливную деталь второй половины XVI в. из Нортхайма (Германия) в форме головы льва с обломанной румпой-штырем, приходит к выводу, что она использовалась в качестве скульптурного элемента и покрывала стыки карнизных изразцов. Автор также не исключает возможность применения данной детали в конструкции верхней части печи [20, p. 50].

Уникальная декоративная деталь, напоминающая по конструкции керамические заклепки и представлена всего лишь одним фрагментом, была найдена на территории гетманской усадьбы на Гончаровке. Изделие (Рис.4: 1) имеет форму тарелочки диаметром около 8 см и толщиной – 1 см, на внутренней вогнутой стороне которой расположен рельефный орнамент. В основе композиции два цветка, вписанные друг в друга. Внешний цветок в местах перехода одного лепестка в другой украшен трилистниками, направленными внутрь. Полива пережженная, что не позволяет восстановить цветовую гамму изделия. С обратной выпуклой стороны детали имеются остатки румпы, расположенной под прямым углом к лицевой пластине. В сечении румпа имеет форму удлиненного овала размером 2 х 6 см.

Как и в случае с керамическими заклепками, округлая форма детали усложняет ее использование в декоре центральной части зеркала грубы. Исключение возможно в случае, если изделие является центральной частью декоративной изразцовой композиции, что маловероятно в связи с отсутствием на территории усадьбы изразцов со специальными отверстиями или округлыми краями. Расположение и форма румпы находит аналогии с коронками печи в «доме полковника» [4, с. 272]. В Беларуси [8, рис. 19; 2, рис.10] и Польше [17, fig. 21] в XVII в. известны находки прямоугольных вогнутых изразцов с вертикально поставленной румпой, предназначенных для оформления углов печи. Учитывая представленные аналогии, данная декоративная деталь могла располагаться в углах, либо быть центральным элементом завершения грубы.

К декоративным деталям оформления печи также относится керамическое изделие с аркообразными проемами в нижней части, покрытое поливами голубого, белого и желтого цветов (Рис. 5). Обломки были обнаружены во время раскопок усадьбы на Гончаровке и относятся к печам в интерьере гетманского дворца. Высота сохраненного фрагмента составляет около 6 см, ширина нижней основы – 5,5 см. Целое изделие имело как минимум два проема и рельефный декор в верхней части. Румпа с внешней стороны отсутствует. Похожие изделия на данный момент выявлены не были. Наличие аркообразных ниш в нижней части характерно для изразцов-подзоров, одного из компонентов барочного печного набора, выявленных

при раскопках «дома полковника» в Батурине, и широко распространенных в декоре нижней части груб конца XVII – начала XVIII вв. на территории России [1, с.69, ил.4; 13, рис.6; 10, рис.104, 139-142]. Отличие рассматриваемой детали из Гончаровки состоит в отсутствии румпы и расположении ниш не в горизонтальной плоскости, а по кругу. Возможно, по аналогии, исследуемый обломок являлся частью арочной детали, расположенной в цокольной части печи.

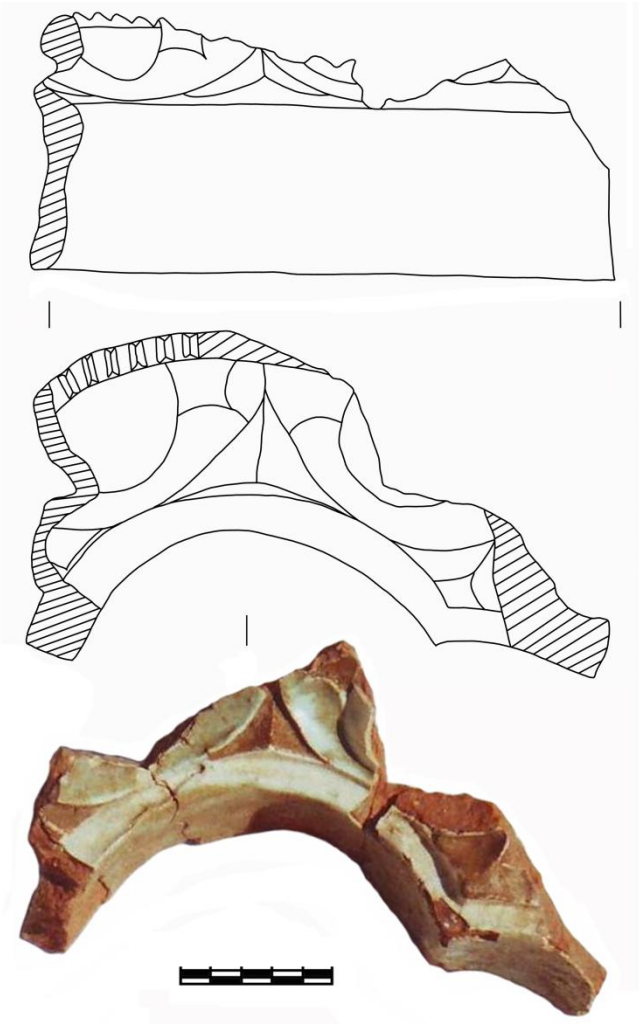


Рис.5. Декоративная арочная деталь нижней части печи
с территории усадьбы И. Мазепы на Гончаровке.

Рассмотренные нами изразцы нестандартной формы, принадлежащие к составному панно, а также декоративные детали оформления, являются довольно редкими находками не только для Батурина, но и для украинских земель в целом. Уникальность изделий усложняет процесс определения их функционального назначения и места в конструкции, а также декоре печей. Предложенные нами варианты могут уточняться или меняться с появлением новых находок и публикаций.

Таким образом, декоративные детали оформления и изразцовые панно были частью печного набора, соответствующего сложным барочным печам, которые отличались изысканностью архитектурных форм, редкостью и, соответственно, дороговизной. Об этом свидетельствует то, что преимущественное большинство находок происходит с раскопок жилищ

гетманов и представителей казацкой старшины конца XVII – начала XVIII вв. Обнаруженные аналогии позволяют утверждать, что данные печи сочетали в своем стиле лучшие черты украинского, европейского и российского изразцового искусства, являясь отображением элитарной культуры Гетманщины периода ее расцвета.

Библиографический список

1. Баранова С.И. Реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца. Степень достоверности // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2014. – Вып. 1 (13). – С. 56 – 77.
2. Бубенько Т. Типология и хронология изразцов Витебского Замка XVI – XVIII векав // Sredniowieczne i Nowozytne Kafle. Regionalizmy – Podobienstwa – Roznice / pod redakcja Marii Dabrowskiej i Haliny Karwowskiej. – Bialystok: MPB, 2007. – S. 253 – 272.
3. Виногродська Л.І. Кахлі Середнього Подніпров'я XIV – середини XVIII ст.: дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук: спеціальність 07.00.06 Археологія. – К., 1993. – 263 с.
4. Виногродська Л., Ситий Ю. Колекція кахлів з розкопок на території Батуринської Фортеці 2001 – 2002 рр. // Батуринська старовина: збірник наукових праць, присвячений 300-літтю батуринської трагедії. – К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2008. – 261 -277 с.
5. Гутник Ю. Батуринські кахлі з геральдичним сюжетом // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали X міжнародної студентської наукової археологічної конференції (15 – 17 квітня 2011 р.). – Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, 2011. – С. 57– 61.
6. Заяц Ю.А. Заслаўская кафля. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 61 с.
7. Кулаковський П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648 рр.). – К: Темпора, 2006.
8. Левко О.Н. Витебские изразцы XIV – XVIII вв. – Минск: Наука и техника, 1981. – 46 с.
9. Лукомскїй В.К., Модзалевскїй В.Л. Малороссїйскїй гербовникъ. – Спб.: Изданіе черніговскаго дворянства, 1914 г. – 115 с.
10. Маслих С.А. Русское изразцовое исскуство XV – XIX веков / С.А. Маслих. – М: Изобразительное искусство, 1983. – 271 с.
11. Мезенцев В. Про стиль архітектури палацу І. Мазепи в Батурині за рисунком 1744 р. та археологічними даними / В.І. Мезенцев // Батуринська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю батуринської трагедії. – К: Видавництво ім.Олени Теліги, 2008. – С.216- 236.
12. Мироненко Л. Будівля початку XVIII ст. на подвір'ї резиденції І. Мазепи на Гончарівці / Л.В. Мироненко // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірник наукових праць. – К.: Часи козацькі, 2015. – С. 76 – 80.
13. Немцова Н.И. Русские изразцовые печи XVII – XIX веков // Материальная среда спектакля: сборник рекомендательных материалов. – М., 1986. – С. 92 – 107.
14. Розенфельд Р.Л. Красные московские изразцы // Памятники культуры: исследования и реставрация. – Вып. 3. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – С. 228 – 241.
15. Шуткова Н.П. Составное изразцовое панно как элемент печного набора // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXIX международной научно-практической конференции 29 – 30 июня 2016 г. – М.: Изд-во «Институт стратегических исследований»: Изд-во «Перо», 2016. – С. 81 – 88.
16. Dąbrowska M. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII wieku. – Wroclaw-Warshawa-Krakow-Gdansk-Lodz: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1987. – 234 s.
17. Dąbrowska M. Piec jako nośnik idei? // Archaeologia Historica Polona. – 2013. – Tom 21. – S. 209 – 237.
18. Genys J. Klaipedos kokliai ir ju gamyba XVI – XVII amziuje // Klaipėdos kokliai ir jų gamyba XVI–XVII amžiuje // Architektūros paminklai. – V., 1984. – T. IX. – P. 43 – 53.
19. Gruia A.M. Povestiri la gura sobei. Catalog selective al colectiei de cahle a Muzeului National de Istorie a Transilvanieie. – Cluj-Napoca, 2012. – 120 p.

20. Hartmanova O., Soukupova M. Nalez historickych kamnovych kachlu pred zamkem ve Vrchlabi (okr.Trutnov) // Zpravodaj muzea v Hradci Kralove. – 2004. – No. 30. – S. 251 – 269.
21. Teuber S. Das Haus Breite Strabe 54 in Northeim. Teil II: Die Ofenkeramik // Northeimer Jahrbuch. – 2013. – 78. – P. 35 – 62.

Сведения об авторе:
Мироненко Людмила Владимировна – младший научный сотрудник отдела научных фондов Института археологии Национальной академии наук Украины, email – ludmila6ko@gmail.com

УДК 930.85(092)+94(450)

А.С. Свиридова

Личность Никколо Макиавелли по его письмам

Аннотация: *Статья посвящена личности Никколо Макиавелли – итальянского гуманиста, автора «Государя», деятеля эпохи Возрождения. Автор показывает различные стороны характера Макиавелли: Никколо как муж, отец, наставник, друг. Его личность рассматривается в контексте критического анализа писем, содержащих информацию об отношениях с окружающими, коллегами, друзьями и семьей.*
Ключевые слова: *Никколо Макиавелли, человек, характер, семьянин, друг, письма.*

Sviridova A. S. The personality of Niccolo Machiavelli based on his letters

Abstract: *The article is devoted to the personality Niccolo Machiavelli – Italian humanist, author of «The Prince», leader of the Renaissance. The author shows the different aspects of the character of Machiavelli: Niccolo as a husband, a father, a mentor, a friend. His personality is discussed in the context of critical analysis of letters containing information about relationships with others, colleagues, friends and family.*
Keywords: *Niccolo Machiavelli, human, character, family man, friend, letters.*

Никколо Макиавелли (1469-1527) – один из крупнейших деятелей гуманизма и один из титанов Возрождения, создатель всемирно известного трактата «Государь». Личность спорная, неоднозначная. В большинстве исследований он предстает как политический мыслитель, а его имя отождествляется с понятием «макиавеллизм». Но его деятельность не исчерпывается лишь политическими трактатами, и часто забывается, что Никколо Макиавелли был еще и историком, писателем, драматургом и новеллистом.

Личность Макиавелли во многом остается дискуссионной: одни обвиняют его в безнравственности, беспринципности, другие называют его миролюбивым гуманистом, человеком, чувствовавшим реалии своего времени. Его либо не признавали и не понимали, либо возвышали. Но одно мы знаем наверняка – творческое наследие Никколо Макиавелли несет в себе немало информации не только об эпохе и нравах, но и о личности самого автора.

Так кем же он был на самом деле? Какой другой мыслитель смог так ярко заявить о себе и на столь долгое время привлечь внимание ученых и общественности?

Объектом данной научно-исследовательской статьи является итальянское сообщество гуманистов, предметом - личность Никколо Макиавелли.

Творческое и научное наследие Никколо Макиавелли достаточно велико, но можно отдельно выделить его письма: даже когда они деловые, остаются частными, так как они писались не для публикации. Это, конечно, не значит, что нужно безоговорочно доверять всему, что было в них написано, но в том, что находит подтверждение в остальном его творчестве, не приходится сомневаться. Эти письма были написаны в нелегкие для Макиавелли годы: время его вынужденной ссылки, когда он, в силу обстоятельств, не мог заниматься своим любимым делом, и был вынужден «убивать время» в деревне, ведя, как он пишет, существование, «похожее на сон». Однако никакие разочарования не смогли сломить в нем желание жить, мыслить, действовать и надежды быть полезным своему государству, честно и преданно служить ему. Благодаря письмам великий флорентинец открывается нам с новых сторон: мы узнаем создателя «макиавеллизма» как заботливого и нежного мужа и отца, верного и остроумного друга, пылкого любовника, ответственного служащего, искренне преданного своему делу и Родине.

Цель исследования состоит в том, чтобы по письмам Никколо Макиавелли выявить его личность как человека. Для этого необходимо извлечь из писем следующую информацию: во-первых, проследить его жизненный путь и определить его личностные характеристики (осо-

бенности характера); во-вторых, отношения Никколо с семьей (жена, дети); в-третьих, проанализировать отношения Макиавелли с ближайшим окружением (друзьями и коллегами).

Эпистолярное наследие Никколо Макиавелли как источник исследования его личности редко применялось для реализации названной цели. Впервые русский перевод подборки из десяти писем Макиавелли был опубликован 1997 году в журнале «Средние века» выпуске №60. Помимо названного письменного источника для работы над этой темой использовалась также данные отечественной и переводной литературы. А.К. Дживелегов[10] один из первых в отечественной историографии охарактеризовал Никколо как личность, опираясь, в том числе, в качестве источника, на письма самого Макиавелли. В дальнейшем историк-медиевист В.И. Рутенбург[15], а за ним и Л.М. Баткин[9] исследовали отношения Макиавелли и его ближайшего окружения. В работе В.В. Топор-Рабчинского[17] дается представление о гуманистических и политических взглядах флорентийского деятеля. Жизненный путь Макиавелли как политического деятеля Флоренции и семьянина подробно исследован К. Жиль[12]: она стремилась показать Никколо не просто как исторического деятеля и политического мыслителя, а прежде всего как человека. Одно из недавних зарубежных исследований личности гуманиста, его жизни и идей было сделано Полом Стретерном[16].

Черты характера Никколо Макиавелли.

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 года во Флоренции в семье мессера Бернардо ди Никколо ди Буонинсенья и Бартоломеа ди Нелли. Его род принадлежал древней обедневшей тосканской фамилии, представители которой нередко состояли на государственной службе в Республике.

Детство и юность Никколо совпали со временем правления Лоренцо Великолепного, покровительствовавшего образованию и искусству. О молодости Макиавелли мало что известно. По-видимому, он получил гуманистическое образование, которое впоследствии дополнял чтением древних авторов[14; 392]. Но со смертью Лоренцо Медичи для всей Италии пришли непростые времена. Медичи были изгнаны из Флоренции. Эти события оказали сильное впечатление на двадцати трехлетнего Никколо. Он так глубоко прочувствовал их, что в дальнейшем уже не смог забыть произошедшее: акты насилия, которые, в конечном счете, привели к победе тех, кто действовал наиболее быстро и жёстко. Этот урок и стал для Макиавелли началом его политического образования.

Затем последовало недолгое правление Савонаролы, о неприязненном отношении Никколо к которому мы можем судить по его письму к Риччардо Бекки [1; 441-443]. В последующем флорентинцы вновь возвратились к республиканской форме правления, Макиавелли на тот момент было 29 лет. В 1498 году он поступил на службу республики в должности секретаря Совета Десяти, и проработал на этом месте в течение четырнадцати лет до нового политического переворота, возвратившего Медичи во Флоренцию.

Занимая пост главы «второй канцелярии» или составляя бумаги при Совете десяти, совершая разъезды по военно-административным делам или выполняя дипломатические поручения правителей Флоренции, сам Макиавелли никогда не определял флорентийскую политику. Но, не смотря на это, во время службы он находился в самой гуще новостей и событий, проявлял невероятную энергию и имел некоторую возможность влиять на людей, от которых действительно зависело многое, например на гонфалоньера Пьеро Содерини.

В 1512 году, после реставрации Медичи, Макиавелли оказался в ссылке, что означало отстранение его от государственных дел, но мозг профессионального политика, Никколо Макиавелли, не мог перестать работать. Ему была необходима повседневная информация, на основании которой можно было бы по-прежнему рассуждать, делать предположения и предвидеть развитие политических и общественных событий. «Господин посол, я пишу Вам, ско-

рее идя навстречу Вашим пожеланиям, чем потому, что действительно знаю, о чем говорю. Поэтому прошу Вас в ближайшем же письме сообщить мне, как поживает этот мир и что в нем творится, на что в нем надеются и чего боятся, - если Вам угодно, чтобы в столь важных материях я мог бы служить Вам надежной опорой…»[9; 348].

10 декабря 1513 года Никколо пишет своему приятелю Франческско Веттори: «...мой мозг покрывается плесенью, и я даю разгуляться коварству своей судьбы, я даже доволен, что она так топчет меня, потому что хочу посмотреть, не станет ли ей стыдно»[4; 452].

Эти эмоциональные слова свидетельствуют о степени отчаяния Макиавелли, но он еще не знает, что в таком положении он будет практически до самой смерти.

Учитывая все эти обстоятельства, сложно представить себе юного Макиавелли, с гибким телом, со свежими красками на лице, с искрящимися глазами, с беззаботным смехом, и всегда готового на любую сумасбродную проделку[10].

Судя по его единственному, по-видимому, не фантастическому портрету, он был костляв, слегка сгорблен и худощав лицом. Утомленные глаза глубоко посажены, смотрят рассеянно и беспокойно, но временами они способны загораться порывами решимости и энергии. Лоб высокий и морщинистый, а спереди лысеющие зализы. Нос – длинный и крючковатый. Большой рот окружен бесчисленными складками, отражающими душевные боли, тоску, разочарование, но губы чувственные: если на них заиграет улыбка, она едва ли будет добродушной, скорее насмешливой, недоверчивой и циничной. Так складывается образ Макиавелли-мыслителя, человека дела, невеселого эпикурейца, Мефистофеля в миноре[10].

Как известно, характер человека формируется в процессе его жизнедеятельности и зависит от многих факторов, как внешних, так и внутренних. Соответственно и при анализе характера Макиавелли нельзя опустить некоторые события его жизни, которые и сформировали его таким, каким мы его сейчас знаем. Никколо Макиавелли был талантливым, способным государственным служащим с хорошей родословной, но у него не было нужных связей. Он обладал всеми данными, необходимыми для преуспевания в обществе, но постоянно испытывал финансовые затруднения. Успеху у противоположного пола мешала не очень привлекательная наружность. Устроиться на службу удалось лишь в двадцать девять лет и отнюдь не на самую прибыльную и почетную должность.

1512 год оказался катастрофичен для Макиавелли: сначала его лишили службы, затем привлекли по делу о заговоре против Медичи, заключили в тюрьму, пытали. После отправили в ссылку в деревню, где Никколо впал в депрессию, поскольку был отстранен от политики, от возможности внести свой вклад в управление флорентийским обществом и государством.

«И если иногда смеюсь я иль пою,
То потому, что мне лишь этот путь остался,
Чтоб горькую слезу не показать свою»[10],

- вспоминает он стихи Петрарки в одном из своих писем к Веттори.

Благодаря самообразованию Макиавелли обладал свободным от всяких влияний умом. Однако, судя по письмам, он отчасти поддерживал типичные для той эпохи астрологические идеи и флорентийские суеверия: «иной раз также, когда наступает конец длительному процветанию, причину ищут не в себе, а обвиняют небеса и расположения светил»[2; 445].

Макиавелли производил на окружающих впечатление «скользкой» личности: мог схитрить, умел плести интриги и вводить людей в заблуждение. Никколо был ренессансной личностью, но эта всесторонняя развитость имела и негативные последствия, выражавшиеся в характерной для него беспринципности и цинизме.

Макиавелли придерживается пессимистичного взгляда на человеческую природу. «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к зависти, ли-

цемерию и обману, что их пугает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего ради тебя не пощадить: ни крови, ни жизни, ни детей. Но как только ты перестаешь расточать милости и удовлетворять их желания, они превратятся в твоих врагов»[16]. Однако, не смотря на нелюбовь к людям и саркастический характер, Никколо Макиавелли был силен духом, и ничто не могло помешать его желанию служить своей Родине: «что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности - моя бедность»[4; 453]. И в ссылке Никколо остается патриотом своей страны: «люблю свою родину больше, чем собственную душу»[8; 460].

Таким образом, Никколо Макиавелли предстает перед нами сложной и не всегда располагающей к себе, но развитой и пробуждающей огромное любопытство личностью, с сильным ренессансным характером.

Макиавелли и семья

В 1501 году, когда Макиавелли было 33 года, он женился на Мариетте ди Луиджи Корсини, девушке, семья которой занимала такую же ступень в социальной лестнице, как и семья Макиавелли. Брак заключался с целью объединения семей во взаимовыгодный союз, но к счастью, Никколо и Мариетта отлично подошли друг другу и в скором времени стали хорошими друзьями. В семье Макиавелли было пятеро детей: первый, Бенардо, родился через год после свадьбы, затем, Мариетта родила еще трех сыновей - Лодовико, Пьеро и Гвидо, и одну дочь – Бартоломею[15; 110-111]. За годы совместной жизни между супругами сложились теплые и доверительные отношения. Жена Никколло неизменно с нетерпением ждала его возвращения из командировок, а он спешил домой из своих дальних поездок: «…я собирался выехать со дня на день, и теперь собираюсь; и никогда я так не хотел очутиться во Флоренции, как сейчас»[7; 459]. Свою семью он с шутливой нежностью именовал «командой» (la brigata)[15; 110-111].

Однако, находясь по дипломатическим делам за границей в течение длительного периода, Макиавелли обычно заводил отношения с другими женщинами. Судя по его письмам к приятелям, в большинстве своем это были кратковременные увлечения, порожденные долгим пребыванием вне дома: «я после многодневного пребывания здесь за отсутствием супружеских утех, стал неразборчивым…»[3; 446], - пишет Никколо Гвиччардини. В период ссылки он влюбляется по-настоящему: «…я встретил существо столь милое, столь утонченное и привлекательное как врожденным благородством, так и своими качествами, что не нахожу достаточных слов ни для ее восхваления, ни для выражения любви. И хотя я вижу мучительность своего состояния, меня переполняет нежность как от созерцания этого редкостного и приятного создания, так и потому еще, что я отложил в сторону воспоминание обо всех своих печалях; и ни за что на свете я не желал бы стать свободным, если бы и мог…»[5; 453-454].

Но наряду с этим Никколо был очень привязан к своей семье, и, несмотря на все грехи, он никогда от нее не отдалялся. Когда дела шли плохо, его больше всего тяготило то, что будет нуждаться его «команда», ведь у Никколо, как и у любого другого человека, есть заботы и радости отца семейства. Здоровье младшего сына, Бернардо — «моего Бернардо», тревожит его, когда, возвратившись во Флоренцию, он находит его в горячке. Лодовико, задира и драчун, все время навлекает на себя неприятности в Леванте, где ведет торговлю. Гвидо, милый мальчик, прилежно изучает контрапункт, хорошо учится грамоте и обещает без ошибок прочитать наизусть «Метаморфозы» Овидия, в чем его всячески поощряет отец, дающий ему советы, которые любой из нас сначала получал, а затем и давал сам: «Коли ты хочешь доста-

вить мне удовольствие, а себе добро и честь, хорошенько трудись, потому что, если ты сам себе поможешь, все тоже будут тебе помогать [7; 459]».

В письмах к детям, особенно более поздних, есть неподдельная теплота. Из письма Макиавелли к Гвидо видно как бережно и нежно он относится к своим детям: «мой дражайший сыночек, ты выздоровел, и для меня нет ничего важнее этого»[7; 458]. Несмотря на то, что он далеко от них, он воспитывает и по-отечески наставляет: «кроме больших связей, которыми я располагаю, ты должен учиться» [7; 459]; он хочет вырастить из них «порядочного человека» [7; 458]. Не забывает Никколо в письме к сыну выразить свое почтение жене: «кланяйся Моне Мариетте» [7; 459]. Жена Макиавелли, по-видимому, была мудрой женщиной, она понимала своего мужа, его положение и принимала его таким, каким он был. И, конечно же, она была превосходной матерью: все пятеро детей были воспитаны и пережили отца.

Умер Никколо, как порядочный семьянин, на руках у жены и детей. По своему времени Макиавелли не был плохим семьянином: он уважал жену и чувствовал к ней душевное расположение; в своем завещании он в искренних и сердечных словах назначает ее неограниченной опекуншей детей, без обязанности дать им когда-либо отчет [17; 296]. В любом случае, одно ясно точно - Макиавелли умел искренне любить.

Никколо Макиавелли и его окружение.

Хорошо известно, что психология и поведение отдельного человека как личности зависят от социальной среды, от его ближайшего окружения. На протяжении всей жизни Никколо Макиавелли окружали как простые люди, так и высшие светские и духовные лица. По словам В.И. Рутенбурга, Макиавелли был душой вечеринок, которые устраивали его сослуживцы: его шутки и остроты заставляли всех хохотать до упаду [15; 110]. Со своими друзьями Макиавелли беседовал на самые различные темы: от интимной жизни до власти и религии.

Со временем между ним и его коллегой Франческо Веттори завязалась тесная дружба, основанная на взаимном уважении и восхищении: оба говорили на одном языке, языке культуры, который стирает разницу в возрасте и происхождении, оба горели одинаковой страстью к политике[12]. Большая часть их переписки относится к периоду ссылки Макиавелли. И эти письма хорошо отражают отношение самого Никколо к ссылке. Период бездеятельности он переносит нелегко, тяготится деревенской жизнью, но верит в судьбу, которая, по его мнению, в конечном счете все же должна вернуть ему прежний образ жизни – жизнь секретаря Канцелярии: «А поскольку судьба любит распоряжаться по-всякому, нужно положиться на нее, не тревожиться и не искушать ее в ожидании того времени, когда она и людям даст возможность действовать; тогда - то и вам придется потрудиться и во все вникать, а мне распроститься с деревней и сказать: вот он я»[4; 451].

Эта переписка раскрывает нам обстоятельства создания трактата «Государь»: «записал все, что вынес поучительного из бесед, и составил книжицу «О государствах», где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается»[4; 452].

В 20-е годы Никколо Макиавелли ведет оживленную переписку с Франческо Гвиччардини. Два великих философа и политика Возрождения — Макиавелли и Гвиччардини — были не только современниками, но и друзьями. Впервые они встретились в 1521 г. в Модене, когда Макиавелли было 52 года, а Гвиччардини — 38. Знатный и преуспевающий политик принял находившегося в опале Макиавелли. Несмотря на различие в положении и характере, они нашли не только общий язык, но и понравились друг другу как мыслители-гуманисты, равноправные члены «республики разума»[15; 91]. Гвиччардини относился к личности Макиавелли с большим интересом и сам писал о нем так: «Человек, мнения которого необычно

отличаются от общепринятых, изобретатель новых и непривычных вещей»[9; 363]. Он очень ценил ум и талант Никколо, охотно принимал его советы и услуги. В письме к Франческо от 17 мая 1521 года мы видим, как Макиавелли просит поддержки у своего друга, причем как личной поддержки «подскажете мне что-нибудь полезное на этот счет»[6; 45], так и поддержки социального характера «поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уведомления»[6; 457].

Стоит заметить, что при анализе и сопоставлении переписок Макиавелли с Франческо Гвиччардини и с Франческо Веттори, по стилю написания, по обращениям и по самому содержанию писем, выясняется различный характер дружественности: с Веттори скорее переписка дипломатов, послов-приятелей, в то время как переписка с Гвиччардини носит более приятельский и менее официальный характер.

У Никколо есть верные друзья, и их достаточно для того, чтобы уравновесить число недоброжелателей и ненавистников, которых хватает у всякого человека. В глубине души он знал, что все люди, окружавшие его в разные периоды жизни, были «великими друзьями на малые услуги»[10].

К сожалению, письма не дают возможности сделать точных выводов о том, кто для него адресаты: просто хорошие приятели или настоящие друзья, но одно можно сказать точно – он уважал и ценил этих людей. А они, в свою очередь, принимали его таким, каким он был, со всеми его сложностями и своеобразием.

Исследуя письма Никколо Макиавелли, мы встретили обыкновенного человека, из крови и плоти, полного противоречий, радости и огорчений. По своему характеру он не был жесток, но был очень упрям; мучительно переживал неудачи и скрывал свое негодование за внешне шутливым тоном. Будучи флорентийским Секретарем и имея множество возможностей, он не был свободен в своих действиях и решениях. Он был тонким и метким наблюдателем: всю жизнь следил за окружающим его миром и отражал свои впечатления и мысли в литературных и исторических произведениях. Как правило, они сразу же находили отражение в итальянском обществе, которое восхваляло, порицало, недолюбливало или же весьма сдержанно относилось к ним. Одно из таких творений Макиавелли, «Государь», осталось актуально на века и сделало имя его создателя нарицательным. Именно ему Никколо обязан образом беспринципного и циничного политика. Нельзя сказать, что письма однозначно отрицают наличие у него таких качеств, но не стоит забывать, что это лишь одна из граней многомерной личности гуманиста, ведь сама среда его жизни в Италии на склоне Возрождения несла в себе эгоистические и честолюбивые ценности. Письма же показываю и другие, не такие известные, стороны Макиавелли: заботливого отца и мужа, верного и беспокойного друга.

Давая оценки личности Никколо Макиавелли необходимо не только анализировать его поведение и суждения, но и учитывать социальную среду, сам его жизненный путь, ведь личность формируется в процессе социального становления индивида путем преодоления трудностей и накопления жизненного опыта.

Таким образом, разгадка сущности его личности была и остается интересна многим исследователям и просто любителям на протяжении многих веков. Гуманист Макиавелли соединил в себе несоединимое, увековечил свое имя.

Библиографический список:

1. Письмо I. К Риччардо Бекки. 9 марта 1947 года. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
2. Письмо II. К Джованни Батисте Содерини. Сенябрь 1506. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.

3. Письмо III. К Луиджи Гвиччардини. 8 декабря 1509. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
4. Письмо V. К Франческо Веттори. 10 декабря 1513 . / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
5. Письмо VI.К Франческо Веттори. 3 августа 1514. . / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
6. Письмо VIII. К Франческо Гвиччардини. 17 мая 1521. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
7. Письмо IX. К Гвидо Макиавелли. 2 апреля 1527. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
8. Письмо X. К Франческо Веттори. 16 апреля 1527. / Десять писем Никколо Макиавелли. Вступ. ст., пер. и коммент. М.А.Юсима // Средние века. 1997. №60. С. 439-464.
9. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995.
10. Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли. Сочинения. Т.I. М.-Л.: Academia, 1934. URL: http://az.lib.ru/d/dzhiwelegow_a_k/ (дата обращения: 01.09.2016).
11. Евлампиев И.И. Никколо Макиавелли – мыслитель прошлого и наш современник. // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.
12. Жиль К. Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 2005.
13. Лосев А.Ф. Никколо Макиавелли (1469-1527). // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.
14. Новгородцев П.И. Макиавелли. // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.
15. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. 2-е издание. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1991.
16. Стретерн П. Макиавелли за 90 минут. М.: АСТ, 2006. [Электронная версия] URL: http:// www. helib.ru/books/stretern_pol/makiavelli_za_90_minut-read/ (01.09.2016).
17. Топор-Рабчинский В. В. Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли. // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.

Сведения об авторе:
Свиридова Алина Сергеевна – студентка факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. AlinaSv.17@yandex.ru

УДК 712.25+75(470)

Ю. Фролова

Культура дворянской усадьбы по изобразительным источникам первой половины XIX века

Аннотация: *В статье рассматривается, как изобразительный источник может помочь в изучение культуры дворянской усадьбы. Представлена характеристика данного источника и его специфика. Дается разбор экстерьера и интерьера дворянской усадьбы первой половины 19 века на основе аутентичных изображений.*
Ключевые слова: *дворянская усадьба, архитектура, быт, культура, интерьер.*

Julia Frolova «Culture manor of noble family to pictorial sources of the first half of the XIX century».
Abstract: *In article explores how pictorial source can help in the study of manor of noble family culture. Presents characteristics of the source and its specificity. Given to analysis of the exterior and interior of a manor of noble family of the first half of the 19th century, based on authentic images.*
Keywords: *family estate, architecture, lifestyle, culture, interior.*

Культура русской усадьбы - это явление закономерное, которое складывалось не один век и просуществовало на территории нашего государства более 4 столетий. В каждой области Центральной России, в том числе и Брянской, можно встретить примеру усадебной культуры. Безусловна стоит проблема в сохранении этого наследия и в воссоздании. В данные момент мы можем воспользоваться свидетельствами прошлого и раскрыть картину усадебной жизни не только по письменным, но и по изобразительным источникам. Так же необходимо учитывать, что усадьба и её культура охватывала многие стороны жизни человека, своего рода это был отдельно замкнутый мир.

Цель, которую данной статьи: проследить возможности изобразительного источника в воспроизведение устройства дворянской усадьбы первой половины XIX века. Это важно для реставрации усадеб, музеев, театров и киноискусства. Для достижения этой цели необходимо разрешить следующие вопросы:

- какие стороны дворянской жизни в усадьбе отражает изобразительные источники по данному периоду (начало 19 века) и
- уточнить насколько достоверна и полна информация в этих изображениях.
- выяснить, как изобразительный источник по дворянской усадебной культуре сможет помочь в прикладной деятельности.

Дворянская усадьба – уменьшенная модель мира, а не просто отдельная постройка. Именно в ней заложена историческая память не одного поколения. И для того, чтобы понять значение и предназначение усадьбы 19 века, нужно обратиться к истории её становления.

Само понятие усадьба обозначает господский двор на селе со всеми строениями. А это значит, что корни явления уходят на Запад, и начиная уже со второй половины XVII века после войны с Речей Посполитой (1654-1667) оно проникает в Россию. Алексей Михайлович на берегу Яузы по образцу европейской знати строит себе загородный домик, предназначенный первоначально для места пребывания во время охоты, что в свою очередь было весьма распространенным явлением в Европе того времени. После женитьбы на Наталье Кирилловне Нарышкиной, охотничий домик стал излюбленным местом царской фамилии и превратился в летнюю резиденцию со дворцом, который в последствии станет домом для Натальи Кирилловны с маленьким Петром и её дочери Натальи. Своё название усадьба «Преображенское» получила по именованию одной из дворцовых церквей. В дальнейшем именно здесь будет апробирована европейская планировка параллельных улиц и перпендикулярных переулков.

В XVIII веке при Петре I началась активная постройка царских и княжеских резиденций (летний дворец Петра I, Ораниенбаум, Петергоф и др.), В их строительстве принимали участие преимущественно иностранные архитекторы, такие как: Д.М.Фонтаны, И.Ф.Браунштейн, Б.Ф. Растрелли, Андреас Шлютер и другие. По замыслу Петра Великого, Петергоф должен был, с одной стороны, сравниться в великолепии с самыми знаменитыми королевскими резиденциями Европы, с другой – стать триумфальным памятником успешного завершения борьбы России за выход к Балтийскому морю. И то и другое удалось ему осуществить в полной мере. К середине 20-х гг. XVIII в. были разбиты регулярные Верхний сад и Нижний парк построен Большой дворец, создана крупнейшая в мире система фонтанов и водных каскадов и выполнена большая часть скульптурного убранства: множество свинцовых, позолоченных статуй, барельефов, маскаронов, ваз.

До второй половины XVIII в., мы не встречаем массовых дворянских построек в пригороде или в селе, т.к. дворянин полностью отдает себя службе, и у него нет времени на хозяйственные дела или обустраивание своей резиденции. И только после манифеста о даровании вольности дворянской 1762 г, по которому дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы [1;5]. Это значит, что у них появлялось свободное время на устройство своей повседневной жизни, тогда и начинает своё активное развитие феномен дворянской усадьбы, который достигнет своего рассвета в начале 19 столетия.

Именно XIX век – это время колоссальных изменений культуры, большое значение сыграли Французская революция 1789 г., с её либеральными идеями, война 1812 г. и заграничные походы, всё это знакомило дворянство с новыми веяниями. В стремлении к индивидуальности от общих изображений фасадов художники переходят к внутреннему убранству, заглядывает в тот мир, где живет русский дворянин, мы его встречаем и в зале, и в гостиной, и в кабинете, появляется даже отдельный вид картин и рисунков «в комнатах». Безусловно, это свидетельствует о повышенном интересе художников, как простого происхождения, так и знатного, к культурным изменениям, которые отразились в быту и интерьере. Появляются даже крепостные художники-самоучки, которые в дальнейшем прославят своё имя именно в бытовом жанре, потому что это непосредственно их среда, их жизнь, мало вероятно, что в их работах будет много надуманности. К началу XIX века нам известны уже ряд фамилий, которые работают в бытовом жанре, как Венецианов, и в более конкретном - изображение жизни дворянской усадьбы. Появилась целая школа Венецианова и Ступина, которая практиковалась именно в интерьерных зарисовках барской усадьбы. Этой тематики в своих работах касались: Ф.Толстой, Григорий Сорока, Иван Фомич Хруцкий, В.Э. Борисов-Мусатов, С.Ю. Жуковский и др.

Учитывая, что многие постройки сгорели после пожара в Москве, в нашем распоряжение имеются только отдельные детали (ткани, предметы утвари, мебель), воспоминание очевидцев, литературные произведения, где есть описание обстановки, и немногочисленные изобразительные источники, представленные акварельными рисунками в альбомах, и сохранившиеся в галереях живописные полотна. Изобразительная наглядность первой трети 19 века открывает нам человека нового типа, новые стороны жизни представителей дворянского сословия. Теперь сопоставляя письменный и изобразительный источник, можно составить более четкую картину об обстановке, о фоне, на котором проходила жизнь этой группы общества в первой половине XIX столетия.

Перед тем, как начать рассматривать непосредственное убранство усадьбы, которое отражено в работах художника, нужно посмотреть на изучаемый объект снаружи, в этом поможет такой изобразительный источник, как планы усадьб. На примере усадебных построек Брянской области их планов, можно выделить крупнопоместные и мелкопоместные усадьбы.

К первым стоит отнести усадьбу Безбородко в Гринево (Погарский район Брянской области). В генеральном плане усадьбы мы видим, что помещичий дом находился в глубине усадьбы, Беловинский в «Истории русской материальное культуры» так же отмечает, что барские усадьбы строились именно по средневековому принципу, а именно расположение дома в глубине участка торцом на главную улицу.[2;2] В данном случае барский дом как бы делит усадебное пространство на две части, та половина, которая выходит на главную улицу распланирована более тщательно (длинная въездная аллея, ведущая к партеру (открытая часть парка с цветниками, ухоженными газонами) перед самим домом),часть, находящаяся за домом имеет более вольный план с растительностью и водоемами. Размер участка пред домом больше 4 га, за домом точных размеров не известно.[3;10]

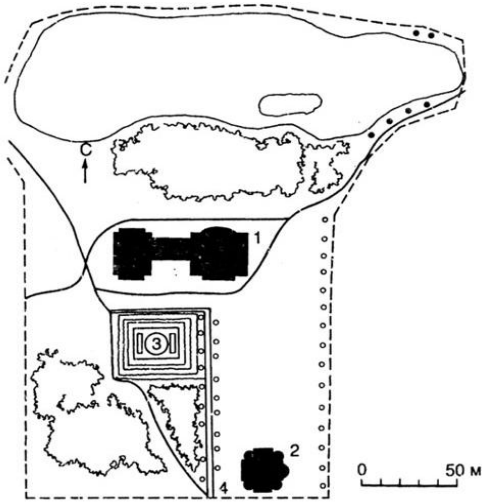


Рис.1. Генеральный план усадьбы Безбородько в селе Гринёво.
1 – дом, 2 – троицкий храм, 3 – партер, 4 – въездная аллея

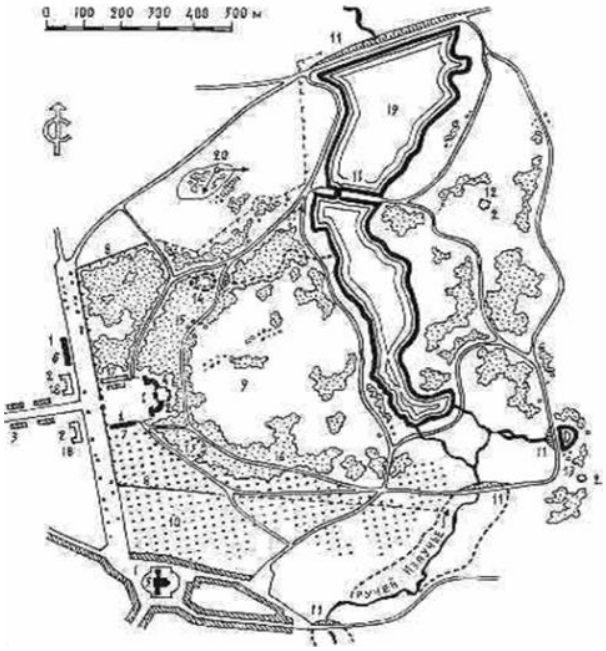


Рис.2. План усадьбы Завадовского в Ляличах.

Особое место среди крупнопоместных усадеб занимает резиденция первого министра просвещения России графа П.В. Завадовского в селе Ляличи Суражского района. Усадьба является выдающимся памятником русского зодчества и садово-паркового искусства эпохи зрелого классицизма, одним из лучших произведений Дж. Кваренги. Изумительный по красоте комплекс с целым рядом великолепных зданий, объединенных парком, занимал огромный участок (1349х1180 м), обнесенный высокой кирпичной оградой. Этот архитектурный и парковый комплекс настоящее исключение из правил, как снаружи, так и внутри. Сохранилось фото пилон ворот главного въезда, дорога которого вела к дому-дворцу через парадный курдонер - двор. Исходя из плана и графической реконструкции В.Городкова, видно какое место имел парк в данном ансамбле. Парк занимал территорию в 150 га, вместе с постройками усадьбы представлял собой единый комплекс большой художественной ценности, одно из лучших произведений садово-паркового искусства своего времени. Состоял из двух частей, разделенных системой искусственных прудов в долине ручья Излучье. Но и внутри этого шедевра было немало редкостей для нашей области, так Галина Пикина в соей книге об этой усадьбе приводит записки Доктора французской императорской гвардии Доменика Пьера де ла Флиза, который посещал имение в 1813году. Он указывает на масштабы самого поместье, и внутреннее убранство, что в доме он насчитал до ста комнат, в Аполлоной зале

висит портрет Екатерины- I I во весь рост, а в другой зале стены обиты гобеленовыми обоями и везде дорогие статуи из мрамора. [4;9]

Так как мы уже заметили, что данное поместье – исключение из правил, то в дальнейшем рассматриваться в плане убранства будут усадьбы в большинстве своем мелко- и среднепоместные, потому что необходимо выяснить закономерные явления и веяния в русской усадьбы первой половины XIX века.

В Брянской области примером мелкопоместных может служить усадьба Искрицких. Планировочная структура ее типична для своей эпохи. Территория образует прямоугольник, длинной стороной обращенный к сельской улице. Центром является господский дом, расположенный в глубине двора параллельно улице. Два одинаковых флигеля, поставленные по сторонам дома перпендикулярно улице, образуют перед ним парадный двор. За домом простирается обширный фруктовый сад. Вся усадьба огорожена кирпичным забором.[5;10]

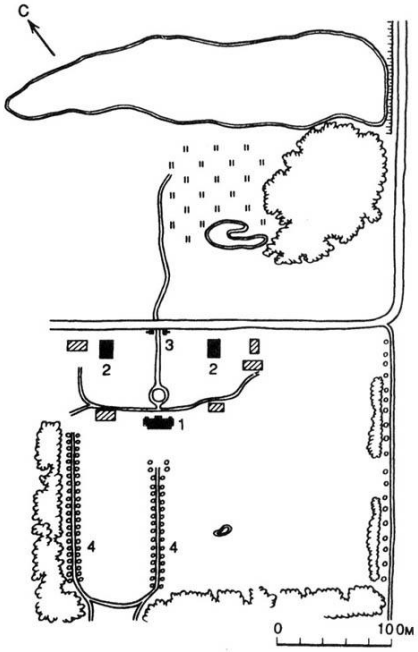


Рис.3. Планировка усадьбы Искрицких.

Если обращаться к планам усадеб, то из основных элементов можно выделить:

- Главный дом в глубине участка
- Флигели по бокам от главного дома
- Центральная аллея
- Парк и оранжерея
- Церковь

Говоря непосредственно о изобразительных источников по внутреннему убранству, нужно отметить, что в 18 веке изображений усадеб нет, появляются они только в начале 19 века. Изображаются, как правило, усадьбы центральных районов России, т.к. именно здесь образуется большая прослойка служилых людей и складывается помещичье землевладение. В том числе и сами художники в большинстве своём из Подмосковья и близлежащих регионов. Эти источник можно разделить на две группы:

- рисунки в альбомах
- живописные полотна

Зачастую в альбомах мы не найдем автора, т.к. альбомы велись в каждой усадьбе и рисовали в них не всегда мастера и профессионалы. Альбомное творчество, работы без автора

нельзя исключать их из источниковой базы, поскольку они составляют большую часть массива изображений именно по началу XIX столетия (удалось найти более 30 работ, отражающих особенности интерьера). Но что касается живописи, то здесь с авторством всё намного проще. Можно выделить отдельных художников и тематику их работ

Федор Петрович Толстой и Капитон Алексеевич Зеленцов работают в цикле картин «в комнатах…» , среди которых выделяются гостиные, залы, комнаты, где изображаются женщины с детьми, они не носят название «детской»,но судя по изображению выполняют именно такую функцию, так же есть изображение мастерской художника. Николай Иванович Тихобразов прорисовывает конкретно интерьеры и все детали обстановки комнат. Григорий Васильевич Сорока писал приусадебные пейзажи, и пару работ в интерьерном плане. Карл Иванович Кольман рисует в большинстве своём только гостиные 30-х годов, в которых прослеживается отличие от более ранних изображений гостиных, что даёт нам информацию о новых веяниях и стилистике этих главных помещений в барском доме. Есть единичные картины хозяйственной части усадьбы, рабочей и учебной (кабинеты, учебные комнаты, детские). В общей сложности мне удалось ознакомиться с репродукциями более 50 картин, отражающих быт дворянской усадьбы.

Внешний вид дома, как правило, на изобразительных источниках начала XIX века вписан в природу усадьбы. В основном это пейзажные рисунки, как приведенный на Рис.4. Но даже такое удаленное изображения главных домов усадьбы, дает нам общие представления о её облике:

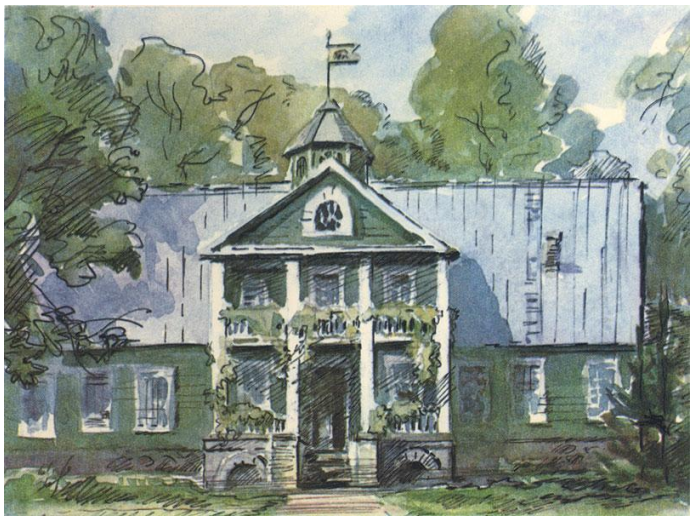


Рис.4. В.Звонцов. Петровское (имение Ганнибалов). Усадьба. Главный подъезд

- Одноэтажное или двухэтажное здание, первый этаж выше
- Главный подъезд оформлялся 4-6 колоннами с фронтонным треугольником
- На главный фасад выходило 8-11 окон
- Крыша была деревянная
- Над средней частью дома помещался ещё один жилой этаж – мезонин
- Над мезонином или на крыше находился бельведер (фонарь, башня) нежилое помещение
- По обеим сторонам пристраивались флигели (одноэтажные)

В подтверждение тому, что мы видим с вами на картинах можно привести описание одной губернской усадьбы оставленное Бутурлиным. В своих записках он говорит о помещичьем доме с серым фасадом, « с приклеенными к нему четырьмя колоннами в тон стен с фронтонным треугольником над ними .Колонны эти были у боле зажиточных оштукатурен-

ные и вымазанные известью так же, как и их капители; у менее достаточных помещиков колонны были из тощих сосновых бревен без всяких капителей. Входное парадное крыльцо с огромным выдающимся вперед деревянным навесом и двумя глухими боковыми стенками, в виде пространной будки, открытой спереди».[6;4]

Теперь имея представление о наружном виде усадьбы, можно приступать к рассмотрению изобразительных источников внутреннему устройству барского дома.

Что касается внешнего облика усадьбы, нельзя не сказать про озера, пруды, прилегающие к ним сады и парки, которые дополняли, а за частую и составляли основу архитектурно-парковый ансамбля. Эти элементы участка нашли отражение в творчестве художников той поры и мемуарной литературе. Г.Сорока оставил изображения приусадебных водоемов Тверской области, например, села Молдино, Остров (Островки) (Рис.5).

Рис.5. Г. Сорока «Вид на озеро»

Усадебный ландшафт представлен в творчестве художника палисадником, парком с часовней. Характерной чертой русских усадебных садов конца XVIII – начала XIX века было то, что вблизи дома владельцы располагали цветник. Он связывал архитектуру дома с пейзажной частью парка. Такой цветник мог быть остатком регулярного парка. А.Т.Болотов в своих записках упоминает, что в моде были регулярные сады, то и сой сад он хотел превратить в таковой, для этого он отделили одну часть от другой цветочными грядками и расположенными в центре четырьмя молодыми березками, а под ними поставил решетчатую беседку, и уже от неё провел в 4 стороны дорожки, окруженные цветочными рабатками [7;3].

В этот период русские сады сохраняли планировку, оставшуюся от регулярных парков, остальное добавляла природа. Именно старый разросшийся регулярный парк лег в основу стиля русских усадебных садов. В середине XIX – начале XX века широко применялась имитация регулярного парка, для чего использовали тесную посадку лип в узких аллеях. Как отмечает С.Охлябинин в «Повседневной жизни русской усадьбы» это было исключительно русское изобретение, и в Европе не наблюдалось [8;8]. Аллеи перемежались лужайками и «зелеными гостиными», где устанавливалась парковая мебель, различные мостики, лавки и беседки.

Рассмотрев облик усадьбы снаружи, можно проследить как дворянин обустраивал своё жилье внутри дома, какие комнаты мы можем увидеть на изображениях того времени и определить назначение этих комнат. Пользуясь массивом изобразительных источников, которым я располагаю на данный момент можно выделить основные сюжеты, которые попадают в поле зрение художников того периода. Из бытового жанра вычленяются более углублен-

ные интерьерные жанры картин с рядом одинаковых названий, таких как «в комнатах», «в гостиной», «кабинет», «в мастерской…» и др.

Архитектурная композиция внутреннего устройства барского дома представлена анфиладным типом. Большинство художников и зарисовщиков выбирают именно такой ракурс, чтобы захватит и обустройство помещений, демонстрируя тем самым интерьер, и показать глубину анфилады в доме, которые выведет зрителя в сад или откроет часть приусадебного двора с флигелями. Но конкретных изображений хозяйственных построек или комнат прислуги на полотнах художников крайне мало , данная тематика не входила в их круг творческих интересов. В работах, уже упомянутого нами, крепостного художника Сороки есть отдельный фрагмент картины «Гумно», подобие одноименного полотна Венецианова; чистое, убранное хозяйственной помещение. Безусловно, будучи сам крепостным в его творчестве проскальзывает тема быта крестьян, возле озера крестьянка идет от водоема с ведрами на коромысле, другая девушка на берегу занимается стиркой, на другом виде озера Молдин изображен рыбацкий берег и молодой крестьянин, тянущий за собой лодку через заводь.

Особо ценным источником для воссоздания облика хозяйственной части усадьбы является картины К.Чернышева «В кухне» и Г.Крылова «Кухня» (Рис.6).

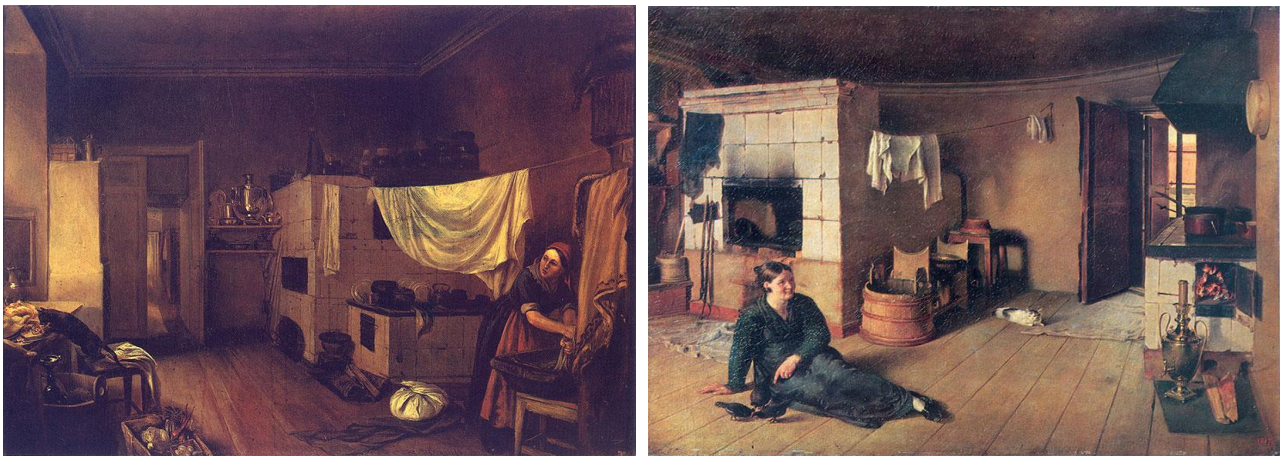


Рис.6 К. Чернышев «В кухне» (1850-е гг.) (слева) и Г.Крылов «Кухня» (1826).

Светлое помещение, без какой либо роскоши, все очень просто: деревянный, пол, печь во всю стену, кадки для засолки. Перед нами небольшое помещение в анфиладе комнат судя по всему с одним окном, большую часть занимает печка, у окна стол, где скорее всего разделывают продукты, буфет для столовых приборов, служанка здесь же стирает в корыте, т.е. кухня в не особо богатых усадьбах выполняла двойную функцию, совмещаясь с прачечной. Но на этих скромных примерах комнаты бытового назначения заканчиваются, ни комнаты для прислуги, ни ванной, ни уборной мы не встречаем.

Самой распространенной тематикой картин и зарисовок являются гостиные. Как правило, это была главная комната, где собирались и хозяева, и гости. Она выполняла и роль столовой, и салона, и просто местом для проведения досуга. Зачастую гостиные носили название по цвету стен (голубая, зеленая, розовая). Рассмотрим на некоторых примерах интерьеров гостиных, выявим общие элементы и выявим новые, которые появляются в течение рассматриваемого периода. К началу 1810-м годам относятся зарисовки неизвестных художников, на них изображены достаточно просторные ,но скромно обставленные комнаты. Из акварелей Строгановского дворца видно, что комнате кроме как окна или камина отсутствуют осветительные приборы, и в крайнем случае в начале 19 века в гостиной могла висеть одна люстра в центре потолка над столом, где собирались гости. Такие люстры делалались из

папье-маше с иллюзией бронзы, тем самым они были легче и дешевле. Основным источником света до 30-х годов оставалась свеча, в второй трети 19 века появляются карсельские лапмы, но люстры, торшеры, канделябры, стенники по-прежнему снабжались свечами.

Рис.7. Осветительные приборы производтсва Н.Ф. Штанге из русских усадеб XIX века

Вдоль стен стояли диваны и стулья, так же возле дивана могла располагаться кушетка. Особенно бросается в глаза кровать, которая находиться здесь же в гостиной под балдахином или в небольшой нише- это так называемая альковная ниша(углубление в комнате, где располагалась кровать). Такие альковы встречаются как в маленьких, простых гостиным, так и в интерьере более богатых усадеб.

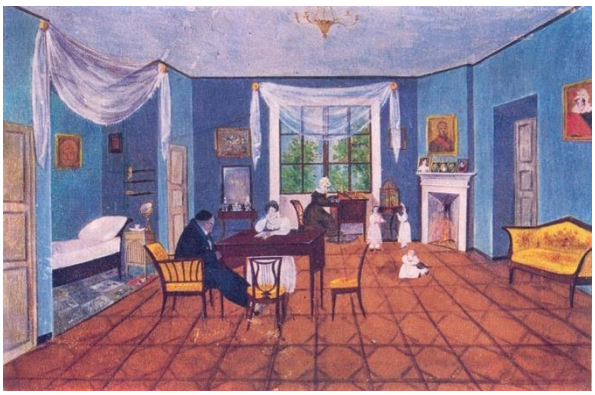


Рис.8. Неизвестный художник. Интерьер (1829).

Уже упомянутый мною, Бутурлин повествует о типичном убранстве гостиной в барском доме Калужской губернии. Он писал: «В большой гостиной расставлены были огромный и жесткий диван с высокою прямою спинкою из какого-то желтого дерева…и вдоль стен стояла дюжина таких же тяжеловесных кресел гладкой работы. ..По стенам висели два-три столетние канделябры из какого-то состава..Окна были без занавесей и драпировки…»[9;4]

Что в описании, что в изображениях мы видим скромность, в какой - то степени безвкусицу в интерьере. В первые десятилетия 19 века стены выкрашены в один цвет, только в 20-е годы появляется массовое использование драпирующих тканей и самих обоев бумажного типа. Гостиная в доме Юсуповых в акварели 1830 г. представлена в задрапированной тем-

но-зеленой ткани, подхваченной золотыми лавровыми венками. (рис. К.Массонски 1830г) Для росписи стен и обоев нанимались мастера-декораторы. (акварель Воробьева 1828г). Постепенно в гостиную проникают элементы уюта, так зелень середины 20-х годов становится активным элементом интерьера, появляются трельяжи - зеленые изгороди или просто кусты. До этого растения были вне дома - в оранжереях (Рис.9).

Рис.9. Н.Жерен: Интерьер Райково, имения Бакуниных (1831) (слева) и «Гостиная в доме Юсуповых в Петербурге» (1832) (справа)

На полу ковры с крупным орнаментом, появляются зеркала, металлические предметы из гальванопластики, вазы, фарфоровые статуэтки и т.д.

После гостиной в доме шла диванная, сами диваны или канапе располагались по периметру комнаты. (Диванная в доме Юсуповых в Петербурге.1830-ег) Были весьма необычные разновидности мебели, такие как «пате»- диван квадратной формы, помещенный в середине гостиной, в центре была стойка с скульптурой или вазой. (гостиная в доме Юсуповых в Петербурге .К.Кольман 1833).

За гостиной и диванной следовал кабинет. Это было местом, где хранил книги и проводил свой досуг глава семейства. Отдельные библиотеки были очень редки для усадеб того времени, поэтому кабинет брал на себя эту функцию. Кабинетом в начале 19 века служила небольшая комната или часть гостиной, отделенная ширмой (Рис10).

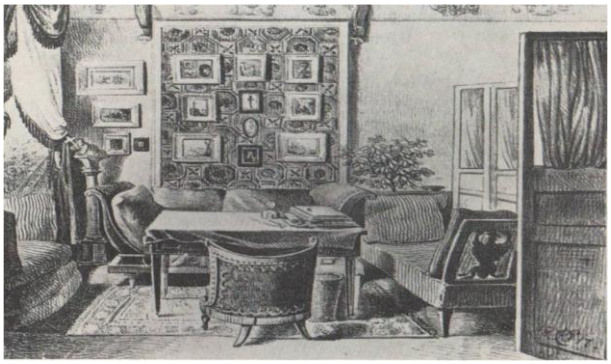


Рис.10. Кабинет (литография, 1817)

В кабинетах обязательно стоял диван, стулья, стол или конторка, а на стенах могли висеть картины или портреты. Шкафы с книгами практически нигде не встречаются, чаще всего книги лежат прямо на столах. Но нельзя сказать, что обитатели тех домов не увлекались чтением, напротив очень часто художник изображает читающих людей. (Зеленцов К.А. Гостиная с колонами) Именно в плане кабинета можно проследить изменения за половину столетия. Если в начале века это небольшие комнаты даже без книжных стеллажей, то в середи-

не 60-х годов мы видим совсем другую картину. (Э.Гай кабинет 1867г) Комната увеличивается в несколько раз, пространство расширяется и заполняется предметами настоящего интеллектуала, здесь и книжный шкаф во всю стену, и небольшие напольные стеллажи, делящие пространство, и предметы антиквариата, и различные столы с осветительными приборами.

Особое место в барском доме в первой трети 19 века обретает детская. Это связано с веянием французских мыслителей, которые приносят в российскую культуру «естественность». Стремление к данной тенденции, прежде всего, влияет на семью, появляется ценность детства и самого ребенка. Для детей шьют специальную одежду, а не по подобию взрослого костюма, делают отдельные комнаты, где они проводят свою время за игрой.

Ю. Лотман в «Беседах о русской культуре…» указывает, что в культуру постепенно входит представление о ребенке как о нормальном человеке, как о неотъемлемом и полном периоде жизни каждого человека.[10;7] А как полноценному, нормальному человеку, ребенку полагается отдельное пространство в дворянской усадьбе. Изобразительных источников по данной тематике мы видим немного, первые изображения, которые удалось найти относятся к концу 20-х годов (Рис.11).

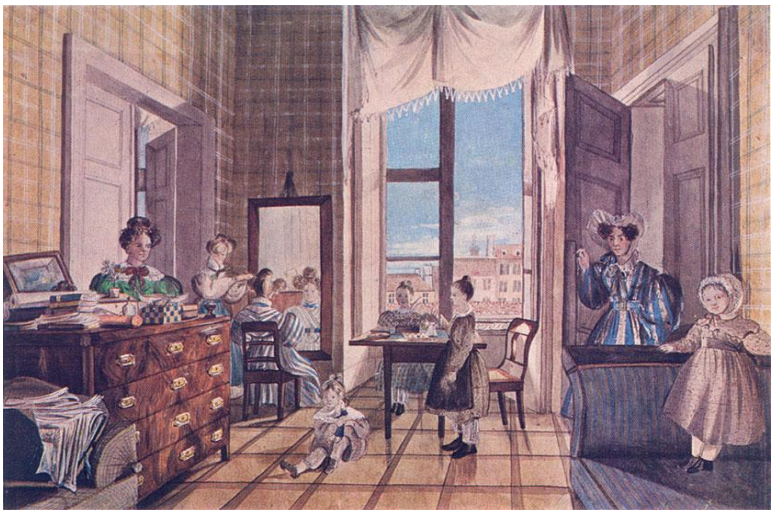


Рис.11. Детская в барском доме. вторая четверть 19 века Неизвестный художник

Это небольшая узкая комната в анфиладе с одним коном, диванами вдоль стены, комодом, трюмо и столиком возле окна. Жизнь в детских комнатах бурлила, здесь вместе с детьми обитали и их няни, и старшие сестры, и мамы, и бабушки. Изображение таких комнат дает информацию, чем занимались дети, во что играли. (Ф.Толстой В комнатах 1830-е, Хруцкий В комнате (мальчики рассматривают альбом с картинками)1854г) .

Помимо вышеперечисленных комнат встречаются единичные изображения Портретной - комната, увешенная семейными портретами (Г.К. Михайлов в комнатах.Портретная.середина 1830-х г),как правило она располагалась в гостиной или зале. Так же есть картины бильярдной (Неизвестный художник. Биллиардная в Пущине, имении Стрекаловых) и зала с фортепианном или музыкальной комнатой (Неизвестный художник. Маленький зал с фортепианном 1850г), которая была не в каждой усадьбе.

Подводя итог, вернемся к вопросу, который был поставлен в начале – о достоверности и полноте изобразительного источника по истории дворянской усадьбы. Мы видим, что данный источник в достаточной мере достоверен и отражает интерьер и быт вполне реалистично для того времени, но о полноте источника нельзя говорить, т.к. мы увидели, что картины отражают по большой части лишь великосветский характер усадебной культуры, социальной

живописи и бытовых сцен не так много, мы совсем не видим быта прислуги и всегда люда. которой обслуживал дворянскую усадьбу, нет живописных полотен, которые бы в полной мере отражали нравы помещиков рассматриваемого периода. Не встречаются картины усадебного театра, зверинцев, которые набирают свою популярность и становятся «изюминкой» усадьбы и повышают престиж владельца.

Огромную ценность представляют редкие изображения детей, кухни, досуговых комнат. Но полной картины первой половины 19 века мы не увидим в изобразительных источниках, чтобы добиться полноты, необходимо привлекать к исследованию феномена русской усадьбы, прежде всего письменные источники, где сохранились описания дома, приусадебных построек, подробные рассказы о внутреннем убранстве дома, а так материальные остатки усадеб. И только синтезирую все эти три вида источника можно полноценно заниматься исследованием проблемы быта русского дворянина.

Библиографический список

1. И.А. Бартенев, В.Н, Батажкова Русский интерьер XVIII-XIX веков .М.,2000
2. Беловинский Л. В. История русской материальной культуры: Учебное пособие. Часть I. — М.: Издательство МГУК, 1995
3. Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1737-1796 Т.1-1988
4. Записки графа М.Д.Бутурлина- Русский архив.1897,Кн.2
5. Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история : журнал. — 2014. — № 4.
6. Логвинская Э.Я. Интерьер в русской живописи первой половины XIX века. М.,1978
7. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (18-начало 19 века), Спб,2016
8. Охлябинин С.Повседневная жизнь русской дворянской усадьбы 19 века М.,2006
9. Пикина Г.А. Ляличи.Усадьба Завдоского,Брянск-2014
10. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., Наука 1997
11. Соколова Т.М., Орлова К.А. «Глазами современников. Русский жилой интерьер первой трети XIX века. Л.,1982

Сведения об авторе:

Фролова Юлия Андреевна – студентка факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 904(470.333)

Е.А. Шинаков, А.А. Чубур, Н.Г. Рябчевский

Новые данные о времени сооружения укреплений городища Чашин Курган

Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 16-11-32602, проект «Возникновение Брянска - исследования в урочище "Чашин Курган"»

Аннотация: *В статье представлены обзор истории изучения и результаты новейших археологических исследований городища Чашин Курган, входящего в одноименный археологический комплекс и связываемого большинством исследователей с местом основания летописного Брянска. В 2016 г. экспедицией Брянского государственного университета был сделан разрез вала городища, позволивший установить, что данные укрепления сооружены не ранее конца XI века и не позднее первой половины XII века. Сложное строение вала находит ближайшие аналогии в укреплениях городища Замковая гора (детинца летописного Новгорода-Северского).*
Ключевые слова: *Чашин Курган, городище, открытое торгово-ремесленное поселение, фортификация, история исследований, Киевская Русь.*

E.A. Shinakov, A.A. Chubur, N.G. Ryabchevsky New information about time construction of defenses Chashin Kurgan fortress

Abstract: *The article presents an overview of the history of the study and the results of the latest archaeological research Chashin Kurgan settlement. The settlement is included in the archaeological complex the same name, which is the majority of researchers associated with the founding place of the chronicle of the city of Bryansk. In 2016, an expedition of the Bryansk State University shaft incision was made fort, revealed that the strengthening of data built before the end of XI century, and no later than the first half of the XII century.The complex structure of the fortification of the mound is nearest analogy in fortified settlements Zamkovaya Gora (Castle Hill) (chronicle citadel of the city of Novgorod-Seversky).*
Keywords: *Chashin Kurgan, mound, open trade and craft settlements, fortification, history of research, Kievan Rus.*

Археологический комплекс Чашин Курган расположен в северо-западной части города Брянска на правом берегу Десны напротив устья реки Болва, впадающей здесь в Десну. Состоит он из расположенного на мысу коренного берега городища Чашин курган и группы селищ. Урочище Чашин Курган по мнению ряда исследователей считается местом основания летописного Брянска (по некоторым версиям прочтения – Дебрянска [18]), упомянутого в Ипатьевской летописи под 1146 годом. В этой связи комплекс памятников напротив устья Болвы и его датировки вызывают особый интерес.

Впервые археологическое обследование городища состоялось летом 1894 г., когда члены Орловской губернской ученой архивной комиссии Ф.Ф. Похвалинский и В.А. Казанский выехали на место, чтобы изучить последствия самодеятельных раскопок крестьянина-кладоискателя Ивана Морозова в поисках «золота Кудеяра» в 1893 г. [5; 11] Несколько ранее городище было упомянуто в «Трудах ОГУАК» в публикации А.Г. Пупарева «Дополнительные сведения о древних городищах и курганах Орловской губернии» [20].

Летом 1899 г. Брянск посетил и прожил здесь около месяца профессор Киевской Духовной Академии, заведующий ее Церковно-археологическим музеем Николай Иванович Петров. Результатом стал вышедший в свет в 1901 г. «Историко-археологический очерк г. Брянска Орловской губернии и его отношение к Киеву». Эта работа стала первым подробным трудом, посвященным археологическим памятникам города (преимущественно церковным). Интересно его описание городища в урочище Чашин курган: «С виду он похож на т.н. в археологии «курганы-майданы» с чашеобразной выемкой в середине. Но на самом деле это не курган, а крепостца на скате горы, сделанная посредством выемки земли с южной стороны для рва и для насыпи вынутой земли по внутренним краям окружности. Внутренняя ок-

ружность чаши – около 10 саженей. С восточного боку выемки устроена довольно ровная площадка для въезда в укрепление» [14].

Спустя четверть века основатель и первый директор Брянского губернского музея местного края (позднее – Брянского краеведческого музея), археолог С.С. Деев, получив «Открытый лист» от Главнауки Наркомпроса, проводил археологические разведки по берегам Десны, Болвы, и других рек. Именно тогда, в 1924 г. он открыл «Верхнее селище» в урочище Чашин курган. По находкам гончарной керамики и железного кресала он грамотно датировал этот археологический памятник XI-XIII вв.[6].

В 1948 и 1968 гг. городище обследовалось без проведения каких-либо земляных работ сотрудником Брянского областного краеведческого музея Ф.М. Заврняевым [7; 8]. В 1955 г. А.К. Амброз, проводя в Подесенье археологическую разведку, отметил среди обследованных памятников в современной городской черте Брянска также городище и группу селищ в урочище Чашин курган [1]. В 1973 г. городище Чашин курган было обследовано со снятием топографического плана (Рис.1) А.С. Смирновым - начальником Деснинской экспедиции Института Археологии АН СССР. Земляные работы на памятнике не проводились [21].

В 1976-1979 гг. Ф.М. Заверняев впервые начал исследовать археологический комплекс Чашин курган стационарными раскопками. Однако, он вел работы исключительно в пределах так называемого «Верхнего селища», где за 4 сезона было вскрыто свыше 430 кв.м. культурного слоя. При этом материалы четырехлетних раскопок по сей день детально так и не опубликованы. Даже после празднования 1000-летия Брянска, основанием для которого послужило заключение Б.А. Рыбакова, данное по материалам Ф.М. Заверняева, публикация так и не появилась. Позднее исключение составляют лишь краткая обзорная статья участника раскопок Г.П. Полякова, увидевшая свет лишь в сборнике памяти Ф.М. Заверняева в 1995 году [17], да отдельные вещи из собранной коллекции, введенные в оборот разными авторами [9; 10; 15; 19, 26].

В 1986-1987 гг. сотрудником Брянского краеведческого музея Г.П. Поляковым были проведены раскопки на большой площадке городища Чашин Курган (вскрыто 64 кв.м.) и сделан разрез вала [16; 18], однако в силу обстоятельств, результаты не были введены в научный оборот, а полевая документация большей частью утрачена. Собранная при раскопках коллекция поступила в музей.

Таким образом, до 2016 года оборонительные сооружения городища Чашин курган оставались практически неизученными, а на его площадке велись лишь точечные исследования. Даже имевшийся топографический план городища 1970-х гг. нуждался в серьезном уточнении, а скорее – в повторной съемке.

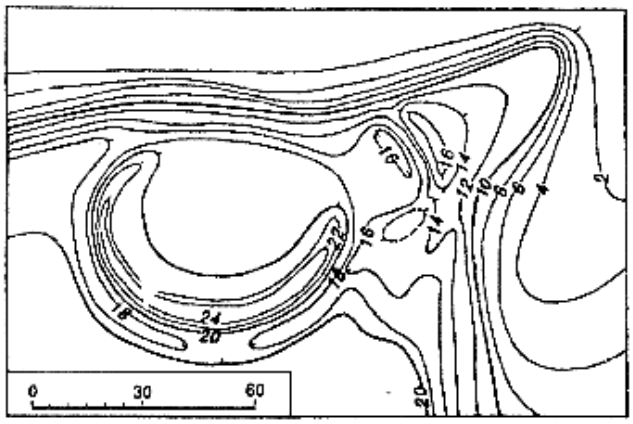


Рис.1. План городища Чашин Курган по А.С. Смирнову. Съемка 1973 г.

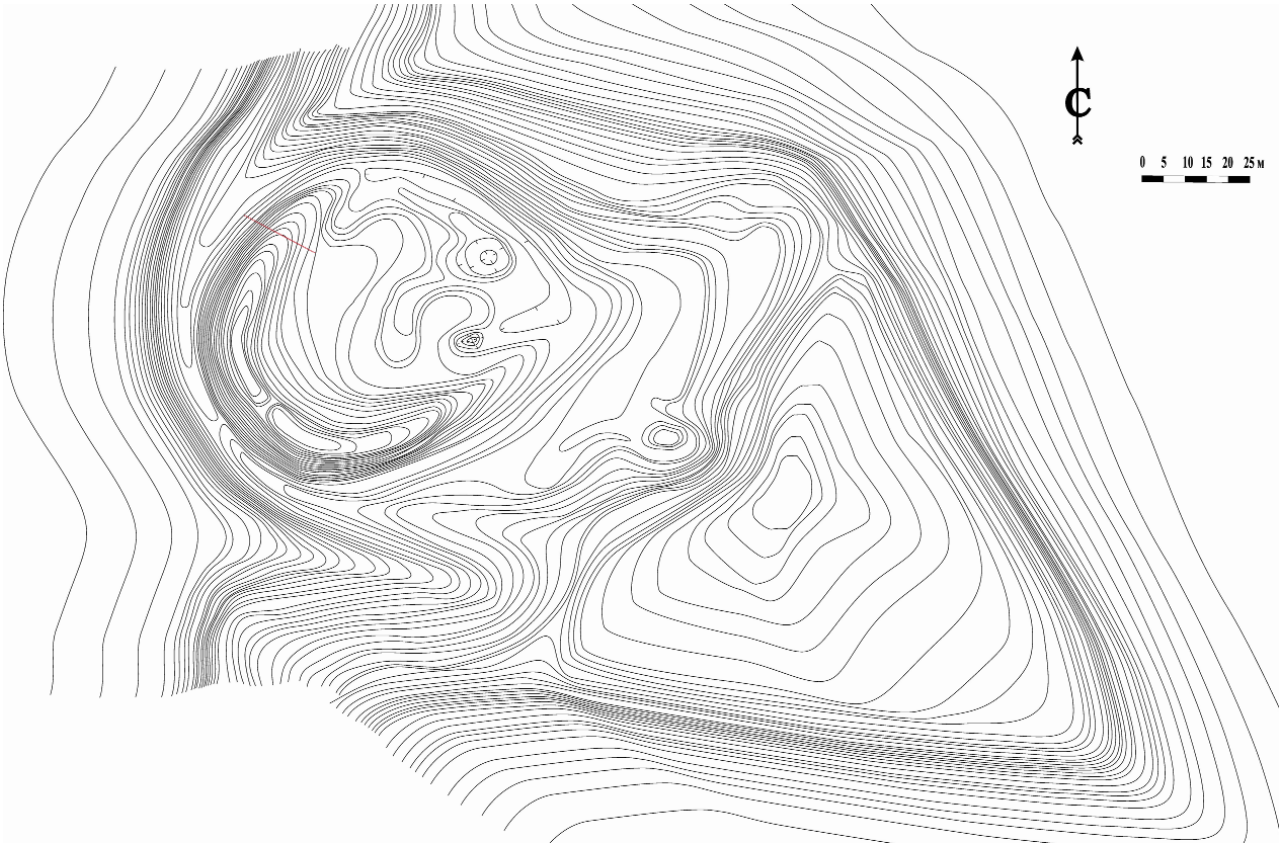


Рис.2. План городища Чашин Курган. Съемка 2016 г. Линией показано место разреза вала.

Летом и осенью 2016 года преподавателями, аспирантами, и студентами БГУ под руководством Е.А. Шинакова было проведено комплексное обследование памятников археологии в урочище Чашин Курган Бежицкого района г. Брянска. Был впервые снят детальный инструментальный план городища Чашин Курган (Рис.2), проведено его предварительное геофизическое сканирование с помощью георадара «Око» (Г.В. Лобанов, Б.В. Тришкин), выполнен разрез вала с целью изучения строения укреплений. Кроме того, удалось провести шурфовку находящегося за оврагом и ручьем многослойного селища Чашин Курган 3, на основании предшествующих поверхностных обследований, отнесенного к киевской культуре II-IV вв.н.э.и к древнерусской эпохе [27].

Разрез вала (Рис.3, 4) был намечен впритык с юга к старому, 1986-1987 гг., разрезу Г.П. Полякова, документация по которому, как уже говорилось выше, не сохранилась. Разрез 2016 г., сделанный на средства гранта РГНФ № 16-11-32602 «Возникновение Брянска - исследования в урочище "Чашин Курган"», имеет длину у основания 22 м, ширину в верхней части (до глубины 1,9 м от поверхности вала) – 3 м, в нижней части – 0,8 - 1 м (соответствует ширине траншеи 1986–1987 гг.). Общая высота вала от подошвы – 5 метров. Судя по разрезу, более сохранилась внутренняя, прилегающая к площадке городища, часть вала, примерно на половину его ширины, а внешняя состоит из перекрывающих друг друга слоев, отражающих разрушение вала и стоявших на нем сооружений, «опрокинутых» на берму и в ров.

Нижняя часть вала до высоты 3 м от основания вала, располагается на материковой глиняной площадке, имеющей с наружной стороны ступеньку высотой 0,7 м, окантованную полусгнившими деревянными плахами. Ширина этой «подушки» от края внутреннего ската до ступеньки – 4,5 м. На внешней части этой «подушки» был поставлен сруб типа городен, с

толщиной продольных стенок в 0,6 м, «читаемых» в профиле. Место, где был сруб, заполнено черным суглинком с горизонтальными прослойками древесного тлена, кусками болотной руды в качестве части забутовки. Ширина сруба (с учетом возможного диагонального расположения разреза) – 4,5 м, высота от материка до поверхности заполнения – 2,6 м. Изнутри к стенке сруба до высоты 2 м подсыпан слой глины шириной 1,8 м у основания. Наружный слой глины также был, но оплыл в направлении рва. На поверхности черного заполнения сруба – городен были поставлены блоки прессованной глины (глинобитные конструкции), которая была затрамбована в плетневые каркасы. Сохранилось минимум два ряда этих блоков, поставленных в три яруса. Размеры блоков: 0,4 х 0,9 м. Значительная доля этой части основы вала рухнула в ров и представлена наклоненными слоями глины, чередующейся с углистыми прослойками. Судя по всему, глиняные блоки были разделены либо деревянными плахами, либо столбовыми конструкциями. Общая высота глинобитной «сердцевины» вала – 1,4 м, ширина 2 м. Судя по наличию с наружной, оплывшей в ров, стороны вала, зольно-углистых прослоек и следов сгнившего дерева, над валом возвышались и какие-то деревянные конструкции – «заборола» высотой еще несколько метров. Во внешней их «противопожарной» обмазке и засыпке присутствует не только обожженная глина, но и мергелевый слой.

Рис.3. Процесс исследования вала городища Чашин Курган. Верхняя часть разреза.

В этой засыпке на разных глубинах с обеих сторон вала встречено несколько десятков фрагментов круговой керамики, которая, судя по форме венчиков (их типология для данного региона была проведена один из авторов) [22; 24], можно датировать серединой XI – началом XII вв. (Рис.5). Это говорит о том, что внутренние конструкции «ядра» вала засыпались в том числе и культурным слоем, взятым с площадки поселения. Судя по сохранившимся в Брянском областном краеведческом музее материалам раскопок городища в 1986-1987 гг., там присутствовали горизонты в основном XII в. Образовавшиеся уже после строительства вала, и грунт для его засыпки брался в основном с площадки «окольного города».

Рис. 4. Профиль вала городища Чашин курган (южная стенка разреза, верхняя и нижняя части). Раскопки Брянской древнерусской экспедиции БГУ, 2016 г.

Условные обозначения: горизонтальная штриховка – суглинок, vvv – древесный тлен, угольки. Г – гумусированный слой (дёрн).

М – примесь мела, мергеля. Руда – фрагменты болотной железной руды. XII – датирующие находки с обозначением даты. Овал с радиальными штрихами – профиль бревна (следы деревянной конструкции, клети?).

Цвета: с – серый, ж – желтый, жс – желто-серый, сж – серо-желтый, тс- темно-серый, сс – светло-серый, ор – оранжевый, ч - черный

Территориально и типологически ближайшей аналогией такой конструкции укреплений может быть урочище Замок (Замковая гора) – детинец Новгорода-Северского. «Остатки оборонительных сооружений конца X в.(насыпанный из материковой супеси вал с остатками кладки из кирпича-сырца и следами городен)...» [12, с.26]. Впрочем, А.В.Куза – главный исследователь этого города и его укреплений (в которых в 1979-1980 гг. принимал участие и один из авторов данной статьи) - датирует сооружение этих валов периодом сразу после Любечского съезда 1097 года и образования княжеского стола в Новгороде-Северском [13, с.21].

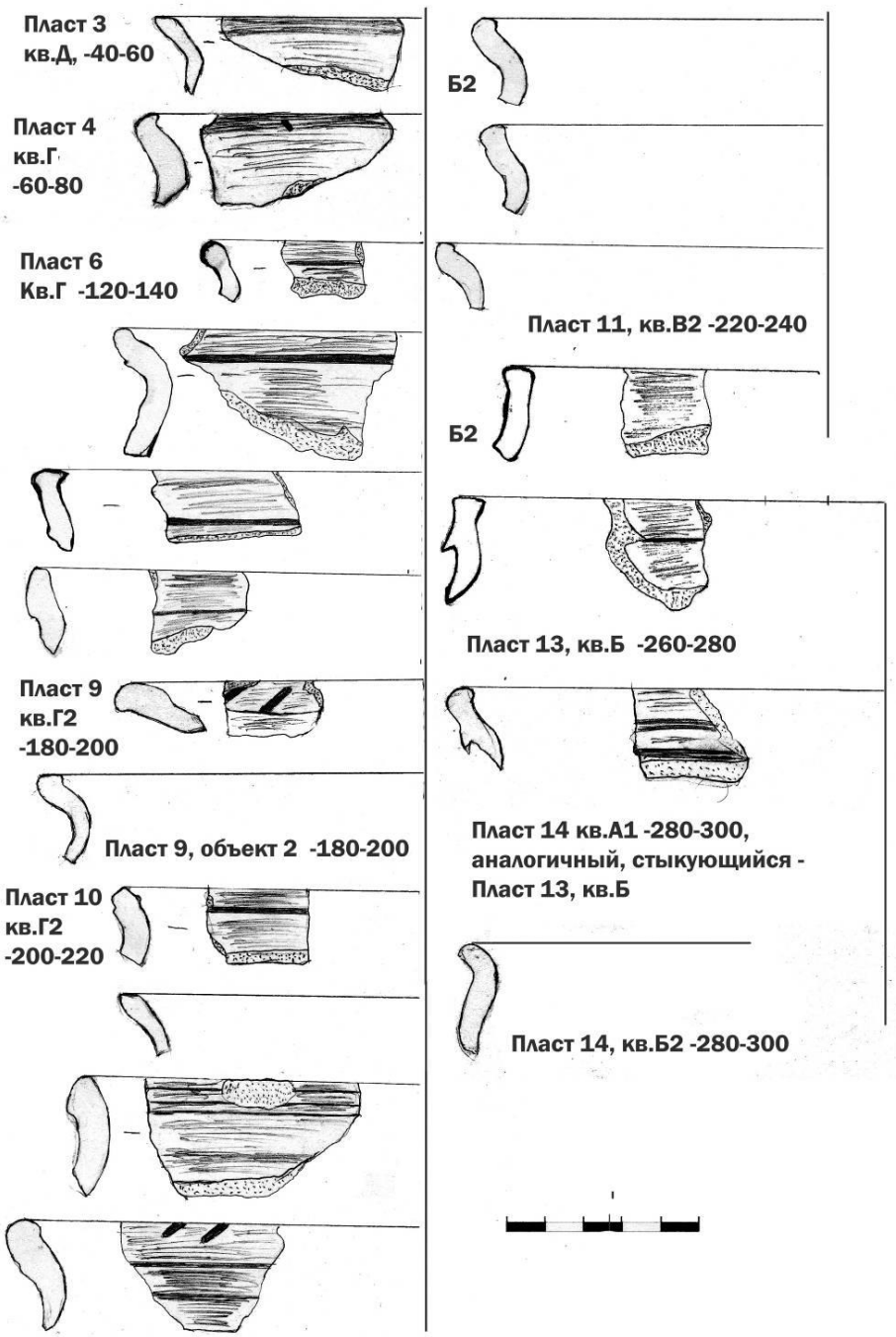


Рис.5. Керамический комплекс из вала городища Чашин Курган

Кроме керамики, в засыпке вала был обнаружен также просверленный амулет из астрагала овцы и фрагмент пластинчатого перстня с точечным орнаментом, наиболее характерного для радимичей. Астрагал традиционно считается медиатором, посредником между явным и потусторонним миром, поэтому нельзя исключать, что он был брошен в засыпку вала преднамеренно, как магический, по поверьям строителей, предмет.

Шурфовка селища 3 дала неожиданный результат: слой там оказался очень мощным (до 2-х метров) и насыщенным, но керамикой не столько первых веков нашей эры, сколько всеми периодами Древней Руси, начиная с раннекруговой конца X века. Неожиданными оказались и находки фрагментов лепных сосудов роменского типа IX – X веков. Кроме этого был обнаружен «оселок» - точильный камень в виде бруска квадратной формы.

Несмотря на то, что уцелевшие укрепления городища «Чашин Курган» были или сооружены, или реконструированы не ранее конца XI, но не позднее середины XII века, само поселение напротив устья Болвы, как это и следовало из раскопок Ф.М. Заверняева, существовало уже в конце X века и даже раньше. Как и полагал Е.А.Шинаков еще в 1990-х гг., оно имело характер ОТРП (открытого торгово-ремесленного поселения) [23], на месте которого позднее построена княжеская крепость предполагаемого Брянска. «Во-первых, он никак не мог защищать Русь от кочевников, находясь в глубоком "тылу" формирующегося государства, во-вторых, он имел в конце X–XI вв. не военизированный характер пограничной крепости, а был типично открытым торгово-ремесленным поселением. Базой концентрации сил перед наступлением на вятичей, радимичей, северян он мог являться, но вот для обороны был мало пригоден» [23, с.15]. Позднее термин «ОТРП» был повторен у Г.П. Полякова в латвийском журнале «Baltfort»: «...открытое торгово-ремесленное поселение (середина 80-х годов X века - XI век)» [18, с.63]. Термин ОТРП впервые введен в конце 1970-х гг. группой ленинградских археологов во главе с Г.С. Лебедевым [4, с.139]. Позднее С.В. Белецкий предложил иное название для обозначения того же по сути типа предгородских поселений – ВТРП (внеплеменные торгово-ремесленные поселения). [2, с.9-21; 3, с.169-179].

Работы 2016 г. значительно «увеличили» площадь ОТРП в урочище Чашин Курган за счет включения в него территории селища 3, где были обнаружены слои не только конца X века и более поздние, но и роменской культуры IX – X веков. «Во второй половине X в. возникло на высоком левом берегу Десны напротив устья Болвы первое поселение не роменского облика. Оно не имело укреплений (во всяком случае, они пока не исследованы), занимало обширную по тем временам площадь – несколько гектаров - рядом с существовавшим с более ранних времен роменским селищем. Таким образом, возникло первое противостояние, первый этап развития "бинарных оппозиций" – открытое торгово-ремесленное поселение русских купцов и воинов на пограничье различных восточнославянских племенных союзов» [23, с.14].

Библиографический список

1. Амброз А.К. Отчет о разведках по р. Десна в пределах Брянской области. Архив ИА РАН, Р-1, д.1250
2. Белецкий С.В. Начало Пскова. Часть 1. СПб: Госкомстат, 1996 – 110 с. (Серия: Археологические изыскания. Вып.30).
3. Белецкий С.В. К вопросу о «племенном пути» становления городов на Руси // Slavia antique. T.XXXVIII. 1997. С. 169-179
4. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 139
5. Гурьянов В.Н. Материалы по археологии Брянщины в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии» // Отечественная и всеобщая история, методология, источниковедение, историография. – Брянск, 1993. С.65-68

6. Деев С.С. Археологические памятники Брянской губернии // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927
7. Заверняев Ф.М. Отчет о разведке в Брянской области. Архив Института археологии РАН, Р-1, д.201.
8. Заверняев Ф.М. Отчет об археологических исследованиях на территории Брянской области. Архив Института археологии РАН, Р-1, д.3577.
9. Зайцева М. Гончарные клейма с археологического комплекса Чашин Курган // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Вып.Х – Чернигов, 2011, с.71-72
10. Зайцева М. Орнаментация круговой керамики археологического комплекса Чашин Курган (летописный Дебрянск) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Вып.XI – Чернигов, 2013.
11. Казанский В.А. Городище «Чашин курган» // Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1894 г. – Орел, 1894. Вып.4. С.1-15.
12. Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский в X-XIII вв. // Новгороду-Северскому – 1000 лет. – Чернигов; Новгород-Северский, 1989. С.26
13. Куза А.В. Новгород-Северский – стольный город Игоря Святославича // Новгороду-Северскому – 1000 лет. – Чернигов; Новгород-Северский, 1989..
14. Петров Н.И. Историко-археологический очерк г. Брянска Орловской губернии и его отношение к Киеву // Чтения в церковном обществе при Киевской Духовной Академии. Вып.3. – Киев, 1901.
15. Подшивайло А.И., Чубур А.А. Обработанная кость из древнерусских слоёв археологических комплексов Покровская гора, Чашин курган и Кветунь // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г.: Научный ежегодник. – Брянск: РИО БГУ, 2015. С.90-94
16. Поляков Г.П. Древний Дебрянск // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск.1988.
17. Поляков Г.П. Окольный город летописного Дебрянска (По материалам раскопок Ф.М. Заверняева) // Деснинские древности. Материалы 1 межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья». – Брянск. 1995.
18. Поляков Г.П. Домонгольский Брянск по данным летописей, топонимики и археологии // Baltfort, № 4 (17). – Рига, 2011. С.62-65.
19. Поляков Г.П., Пуцко В.Г. Изделия древнерусской металлопластики XI - XVI вв. в собрании Брянского музея // Вопросы истории и археологии верхнего Поочья. Тез. док. 5-й ист.-арх. конф., Калуга, 1993.
20. Пупарев А.Г. «Дополнительные сведения о древних городищах и курганах Орловской губернии» // Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1892 г. – Орел, 1892. Вып.3. С.14-16.
21. Смирнов А.С. Отчет о работе Деснинского левобережного отряда Института археологии АН СССР. Архив Института археологии РАН, Р-1 № 5051.
22. Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблеми вивчення та охорони пам`яток археології Київщины. – Київ,1991.
23. Шинаков Е.А. Возникновение Брянска в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов» // Страницы истории города Брянска. Отв. ред.В.В.Крашенинников. Брянск: БГПУ,1997.С.11 -17.
24. Шинаков Е.А. Опыт корреляционного анализа венчиков древнерусских круговых сосудов // Современные проблемы археологии России / Материалы Всерос. археол. съезда (23-28 окт. 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии. Т.2. - 2006. С.465-467.
25. Шинаков Е.А. Пути формирования городов в Деснинском регионе Древней Руси // Русский сборник. Вып.4. – Брянск: РИО БГУ, 2008.
26. Шинаков Е.А., Чубур А.А. Древнерусские города Вщиж и Дебрянск в кросскультурном аспекте // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры / Материалы IV Международной научно-практической конференции 23–24 мая 2016 г. Часть 1. – Самара: СГИК, 2016. С.271-276/
27. Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Чубур А.А., Лобанов Г.В. О работах на комплексе памятников в урочище «Чашин Курган» // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2016 г. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2016. С.90-94.

Сведения об авторах:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, проф. каф. Отечественной истории, директор научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. Shinakov@mail.ru.

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. РАЕ, доц. каф. Отечественной истории, директор научно-исследовательского Центра комплексного изучения Среднедеснинского региона, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Рябчевский Николай Геннадьевич – старший лаборант научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований, аспирант кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. nikkigun@yandex.ru

Политическая история

УДК: 327(438+470)

В.Н. Залепеев

Влияние исторических факторов на формирование общественного восприятия России в Польше

Аннотация: *В представленной статье осмысливаются влияние исторических факторов на формирование общественного восприятия России и русских поляками. Анализируются причины разобщенности двух славянских народов. Отмечается, что проблемы, поднятые в данной статье, актуальны, так как в современном информационном пространстве необходимо выстраивать диалог между государствами и народами.*
Ключевые слова: *Польско-российские отношения, историческая память, гражданская дипломатия.*

Zalepeev V.N. The impact of historical factors on the formation of Russia's public perception in Poland
Abstract: *As the title implies the article describes attempts to analyze the impact of historical factors on the formation of public perception of Russia and Russians by Poles. It is analyzed the causes of separation between two Slavic nations. It is specially noted that the issues raised in this article are actual because in the modern information space is necessary to build a dialogue between states and nations.*
Keywords: *Polish-Russian relations, historical memory, citizen diplomacy.*

У каждой нации имеются представления о себе и о своих соседях. Как правило, они благоприятны для своей нации и критичны по отношению к другим, часто произвольны и противоречивы. Оставаясь глубоко субъективными, такие оценки и самооценки представляют немалый интерес как факт общественной психологии и свидетельство исторически сложившихся взглядов. Представления поляков о России и русских формируются, прежде всего, под влиянием истории, особенно новейшей. Согласно социологическим опросам, проводившихся Центром исследования общественного мнения и Лабораторией социологических исследований в Сопоте, у каждого восьмого поляка Россия ассоциируется с коммунизмом, СССР и тоталитаризмом. Две трети опрошенных считают также, что в истории взаимоотношений было гораздо больше негативных моментов, нежели позитивных, а больше половины респондентов уверены, что России следует ощущать свою вину перед Польшей за историческое прошлое [8, с.93].

Польские специалисты, исследующие отношения с Россией в контексте исторического развития, обвиняют её в следующих грехах: лишила Польшу независимости, жестоко подавляла попытки поляков вернуть государственность, тысячами ссылала польских патриотов в Сибирь, грабила польские культурные ценности, пыталась советизировать независимую Польшу в 1920 г., расчленила вместе с Германией Польшу в сентябре 1939 г., расстреляла более 20 тыс. польских офицеров под Катынью, не оказала помощь участникам Варшавского восстания 1944 г., насадила коммунистический тоталитарный режим после Второй мировой войны [9]. Так выглядит историческая память, в контексте которой функционируют сознательные и подсознательные ассоциации, связанные с Россией.

Польская сторона постоянно подчеркивает, что основную ответственность за напряженность в польско-российских отношениях должна нести Россия. Такая тактика нагнетания напряженности в отношениях с Россией имеет в Польше давние традиции. В четырехсотлетнем противостоянии России и Польши было все, в том числе немало взаимных провокаций. В XVIII-XX веках условия политической игры диктовала Россия, а до этого более 200 лет

Московия явственно ощущала диктат Польши. Поэтому неправомерно одну сторону изображать жертвой, а другую агрессором.

Конечно, «грехов» у России в отношении Польши достаточно. Об этом говорил И. Сталин на Ялтинской конференции в 1945 г. [13, с.25]. Но и Польша в отношении России никогда не выступала «невинным агнцем». Собственно, начало русско-польского противостояния (геополитического, военного, идеологического) напрямую связано с генезисом Московской Руси. Создание централизованного русского государства отозвалось на его западных границах польско-литовской Унией 1569 г. На протяжении четырех веков польско-литовская держава была главным соперником Руси на Западе, что подкреплялось приданием ей Ватиканом статуса главного проводника католической экспансии на Востоке [3, с.127]. Предпосылки для расширения Польско-Литовской державой своего «жизненного пространства» на Востоке, казалось бы, были налицо - но в итоге, обладающий многими талантами и воинской доблестью, польский народ оказался в геополитическом тупике [10, s.311]. Многочисленные войны с Россией за обладание украинскими и белорусскими землями, со Швецией - за Ливонию, с Пруссией - за ее восточные владения окончились для Польши поражением. При этом Россия, начиная со второй половины XVII в. постепенно отвоевывала восточнославянские земли, пока вместе с Пруссией и Австрией не лишила Речь Посполитую остатков государственности. В итоге Польша стала частью российской политики и предметом осмысления для русской геополитической мысли.

Образ Польши в «традиционной» русской политической мысли постоянно менялся. В начале XIX в. она рассматривалась как составная часть славянского мира (пусть и «иноверная» католическая). Такой взгляд на Польшу высказал Н. Данилевский [4, с.391-395]. После восстания 1830-1831 гг. просвещенные деятели, начиная с А. Пушкина, считали «польский вопрос» «спором славян между собою» и сохраняли надежду на реинтеграцию Польши в «общерусское пространство». В период реформ 1860-х гг. русские революционные идеологи (А. Герцен, А. Огарев, В. Белинский) воспринимали Польшу как эталон борьбы за свободу и пример для России, а идеологи «официальной народности» - как пример деструктивной деятельности, направленной против стабильности Российской Империи [5, с.24]. В свою очередь, сложившиеся в качестве самостоятельного направления общественной мысли в 1920-е гг. русские евразийцы, оценивали Польшу как часть чужеродного «романо-германского мира», выводя ее за пределы «евразийской ойкумены» [11, с.96] и отказывались от идеи «покорения Польши» [14, с.212].

Обретя в результате распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй политическую независимость и будучи консолидированной Ю. Пилсудским, Польша вновь стала участником внешней политики и геополитической стратегии. Однако восстановление Польши в «версальских границах» вызвало раздражение со стороны ее соседей с Запада и с Востока. Польский поход против Советской республики 1920 г. при поддержке Антанты едва не привел Польшу к военной катастрофе. Подтвержденный Рижским миром 1921 г. военный успех позволил Польше сохранить за собой Западную Украину и Западную Белоруссию, предопределив её враждебность по отношению к СССР. Такая политика, в конечном счете, привела к заключению «Пакта Молотова - Риббентропа» на антипольской основе. Сталин пошел на раздел Польши, чтобы восстановить территориальную целостность украинской и белорусской наций. При этом Москва подчёркнуто не переходила этнических границ польского народа, нарочито отказываясь от агрессивности в отношении собственно польских территорий. Но для поляков это всё выглядело (тогда и сейчас) совершенно противоположным образом: в 1920 г. Польша не оккупировала западнорусские земли, а восстанавливала свои «исторические границы», а в 1939 г. СССР совершил не национально-освободительную

операцию, а агрессию в отношении Польши. Это различие в восприятии никогда не исчезнет. Оно основано на различных структурах польской и русской идентичности.

Итоги победы антигитлеровской коалиции над нацистской Германией для Польши оказались неоднозначными. С одной стороны, после восстановления автономного польского управления стране был навязан чуждый ей режим сталинского типа, с другой стороны, на Потсдамской конференции ей были переданы многие территории, аннексированные у Германии. Воссоздание Польского государства с новыми границами по итогам Ялтинской конференции снизило актуальность извечного польского вопроса - «с Германией против России или с Россией против Германии».

Но историческая память поляков способствовала углублению отчуждения в отношениях с Россией. Традиционно сильные оппозиционные настроения были представлены не только среди интеллигенции и католического духовенства [6, s.152], но и антикоммунистического рабочего движения (феномен «Солидарности»), что, в конечном счёте, привело страну к выходу из советской сферы влияния в 1989-1990 гг.

Переход к строительству демократии и рыночной экономики, вступление в НАТО и в ЕС не изменили общих установок польской геополитики. Вместе с тем, негативные последствия от «холодной войны» постепенно осознали как в Москве, так и в Варшаве. В 2008 г., в результате договоренности между главами дипломатии России и Польши, С. Лавровым и Р. Сикорским, было решено воссоздать специальную Группу по решению трудных вопросов в двусторонних отношениях**.** В нее вошли в основном историки и ученые, сопредседателями стали с российской стороны ректор МГИМО академик Анатолий Торкунов, а с польской - бывший министр иностранных дел, профессор Адам Даниэль Ротфельд [2]. Результатом работы Группы стал выход фундаментального совместного труда по «сложным» проблемам в истории польско-российских отношений [1]. Эта книга стала первым серьезным шагом в преодолении негативных стереотипов восприятия образов друг друга народами России и Польши. Новым этапом развития российско-польских отношений стало решение о создании Центров диалога и согласия, которое было инициировано премьерами России и Польши в апреле 2010 г. во время их встречи в Смоленске [12]. Уже в июне 2011 г. Центр польско-российского диалога и согласия организовал во Вроцлаве I Польско-российский конгресс «Общество-культура-СМИ». В декабре 2013 г. в Варшаве С. Лавров и Р. Сикорский подписали «Программу 2020 в российско-польских отношениях». Тогда же замминистра иностранных дел Польши Катажина Пелчиньская-Наленч и спецпредставитель Президента России по вопросам международного культурного сотрудничества Михаил Швыдкой подписали соглашение о проведении в 2015-м Года России в Польше и Года Польши в России [7].

Однако «оттепель» в двусторонних отношениях длилась недолго. Из-за кризиса в Украине, в котором, по мнению польских политиков, виновата исключительно Россия, польско-российские отношения снова оказались в состоянии «холодной войны». 24 июля 2014 г. польские власти приняли решение отменить проведение Года Польши в России и Года России в Польше в 2015 году. В российском МИДе на демарш поляков не стали отвечать «перекрёстным» огнём. Было заявлено, что Россия не намерена поддерживать «бескультурную политику» и «отказываться от осуществления в Польше традиционных фестивальных, выставочных и других проектов, вызывающих большой интерес у польской публики» [7] .

Таким образом, можно сегодня констатировать, что на официальном уровне отношения между двумя странами остаются сложными. Учитывая, что по итогам парламентских выборов 25 октября 2015 г. к власти пришла консервативная партия «Право и Справедливость», известная своей антироссийской риторикой, то вряд ли можно рассчитывать в ближайшем будущем на какие-то позитивные изменения в двусторонних отношениях. В то же время,

следует учесть, что современные отношения между Польшей и Россией в большой мере формируются институтами и сообществами, в том числе сообществами ученых, журналистов, общественных деятелей. Именно «гражданская дипломатия» способна эффективно повлиять и преломить существующие негативные стереотипы в сознании наших народов. Представляется, что простые межличностные отношения, когда мы контактируем друг с другом не как поляк и русский, а просто как разные люди способствуют большему взаимопониманию. Хочется надеяться, что в результате такого диалога наши народы сумеют избавиться от негативных образов прошлого, которые мешают развивать теплые добрососедские отношения. Память, которая не питается актуальным конфликтом интересов, теряет значительную часть своей силы. Это не означает ее исчезновения, но появляется шанс, что она станет скорее памятью о чем-то, чем памятью, направленной против кого-то.

Библиографический список

1. Белые пятна - черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.
2. Василенко И.А. Перезагрузка в польско-российских отношениях: на пути к диалогу и согласию. Режим доступа: http://mir-politika.ru/151-perezagruzka-v-rossiysko-polskih-otnosheniyah-na-puti-k-dialogu-i-soglasiyu.html
3. Виппер Р. Ю. История Нового времени. М., 1990. С. 127.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 391-395.
5. Катков М. Об отношениях России к папе и его притязаниях в польском вопросе // Новая Польша. 2002, № 6. С. 24.
6. Marczewska-Rytko M. Polska między Zachodem a Wschodem w dobie integracji europejskiej. W., 2002. S. 152.
7. Мастеров В. Перечеркнутый год. URL: http://pc.avestaweb.ru/tabid/227/ArticleId/213/language/ru-RU/Default.html
8. Поповский С. Польский Гонор и Русская Душа // Новая Польша. 2003, №3. С. 93.
9. Строгий А. В Польше тоже пытаются переписать историю // Российские вести. 16-23.03.2005.
10. Górak A. Rosyjska kancelaria akt spraw w urzędach lubelskiej gubernialnej administracji ogólnej w latach 1867-1918. W., 2008. S. 311.
11. Савицкий П. Утверждения евразийцев // Континент Евразия. М., 1997. С. 96.
12. Скосырев В. Москва и Варшава создают центр диалога и согласия//Независимая газета. 29.06.2011.
13. Тегеран - Ялта - Потсдам. Сборник документов. М., 1971. С. 25.
14. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // Континент Евразия. М., 1997. С. 212.

Сведения об авторе:

Залепеев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент. Брянский государственный университет, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права. 241033 Брянск, Советский район, ул. Бежицкая – 14, корп.2. 8-903-869-76-80. zalepeev.vladimir@yandex.ru

УДК 956.91

В. П. Ранчинский

Судьбы христианства в Сирии на разных этапах её истории

Аннотация: *В статье рассматривается положение христиан Сирии в период вхождения её в Арабский халифат, Османскую империю, в независимой Сирии и охваченной гражданской войной, начавшейся в 2011 г.*
Ключевые слова: *Сирия, христиане, православие, церковь, миллет.*

Ranchinskiy V.P. The fate of Christianity in Syria at different stages of its history

Abstract: *The article gives a review of the state of Syrian Christian in the period of its integration into the Arabic chalifate the Ottoman Empire, the mandated territories of France, in independent Syria, and in the Civil War, which began in 2011 ear.*
Key words: *Syria, Christians, orthodoxy, charch, millet.*

Гражданская война в Сирии, начавшаяся весной 2011 г. как вооружённый конфликт между официальной властью и оппозицией, которую составили различные группировки мусульман суннитов, тут же привлекла внимание исламских суннитских радикалов Ирака, образовавших в 2006 г. «Исламское государство Ирак», переименованное в июле 2014 г. в «Исламское государство Ирак и Левант» (ИГИЛ)*. Часть сирийских оппозиционных формирований присягнула на верность ИГИЛ и на её территорию были перенесены методы радикального джихада, являющиеся, по существу, открытым и беспощадным террором по отношению к несуннитам. Среди несуннитов наиболее пострадавшей частью населения Сирии оказались христиане, судьбе которых и посвящена статья.

Сирия, наряду с Палестиной, является древнейшим мировым центром христианства. По её земле ходили и проповедовали Апостолы Пётр и Павел. Последний, пришедший сюда сборщиком налогов под именем Савла, здесь принял крещение и стал Павлом, проповедовавшим в Дамаске, который в I-II вв. н.э. являлся самым христианским городом мира. С тех пор и поныне кварталы Дамаска Баб Тума, Кассаа и Гассани называют «христианскими». В её земле, в Дамаске, на территории мечети Омейядов, погребён Иоанн Предтеча (он же мусульманский Пророк Яхья - В.Р.), в городе Сейдная, по преданию, похоронен Авель, убитый Каином, а в женском монастыре этого поселения находится икона Божией Матери, написанная Апостолом-евангелистом Лукой. В Сирии жил Апостол Анания, зародились первые христианские общины, именно здесь около 37 г. возникла первая христианская Апостольская церковь, основанная Петром и Павлом в Антиохии, из числа сирийцев вышли великие подвижники христианства Иоанн Дамасскин и Ефрем Сирин, великий христианский поэт и Отец Сирийской Православной Церкви. На земле Сирии имеют свои приходы древние православные, или как их здесь называют, ортодоксальные церкви, родственные Русской Православной Церкви /РПЦ/, в том числе Греко-Православный Патриархат Антиохии и всего Востока[1]**, приходы Константинопольской и Иерусалимской церкви. Здесь же проживает паства и имеются приходы Армянской или Армяно-Григорианской и Ассирийской церквей, существуют храмы и паства египетской Коптской церкви, РПЦ и небольшие общины Эфиопской церкви. Следы древнего христианства можно обнаружить в ряде провинций Сирии, однако самым уникальным христианским комплексом является оазис Маалюля, расположенный в горном районе Каламун, в 60 км от Дамаска, 60% населения которого до начала

* Решением Верховного Суда Российской Федерации оно признано террористической организацией.
** В литературе и публицистике эту церковь чаще именуют то Греческой сирийской, то Антиохийской.

гражданской войны составляли христиане. В него, помимо храмов, входят два женских монастыря, в том числе монастырь, вырубленный в скале, Святой Фёклы Равноапостольной с источником. В двух храмах Маалюли, до их разорения боевиками ИГИЛ, были два древнейших на Земле христианских алтаря с дарениями православных государей государств мира, в том числе и России. Население оазиса общается между собой на «сирийском языке», на котором говорил Иисус Христос - на восточном диалекте арамейского языка, а в окрестностях Маалюли сохранился горный пещерный комплекс, в котором на заре христианской эры обреталась одна из первых христианских общин. Христианское население Маалюли входит в митрополию Антиохийской церкви, патриархат которой имеет в Сирии шесть епископатов. В современном Дамаске расположены резиденции предстоятелей трёх христианских церквей, в том числе Антиохийской, Греко-Католической и Сиро-Яковитской Православной, которая принадлежит к одной из шести Древневосточных Православных церквей, возникшей до Халкидонского Собора.

Православие было господствующей верою в Сирии от времени первого христианского императора Рима Константина Великого (годы правления 306-337), перенесшего столицу империи на побережье Босфора, где на месте небольшой греческой колонии Виз Антий он построил новый город Византий. Близкий к нему епископ палестинского города Кесария Евсевий написал впервые историю христианства, вышедшую в 10 книгах под названием «Церковная история». При преемниках Константина сирийский г. Антиохия стал вторым после столицы городом Ближнего Востока, крупным научным центром, в который в поисках знаний стекались молодые люди со всего восточного Средиземноморья. Здесь были богатые библиотеки, работали переводчики и переписчики, здесь сложилась весьма известная в то время философская школа, господствовала атмосфера свободомыслия. Именно в Антиохии общину сторонников Иисуса Христа впервые стали называть «христианами». Сирию в то время население Аравии поэтично называло «Биляд аш-Шам» /Страна Севера - В.Р./[1]***. Семь веков она находилась под властью римлян и христианство пустило здесь глубокие корни. Ко времени прихода в Сирию арабов-мусульман большинство населения страны было арамеями, исповедовавшими христианство монофизитского толка, сопротивлявшимися насаждению официальной церковью Византии - Константинопольской греко - православного символа веры, принятого Халкидонским Собором. Переселившееся издревле с Аравии на земли Сирии арабское племя колбов или кальбитов также приняло христианство. Пришедшее позже их второе арабское племя кайситов тоже было христианизировано. Многочисленная иудейская община Сирии, как и христиане подвергалась притеснениям со стороны власти и официальной церкви, поэтому когда арабы - мусульмане Аравии обратили к Сирии свой взор, ни христиане, ни иудеи не оказали поддержки официальным властям [5, с.151]. При первом преемнике Пророка Мухаммада халифе Абу Бакре, правившем с 632 по 634 г., арабы, не имевшие ни регулярной армии, ни опыта ведения войны с регулярной армией, неожиданно стали одерживать победы над войсками византийского императора того времени Ираклия, а при халифе Умаре, сменившем Абу Бакра в 636 г., разгромили значительно превосходившую их по численности византийскую армию в битве при Ярмуке на реке Иордан. Позже, в 638 г. они осадили и взяли Халеб, а в 639 г. под напором мусульман пал последний великий город Сирии Антиохия. После этого южные районы «Биляд аш-Шам» стали заселять другие арабские племена Аравии. Муавия, преемник четвёртого праведного халифа

*** «Биляд-аш-Шам» - страна Севера или Великая Сирия включала в себя современную Сирию, Палестину, Иорданию и Ливан. В позднее средневековье Великую Сирию чаще называли Левантом.

Али, убитого в 661 г., перенёс столицу халифата из Мекки в Дамаск и Сирия стала центром халифата Омейядов [3, с. 135] .

Завоевание Сирии арабами не повлекло за собой разрушения порядка бытия христианских общин Сирии. Об этом говорят, прежде всего, работы по истории Сирии. Историки не отметили ни угасания религиозного чувства сирийских христиан, ни заметных миграций христианского населения страны, хотя притеснения христиан со стороны мусульман и их государства имели место быть. Сохранение христианских общин в раннее средневековье и последующий период их проживания под властью арабов-мусульман было обусловлено тем, что арабские власти не предпринимали каких-либо попыток обратить христианское население Сирии в ислам. В то время последователи Мухаммада считали, что мусульманами должно быть только население Аравии, а арабы и другие народы, проживавшие вне её, могли оставаться в прежней вере. Им даже разрешалось принимать участие в завоевательных войнах арабов-мусульман [5, с. 149]. В границах государства мусульман ислам наделил религиозные общины, имеющие Священное Писание и прежде всего иудеев и христиан, юридическим статусом миллета, то есть статусом экстерриториальности, позволявшим им жить по своему религиозному закону, под руководством своих духовных пастырей, уплачивая государству мусульман подушную подать и поземельный налог [13, с. 384-385]. Пророк Мухаммад предписал своим последователям относится к иудеям и христианам терпимо и доброжелательно: «И не препирайтесь с обладателями книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог един и мы ему предаёмся» [4, 29:45]. Почти все его гневные обращения к неверным, большинство которых размещено в девятой суре Корана, адресованы его соплеменникам - курайшитам и появились они в вполне конкретный исторический период - во время острой борьбы с ним мекканской партии его идейного и политического противника Абу Суфьяна. Как писал известный российский дипломат XIX в. К.М. Базили, служивший в Османской империи в 40-50-е гг., автор ряда книг по истории империи и её арабских провинций, введённое в Сирии после её завоевания арабами право, «...обрело сочувствие народов и правительств, не нарушая ни личной свободы, ни права собственности» [2, с. 40].

Христианство оказало огромное влияние на ислам, особенно христианская традиция аскетизма и монашества, под влиянием которой в исламе стали формироваться народнические течения батинизма (поиска сокрытого смысла в Коране) и суфизма [5, с. 173]. Последний оформился в многочисленные тарикаты - братства, члены которых, в отличие от официального суннитского течения ислама, предполагающего коллективное постижение Бога, искали индивидуальный путь (тарик по арабски - В.Р.) к нему.

После завоевания Сирии турками-сельджуками в 1516 г. её христианские общины оказались в государстве Османов, принявшим сложившийся при арабах их порядок бытия удобным для османских властей. Они сохранили за христианскими общинами статус миллета, однако притеснения христиан усилились, а в кризисные времена власти империи натравливали низы уммы на иноверцев, чаще всего на христиан. Длительный период проживания христиан в Доме мусульман, разного рода регламентации властями их церковной жизни приводили к постепенному угасанию религиозного чувства. Упомянутый выше К.М. Базили, хорошо знавший положение христиан Османской империи, писал: «Сирия, покрытая древней своей славой и смертельными ранами, сходит с политического поприща, влачит страдальческое существование...». Он с грустью отмечал также угасание религиозного чувства сирийцев, в том числе христиан, «которое поддерживается только усилиями духовенства и благодушным перенесением гонений от мусульман» [2, с. 34].

Христианские общины занимали особое место в жизни Османской империи, ибо начиная с середины XVIII в. их правовое положение являлось поводом для вмешательства во внутренние дела страны европейских государств. Являясь религиозными и этническими меньшинствами, они, с одной стороны, испытывали постоянное давление мусульманского большинства, которое иногда выливалось в акты насилия, а с другой, стояли как бы над уммой, ибо пользовались покровительством таких держав как Франция, Англия, Россия и другие [7, с. 28]. К началу XX в. многие состоятельные христиане Османской империи имели бераты - личные охранные грамоты от иностранных консулов, а так же паспорта, дававшие не только высокую степень правовой защищённости, но и широкие деловые возможности. Ко времени развала Османской империи в пределах её границ четырнадцать религиозных общин, в том числе девять христианских церквей имели статус миллета.

Большинство христианских конфессий было сосредоточено в левантийских вилайетах империи. Благодаря этому статусу, как и прежде, во времена арабских халифатов, каждая конфессия жила закрытой корпорацией, не вмешиваясь в дела друг друга. В средние века это отвечало интересам всех конфессий и этносов, населявших Сирию. Но уже в XVII в. в мире стали формироваться национальные государства, а в XX в. они уже являлись главными акторами мировой политики, в то время как конфессиональная закрытость сирийцев, на наш взгляд, препятствовала процессу этногенеза и формирование из сирийцев единой нации, вплоть до распада государства Османов в 1918 г., было заблокировано. В результате, с точки зрения национального единства народов её населяющих, Сирия вошла в XX в. в виде «Ноева ковчега», в котором каждая конфессия мыслила себя отдельным фрагментом сирийской этноконфессиональной мозаики. Ни закон, ни религия, ни чувство национального единства не объединяли сирийцев. Их объединяла только государственная власть, которая после распада Османской империи была создана внешней силой - Францией, оккупировавшей её в 1920 г. и получившей от Лиги Наций мандат на её управление в 1922 г. Одной из особенностей французского мандата на Сирию была предопределённость административной автономии этноконфессиональных меньшинств, в частности христиан, друзов и алавитов или нусайритов, стремившихся к обособлению, что позволяло Франции легко противопоставлять политическую и феодальную элиту этих меньшинств националистам титульной конфессии мусульман суннитов [8, с. 211-212]. Франция создала федерацию, состоявшую сначала из четырёх, а затем из трёх «государств»: Сирии, в которую вошли бывшие вилайеты - области Дамаска и Халеба, а также «государств» алавитов и друзов, сохранив тем самым территориальное единство страны. Христиане оказались на территории «государства Сирия» и были организованы в девять церквей, среди которых первой по численности паствы была Антиохийская Православная Церковь, а за ней шли Армяно-Григорианская, Сиро- Яковитская, Маронитская и другие церкви. Замыкали этот перечень протестанты.

Вплоть до 1946 г. Сирия находилась под французским мандатным управлением. Во времена мандата Франции на Сирию существенно улучшилось положение общины религиозных маргиналов алавитов и католических церквей, так как Франция сделала их своей опорой. Так, например, католический клир получил ряд льгот мандатных властей, католикам отдавалось предпочтение при формировании местных органов власти, полиции и жандармерии, частей Сирийского легиона - созданного Францией воинского соединения, иногда называемого «Специальными частями». Алавиты также были приближены к власти, однако, на наш взгляд, наиболее существенным фактором, изменившим их положение в обществе, стало создание в Сирии, в том числе в «государстве» алавитов светской системы образования, работавшей по программам французских школ и широкое привлечение алавитов на воинскую службу, включая подготовку из их числа младшего офицерского состава. Положение

православных церквей наоборот ухудшилось, так как они утратили поддержку России, в которой к власти пришли большевики. Лишь Армяно-Григорианская церковь была приближена к власти в силу давних и прочных связей армянской общины Ближнего Востока с Францией [9, с. 83-84].

Политика Франции в сфере образования привела к тому, что в середине 30-х гг. на политическую арену Сирии вышло молодое поколение образованных людей, представлявших прежде всего этноконфессиональные меньшинства, в первую очередь христиан и алавитов, общественно-политическая мысль которых вышла за рамки религиозно-культовых проблем и обрела светскую политическую направленность. Это поколение предложило обществу демократическую идею партикулярного национализма, свободного от этнической и религиозной замкнутости. Она пропагандировала чувства национального единства сирийцев, создание независимого государства всеобщего блага независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Та часть традиционной мусульмано-суннитской элиты, которая осознавала невозможность организации национально-государственной жизни Сирии ни на основе кровно-языкового, ни на базе религиозного родства, опасаясь утраты доминирующего положения и чрезмерной революционной заострённости молодёжи, поддержала эту идею в части организации жизни сирийцев но основе гражданских принципов. Её партия Национальный блок включила в свои ряды ряд видных представителей этноконфессиональных меньшинств и победила в 1936 г. на выборах в парламент. Христианин Фарис аль-Хури был назначен его спикером [12, с. 263]. Однако обозначившаяся демократическая тенденция была прервана начавшейся Второй мировой войной, на начальном этапе которой, после разгрома Франции войсками нацистской Германии, созданным на неоккупированной части Франции правительством Петена Сирия была передана под контроль Германии и Италии. Германия тут же перебросила в Сирию боевую авиацию, которая стала угрожать воздушным, наземным и морским коммуникациям Великобритании. Поэтому летом 1941 г. англичане в союзе со «Свободной Францией» Шарля де Голля оккупировали Сирию и Ливан.

После обретения Сирией независимости в 1946 г. она встала на светский путь развития и христианские церкви хотя и не получали поддержки со стороны государства, но и не подвергались притеснениям. Будучи более образованными, нежели мусульмане, более открытыми внешнему христианскому миру, представители христианских церквей Сирии стали занимать видное положение не только в сфере торговли и в современных производствах, но и в культуре, науке, на государственной службе. Так, например, упоминавшийся выше Фарис аль-Хури в 50-е гг. представлял Сирию в ООН, дважды возглавлял её правительство. Правящую ныне Партию арабского социалистического возрождения в 1947 г. создали христианин Мишель Афляк и мусульманин Салах Битар, объединившие в ней представителей всех конфессий Сирии, поддерживавших идею национального единства, социальной справедливости и равенства всех граждан в правах [10.]. Крупный бизнес таких промышленных центров Сирии как Хомс и Халеб в большинстве своём оказался представленным христианской буржуазией. Она тесно взаимодействовала с общинами сирийских христиан в эмиграции, которые стали формироваться в конце XIX - начале XX вв., в частности в таких странах как Аргентина, Бразилия, США, Канада,- Франция и Италия и, по сути, обеспечивала создание промышленности и переход полуфеодального хозяйства на новый технологический уклад.

В последней трети XX - начале XXI в. титульная конфессия мусульман суннитов, составляющая 82% от общины мусульман, на которых приходится 86% населения страны [17], раскололась по отношению к власти, верхи которой представлены в Сирии алавитами. Их представитель генерал Хафиз аль-Асад в 1971 г. занял пост президента страны, а после его смерти в 2000 г. его сменил его сын Башар аль-Асад. Часть суннитов встала на путь борьбы,

стремясь вернуть государственную власть в Сирии в руки суннитов. Христиане, составляющие примерно 10% населения Сирии [17], дистанцировались от этой борьбы, следуя, как и прежде, курсу лояльного отношения к власти. В начале XXI в. их позиции в производстве и торговле, сфере услуг Сирии ещё более окрепли, и они заняли весьма видное место в «Ноевом ковчеге» Сирии. По данным экспертов МВФ, в 2011 г., то есть накануне сирийского кризиса на территории страны проживало 20,8 млн. человек [17], что применительно к конфессии христиан даёт основание предположить, что её численность составляла почти 2,1 млн. человек****[1]. Среди них 50% составляли православные, 18% являлись католиками [14], а остальных объединяли под своим амофором другие христианские церкви.

Паства РПЦ в Сирии представлена местными арабами и русскими мигрантами, а также супругами, чаще жёнами тех 35 тысяч сирийцев, которые получили образование в СССР и странах СНГ [17]. Она никогда не была многочисленной и существенно не прирастала, так как супруги сирийцев - выпускников советских и российских вузов, по переезде на постоянное жительство в Сирию, как правило, переходили в ислам.

Благополучная и спокойная жизнь сирийских христиан была взорвана гражданской войной, начавшейся в марте 2011 г. Многолетняя монополия на власть одного семейного клана и Партии Баас породили высокомерие и пренебрежительное отношение власти к народу, его бесправие перед чиновником, чванливость и коррупцию должностных лиц. К этому добавилось ухудшение экономического положения беднейших слоёв населения, вызванное многолетней засухой, начавшейся в 2006 г., и вызвавшей рост цен на продовольствие. Всё это создало благоприятную почву для недовольства широких масс населения. Власть сама заложила под институты государства заряд взрывчатки и подвела фитиль социально-политического конфликта, однако огонь к нему был поднесён извне, а разгоревшийся конфликт раздувался и щедро финансировался зарубежными спонсорами. Территория Сирии оказалась включённой в сферу прямых интересов Ирана и Катара, желавших проложить к её средиземноморскому побережью свои газопроводы. Башар аль-Асад, унаследовавший от отца союзнические отношения с Ираном, согласился с прокладкой иранского трубопровода и отказал Катару, что сделало его персоной non grata не только для Катара, но и остальных нефтедобывающих монархий Аравийского полуострова, рассматривающих шиитский Иран как угрозу своей безопасности. Они и стали основными спонсорами вооружённой оппозиции режиму Башара аль-Асада в Сирии. Начавшаяся гражданская война в Сирии тут же привлекла внимание возникшего в Ираке монстра Ближнего Востока - «Ад-Дауля аль-исламийя фи Ирак ва-ш-Шам» (ДАИШ), или ИГИЛ, которое с июня 2014 г. называет себя «Исламским халифатом», за спиной которого в то время стояли спецслужбы США и Турции. Его официальной идеологией стал радикальный вариант джихада, сформулированный иорданцем Абу Мусабой аз-Заркави, прозванным самими муджахедами - участниками джихада «шейхом палачей» [6, с. 90]. Джихад в интерпретации аз-Заркави беспощаден ко всем несуннитам , он был обрушен на христиан Ирака и Сирии, заставив миллионы древних насельников этих стран бросать свои дома и имущество и бежать от расправы муджахедов, спасая свои жизни [11]. Одни уходили под защиту правительственных войск Сирии, другие бежали в сопредельные страны и в Европу. Предварительные оценки масштабов этой трагедии пока не поддаются точным подсчётам, но подпадают под категорию «катастрофы», потому что по мере занятия боевиками ИГИЛ сирийских городов происходила тотальная зачистка их населения от не мусульман суннитов. Так, например, после занятия г. Хомса боевиками ИГИЛ из него бежали 140 тыс. христиан, а не успевшие бежать или не смогшие это сделать были казнены.

****Возрождение передаётся арабским глаголом «бааса», поэтому сокращённо её называют «Партия Баас».

Все христианские храмы города разрушены и осквернены [14]. По данным Сирийского центра политических исследований, опубликованным в английской газете The Guardian, за пять лет войны в Сирии погибло 470 тыс. человек и 1,9 млн. получили ранения. Всего убито и ранено около 11,5% от довоенного населения страны, 45% населения согнано с прежних мест жительства, из них 6,38 млн. бежало под защиту правительственной армии Сирии, а более четырёх миллионов человек покинули страну [16]. Те христиане, которые по каким-то причинам остались на занятых вооружёнными формированиями ИГИЛ территориях, оказались в положении евреев государств, оккупированных в годы Второй мировой войны войсками нацистской Германии. Христиан обязали обрить головы, чтобы они выделялись среди других жителей, обложили всех подушным налогом, включая малолетних детей, регламентировали их поведение и положение среди мусульман до унижающих человеческое достоинство мелочей [15]. С тех пор ситуация только ухудшалась и лишь вмешательство России 30 сентября 2015 г. в гражданскую войну в Сирии приостановило победное шествие «Армии террора» ИГИЛ, как её называют многие исследователи.

Освобождение сирийской правительственной армией от боевиков ИГИЛ городов и поселений Сирии, в которых ранее проживали христиане, создаёт формальные условия для их возврата к местам прежнего проживания. Однако мир в Сирии воцарится нескоро, наверняка будут иметь место откаты и рецидивы насилия. Начавшиеся в Женеве переговоры так называемой умеренной оппозиции с правительством Башара аль-Асада проходят тяжело и не гарантируют успеха. Прошедшие в апреле 2016 г. в Сирии парламентские выборы, на которых предсказуемо победу одержала Партия Баас, набравшая 80% голосов избирателей, с точки зрения оппозиции, не добавили легитимности режиму Башара аль-Асада. В этих условиях сумеют ли христиане, оказавшиеся в эмиграции, преодолеть тот страх, который они пережили, и вернуться на родину, покажет только время. Духовенство христианских общин Сирии считает, что после начала переговоров о мирном урегулировании сирийского кризиса главной угрозой для христиан страны является уже не их уничтожение, а миграция, которая стала настоящим бедствием, лишающим христианство Сирии будущего.

Христиане в Сирии живут уже две тысячи лет и в отличие от тех, кто отказался от завета Пророка и стал создавать для них режим гетто, они сохранили приверженность нравственным нормам Ветхого и Нового Завета, не взяли в руки оружия и не приняли участия в братоубийственной войне. По мнению Архиепископа Маронитской церкви Дамаска Самира Нассара, без христиан Сирия утратит своё общечеловеческое призвание[18]. В наши дни, как и в 30-е гг. XX в., христиане ратуют за сохранение единства сирийцев и территориальной целостности своей родины.

Библиографический список

1. Август Мюллер. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М., 2006.
2. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007.
3. Гюстав Лебон. История арабской цивилизации. Минск, 2009.
4. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. 2-е издание. М., 1990.
5. Маршалл Хаджсон. История ислама. Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М., 2013.
6. Майкл Вайс, Хасан Хасан. Исламское государство. Армия террора. М., 2016.
7. Ранчинский В.П. Христианские общины Сирии накануне установления над ней французского мандата // Религия, умонастроения, идеология в истории. Межвузовский сборник научных трудов. Брянск, 1996.

8. Ранчинский В.П. Французский мандат на Сирию // Мир в новое и новейшее время. Сборник научных трудов памяти Ю.В. Журова. Брянск, 2010.
9. Ранчинский В.П. Проблема национального единства Сирии и конфессиональные общины (вторая половина 30-х годов XX века) // Страницы истории. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. Брянск, 2001.
10. Ранчинский В.П. Мишель Афляк. // Деятели национально-освободительного движения. Политические портреты. М., 1993.
11. Ранчинский В.П. Структура вооружённых сил и идеология Исламского государства Ирака и Леванта // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, № 1 (27), 2016.
12. Юсеф аль-Хаким. Сурия ва-ль-интидаб аль-фарансий (на арабск. яз). Бейрут, 1979.
13. Kamal S. Abu Jaber. The Millet System in the Nineteenth Century Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. Vol. 65. N.3.
14. Кашицин Илья. 2013-й год страданий для христиан Сирии. URL: www. pravoslavie ru./67030 html
15. Коц А. Сейчас полмира находится в состоянии войны. rusplt.ru /society/alecsandr-cots-seychas-polmira-nahoditsya–v–sostoynii-voyni-19768. html
16. Отчёт Сирийского центра политических исследований. URL: www.news_ru.com/world/ 11feb.2016/refugees. html
17. Христиане Сирии. Портал “Svargaman”. Международные дела. URL: voprosik.net/vojna-v-sirii i zakat vostochnogo-xristianstva 05282013
18. Эжени Бастье. Сирийские христиане рассчитывают на защиту со стороны Башара Асада. URL: www. inopressa. ru/article/ Об Арт 2016/lefigaro/chrestiens. html
19. International Monetary Fund. Department of Middle East and Central Asian Countries. Report for Selected Countries and Subjects. URL: www.imf.org/external/country/AZE/RR./2011/052110 r. pdf Ibidem.

Сведения об авторе

Ранчинский Виктор Павлович - кандидат исторических наук, профессор, первый заместитель директора Института филологии, истории и мировой политики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 944.17(091)

А.Г. Роленков

Комиссары Ж.-Н. Бийо-Варенн и Ж. Севестр в департаментах Кот-дю-Нор и Иль-и-Вилен в марте-апреле 1793 г.

Аннотация: *В статье проанализирована деятельность Ж.-Н. Бийо-Варенн и Ж. Севестр в качестве комиссаров Конвента в Бретани. Показаны их методы и роль в борьбе с антиреспубликанским восстанием на Западе Франции весной 1793 г.*
Ключевые слова: *департамент, комиссар, восстание, Бретань, Конвент.*

Rolenkov A.G. Commissioneres J.-N. Billot-Varenne and J. Sevestr in the departments of Cotes du Nord and Ile-et-Vilaine and in march-april 1793.

Abstract: *In this article the activites of J.-N. Billot-Varenne and J.Sevestr were analyzed as commissioners of the Convention in Brittany. Their methods and role were shown in the fight against anti-republican revolt on the West of France in the spring of 1793.*
Keywords: *department, commissioners, revolt, Brittany, Convent.*

Среди депутатов Национального Конвента, направленных для проведения рекрутского набора в 300 тыс. человек в департаменты 9 марта 1793 г., встречаются фамилии Ж.-Н. Бийо-Варенна и Ж. Севестра. Ашиль-Жозеф-Мари-Франсуа Севестр де ля Меттери появился на свет в 1753 г. в столице Бретани Ренне. До революции служил в канцелярии бретонских Генеральных штатов, а потом в реннском трибунале. Летом 1792 г. Севестра выбрали председателем реннского отделения Якобинского клуба, что говорило о его приверженности делу революции, а 5 сентября того же года он стал депутатом от департамента Иль-и-Вилен в Национальном Конвенте. Севестр сразу занял место на Горе, где последовательно голосовал за смертную казнь Людовику XVI, против отсрочки наказания и обращения к народу. Его коллега Жак-Николя Бийо-Варенн, фигура более заметная в истории Революции, родился в Ла-Рошели в 1756 г. в семье адвоката. Обучался в Ораторианской конгрегации, преподавал словесность и являлся префектом престижного парижского коллежа Жуйи. Проявляя интерес к театру, он даже пытался поставить на сцену собственную пьесу «Морган». Тем не менее, Бийо-Варенн до 1792 г. прозябал в неизвестности. После событий 10 августа 1792 г. он занял пост заместителя прокурора Парижской Коммуны, был замешан в сентябрьских убийствах, а 7 сентября жители столицы выбрали его в Конвент. Примкнув к монтаньярам, Бийо-Варенн моментально снискал репутацию жесткого и принципиального человека. Он предлагал смертную казнь в отношении тех, кто допустил своим малодушием и трусостью врага на французскую территорию. Он поддерживал Робеспьера от нападок Луве в октябре 1792 г. Во время суда над королем голосовал за смертную казнь, против обращения к народу и отсрочки наказания, высказавшись 20 января 1793 г.: «Смерть в течение двадцати четырех часов» [6, p.322]. О личности Бийо-Варенна говорят прозвища, которых он удостоился: «Несгибаемый» (le Rectiligne) и «Тигр» (le Tigre).

Комиссарам досталась непростая во всех отношениях миссия в департаменты бывшей провинции Бретань Кот-дю-Нор и Иль-и-Вилен. Несмотря на заявленную в декрете от 9 марта цель - «ускорить рекрутский набор» [3, p.25], по факту, депутатам пришлось решать множество административных и военных проблем. Главную опасность представляло набиравшее силу Вандейское восстание.

Непосредственным поводом к восстанию (причины его лежат намного глубже) явился декрет Национального Конвента о наборе 300 тыс. человек от 24 февраля 1793 г. Агенты

эмигрантов, члены монархических обществ и организаций пользовались массовыми скоплениями народа, преимущественно молодежи, в местах записи в армию и провоцировали нападения на властей, жандармов и национальных гвардейцев. Несмотря на размах восстания (департаменты Вандея, Де-Севр, Нижняя Луара, Мэн-и-Луара), оно на первых порах носило стихийный характер. «Первыми бандами руководили бывшие солдаты, контрабандисты и контрабандные торговцы солью, бывшие соляные приставы…слуги дворян» [2, с.362]. Англичане и роялистская эмиграция подключились к восстанию позднее, когда успехи вандейцев позволяли надеяться на победу.

Восстание не обошло стороной и Бретань, разбитую на пять департаментов: Нижнюю Луару, Иль-и-Вилен, Кот-дю-Нор, Морбиан и Финистер. В Бретани с лета 1791 г. активно действовало контрреволюционное «Бретонское товарищество» (L'Association bretonne) во главе с маркизом Арманом Тюффаном де ля Руэри. Целями его были возвращение Бретани исконных привилегий времен Старого порядка и реставрация монархии. Из рядов «Товарищества» вышли многие руководители и агенты шуанского движения: Эме дю Буаги, Венсан де Тантеньяк, Жан Шуан и др.

Миной замедленного действия стала религиозная политика столичных властей, начиная со времени Учредительного собрания [Подробнее см.: 1, с.19-32]. Гражданское устройство духовенства, присяга на верность Конституции, секуляризация церковных владений и ликвидация монашеских орденов настроили значительную часть крестьян Бретани и Вандеи против новой революционной власти. Неприсягнувшие священники пользовавшиеся поддержкой населения принимали активное участие в событиях гражданской войны. Недаром одним из лозунгов восставших был «Да здравствует римская католическая религия! Да здравствует Король!». Необходимо отметить направленность гражданской войны на западе Франции не только против республиканских властей, но и против буржуа, новых собственников, все тех, кто приобрел в результате передела собственности большую часть церковных и феодальных владений. Характерно, города и бурги Бретани и Вандеи были главными опорными пунктами республиканцев в противовес восставшей деревне.

Стремительные успехи мятежников объяснялись не столько их военной организацией, сколько полной неготовностью большинства местных властей к подобному развитию событий. Национальных гвардейцев и жандармов было мало, им не хватало вооружения, боеприпасов, военная выучка оставляла желать лучшего. Партизанская тактика инсургентов также приносила свои плоды. Небольшое количество линейных войск разбросанных по Бретани и Вандее не могло обеспечить решающего перевеса для республиканцев. Линии коммуникаций оказались перерезанными. Сообщение между Нантом, Ренном и Ванном к середине марта было прервано. В Иль-и-Вилене волнения отмечались в дистриктах Блэн, Редон, Фужер, Витре, Монфор. В Кот-дю-Норе очагами восстания стали Ламбаль и Динан. «Всех государственных служащих, всех патриотов преследовали, расстреливали или бросали на вилы» [7, p.107], - жестокость, часто выходившая за рамки понимания, стала отличительной чертой Вандейской войны. При этом ее проявляли как «синие» - республиканцы, так и «белые» - сторонники монархии.

К моменту прибытия Бийо-Варенна и Севестра обстановка в Кот-дю-Норе и Иль-и-Вилене становилась все тревожнее. Широн, национальный комиссар в Редоне, докладывал агенту министра иностранных дел Лаллигану-Морийону: «Во вторник 12 марта, в семь часов утра, в Блэн прибыло отовсюду около 2000 человек, одни были вооружены ружьями, другие косами, вилами, серпами, палками и т.п.» [10, p.6]. В результате мятежникам удалось захватить дистрикт и муниципалитет в Блэне. Лаллиган-Морийон, взбешенный положением, в котором он оказался, писал министру иностранных дел в крайне эмоциональной манере: «Я не

знаю, черт возьми, что сказать по поводу этой проклятой провинции (Бретани – А.Р.), она отвратительна; департаменты состоят из пьяных патриотов, - чертовых животных. В меня стреляли в упор, я думал, мне конец, но добрый бог санкюлотов меня уберег» [10, p.7]. В подобной ситуации от Бийо-Варенна и Севестра требовался максимум усилий, дабы остановить дальнейшее продвижение пожара гражданской войны.

Ренн стал на время сборным пунктом для комиссаров, которые не могли попасть в другие западные департаменты: Гермер и Лемаллио направлялись в Финистер и Морбиан, а Фуше - комиссаром в Нижнюю Луару и Майенн. Они сообщали в совместном письме Конвенту о ситуации в восставших департаментах. Комиссары старались рассеять иллюзии Парижа относительно событий на Западе: «Тут не совсем простые, легко разгоняемые местные бунты, это почти совокупность военных кампаний идущих в военном порядке, руководимых умелыми людьми, имеющими некоторое огнестрельное оружие и боеприпасы…» [3, p.556]. Народные представители требовали подкрепления в 5-6 тыс. человек, рассчитывая, что это будут не только обученные солдаты, но и люди, патриотизм которых не подлежит сомнению.

Будучи в Ренне Бийо-Варенн и Севестр отмечали: «Рекрутский набор в армию является предлогом, который восставшие используют, чтобы скрыть вероломное влияние очевидного заговора» [3, p.537]. В противовес Лаллигану-Морийону, Бийо-Варенн говорил про «чудеса доблести и бесстрашия» со стороны местных патриотов, сетуя, на то, что боевые действия «унесли жизни нескольких хороших граждан» [3, p.537]. В военном отношении главной целью восставших в Иль-и-Вилене был Ренн. Комиссары это осознавали, но обнадеживали Конвент, сообщая о ряде поражений которые мятежникам нанесли реннские национальные гвардейцы. Жизненно необходимым для революционных властей стало сохранение контроля над побережьем Ла-Манша, т.к. его потеря открывала путь для вторжения не только эмигрантским отрядам, но и куда более организованным англичанам.

На 24 марта планировалась наступление генерала Бейссера на Редон, который удерживало 2 тыс. восставших, за несколько дней до этого генерал отстоял от инсургентов город Витре. Целью наступления являлось освобождение дороги на Ванн, а затем и Нант, для установления контроля над Луарой.

Бийо-Варенн - последовательным сторонником террора и революционного режима управления, начал проводить в департаментах жесткий репрессивный курс. Народный представитель формулировал задачу предельно просто: «Пришло время серьезно заняться поиском реальных предателей, которые нас окружают. Настало, наконец, время увидеть, кто они есть на самом деле…» [3, p.537]. Успехи республиканцев приводили к большому количеству пленных, «в разных столкновениях мы (республиканцы – А.Р.) захватили множество пленных. Каждый день их переводят в Ренн, тюрьмы переполнены» [3, p.537]. Департаментские власти создавали специальные трибуналы в главных городах Иль-и-Вилена, «чтобы покарать полчища мятежников и контрреволюционеров», так как «ярость убийц свободы мы можем остановить страхом перед правосудием» [3, p.537]. Как следствие, в Кот-дю-Норе появился уголовный трибунал и военная комиссия. После подавления выступлений в Ламбале местная военная комиссия 2 апреля 1793 г. приговорила к смерти некоего Жозефа Эрве и вместе с ним шесть человек к смерти, пойманных с оружием в руках в толпе мятежников. Подобные радикальные действия предписывались декретом Конвента от 17 марта. По этому декрету, любой, кто был пойман с оружием в руках в рядах восставших, приговаривался к расстрелу. Трибунал Кот-дю-Нора заседал в его столице городе Сен-Брие. Он состоял из трех человек: председателя Леру, общественного обвинителя Бесне и секретаря Гурлэ. Каждые три месяца состав трибунала обновлялся. Министр юстиции Гойе отмечал работу трибунала: «Департамент Кот-дю-Нор полностью умиротворен. Строгость наказаний и суровость примеров оста-

новили волнения, которые здесь снова возникли: комиссия и департаментский трибунал действую с такой силой, которая должна испугать заговорщиков» [5, p.237]. В Ренне аналогичный трибунал начал действовать с марта 1793 г. и работал до прериаля III г. (май 1795 г.), на основе которого во II г. действовала комиссия Брута Манье, судившая вандейцев.

В отношении наличия спланированного заговора Бийо-Варенн и Севестр не сомневались: «Очевидно, эти одновременные восстания управляются контрреволюционерами, но главные руководители все еще скрываются» [3, p.537]. Нити заговора тянулись, по их мнению, в Лондон, Кобленц, Турин, на местах действовали лишь простые исполнители. Страх заговоров, пронизывавший революционный дискурс, являлась отражением тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, столь характерных для многих французов в революционную эпоху. Роль священников в восстании так же была хорошо известна: «В этих сборищах есть эмигранты и неприсягнувшие священники. Трое из них только что схватили под видом крестьян: они несли с собой ящики полные просвир» [3, p.537]. Несмотря на подобные факты в Кот-дю-Норе и Иль-и-Вилене священнослужители не подвергались систематическому давлению. Связано это, скорее с личностью комиссаров и Бийо-Варенна в первую очередь, который в отличие от других террористов (Фуше, Дюмона и др.), к вопросам религии оставался индиффирентен, ставя на первое место патриотизм и цивизм человека, а не веру в Бога.

Постепенно действия Бийо-Варенна и Севестра начали приносить плоды. Ситуация в Кот-дю-Норе и Иль-и-Вилене оставалась более менее под контролем республиканских властей. Председатель временного исполнительного совета Лебрюн, побывавший на западе Франции, отмечал: «В департаменте Иль-и-Вилене разбойники повсюду побеждены и рассеяны, захваченных толпами отправляют в Ренн» [3, p.719]. Генерал Лабурдоннэ докладывал об успехе Бейссера в Редоне, где удалось выбить из укрепленных позиций восставших. Народные представители действовали с Бейссером для «восстановления духа покорности Республике в различных деревенских муниципалитетах, которые поначалу были введены в заблуждение» [3, p.720]. Редон имел значение не только, как один из важных городов Иль-и-Вилена, но и потому, что, по сообщениям народных представителей, волнения «в дистрикте Редона самые заметные» [4, p.322]. В результате успешного наступления Бейссера оказался восстановлен контроль над рекой Вилен, связывавшей Иль-и-Вилен, Нижнюю Луару, Морбиан и Майенн.

Как во время любой гражданской войны в ход шли самые решительные меры. В качестве устрашения республиканские войска жгли дома и строения в окрестностях Редона, отбитые у мятежников. Подобные действия возымели результат. Муниципалитеты выдавали властям главарей и подстрекателей восстания в окрестностях Редона. Как отмечали Бийо-Варенн и Севестр: «Уже есть большое количество арестованных, которые будут переданы карающей руке правосудия» [8, p.568]. На волне военных успехов народные представители считали, что «мир и порядок полностью восстановлены в департаменте Иль-и-Вилен» [8, p.568]. Поскольку сохранялась угроза высадки англичан, то войска Республики направлялись в наиболее ненадежные дистрикты департамента, для поддержания порядка. В марте в Иль-и-Вилене и Кот-дю-Нор пришло подкрепление в 5 тыс. вооруженных волонтеров из соседних Манша и Орна где с миссиями находились Бурдон из Уазы и Ле Карпантье. Действенной мерой Бийо-Варенн полагал разоружение не только отдельных граждан, но и целых населенных пунктов. В постановлении от 25 марта 1793 г. комиссары предписывали: «Обязать генеральные советы департамента Иль-и-Вилен принять самые эффективные меры, чтобы как можно скорее изъять пушки, ружья, сабли, шпаги, пистолеты у населения коммун, где имело место вооруженное восстание и неповиновение законам» [4, p.322].

Посетив Кот-дю-Нор, Лебрюн сообщал о своих впечатлениях в Париж: «В данный момент все спокойно; надзор исключительный; отряды сдерживают самые фанатичные приходы» [3, p.720]. Спорадические выступления между дистриктами Монконтур и Ламбаль были разогнаны республиканскими войсками. Рекрутский набор в Кот-дю-Норе проходил без серьезных осложнений и к концу марта города этого департамента выставили необходимые воинские контингенты. Наряду с военными заботами комиссарам пришлось решать сложную продовольственную проблему. Преимущественно аграрная Бретань из-за войны не могла сама себя прокормить, а перерезанные пути сообщений поставили под угрозу подвоз продовольствия, многим города и даже Ренну грозил голод. Несмотря на улучшение в апреле военной ситуации в Бретани, народные представители отмечали, что «фермеры и собственники не поставляют зерно на рынки», тогда им пришлось «принять меры, дабы заставить их отправить запасы зерна на рынки и склады» [8, p.421]. Мы не ошибемся, если скажем, что набор подобных мер был стандартен для того времени: реквизиции, аресты, физическое воздействие на особо упорствовавших.

Несмотря на успехи, Бийо-Варенн, не упустил возможности подвергнуть критике власти в Иль-и-Вилене. Активность инсургентов в Редоне он считал «результатом небрежности и аристократизма его (Редона–А.Р.) жителей и особенно административного корпуса и судебных властей, которые действовали раньше» [4, p.323]. Комиссары с горечью отмечали: «Редон, город, где насчитывается едва ли 30 патриотов» [8, p.568]. С поста президента Редонской директории был удален некий гражданин Фонтено, его заменил кюре Легуэне. Перестановки затронули некоторых рядовых членов местной директории и прокуроров-синдиков. Сторонник народного, секционного движения Бийо-Варенн призывал членов главного совета дистрикта «наблюдать с крайней исправностью за властями, которые им подчинены» [4, p.323]. Народный контроль, которым дорожили крайние левые якобинцы, подобно дамоклову мечу должен был нависать над властями департамента.

Народный представитель считал необходимым вытащить общественное мнение из «развращенного состояния, в котором оно пребывает длительное время» [4, p.323]. Развращенность надо понимать в революционном контексте. Это, прежде всего, симпатия к аристократам, федерализм, недовольство Республикой, сочувствие к неприсягнувшим священникам и отказ от рекрутского набора. С этими пороками призывали бороться по всей строгости закона. Методы по отношения к цели – благополучию народа и Республики – второстепенны. Отсюда вытекала принципиальная установка: «По крайней мере, мы (Бийо-Варенн и Севестр – А.Р.) никогда не заслужим упрека, что погубили свободу из-за чрезмерной мягкости и снисходительности» [3, p.537]. Комиссары помнили о том, что для умиротворения также «необходим язык убеждения и милосердия» [8, p.569]. Жителям сельской местности предлагалось в течение суток вернуться по домам и отказаться от всякого рода мятежных выступлений.

Департаментские коммуны обязывались заниматься составлением и проверкой списков тех, кто предназначен для военной службы. На осуществление подобных мероприятий отводилось 24 часа, начиная с 25 марта. Все, не явившиеся в обозначенные места сбора, рассматривались в качестве дезертиров и преследовались по законам военного времени. В целом, с главной задачей – рекрутским набором удалось справиться. На заседании Комитета общественного спасения 24 апреля отмечалось, что «гражданин Бийо-Варенн и его коллега…доложили, рекрутский набор закончен» [9, p.421]. Набрав рекрутов, комиссары столкнулись с главной проблемой республиканцев на начальном этапе Вандейской войны – отсутствием оружия и обученных солдат. Перед самым отъездом в Париж Бийо-Варенн просил пушки для укрепления побережий на случай высадки англичан в Кот-дю-Норе и жаловался

на недостаток оружия и боеприпасов. Комитет общественного спасения, получавший со всех сторон подобного рода просьбы, советовал народным представителям «использовать все возможные средства для вооружения новобранцев. Если это необходимо, то вы должны разоружить тех, кто сидит по домам, т.к. важно, чтобы солдаты были вооружены» [9, p.407]. Начатые конфискации оружия не могли удовлетворить потребностей армии в вооружении и боеприпасах.

Помимо гражданской войны серьезным ударом для Французской республики стала измена генерала Дюмурье и его переход на сторону войск коалиции весной 1793 г. Не остались в стороне от этого события Бийо-Варенн с Севестром. 7 апреля в письме в Комитет общественного спасения они высказывались по поводу предательства Дюмурье. Глубокое возмущение поступком генерала смешивалось с уверенностью в том, что подобное вероломство вызовет еще больший патриотический и революционный подъем. Комиссары задавались рядом вопросов: действовал ли Дюмурье в одиночку? Не стоят ли изменники во главе правительства? Как генерал-предатель мог находиться во главе республиканских войск? Вопросы, требовали самого серьезного рассмотрения. В самой их постановке слышались ноты ортодоксальной якобинской риторики: недоверие к властям, неудачам генералов, постоянный поиск внутренних врагов и заговоров.

Бийо-Варенн проводил прямую связь между изменой Дюмурье и действиями Лафайета летом 1792 г., с попытками защитить короля Людовика XVI после побега в Варенн. Те же самые люди вступили в заговор с Дюмурье и согласовали действия с мятежниками в западных департаментах, преследуя одну цель – уничтожить свободу. Показательно, Бийо-Варенн не называя конкретных имен и фамилий, разделял веру в некий заговор, пронизавший все тело Республики. Подобная логика иллюстрирует тот глубокий политический и ментальный кризис, в котором оказались многие революционеры и простые французы в I год Республики.

Единственный выход Бийо-Варенн видел в том, чтобы «восстать вместе с народом, чтобы показать ему кто его истинные друзья» [9, p.146]. Слишком долго людей обманывали мнимыми заговорами, «на край пропасти их привели негодяи, которые добились успеха потому, что им потворствует безнаказанность» [9, p.146]. Говоря о необходимости народного восстания, очистительного восстания, он формулировал главное требование народа: «Чтобы меч правосудия поражал преступников, кем бы они ни были! Это желание народа, общественное спасение, которое им руководит» [9, p.146]. Только действия совместно с народом позволят спасти ситуацию и обеспечат уважение к декретам Конвента. При этом одно должно дополнять другое: «Чем они (декреты - А.Р) решительнее, тем больше будут воодушевлять» [9, p.146]. Необходимо либо навсегда спасти Республику, либо погибнуть под ее руинами.

Именно активное выступление народа совместно с частью «патриотически» настроенных законодателей вызвало к жизни события 31 мая – 2 июня 1793 г. Именно в результате подобных событий 4-5 сентября того же года под давлением секций и Парижской Коммуны в состав Комитета общественного спасения вошли Бийо-Варенн и Колло-д`Эрбуа – наиболее его радикальные члены.

В конце апреля Бийо-Варенн покинул Бретань и вернулся в Париж, где борьба между жирондистами и монтаньярами обострялась с каждым днем. Нахождение столь жесткого и популярного в секциях якобинца казалось нужнее в Париже, чем в Бретани. Его коллега Севестр остался на Западе и вскоре был прикомандирован к армии Брестских берегов, откуда он вернулся в Конвент летом, после падения Жиронды. Подводя итог действиям комиссаров Бийо-Варенна и Севестра в Кот-дю-Норе и Иль-и-Вилене, мы не можем не отметить успеха их миссии. Народные представители смогли остановить распространение контрреволюцион-

ного восстания в Бретани, и что важно - сохранить Ренн за силами Республики; рекрутский набор, несмотря на объективные трудности, был проведен. Бийо-Варенн, оправдав свое прозвище «Несгибаемый», со всей силой закона начал преследовать мятежников, разоружать их, привлекая к этому делу местные коммуны и директории дистриктов, состоявшие из революционно настроенных граждан. Действия народных представителей в немалой степени позволили отстоять для молодой Республики департаменты Кот-дю-Нор и Иль-и-Вилен.

Список литературы

1. Блуменау С.Ф. Французская революция и гражданское устройство духовенства.// Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2002.
2. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону. 1995.
3. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.60. P., 1896-1901.
4. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.61. P., 1896-1901.
5. Berriat Saint Prix M. La justice révolutionnaire août 1792 – Prarial an III. T.1. P., 1870.
6. Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les membres des assemblées françaises et tous les ministres français depuis le1er mai 1789 jusqu'au 1er mai 1889, avec leurs noms, état civil, états de services, actes politiques, votes parlementaires,// Robert A.,Cougny G. T.1. Paris, 1889.
7. Guerres des vendeens et des chouans contre la Republique francaise. T.1. P., 1824.
8. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.2. P., 1889.
9. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.3. P., 1889.
10. Wallon H. Les Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements.T.2. P.,1889.

Сведения об авторе

Роленков Альберт Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, rolenkovalbert@yandex.ru

УДК 942.080.1

А. В. Сагимбаев

Конституционная комиссия Дж. О. Саймона и её роль в трансформации политико-административной системы Британской Индии в конце 1920-х гг.

Аннотация: *В статье анализируются отдельные аспекты эволюции колониальной политики Великобритании в Индии в конце 1920-х гг. Обозначившиеся после завершения Первой мировой войны кризисные явления, побудили британское руководство предпринять определённые шаги по реформированию традиционного колониального механизма. Политико-административные преобразования, происходившие в межвоенный период в Британской Индии, в немалой степени заложили основы сформировавшейся позднее политической системы независимого индийского государства.*

Ключевые слова*: Британская Индия, колониальная политика, административно-политическая реформа, национально-освободительное движение, комиссия Дж. О. Саймона.*

Sagimbayev A.V. Constitutional Commission of J. O. Simon and its role in the transformation of the political and administrative system of British India in the late 1920s.

Abstract: *The article analyzes some aspects of British colonial policy evolution in India in the late 1920s. Denote after the First World War, the crisis prompted the British leadership to take certain steps to reform the traditional colonial mechanism. The political and administrative changes that took place in the interwar period in British India, to a large extent laid the foundation formed within the political system of the independent Indian state. One of the important consequences of the First World War was a significant change in the old world order, as well as the formation of a fundamentally new features of world politics. Woodrow Wilson proclaimed the principle of national self-determination coupled with a general change in the balance of power in the international arena could not affect the status of the major colonial system and cause certain changes in relation to the colonies by the major European states.A typical example of systemic change have become the processes taking place in the largest colonial empire, created by the United Kingdom. They were limited mainly to the gradual strengthening of centrifugal tendencies that led, eventually, to the transformation of the British Empire in the British Commonwealth of Nations. In the case of "white" dominions, this evolution is quite fit into the outline of the liberal part of the British colonial ideology assumes empowering self-possession with a substantial part of the European population. Another was the policy in the case of most Asian and African colonies, where the population was considered a priori political and intellectual elite of the UK as a failure to the progressive development and independent political existence.In the first decades of XX in some colonies began the process of active folding of the ideological doctrine of national liberation and the formation of mass political organizations expressing these aspirations. At the same time, the United Kingdom, faced as a result of the war with certain internal difficulties and the limited financial and economic resources has been forced to adjust the form and control methods colonies towards their greater efficiency. Changes in the colonial policy followed by the clash of different political lines and very complex discussions at various levels and in various segments of the British social and political system.*

Keywords: *British India, the colonial policy, administrative and political reform, the national liberation movement, the commission of J.O Simon.*

К числу важных составляющих современного научного поиска относится изучение феномена колониализма, оказавшего огромное влияние на современное состояние международной системы. При этом исследователями предпринимается попытка выработки сбалансированного подхода, который позволил бы всесторонне рассмотреть столь сложное историческое явление, существенно повлиявшее на развитие как многих восточных обществ, являвшихся объектами колониализма, так и самой западной цивилизации, выступавшей в качестве субъекта колониальной экспансии.

Наглядным примером, иллюстрирующим данную взаимосвязь, является история британской колониальной системы. Особенностью английского колониализма являлось наличие многообразных форм и методов распространения своего влияния, а также большая, в сравнении с другими колониальными системами гибкость, позволявшая ему достаточно успешно приспосабливаться к менявшейся исторической обстановке.

Одним из важнейших поворотных пунктов в истории Британской империи явилась Первая мировая война, обозначившая явный кризис прежних методов имперского управления и положившая начало процессу её постепенной децентрализации. На рубеже 1910-х – 1920-х гг. в обстановке сложных политических дискуссий на фоне обострявшегося внутреннего кризиса империи британское правительство попыталось осуществить несколько проектов, связанных с реформированием системы управления в некоторых из своих владений[1]. Данные реформы обозначили вектор эволюции колониальной политики Великобритании на последующий период.

Типичным проявлением данного взаимодействия являлась политика правительства Великобритании в ключевой колонии, которая по праву признавалась стержнем империи – в Британской Индии. Первым шагом в процессе реформирования колониальной системы явилось принятие в декабре 1919 г. Акта о реформах правительства Индии, явившегося реакцией на возраставшие внутри имперского механизма трудности, а также начавшийся после завершения Первой мировой войны подъём национально-освободительного движения, впервые объединившего различные слои и сегменты разнородного индийского населения. Обсуждение законопроекта, как и весь ход дискуссий, связанных с ситуацией в Индии, свидетельствовал о постепенном изменении баланса между консервативным и либеральным императивами колониальной политики Великобритании в пользу последнего. Принятие Акта и его последующая реализация оказали глубокое воздействие не только на дальнейшее политическое развитие Индии, но и существенным образом повлияли на эволюцию системы британского колониализма в целом.

К концу 1920-х гг. основным содержанием риторики официальных британских кругов в отношении Индии продолжал оставаться тезис о её постепенной подготовке к полному политическому самоуправлению. Приверженность обозначенной в Акте об управлении Индией, идеи продвижения индийских владений к статусу доминиона, была зафиксирована в решениях Имперской конференции 1926 г.[Moore R J. 1988: 89]

В мае 1927 г. премьер-министр С. Болдуин ещё раз обозначил стратегические цели британской политики в Индии: «Около десяти лет назад было объявлено, что целью нашей политики в Индии является постепенный переход к системе ответственного управления в Британской Индии как составной части империи. С того момента были сделаны большие шаги к достижению этой цели. Во всех совместных мероприятиях Британского Содружества Наций Индия, в настоящее время, играет свою значимую и возрастающую роль, и через некоторое время мы можем ожидать окончательного формирования равных отношений с ними, подобных тем, которые складываются с самостоятельными доминионами»[«The Times» 13th May 1927: 3]. При этом, однако, делалась традиционная для британской политической элиты оговорка, которая оставляла для колониальных властей широкое поле для маневра: «Конечно, никто не предполагает, что это может быть сделано одномоментно. Для осуществления данных изменений должно пройти достаточное количество времени, и их реализация возможна лишь с согласия и одобрения британского правительства и парламента» [«The Times» 13th May 1927: 3].

Подобные же противоречия нашли своё отражение и в королевском послании к Индийскому законодательному собранию, обнародованном в начале 1927 г. «На протяжении многих лет, - отмечалось в документе, - возможно, в течение нескольких поколений, патриотиче-

[1] Подробнее см.: Сагимбаев А.В. Проблема поиска новых императивов колониальной политики Великобритании во второй период правления коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа (1918-1922 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История» ИВИ РАН, № 3 (11).

ски-настроенные индийцы мечтали о самоуправлении для своей родины. Сегодня мы можем с полным основанием утверждать о начале перехода к реальному самоуправлению внутри Индийской империи, и созданы самые широкие возможности для продвижения к свободам, которыми пользуются другие мои доминионы»[Mansergh N. 2013: 95]. В данной связи, от имен короля-императора была выражена принципиальная поддержка политики вице-короля, направленной на то, чтобы «через определенное время Индия могла превратиться в неотъемлемую часть нашей империи в качестве равноправного партнерства с другими нашими доминионами» [Mansergh N. 2013: 95].

8 ноября 1927 г. в соответствии с положениями Акта 1919 г., премьер-министр Великобритании С. Болдуин сделал официальное заявление о создании специальной комиссии из представителей трёх ведущих британских партий по изучению ситуации в Индии и перспектив продолжения конституционной реформы. Возглавить её было предложено представителю Либеральной партии Дж. О. Саймону. Премьер-министр, кроме того, рекомендовал королю включить в её состав шесть видных представителей британского правительства и парламента.

«Правительство Его Величества, - отметил в своём заявлении С. Болдуин, не может диктовать Комиссии, процедуру осуществления её деятельности. Тем не менее, по нашему мнению, его задача в сборе информации была бы значительно облегчена, в случае создания Центральным Индийским Законодательным Собранием совместного выборного комитета, включающего избранных и назначенных неофициальных членов, которая подготовит свои суждения и предложения в письменном виде и представит их на рассмотрение Комиссии. Этот комитет и в последующем может Комиссии консультативные услуги. Следует четко понимать, что цель этого предложения не состоит в ограничении свободы действий Комиссии на слушании других свидетелей…» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 2].

Кроме того, по мнению С. Болдуина, подобная процедура могла быть использована и применительно к провинциальным законодательным органам. В заявлении премьер-министра особо подчёркивалась также необходимость детального изучения различных точек зрения, существовавших в индийских политических кругах [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 3].

25 ноября 1927 г. в Палате общин был представлен перечень кандидатов в состав будущеё комиссии, в число которых был включены представители трёх основных британских политических партий - виконт Бернем [Viscount Burnham], лорд Страткон [Lord Strathcona], м-р Кэдогэн [Mr. Cadogan], м-р Уэлш [Mr. Walsh], полковник Лэйн Фокс [Colonel Lane Fox], и м-р Эттли [Mr. Attlee]. Важнейшей её функцией объявлялось изучение итогов реализации основных положений Акта о Правительстве Индии 1919 г. Юридической основой создания комиссии был обозначен пункт 84 Акта о Правительстве Индии, предполагавший учреждение «Уставной комиссии по истечении 10 лет [с момента принятия Акта 1919 г. –А.С.]» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 6]. Она должна была завершить свою деятельность и обнародовать её итоги к весне 1929 г., когда одновременно завершался период деятельности третьего состава Индийской законодательной ассамблеи, а также очередного состава Палаты общин. Одним из аспектов деятельности комиссии, кроме того, должно было стать изучение возможности по расширению сферы функционирования «переданных» ведомств, находившихся в сфере компетенции индийских представителей [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2215]. По мнению многих британских политиков, созданная в начале 1920-х гг. система диархии нуждалась в комплексном анализе и совершенствовании[Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2217]. Деятельность комиссии

должна была финансироваться за счёт индийского бюджета. При этом британский монарх внёс дополнительный финансовый взнос в размере 20 тыс. ф. ст. Кроме того, предполагалось проанализировать возможность расширения системы избирательного права в Индии [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2226].

В ходе парламентских дискуссий основной задачей деятельности комиссии Саймона определялся анализ промежуточных итогов развития парламентаризма в Индии вследствие реализации Акта 1919 г., а также выявление способности индийских политических представителей «нести ответственность перед избирателями», а индийского электората – «делать ответственный выбор» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2237]. При этом британские политики неоднократно подчёркивали фактор неграмотности и политической незрелости значительной части индийского населения, отмечая, что критериям западной политической культуры соответствует в лучшем случае семь процентов индийского населения [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2239]. Отмечалась также необходимость налаживания тесной координации деятельности комиссии с влиятельными индийскими политическими силами и авторитетными лидерами, среди которых особо выделялось имя М. Ганди [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927) vol. 210: col. 2272].

24 ноября 1927 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед сообщил в Палате лордов о принципиальном согласии ключевых политических сил относительно состава специальной комиссии, Перечень кандидатов был согласован в результате весьма продолжительных дискуссий и переговоров с представителями лейбористской оппозиции [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 230]. Биркенхед особо подчеркнул необходимость объективной оценки политической ситуации в ключевом владении британской короны, а также налаживания эффективного сотрудничества с представителями различных индийских общин, среди которых им были особо выделены мусульмане [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 232]. Отдельной проблемой, связанной с представительством различных конфессиональных и социальных фракций индийского общества, являлся статус «неприкасаемых» и низших каст, которых по данным официальной статистики в Индии на тот момент насчитывалось 60 млн. чел. [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 247] Лорд Биркенхед, как и другие представители англо-индийского правительства неоднократно подчёркивали необходимость налаживания эффективного диалога с представителями индийских политических сил. Как отмечал в одной из публикаций госсекретарь, «комиссия должна подготовить предложения, которые станут предметом критического анализа, как в Англии, так и в Индии… Западным представителям не возможно в одиночку разработать конституцию для восточной страны, как нельзя восточные вина разлить по западным сосудам» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927) vol. 69: col. 265].

Создание комиссии Саймона вызвало в Великобритании весьма широкий общественный резонанс. Так в одной из статей известный английский писатель Б. Шоу отмечал важность «благородной миссии», направленной на то, чтобы «сделать индийцев образованными и готовыми управлять своими собственными делами»[«The Times» 25th July 1925: 6].

Принципиально иной характер имели оценки британской политики со стороны индийских политических деятелей. Так, представитель Лейбористской партии Ш. Сакалтвала охарактеризовал реформы, проводившиеся британскими властями в Индии с начала 1920-х гг., как вынужденный шаг, продиктованный изменившейся в результате Перовой мировой войны ситуацией и трудностями, с которыми столкнулась Великобритания. Именно рост внутренних и внешних проблем определял, по его мнению, «логику постепенной трансформации

Британской империи в Содружество Наций» [Gupta P. S. 1975: 317]. В одном из своих публицистических произведений, посвящённых критике империалистической доктрины, он отмечал, что британская политика в Индии «является крайне неудачной как для Индии, так и для её народа», что, по его мнению, было связано, в том числе, и с многочисленными ограничениями в отношении прессы, книгоиздательства и различных форм общественной активности индийского населения [Gupta P. S. 1975: 367].

Вопреки существовавшим в Лондоне ожиданиям, создание специальной комиссии не привело к серьёзному снижению напряжённости в Индии. ИНК, а также ряд других ведущих индийских политических сил объявили о бойкоте её деятельности [Judd D. 2004: 253]. Тем не менее, выступая в Палате лордов 7 февраля 1928 г., лорд Биркенхед охарактеризовал деятельность комиссии Саймона как абсолютно независимую от англо-индийского правительства и ответственную лишь перед «Парламентом и королём-императором»[Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70: col. 39].

Несмотря на трудности, возникшие с самого начала функционирования комиссии, ведущие британские политические деятели продолжали заявлять о незыблемости сформулированного ранее курса. В ходе совещания представителей Британского Содружества, прошедшего в Лондоне весной 1928 г. премьер-министр С. Болдуин заявил: «Я надеюсь, что в течение нескольких лет, а, возможно, даже месяцев, мы обретём в Содружестве наших народов новый Доминион, который станет достойным символом равенства рас, входящих в него…» Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70: col. 42]. Нестабильность, существовавшая в индийских владениях продолжала увязываться в британских политических кругах, в немалой степени, с внешним фактором. Так, 21 ноября 1928 г. выступая в Палате общин, лорд Уинтертон связал рост антибританских настроений в Индии, с активизацией коммунистической агитации, осуществляемой при советской поддержке [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col. 1726]. В связи с этим, как отмечал заместитель госсекретаря, в Индии была ужесточена цензура и запрещён ряд книг, изданных представителями Коммунистической и Лейбористской партий [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col. 1727].

Понимание необходимости дальнейших конституционных преобразований стало к концу 1920-х гг. практически повсеместным среди британской управленческой и интеллектуальной элиты, связанной с Индией. В вышедшей в ноябре 1928 г. в «Asiatic Review» статье сэра Ф. Сэтны подчёркивалась необходимость «существенных конституционных изменений, без которых сохранение британского правления окажется, вряд ли возможным»[Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 216: col. 1312].

5 декабря 1928 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед выступил в Палате лордов с отчётом о предварительных итогах деятельности комиссии Саймона, основной целью которой, которой, по его словам, являлось «продвижение правительственной системы Индии по конституционному пути реформ» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 216: col. 1313]. Данное выступление оказалось последним перед его отставкой. По мнению лорда Биркенхеда, «реформы в Индии начинают приносить эффект больший, чем в любой другой стране… Мне кажется, - отмечал он, - что данные преобразования являются, необходимыми и правильными, но нам потребуется много времени и терпения, чтобы выявить их реальные результаты и добиться ожидаемого эффекта»[Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col. 393]. В тоже время, с точки зрения госсекретаря, успешная реализация преобразований сталкивается с рядом трудностей. «Первым препятствием на этом пути является движение свараджистов, порождающее серьёзные проблемы на пути вовлечения индийцев в управление страной и мешаю-

щие эффективной деятельности правительства» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col. 395]. В данной связи, лорд Биркенхед подчеркнул чрезвычайно позитивный, по его мнению, эффект деятельности вице-короля лорда Ирвина, которая по его мнению должна была «затронуть сердца индийцев» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col. 397] и отметил важность мер, «принимаемых англо-индийским правительством и всеми должностными лицами, по сглаживанию трудностей в отношениях между двумя религиями» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col. 410]. Особое значение он уделил роли религиозного фактора в индийской политике. «Религия, - отмечал в своём выступлении лорд Биркенхед, - является основой психологии большей части индийского населения, определяющей их образ жизни и систему их мировосприятия» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col. 419].

В конце декабря 1928 г. новый госсекретарь по делам Индии виконт Пил обнародовал подробное сообщение о деятельности совместного парламентского комитета по индийским делам, созданного с целью согласования различных политических позиций по формированию политики в крупнейшем британском владении [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col.449]. Основной целью стратегии кабинета он вновь обозначил продвижение Индии по пути «конституционных реформ», предусматривавшее, в частности, постепенное изменение функций госсекретаря, вице-короля и руководителей отдельных провинций. Основным условием реализации данной цели, с точки зрения госсекретаря являлись дальнейшие переговорные усилия, направленные на формирование механизмов разделения ответственности между британскими и индийскими чиновниками. В качестве примера такого рода, он обозначил сферы управления железными дорогами и таможней. Принципиально важными, по его мнению, являлись также усилия комитета во главе с Х. Батлером, направленные на налаживание «конституционных отношений между основными индийскими княжествами и Правительством Его Величества» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72: col.450]. Поддержка со стороны княжеской знати рассматривалась в рекомендациях комитета как важный фактор сохранения британского господства на полуострове Индостан.

Пришедший к власти в результате парламентских выборов, состоявшихся в мае 1929 г., лейбористский кабинет Р. Макдональда, заявив о принципиальной преемственности курса предыдущего правительства, предпринял попытку найти компромисс с ключевыми политическими силами Индии и разрешить набиравший силу в ключевой британской колонии политический кризис. Основываясь на рекомендациях комиссии Саймона, им была предложена идея созыва общеиндийской конференции, которая «должна обозначить весь спектр, существующих в Индии политических мнений … и помочь нам найти решение наших проблем, а также обеспечить подготовку Парламентом нового законодательного акта [касающегося системы управления Индией – А.С.]. По словам премьер-министра, британское правительство «ожидало, с помощью данной Конференции наладить сотрудничество и взаимодействие со структурами, представляющими индийское общественное мнение»[Carlton D. 2014: 385].

Лейбористский кабинет провозгласил задачу продолжения и качественного углубления реформы системы управления Индией, нацеленной на её сохранение в рамках британской системы. «Мы можем верить, - подчёркивалось в одном из правительственных заявлений, - что разрешив данную проблему, мы откроем новую эру, которая станет величайшей страницей в истории Британского Содружества как свободной и добровольной ассоциации великих и обладающих собственным достоинством наций, … обеспечивающих благополучие всего

мира… Ситуация в Индии, в данном контексте имеет для нас важный психологический характер [Carlton D. 2014: 396].

В одном из партийных изданий летом 1929 г. деятельность кабинета Р. Макдональда в Индии комментировалась следующим образом: «Лейбористское правительство впервые инициирует политику, которая позволит обсудить и принять во внимание все подходы к решению индийской проблемы в целом… Мы надеемся, что на конференции в Лондоне будет обеспечено максимально возможное представительство, что создаст возможность обсудить не только статус Доминиона, но и максимально полноценно вовлечь в дискуссию представителей индийских княжеств. Конференция, которая начнётся в следующем году, а, возможно, и через несколько месяцев, как мы надеемся, будет иметь максимально широкое представительство и обеспечит решение проблем, существовавших в прошлом, а также создаст основу для процветания Индии в будущем»[Morgan K. 2006: 106]. «Мы надеемся также, - отмечалось в публикации, - что члены Парламента окажут поддержку политике госсекретаря и выработают такие законы, которые позволят установить принципиально новые отношения между нашей страной и Индией» [Morgan K. 2006: 106].

Предстоящие изменения, по мнению лейбористов, должны были привести к принципиальной трансформации традиционной для Индии «автократической» системы управления, «сохранявшейся на протяжении 150 лет британского управления»[Shepherd J. 2012: 38].

31 октября 1929 г. вице-король Индии лорд Ирвин сделал принципиально важное заявление относительно возможных изменений британской политики в Индии. Оно вызвало в британском политическом истеблишменте, в частности, среди представителей Консервативной и Либеральной партий неоднозначную реакцию. Предметом критики явились необдуманное и поспешное, по мнению оппозиции, обещание предоставить Индии статус доминиона, а также неясность самой концепции её будущего конституционного устройства. Ряд британских политиков вновь высказали опасения относительно неготовности индийских владений к самостоятельному политическому функционированию в свете их принципиального отличия от «великих самоуправляющихся общин Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col.520].

Необходимость принятия кардинальных мер в сфере управления индийскими владениями была продиктована, в том числе, и резким нарастанием социально-экономических проблем, вызванных последствиями Великой депрессии. В британской прессе к концу 1929 г. обострение кризисных явлений в Индии всё чаще сравнивалась с событиями начала 1920-х гг. [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col.524] На этом фоне в политических кругах Великобритании вновь оживилась дискуссия относительно эффективности проводимой политики, а также всего комплекса мер, предпринимавшихся британскими властями в течение 1920-х гг. с целью сохранения контроля над Индией.

7 ноября 1929 г. был опубликован официальный отчёт комиссии Дж. Саймана. В нём отмечалось, что британское правительство будет приветствовать сотрудничество индийских политических сил, «представляющих различные расы и религии…» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col.785]. Исходя из этого планировалось приглашение «представителей индийских штатов вместе, в рамках конференции, или по отдельности, в целях обсуждения индийских проблем» [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col.805]. К участию в нём предлагалось привлечь и представителей индийских княжеств, связанных договорными отношениями с британской Короной. В то же время, по мнению авторов отчёта, движение Индии в сторону политического самоуправления было по-прежнему сильно затруднено этнической и конфес-

сиональной разобщённостью индийского населения, а также неграмотностью его подавляющего большинства [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222: col. 805].

Заявление вице-короля лорда Ирвина о расширении системы самоуправления в Индии, поддержанное госсекретарём У. Бенном, а также выводы, сделанные комиссией Саймона, вновь вызвали недовольство со стороны части представителей Консервативной партии. Провозглашённый англо-индийским руководством курс на развитие конституционного процесса в ключевом британском владении получил в консервативной прессе нарицательное наименование «крушение Ирвина». Ряд представителей Консервативной партии, в том числе члены Палаты лордов, выступили с инициативой официально дезавуировать от имени партии заявление вице-короля относительно предоставления Индии статуса доминиона. Критика данного заявления со стороны части консерваторов была связана с тем, что оно было сделано до опубликования официальных итогов деятельности комиссии Саймона и могло, по их мнению, породить «недоумение» в индийских политических кругах [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., vol. 233 (1929): col. 382]. Один из лидеров Либеральной партии Д.Ллойд-Джордж охарактеризовал данное заявление как «фундаментальное изменение» в сравнении с политикой предыдущих кабинетов [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., vol. 233 (1929): col.1429].

Последующие дебаты выявили, в конечном счете, готовность большинства британских политиков к компромиссным решениям, вытекавшим из рекомендаций комиссии Саймона. Представители оппозиционной части Консервативной партии признали безальтернативность перспективы продвижения Индии к статусу доминиона и были вынуждены согласиться с необходимостью «полноценного статуса Индии внутри Содружества, первым шагом к которому явился Акт 1919 г.»[Louis 2006: 251]. Постепенное продвижение Индии к статусу доминиона проявлялось, в частности, в активной поддержке британским правительством участия Индии в различных международных организациях и форумах, которые функционировали, в том числе, под эгидой Лиги Наций [Overy 2009: 23]. Госсекретарь по делам Индии У. Бенн в ходе парламентских слушаний, прошедших в декабре 1929 г. официально подтвердил, что главной целью политики лейбористского кабинета является подготовка Индии к статусу доминиона [Williamson 1992: 250].

Несмотря на определённую внутреннюю противоречивость, политика британского руководства в Индии в 1920-е гг., являясь отражением нараставших внутри имперского механизма трудностей и противоречий, свидетельствовала о формировании принципиально нового вектора в дальнейшей эволюции его колониальной стратегии. Он был связан с постепенной, непоследовательной, и, в немалой степени, вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колониальных владений. Данная тенденция, получила дополнительный импульс к развитию в результате Великой депрессии, потрясшей в начале 1930-х гг. основы социально-экономической стабильности Великобритании и её обширной колониальной империи.

Библиографический список

1. Carlton, David. MacDonald versus Henderson: The Foreign Policy of the Second Labour Government. L., 2014. 248 p.
2. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 210.
3. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 216.
4. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222.
5. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 233.
6. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 69.

7. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72.
9. Gupta P. S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L., 1975. 454 p.
10. Judd D..The Lion and the Tiger: The Rise and Fall of the British Raj, 1600–1947, Oxford and New York: Oxford University Press. L., 2004. 282 p.
11. Louis Wm. R Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y. , 2006. 1082 p.
12. Mansergh N. Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power, 1942-1947. L., 2013. 983 p.
13. Moore R J. Making the New Commonwealth. Oxford University Press, 1988. 232 p.
14. Morgan K.. Ramsay MacDonald. L., 2006. 157 p.
15. Overy R. The Twilight Years: The Paradox of Britain between the Wars. N.Y., 2009. 544 p.
16. Shepherd J. The Second Labour Government: A reappraisal. L., 2012. 272 p.
17. «The Times», 13th May 1927.
18. «The Times». 25th July 1928.
19. Williamson Ph. National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932. N.Y., Cambridge, 1992. 588 p.

Сведения об авторе:
Сагимбаев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex. ru

Историческое краеведение

УДК 94(100)1939/1945+623.557(470.433)

Ю.П. Соловьев

Кто и как бомбил Брянск: гражданское население под немецкими и советскими бомбами в 1941-1944 гг.

Аннотация: *В статье анализируется степень разрушения г. Брянска в годы Второй мировой войны с 19141-1944 гг. Осуществляется реконструкция событий на микроисторическом уровне с учетом использования большого комплекса источников и мемуарных свидетельств. Предпринимается попытка восстановить картину авиационных налетов на г. Брянск в ходе ведения боевых действий в годы войны.*
Ключевые слова: *Брянск, Вторая мировая война, бомбардировочная авиация, авиационные удары.*

Solovev Yu.P. Who and how bombed Bryansk: the civilian population under the German and Soviet bombs in 1941-1944.
Abstract: *The article analyzes the degree of destruction of Bryansk during the Second World War with the 19141-1944's. Implemented on the reconstruction of events microhistorical level taking into account the use of a large complex sources of evidence and memoirs. An attempt to reconstruct the air raids on the city of Bryansk in the course of combat operations in the war years.*
Keywords: *Bryansk, World War II, bombers, air strikes.*

Бомбардировки Брянска немецкой и советской военной авиацией в 1941-1944 гг. представляют собою сюжет сколь интересный, столь и щекотливый. С точки зрения здравого смысла несложно понять, что находившийся под немецкой оккупацией с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 г. Брянск больше должны были бомбить все-таки советские летчики. Но пропагандистская и краеведческая литература старается не замечать советские налеты на город, возлагая всю вину за брянские разрушения исключительно на немцев. Здесь мы имеем дело с одной из особенностей тоталитарного сознания, описанной Джорджем Оруэллом в эссе «Подавление литературы» (1945-1946 гг.): «Если когда-нибудь где-нибудь бесповоротно восторжествует тоталитарное общество, оно, вероятно, учредит некий шизофренический образ мышления, допускающий опору на здравый смысл в повседневной жизни и некоторых точных науках и предполагающий отказ от здравого смысла в политике, истории и социологии» [55, с.278].

Попробуем же установить по возможности точно, кто, когда и как бомбил Брянск в годы Второй мировой войны, а также определить масштабы разрушений вследствие этих бомбардировок [73,с.308,311,314,315-316].

1941 ГОД

Основным местным источником по немецким налетам на Брянск летом 1941 г. является дневник 13-летней Аллы Михайловны Ржевской (1928-2013), которая до своего отъезда в эвакуацию 3 сентября 1941 г. скрупулезно фиксировала по собственным наблюдениям и по рассказам горожан всё, касавшееся атак вражеской авиации на Брянск. Сама Алла Ржевская проживала в самом центре города – на перекрестке современных проспекта Ленина и улицы Горького, поэтому детальнее всего в ее дневнике отражена судьба именно брянского центра. Также результаты немецкого налета 30 августа 1941 г. весьма подробно освещены в письме к родным (старшей сестре Лидии и ее мужу Григорию Константиновичу), написанном *1 ноября 1943 г.* (т.е. уже после взятия Брянска Красной армией) матерью Аллы Ржевской - Клав-

дией Федоровной Диéсперовой-Ржевской (1901-1975). Названные документы семьи Диесперовых-Ржевских ныне хранятся в Государственном архиве Брянской области (ГАБО) [ГАБО. Ф.Р-2996.Оп.1. Д.31. Л.7-11; Ф.Р-2996.Оп.1. Д.16. Л. 9-19]. Они печатались в брянской прессе в 2000-х гг. с той или иной долей сокращений и искажений авторского текста [51,с.13; 24,с.14; 28,с.28], а в 2012 г. были целиком опубликованы брянскими архивистами в сборнике «Написано войной… Письма, дневники, воспоминания участников войн и военных конфликтов XX века».

С немецкой стороны налеты на Брянск были отражены в документах 55-й и 53-й бомбардировочных эскадр. Эти документы частично были опубликованы в исследовании В.Хаупта, которое в русском переводе называется «Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941-1942» [87]. Эти, а также еще несколько дополнительных источников, помогут нам хотя бы отчасти восстановить картину немецких налетов на Брянск в 1941 г.

Итак, в дневнике Аллы Ржевской сказано, что 24 июня 1941 г. был издан указ о строительстве в Брянске бомбоубежищ [50, с.130]. Как правило, это были вырытые самими горожанами у себя во дворах – или в местах, казавшихся брянцам наиболее подходящими для таких сооружений (например, на склонах местных больших оврагов-Судков), более или менее глубокие и укрепленные ямы. На городском жаргоне такие ямы назывались «щели». Вспоминает одноклассник Аллы Ржевской Иван Яковлевич Поручиков: «Щель представляла собой что-то вроде глубокого окопа, перекрытого бревнами или досками и засыпанного сверху толстым слоем земли. Все граждане должны были иметь противогазы, запас воды и продуктов на несколько дней. Щель, конечно, не могла спасти от прямого попадания авиабомбы даже небольшого калибра, но от близкого разрыва и осколков защищала надежно» [62,с.38].

26 июня Алла пошла на собрание в организацию «Электросеть», где работала Ржевская-мать, и записалась в кружок противовоздушной и химической обороны (ПВХО): «…Я… получила настоящий военный противогаз и пропуск военного округа г. Брянска» [50, с.130], - с гордостью записала в своем дневнике Алла. По вечерам с 28 июня по 1 июля за брянским цирком, который располагался тогда на ул. Ленина (ныне Фокина), позади выстроенного после войны кинотеатра «Октябрь», почти на склоне оврага Нижнего Судка, участники кружка копали траншею, покрывали ее бревнами и землей.

И уже в ночь с 27 на 28 июня Брянск начинают бомбить немцы. Первая, как оказалось, ложная тревога загнала брянцев в бомбоубежища в 10 минут первого ночи – и выпустила в два часа. И.Я.Поручиков вспоминает: «Когда объявляли воздушную тревогу, и начинали истошно выть сирены, мы бежали к щели, которую выкопали вместе с соседями в огороде» [62,с.39]. Судя по всему, Алла Ржевская в качестве бойца местной противовоздушной обороны дежурила в ту ночь в помещении «Электросети». После отбоя она с коллегами по дежурству осталась было ночевать в помещении бухгалтерии. Но через полчаса объявили новую, на этот раз настоящую, тревогу. Алла пишет: «…Спать не пришлось – летали самолеты. И в 4 ч. утра ухнули зенитки около ст. Брянск. Кончилась тревога в 5 ч. утра» [50, с.130].

Следующая воздушная тревога была объявлена в Брянске в выходной день 29 июня, утром, в 8 часов 15 минут – и продолжалась до 11 часов. А через полчаса 29 июня был отдан приказ по городу «о заклейке стекол в окнах и дверях крест-накрест бумагой» [50, с.130]. И.Я.Поручиков рассказывает: «Все чаще по ночам, а затем и днем жутко завывали сирены. Радио теперь круглые сутки не выключалось, по нему передавались сообщения городского штаба МПВО. Окна во всех домах заклеивались крест-накрест бумажными полосками, чтобы уменьшить ранения осколками стекол, выбиваемых взрывной волной. У каждого дома появились ящики с песком и бочки с водой для тушения зажигательных бомб. На крышах больших зданий с наступлением ночи дежурили бойцы местной противовоздушной обороны»

[62,с.38-39]. 30 июня в Брянске огласили приказ о светомаскировке, предписывающий, чтобы окна по ночам были плотно зашторены и свет в домах не мог ориентировать вражеских летчиков. В тот же день объявили воздушную тревогу в Бежице-Орджоникидзеграде, о чем сообщила в своем письме подруге 17-летняя пианистка Татьяна Петровна Николаева [82, с.47-48]. В Брянске новую воздушную тревогу объявили 3 июля в 10 часов 57 минут и длилась она менее часа [50, с.130].

Утром 6 июля над Брянском кружил немецкий самолет, по которому стреляли зенитчики. В тот день трижды – с перерывом на грозу – объявляли воздушную тревогу. На следующий день снова над городом кружился немецкий самолет, по которому стреляли из ружей, а потом с 10 ч.55 м. до 11 ч. 57 м. была воздушная тревога. Неспокойной выдалась ночь с 10 на 11 июля, когда дважды объявлялась тревога. В ту ночь Алла Ржевская вместе с отцом, Михаилом Африкановичем Ржевским, дежурила на крыше и была готова тушить зажигательные бомбы [50, с.131].

15 июля Алле Ржевской, видимо, кто-то рассказал, что в ночь с 13 на 14 июля, около часа, «пролетали 3 звена вражеских самолетов (9 шт<ук>) и сбросили 2 бомбы около больничного городка» [50, с.131]. Больничный городок на Втором Брянске был слишком далек от дома Аллы, чтобы она сама могла увидеть эту бомбежку. Ночь с 14 на 15-е Алла с дружинниками ПВХО «Электросети» провела «в мастерской на голых дощатых нарах». Всё это время над Брянском кружил немецкий самолет: «Около аэродрома (в мастерскую) попали 3 бомбы, есть убитые и раненые» [50, с.131]. Район тогдашнего брянского аэродрома – это застраиваемая теперь территория так называемого «старого аэропорта» по улице Бежицкой, за «Курганом Бессмертия». Трижды в промежутке между 12 часами 36 минутами и 17 часами 22 минутами 25 июля объявлялась в Брянске воздушная тревога «с сильной зенитной и пулеметной стрельбой. Было сброшено несколько бомб. Один самолет был подбит» [50, с.131].

Первый, вероятно, на самом деле крупный немецкий авианалет на Брянск – а, точнее, на станцию Брянск-II – состоялся в ночь с 29 на 30 июля 1941 г. Изданная в 2004 г. история Брянского железнодорожного узла так описывает эту бомбардировку: «С 29 на 30 июля 1941 года в начавшихся сумерках над Брянским железнодорожным узлом внезапно появились фашистские бомбардировщики. Их было много. Они ракетами осветили станцию и беспрепятственно, методично бомбили ее всю ночь… В это время на станционных путях находились эшелоны с войсками, ранеными, эвакуированным гражданским населением, цистерны с авиационным бензином, вагоны с боеприпасами. <…> Потери были большие, но удалось много и спасти. <…> В эту июльскую трагическую ночь погибли стрелочник, секретарь партийной организации станции И.Д.Шевцов, бригадир локомотивного депо Ф.А.Василенко, сверловщицы Кириленко, Н.Ф.Зубарева и другие» [59, с.83-84].

Сообщение об этом налете попало и на страницы дневника Аллы Ржевской. 30 июля Алла записала: «В 2 ч. 20 м. ночи тревога сопровождалась залпами зениток и пулеметов. Сброшено очень много бомб (не менее 50-ти) на эшелоны, стоящие на ст[анции] Брянск II. Там был и эшелон раненых, эшелоны с боеприпасами, были еще цистерны с бензином, керосином, со снарядами, патронами. До 12 час. дня не прекращались их взрывы. Стоял еще эшелон с красноармейцами, которые должны были скоро отправиться на фронт. С самолетов (вражеских) строчили пулеметы, сбрасывали на парашютах ракеты, а потом бомбы. Был огромный пожар» [50, с.131].

Одноклассник Аллы, Иван Поручиков, так вспоминал в 2000-х об этом налете: «Помню, первая жестокая бомбардировка произошла в конце июля 1941 года. В одиннадцатом часу ночи завыли сирены воздушной тревоги. В небе над железнодорожной станцией Брянск-2 появились вражеские бомбардировщики. С немецких самолетов сбросили множество освети-

тельных авиабомб. Медленно спускаясь на маленьких парашютах, они горели ослепительно ярко, освещая мертвенным светом все вокруг. Стало так светло, что, казалось, ночь превратилась в день. Самолеты шли волна за волной. Воздух сотрясали оглушительные разрывы тяжелых бомб. Затем полетели «зажигалки», и во многих местах возникли пожары» [62, с.39].

Отец Ивана Поручикова, Яков Иванович, в ту ночь отправился тушить железнодорожный узел. Старший Поручиков так рассказывал об этом: «Наша рота во время налета на двух грузовиках немедленно выехала на станцию, но вплотную приблизиться к ней мы не могли. Немецкие бомбардировщики, волна за волной, бомбили железнодорожный узел. Бомбы падали непрерывно. Горели цистерны с горючим и стоявшие на путях два железнодорожных состава, в которых находились эвакуированные люди, прибывшие из западных областей, и раненные военные. Когда прекратился налет, и мы вступили в очаг поражения, перед нами открылся кромешный ад. Кругом слышались душераздирающие крики людей, гибнущих в огне среди рвущихся боеприпасов. Станционные здания и другие постройки были разрушены и горели. Как только рота приступила к спасательным работам, в воздухе вновь появились вражеские самолеты. Теперь не только над станцией, но и над центральной частью города вспыхнули осветительные «САБы», и немцы начали бомбить Брянск. В разных местах города возникли многочисленные пожары. Наша рота и воинские подразделения всю ночь работали по спасению людей. Было много жертв...» [61, с.40]

Скорее всего, что этот налет произвела временно расквартированная в Житомире 55-я бомбардировочная эскадра «Гриф» (Greif) 2-го воздушного флота Люфтваффе. Эскадрой командовал подполковник (оберст-лейтенант) Бенно Кош. Учитывая, что в налете на Москву 21 июля 1941 г. участвовало 127 боевых самолетов восьми эскадр, то можно предположить, что Брянск 30 июля бомбили около 15 самолетов «Хейнкель-111 Н», состоявших на вооружении названной эскадры [21, с.682; 85, с.48]. В отчете 55-й немецкой бомбардировочной эскадры сказано: «В атаках на рассвете были разрушены важнейшие железнодорожные транспортные узлы Брянск и Орел. Здесь скопились не только войсковые эшелоны, которые с резервных позиций везли войска на фронт, здесь хранились на складах важнейшие промышленные и продовольственные грузы, ожидающие отправки. Железнодорожный грузопоток идет через Орел и Брянск с Черного моря на север и на Москву. Рано утром и в вечерних сумерках мы бомбили Унечу.

Бомбы падали на рельсовые пути, где вплотную друг к другу стояли составы, огромные склады, железнодорожные сооружения» [87, с.49]. Детали этого описания совпадают с приведенными выше свидетельствами брянских жителей.

В августе 1941 г. Брянск попал в зону действия временно расквартированной в Орше 53-й бомбардировочной эскадры «Легион Кондор» (Legion Condor), которой командовал подполковник (позже полковник) Пауль Вейткус. Любопытно, что в 1942-1943 гг. названная эскадра базировалась на территории, входящей сейчас в состав Брянской области – в Сеще (август-декабрь 1942 г.) и в Олсуфьеве (июль-сентябрь 1943 г.) [21, с.677-678]. В ночь на 4 августа 53-я эскадра участвовала в массированном налете на Москву [87, с.50]. Возможно, с пролетом немецкой армады к нашей столице связана запись в дневнике Аллы Ржевской: «В ночь на 3-е ночевали в щели у Ковалевых (ул. Фокинская,4) (ныне проспект Ленина. – Ю.С.), так как разнесся слух, что будет страшная перестрелка и бомбежка. Ничего не было. В 3 ч. 10 м. началась 1-я тревога и кончилась в 4 ч. 05 м. Шел сильный дождь» [50, с.131].

Но на этот раз, что называется, «пронесло». «Пронесло» и 7 августа. Тогда на вокзале Брянска ночевала группа корреспондентов газеты «Красная звезда», посланная на Центральный фронт в Гомель: политрук Трояновский - бывший работник «Пионерской правды», фотограф Кнорринг и писатель Василий Гроссман. Последний отметил в своей записной книж-

ке: «Ночуем на Брянском вокзале. Все забито красноармейцами, многие плохо одеты, оборваны, – это те, что уже побывали «там». У абхазцев совсем нехороший вид, некоторые босые. Всю ночь провели сидя. Над станцией появились немецкие самолеты, небо гудит, все в прожекторах. Мы все кинулись подальше от станции на какой-то пустырь. К счастью, немец не бомбил, только попугал» [14].

9 августа воздушная тревога была объявлена в Брянске в 19 ч.20м., а отбой последовал в 20 ч.10 м. Эта тревога, по словам Аллы Ржевской, «сопровождалась зенитной перестрелкой. Пролетело 12 самолетов, 2 из них сбиты. Еще во время тревоги в районе ст. Брянск I поднялся огромный столб дыма грязно-серого цвета» [50, с.131]. Такой же «столб» или «гриб», но уже над Брянском-II, остался в памяти и одноклассника Аллы, Ивана Поручикова: «Вдруг в небе над станцией «Брянск-2» возник огромный черно-красный гриб. Клубясь, пронизанный прожилками огня, он зловеще и бесшумно поднимался всё выше, превращаясь в огненное облако, ярко освещая окрестности с пригорка, где был наш дом, мы с ужасом смотрели на него. Прошло немного времени, и раздался оглушительный грохот. Тугая ударная волна, пройдя от станции четыре километра, обрушилась на все вокруг. Послышался звон выбиваемых стекол, скрежет кровельного железа. Пожар и взрывы горевших на станции боеприпасов продолжались до утра. В ту ночь наши зенитки так и не смогли дать отпора фашистским бомбардировщикам. Отбомбившись, самолеты улетели, а мы пошли осматривать дом. Серьезных повреждений не было, кроме выбитой вместе со ставнем оконной рамы в спальне родителей, разбитых стекол и повреждения кровли» [62, с.39].

11 и 12 августа 1941 г. в боевом расписании 53-й эскадры значится «налет на рассвете на железнодорожную станцию Брянск» [87, с.50]. Как раз 11 августа Алла Ржевская записала в дневнике: «Днем была несколько раз перестрелка. 1-я тревога была с 10 ч. 55 м. до 11 ч. 10 м., 2-ая с 11 ч. 15 м. до 11 ч 45 м., сопровождалась перестрелками, 3-я с 19 ч. 25 м. до 20 ч. 10 м. прошла спокойно». Тогда же по городу пошли слухи, а потом объявили официально, что в поселке городского типа Ду́бровка (ныне райцентр Брянской области), в 85 км к северо-западу от Брянска немцы высадили десант [50, с.131].

Жестокий немецкий воздушный налет на Брянск, да еще с «приключениями» для семьи Ржевских, пришелся на 13 августа. Алла Ржевская пишет: «Была сильная бомбежка. Сгорели угол Топальской и ул. им. III Интернационала (ныне ул. Калинина. – Ю.С.), больше ½ Пятницкого рва (эта улица огибает со стороны оврага Нижнего Судка Покровскую гору. – Ю.С.), кузнечный цех з[аво]да им. Кирова (Брянский арсенал. – Ю.С.) и два жилых дома на Петровской горе. [….]. А. Медведева ([…]работает с мамой в «Электросети») рассказывала, что у них (в Володарском поселке) выгорело 2 квартала, в том числе аптека, школа, магазины и другие учреждения и жилые дома. Целых 2 квартала! [...]. В селе Антоновка стояла в школе воинская часть, она вместе со зданием была разбита несколькими бомбами» [50, с.132].

Что касается «приключений», то они таковы. Во время налета в ночь на 13 августа старшие Ржевские – мать и отец Аллы – отправились в бомбоубежище-«щель», а дочь оставили спать… дома. Эта странность в отношении к близким для Ржевских, увы, характерна. Ночью в доме Ржевских от действия взрывной волны сама собой зажглась электрическая лампочка, через незашторенное окно осветившая расположенный напротив банк. Алла вспоминает: «В это время пролетал самолет, как видно, увидел свет[…] и давай бросать бомбы и строчить из пулемета. Но все его бомбы и пули ложились в Пятницкий ров» [50, с.132]. Интересная для определения погрешности в бомбометании немцев запись – от дома Ржевских до Пятницкого рва, наверное, больше километра…

Милиционер, дежуривший при банке, начал стучать к Ржевским и требовать, чтобы они погасили свет. А когда окончилась бомбежка отвел отца с дочерью в городской отдел

НКВД – «около спирто-водочного завода» (в этом старинном здании красного кирпича на углу площади и улицы им. К.Маркса находится сейчас администрация Советского района г. Брянска) [50, с.132]. Объяснения Ржевского-отца, видимо, удовлетворили чекистов – и последствий эта история не имела. Но 20 августа отец Аллы Ржевской получил повестку о призыве в Красную армию, а в 8 часов утра на следующий день ушел на призывной пункт [50, с.132]. Как пишет об этом в своем письме от 1 ноября 1943 г. мать Аллы, Клавдия Федоровна Диесперова-Ржевская: «Его мобилизовали и угнали из Брянска…», а нашел он жену и дочь «через 14 месяцев после… мобилизации…» [50, с.125]

После налета 13 августа немецкая 53-я бомбардировочная эскадра оставляет Брянск в покое на 17 дней. При этом, однако, днем 16 августа бомбит другие города Брянского края – Клинцы и Новозыбков [87, с.50]. Впрочем, совсем не обязательно считать 53-ю немецкую эскадру единственной вражеской частью, бомбившей Брянск в 1941 г. Уезжавший с семьей в эвакуацию преподаватель Брянского лесного института Владимир Петрович Разумов вспоминал, что их эшелон 22 августа до обеда простоял «на Брянске I-м. Был налет, стрельба, рвались бомбы» [66, Л.5.2.6]. Но в этот день 53-я эскадра совершала дневной налет на железнодорожную линию Гомель-Сновск… Алла Ржевская также записала в своем дневнике: «Когда были тревоги, не помню, не записывала. Каждый день, начиная с 28-го июля, я была во время тревог в «Электросети», помогала рыть траншеи. И когда начиналась тревога, с противогазом и пропуском бежала туда, там помогала санитарам» [50, с.132].

В середине августа 1941 г. через Брянск в Орел для организации школы подрывников проезжал с небольшой группой пограничников известный советский специалист по диверсиям Илья Григорьевич Старинов. Он вспоминал: «Добрались до Брянска, заночевали в пустой из-за непрерывных бомбежек гостинице, а наутро заторопились дальше» [78].

О том, что советские силы ПВО плохо защищали в 1941 г. Брянск от немецких налетов, несколько раз в своих воспоминаниях говорит И.Я.Поручиков: «В ту ночь наши зенитки так и не смогли дать отпора фашистским бомбардировщикам. <…> Наши зенитная артиллерия и истребители слабо противодействовали налетам, и фашистские летчики, не встречая активного отпора, вскоре обнаглели» [62, с.39-40]. В то же время в брянском небе происходили бои, чему также есть свидетельства. Например, в братской могиле на центральном кладбище Брянска, которая ошибочно считается местом упокоения красноармейцев, погибших при взятии Брянска 17 сентября 1943 г., самые старые погребения относятся как раз к августу-сентябрю 1941 г. И это погребения летчиков: погибшего 17 августа 1941 г. 29-летнего старшего лейтенанта Николая Павловича Беспалова, заместителя командира авиаэскадрильи [ЦАМО, Ф.56. Оп.12 220. Д.53. Л.263] – и погибшего на Брянском фронте 13 сентября 1941 г. штурмана 66-й авиаэскадрильи капитана Якова Григорьевича Блинова [ЦАМО, Ф.56. Оп.12 220. Д.2. Л.117]. Немецкие летчики тоже несли серьезные потери. В.Хаупт пишет: «Среди прочих 25 августа нашел свою смерть в воздушном бою над Брянском оберст Мельдерс, до тех пор остававшийся самым успешным истребителем» [87, с.52]. В этом сообщении есть существенная ошибка: 28-летний полковник (оберст) Вернер Мёльдерс (Molders), действительно известный летчик-истребитель, первым среди германских асов награжденный Рыцарским Железным крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, на самом деле погиб в авиакатастрофе под Бреслау 17 ноября 1941 г. [21, с.324-326; 82, с.33].

25 августа 1941г. юго-восточнее Брянска советские зенитчики сбили самолет другого известного немецкого летчика-истребителя – 29-летнего капитана Германа Фридриха Йоппина (Joppien). Погибший таким образом Йоппин занимал тогда четвертое место по результативности среди истребителей Люфтваффе – всего на его счету значилось 70 сбитых самолетов, в том числе 28 советских [21, с.228-229]. Для сравнения: уроженец Бежицы (ныне

район г. Брянска) дважды Герой Советского Союза летчик-истребитель Павел Михайлович Камозин (1917— 1983), похороненный на том же центральном брянском кладбище, за всю войну сбил лично 35 самолетов и 13 в группе [23]…

29 августа мать Аллы Ржевской получила направление на эвакуацию. Семья Ржевских должна была уехать из Брянска в г. Кирсанов Тамбовской области [50, с.132], что и случилось через четыре дня. Но до того мать и дочь пережили самую страшную на их веку бомбардировку Брянска 30 августа 1941 г.

В боевом расписании немецкой 53-й бомбардировочной эскадры на 30 августа 1941 г. был назначен «дневной налет на железнодорожные станции Палики и Брянск» [87, с.51]. Именно эта бомбардировка причинила центру Брянска первый за время войны значительный урон. Алла Ржевская вместе с матерью пережидала налет в своем домашнем убежище-щели примерно до 1 часа с небольшим ночи 31 августа. Таким образом, рассказы этих двух горожанок о бомбардировке основаны на собственных впечатлениях о последствиях бомбежки – и, надо полагать, на рассказах тех брянцев, которые видели сам момент бомбометания. Не следует, впрочем, исключать и некоторый домысел со стороны прежде всего старшей рассказчицы. Воспринимать происходящее здраво Клавдия Федоровна по собственному же признанию не могла. Она писала 1 ноября 1943 г. о своем состоянии в ночь с 30 на 31 августа 1941 г.: «Я до сих пор не могу себе дать отчета, что тогда творилось в моей голове. Я думала, что сойду с ума. Я перечитала все молитвы, которые помнила, молилась Богу, плакала, кричала, и был такой момент один, когда я физически чувствовала, что что-то сделалось с моей головой, как будто там что-то повернулось в самой глубине мозга. Я сразу же сказала Алусе (Алле Ржевской. – Ю.С.), что если она заметит за мной, что я заговариваюсь или вообще какую ненормальность, чтобы она меня оставляла, а сама одна спасалась, т.е. бежала. Значит, я сошла с ума» [50, с.126]. К тому же Клавдия Федоровна, вероятно, предполагала, что ее письмо попадет к военным цензорам, и учитывала это при составлении текста. Но «правильная» эмоциональность текста Ржевской-матери больше импонирует современным журналистам и краеведам, чем сдержанная точность дневника Ржевской-дочери, поэтому даже в архивном сборнике «Написано войной…» письмо Ржевской-матери от 1 ноября 1943 г. напечатано перед дневником Ржевской-дочери 1941 г. …

Клавдия Федоровна Диесперова-Ржевская так начинает рассказ о событиях 30 августа 1941 г.: «Наш дом был уже пустой, все квартиранты давно выехали. И только мы с Алусей остались одни. Ночевали мы с ней в убежище, во дворе, со своими узлами. Фронт был в 40 км, слышна была канонада, и по ночам были видны вспышки от орудий, как зарницы. В ближайшие районы уезжать не было смысла, а мне надо было спасать дочку, да и саму себя ...» [50, с.126] Алла Ржевская в своем дневнике, не предназначенном для чтения посторонними лицами, фиксирует события 30 августа кратко и точно: «С утра все было спокойно… Очень тихо, и день такой жаркий. За эти дни я с мамой готовилась к отъезду (в эвакуацию. – Ю.С.)… Упаковывались до 14.00. Я была во дворе, возилась с собакой Милкой и очищала вход в щель. Мама стирала во дворе белье» [50, с.133]. По этой записи видно, что вход в бомбоубежище семьи Ржевских был завален собранным в эвакуацию добром (мы имеем дело с довольно зажиточной по тем временам семьей) – и этот вход нужно было «очистить». Следовательно, мать с дочерью могли провести ночь с 29 на 30 августа все-таки в доме, а не в «щели». Кроме того, ни о какой канонаде и «вспышках от орудий» Алла не пишет – напротив, говорит о тихом и спокойном начале дня… И еще одна деталь: из письма Клавдии Федоровны выясняется, что их дом был не так пуст, как она старалась представить – в одной из комнат жил некий Володя. «Он, - пишет старшая Ржевская, - (сколько не было бомбежек)

никогда не прятался в убежище, а оставался в своей комнате» [50, с.128]. Вместе с Володей оказался под бомбами его пес Джек.

На самом деле речь здесь идет о старшем брате Клавдии Федоровны, Владимире Федоровиче Диесперове (1896-1942), который в1914 г. добровольцем ушел на фронт [67, с.9], вернулся в чине пехотного прапорщика (последняя должность в Русской Армии – адъютант), к июню 1919 г. служил в советнархозе [ГАБО, Ф. Р-483. Д.46. Л.708. №20]. В марте 1919 г. В.Ф.Диесперов следственной комиссией при Брянском ревтрибунале привлекался к уголовной ответственности за проведение антисоветской агитации. 22 мая того же года дело было прекращено, реабилитирован Брянской областной прокуратурой в 2003 г. [76, с.6]

Алла Ржевская продолжает дневниковую запись: «В 20.30 началась тревога. У нас уже все собранные вещи были целый день в щели. Мы залезли туда, одели шубы» [50, с.133]. Интересно, что домашнюю собаку Милку Ржевские оставили на цепи во дворе, под бомбами... В конце концов, она сорвалась с цепи и убежала от хозяев навсегда. Последующий рассказ о бомбардировке А.Ржевская основывает лишь на том, что могла услышать из бомбоубежища: «В 20.50 налетели самолеты. Зенитки стали стрелять, а самолеты бомбы бросать. Сначала слышим стрельбу, потом вдруг свист. Фугасная бомба падает и взрывается. Сразу слышен гул, потом летят 7-10 самолетов, и опять свист и взрывы. Потом, как град по крышам домов, застучали зажигательные бомбы. И так самолеты налетают партиями через каждые пять минут. Бомбежка кончилась только в час ночи» [50, с.133].

Рассказ матери Аллы Ржевской из подцензурного, предположительно, письма, написанного через два года и два месяца после бомбежки 30 августа 1941 г., изобилует деталями, видеть которые сидевшая в бомбоубежище Клавдия Федоровна не могла. Прежде всего 7-10 бомбивших Брянск немецких самолетов из дневника Аллы превратились за это время в 20 [50, с.126]… Временные рамки события Ржевская-старшая определяет неверно: «Это было 20 минут 9-го часа, вечером, 30 августа 1941 г. Услышав гул немецких самолетов, мы с Алусей едва успели сбежать в убежище в нашем дворе, как началась бомбардировка. Они летели от Нижнего Судка вверх по Ленинской (ныне ул. Фокина), наискось на Советскую (бул. Гагарина), Васильевскую (ул. Горького), Октябрьскую и на аэродром и снова делали круг за кругом в самом центре города. Раз пролетят – побросают фугасные бомбы, снова возвращаются – бросают зажигательные. Тушить пожаров не давали, сейчас же стреляли с самолетов из пулеметов. Мы сидели с Алусей в яме. Было страшно сидеть и ждать ежеминутно смерти, слышать, как визжат падающие бомбы, и думать, что сейчас будет твой конец, по-моему, злее этой казни не может быть. <…> И я удивляюсь, как я вынесла все это. Этот ужас продолжался часов до 11 ночи» [50, с.126]. Обратите внимание – мать «закончила» бомбежку на два часа раньше, чем дочь в своем дневнике.

О том, как, собственно, протекала бомбардировка немцами Брянска, Клавдия Федоровна Ржевская рассказывает: «Они бросали бомбы по 6-7 штук сразу, одна за другой. Земля содрогалась и осыпалась в нашем убежище. Ах, как жутко было! Особенно сильно почувствовалось, когда бомба упала во дворе «земской управы» [50, с.126-127]. Старая земская управа располагалась прямо напротив дома Диесперовых-Ржевских в здании, на месте которого на углу теперешних проспекта Ленина и ул. Горького было в конце 1950-х – начале 1960-х выстроено здание общежития лесного института – ныне один из учебных корпусов БГИТУ. Бухгалтером Брянской земской управы служил до большевистского переворота 1917 г. отец Клавдии Федоровны и дед Аллы Михайловны Ржевских - Федор Львович Диéсперов (ум. 7 марта 1920 г.) [56, с.154], принадлежавший к особому классу городских обывателей – личным почетным гражданам.

Перед последним заходом немецких бомбардировщиков на центр Брянска в «щели» Ржевских укрылись трое красноармейцев из разбомбленной у здания лесного института (ныне старый корпус Брянского государственного инженерно-технологического университета на площади Ленина) машины. После часа ночи, когда бомбежка закончилась, красноармейцы ушли. В Дневнике Аллы Ржевской, в записи, датированной часом ночи 31 августа, сказано: «Самолеты улетели и больше не возвращались. Мы вышли из щели…» [50, с.133]. Причину, по которой Ржевские оставили бомбоубежище, объясняет Клавдия Федоровна: «Нас обдало через отдушину горячим воздухом, как из бани паром, даже волосы подняло на голове. Посыпались комки земли, камни на нашу землянку, и трудно было дышать от пыли. Когда Алуся сказала, что кругом все горит и надо отсюда бежать, я как-то механически согласилась, т.к. *я уже почти не отдавала себе отчета, что происходит* (курсив здесь и далее наш. – Ю.С.). Я схватила только свою сумку с документами (инстинктивно), а она свой баульчик со своим бельем, и мы решились уходить из дома. Когда затихли самолеты, мы потихоньку вылезли из ямы, и моим глазам предстала страшная картина. Все горело, трещало, дымилось, горело на Советской, Васильевской, Октябрьской... Надо было бежать, а Миша (муж Клавдии Федоровны и отец Аллы. – Ю.С.) мне советовал, в случае чего бежать на луг» [50, с.127].

Рассказ продолжает Алла Ржевская: «Небо было ярко-красное, бордовое, малиновое и желтое от пламени огней. Город горел. Мы стали задыхаться от жары, дыма, пепла. Вышли на улицу. Нигде никого. Жуткая картина: по дорогам, на крыльцах валяются горящие головни, зажигательные, уже горящие бомбы (они небольшие). Мы побежали вниз по Фокинской улице, свернули на Топальскую, добежали до какого-то проулка, забежали в щель, но было душно[…], и побежали к реке» [50, с.133]. Соотнесем маршрут путешествия Ржевских к Десне с картой современного Брянска. «Вниз по Фокинской» означает, что мать с дочерью бежали по современному проспекту Ленина от банка к оврагу Верхнего Судка (ни дамбы, ни моста через овраг тогда не было). Потом по Топальской улице Ржевские спустились в овраг и по нему вышли к современному понтонному мосту.

На Топальской улице жил одноклассник Аллы Ржевской Иван Поручиков. Он так вспоминает налет 30-31 августа 1941 г.: «Во время одной из бомбежек бомба упала совсем близко от нашего дома, метрах в сорока, и разметала соседский дом, где жила семья Чебученко. Все они остались живы, так как находились в укрытии. В нашем доме взрывной волной полностью выбило окна, и весь пол был усыпан осколками стекла. В нескольких местах крупными осколками были пробиты кровля и бревенчатые стены. Ещё одна тяжелая бомба на нашей улице в ту ночь угодила в дом старушки-еврейки. Хозяйка погибла, а на месте дома зияла наполнявшаяся водой огромная воронка» [62, с.41].

Рассказ старшей Ржевской, как уже говорилось, эмоциональнее, причем в нем появляется немецкий самолет, которого Алла почему-то не заметила: «Мы бросились с Алусей прямо к В[ерхнему] Судку, мимо госбанка, но только добежали до дома Пычина В.Н., слышим, летит самолет, и уже визжит бомба. Тогда мы с Алусей бросились на землю прямо под какой-то забор и замерли, а в этот момент куда-то упала бомба и взорвалась. *Кажется*, в дом Якубовского, судя по близости взрыва, *а, в общем, не знаю*. Когда самолет улетел, (это был последний) мы вскочили и побежали дальше, добежали до д<ома> Сафронова И.Я. и повернули в переулок, к Арсеналу. Пришлось бежать окольными улицами, т.к. центральные горели. А бежать было трудно: везде выбиты стекла, порваны провода, валяются крыши, балки, рамы. Встречался народ, который также уходил из города.

Мы бежали на луг, за Десну. Сколько там было народу. Несли детей, узлы, корзины, вели коров, поросят, коз» [50, с. 127].

Рассказ продолжает Алла Ржевская: «У моста стояла разбитая автомашина, валялись винтовки. Партизаны их разбирали[….]. Мы перешли через мост на луг часа в два ночи. Там людей очень много. Крики, стоны, плач, причитания. Город находится на горе, а под горой – луг» [50, с.133]. Так, с заречного луга, который теперь зарос лесом, брянцы наблюдали пожар своего города. Клавдия Федоровна Диесперова-Ржевская вспоминает об этом: «Как страшно было видеть, как горели наши громадные жилые корпуса – красавцы, 5-этажные, все сразу охваченные огнем. Как жутко было слышать через реку, как рушились крыши, трещали балки, как потом вздымался столб пламени и дыма, как скоро перебирался огонь с одного места на другое» [50, с.127]. О пожаре тех же «корпусов-красавцев» говорит и Алла: «Большие корпуса […] горсовета превратились в руины» [50, с.133]. Речь идет о трех корпусах так называемых жилых домов брянского горсовета, выстроенных в 1928-1929 гг. Эти дома после войны были восстановлены, их современный адрес – ул. Фокина, дд.18, 20, 22… Но, во всяком случае, Алле Ржевской показалось тогда, что сгорело больше половины Брянска.

В пять часов утра Ржевские пошли к своему дому. По дороге они оценивали потери, понесенные городом в ту ночь. Алла пишет: «Утром, часов в пять, пошли в город. Он еще горел. Валялись трупы лошадей, людей, разных домашних животных. Место, где была «Электросеть», я даже не узнала: камня на камне не осталось. Большие корпуса[…] горсовета превратились в руины. От милиции и целого квартала рядом ничего не осталось, только торчат обугленные каменные стены […] да печи. Вот и все.

Наш дом каким-то чудом уцелел. Рядом с нами горели трехэтажный каменный дом, больница, несколько деревянных домиков. Сгорели все дотла, а наш дом остался» [50, с.133]. Картину дополняет Клавдия Федоровна: «Стекло на мельчайшие куски, по III Интернационалу (ныне ул. Калинина. – Ю.С.) нельзя было пройти. Все из магазинов через витрины было выброшено на улицу, воронки от взрывов, клубки проводов.

Поднимаясь вверх по Васильевской нельзя было пройти от жара, т.к. начиная от Кухтиных и роддома (имеется в виду родильный приют им. Зинаиды Федоровны Могилёвцевой, выстроенный братьями Могилёвцевыми в 1909 г. в районе современного медучилища на углу улиц Горького и Луначарского. – Ю.С.), все горело вверх по Васильевской. От домов доктора Лаврова, Якубовских, Покровских, тубдиспансера, милиции ничего не осталось. Сад поликлиники (бывш<ий> «Трезвость») выкорчеван, от Добычина до сквера, до спирт-з<аво>да все чисто стало. От «земской управы» осталась одна передняя стена к нашему дому. А вот наш дом тогда остался цел! Какой судьбой он был храним?! Может быть, потому, что он стоял, как в коробке, среди Лесного института, Коммун[ального] техн[икума], дома завода им. Кирова, Госбанка. Может быть, воздушные волны проходили выше его? Но только рамы были некоторые выбиты и стекла, да двери распахнуты во всех квартирах, даже крыша осталась цела. А наши вещи оставались в яме» [50, с.127-128].

Эти описания, что любопытно, в некоторых деталях вступают в противоречие с описанием Брянска, сделанным 10 ноября 1943 г. навестившим родной город 33-летним инженер-майором Красной армии Анатолием Васильевичем Памфиловым, который, среди прочего, сообщал матери и сестре, что «отделение милиции и диспансер по Васильевой целы» [50, с.113].

Несмотря на заявления о разрушенной половине Брянска, дочь и мать Ржевские точно говорят о разрушениях лишь на двух улицах. На Васильевской (до 1918 г. Авиловская, ныне Горького) были разрушены дома доктора Лаврова (племянник брянских благотворителей Могилёвцевых врач Николай Григорьевич Лавров до 1917 г. заведовал выстроенным родственниками родильным приютом и жил рядом), Якубовских, Покровских. На той же улице находится выстроенный к 1 мая 1930 г. позади дома Ржевских-Диесперовых «трехэтажный каменный дом» [13, с.4] в стиле конструктивизм, который к 1952-1953 гг. был восстановлен

и цел до сих пор. Адрес этого дома в 1953 г. – ул. Горького, 29. Вызывает вопрос местонахождение тубдиспансера. Что касается больницы, то, возможно, Алла Ржевская имела в виду заложенную 1 мая 1930 г. окружную больницу, восстановленную после войны и теперь известную как городская детская больница.

Еще одна пострадавшая улица до сих пор носит имя К.Маркса (до 1918 г. – Красная). Бомбежка выкосила там участок напротив современных почтамта и кооперативного техникума «от <дома> Добычина (на его месте в 1951 г. выстроен большой жилой дом) до сквера, до спирт-з<аво>да все чисто стало». На месте «выкорчеванного взрывом» сада поликлиники (бывший сад общества трезвости) в наше время – центральная станция скорой помощи по бульвару Гагарина. Наконец, «Электросеть», от которой «камня на камне не осталось» - вероятно, старая брянская электростанция, на месте которой после войны выстроено на углу улиц Горького и Энергетической управление Северных электросетей. При этом дом Ржевских уцелел и был снесен лишь в 1960-е годы. Работавший в 1941 г. на заводе им. Кирова (Брянский арсенал) 29-летний Никита Степанович Петров, семья которого жила в том же районе, за брянским драмтеатром, вспоминал: «Когда начали бомбить город… в наш дом ни один снаряд не попал, бомбили в основном Брянск I» [69, с.27].

Интересную деталь августовских налетов немцев на Брянский край в 1941 г. запечатлела память Н.И.Котикова, которому было тогда 7 лет. Мальчик из крестьянской семьи, он жил в деревне Красная Роща Лутенского сельсовета: «В 1941 г. где-то в июле–августе месяце бомбили фашистские самолеты Клетню (к середине августа 1941 немцы уже заняли Клетню. – Ю.С.), самолетов было много... Мы, юнцы, насчитали 33 самолета. Бороздили небо, как стая черных воронов, от гула содрогалась земля. Все мужчины были на фронте, во время бомбёжки все женщины вместе с детьми вышли на улицы с иконами и рушниками с мольбой о помиловании. Немцы летали на бреющем полете и всё это видели, но Клетню не тронули. Бомбили железнодорожный состав с боеприпасами...»[25]

Еще один момент обращает на себя внимание в записках матери и дочери Ржевских – полное бездействие властей во время бомбардировки города. Клавдия Федоровна Диесперова-Ржевская в своем письме от 1 ноября 1943 г. пытается найти этому оправдание: «…Многострадальный Брянск! Тушить его было некому и нечем. Почти 2/3 населения выехало к этому моменту из города, некоторые улицы были совершенно пусты, а в эту бомбежку был поврежден водопровод, и вода оставалась только в Десне» [50, с. 127]. Но Алла Ржевская сообщает, что в здании лесного института находился штаб местной противовоздушной обороны (МПВО), но красноармейцы, машину которых разбомбило рядом с этим штабом, бросились искать убежище во дворе Ржевских [50, с.133]. В чем же дело?

А дело в том, что в Брянске сложилась типичная для многих прифронтовых городов СССР в 1941 г. ситуация, когда представители советской номенклатуры бросали вверенный их попечению народ – и спасали собственную шкуру. Например, 23 и 24 августа та же немецкая 53-я бомбардировочная эскадра, что бомбила Брянск, «обрабатывала» Чернигов [87, с.50]. Вот что записал в связи с этим в своем дневнике тогдашний третий секретарь Черниговского обкома коммунистической партии (большевиков) Украины Николай Никитович Попудренко (1906-1943), в дальнейшем – крупный организатор коммунистического партизанского движения, посмертно награжденный званием Героя Советского Союза: «23 августа 1941 г. 21.30. Начали бомбить Чернигов. Всю ночь был в городе. Кроме коллектива исполкома во главе с тов. Костюченко, никто не тушил пожаров. От первой бомбы милиция и НКВД бросили свое здание, много оружия и боеприпасов. Стоило мне трудов, чтобы заставить их эвакуировать горящие магазины и склады. 24 августа [1941 г.] Вся милиция и НКВД выехали с города, бросили город на произволящее» [58, с.136]. В Брянске подобные вещи

повторялись регулярно в течение месяца. Недаром буквально за несколько дней до захвата немцами Брянска и областного центра - Орла - бюро орловского областного комитета Всероссийской коммунистической партии (большевиков) 29 сентября 1941 г. констатировало: «Проверка показала, что руководство Брянского ГК (городского комитета. – Ю.С.) ВКП(б) не организовало активной защиты города от вражеского воздушного налета, плохо было мобилизовано население на ликвидацию последствий воздушного нападения, охрану зданий, а очаги пожаров ликвидировались медленно и без учета важности объекта. Председатель (брянского. – Ю.С.) горсовета тов. Корнеев, несмотря на то, что являлся начальником МПВО на протяжении 20 дней сентября, выезжал на ночь в лес за 20 километров, оставлял город в период нападения врага в воздухе. Вместе с тов. Корнеевым уезжали руководители отделов горсовета и других учреждений города (работники горотдела НКВД, милиции и др.) Горком ВКП(б) и его первый секретарь тов. Гребенников плохо руководил парторганизацией города и аппаратом ГК, запустил политическую работу на предприятиях города…» В результате орловский обком постановил: «…Секретаря Орджоникидзеградского (бежицкого. – Ю.С.) ГК ВКП(б) т. Луканова за запущенность партийной работы и допущение незаконного получения продовольственных товаров с работы секретаря снять… Председателя Брянского горсовета Корнеева Я.П. за дезертирство с поста начальника МПВО с работы снять, из рядов ВКП(б) исключить и отдать под суд (партбилет… отобран)… Предупредить тов. Гребенникова, что, если он не устранит имевших место грубых ошибок в работе горсовета и ГК ВКП(б), обком вынужден будет его привлечь к партийной ответственности» [92, с.61-62].

Но всего этого Алла Ржевская и ее мать уже не узнали. Они провели три дня между своим домом и городской железнодорожной станцией, которая располагалась тогда за рекой и понтонным мостом, на лугу, откуда женщины смотрели на пожар родного города. Наконец, в 6 часов утра 3 сентября поезд, увозивший Ржевских в эвакуацию, тронулся в путь [50, с.134,129]. В 7 утра состав подошел к станции Брянск-I, впечатление от которой Алла Ржевская занесла тогда же в свой дневник: «Весь поселок разрушен. Уцелели некоторые линии, ж/д вокзал, да киоск - и все. Целого поселка нет» [50, с.134].

Между тем, 53-я немецкая бомбардировочная эскадра, отбомбившись днем 1 сентября по станции Комаричи (ныне райцентр Брянской области), ночью 6 сентября совершила «налет на коммунально-бытовые предприятия Брянска» [87, с.51]. О последствиях этого налета у нас сведений нет, но, возможно, он был даже разрушительнее налета 30 августа. Следующий налет на Брянск 53-я эскадра совершила только 24 сентября.

Вполне вероятно, что это было не единственное немецкое авиационное соединение, бомбившее город. В.Хаупт сообщает, например, что в конце сентября 1941 г. на брянское и вяземское направления был переброшен с ленинградского участка фронта VIII немецкий авиационный корпус, а также располагавшиеся прежде в районе Киева эскадры пикирующих бомбардировщиков подполковника выпускника Липецкого летного центра Оскара Динорта, подполковника графа Клеменса фон Шенборн-Визентайда и полковника Шалька [87, с.53]. Во всяком случае, заведовавший в 1941 г. промышленным отделом брянской районной газеты Константин Сергеевич Тихоненков вспоминал, что в сентябре 1941 г. «Вражеская авиация… почти каждую ночь бомбила Брянск. На предприятиях и в учреждениях с наступлением темноты устанавливали дежурства на крышах цехов и зданий для борьбы с зажигательными бомбами» [83, с.6].

При этом брянский Дом советов (теперешняя областная администрация), сгоревшая коробка которого фигурирует и на немецких фотографиях Брянска времен оккупации, и в советской кинохронике сентября 1943 г., в сентябре 1941 г. был еще цел – и на его крыше располагался пост местной противовоздушной обороны. В одну из сентябрьских ночей дежур-

ство там несли заведующий военным отделом Брянского райкома ВКП(б) Александр Тимофеевич Писарев (с декабря 1942 г. – командир Брянского районного партизанского отряда, с апреля 1943 г. – командир партизанской бригады им. Щорса) – и уже знакомый нам Тихоненков, который в декабре 1942 г. станет комиссаром Брянского районного партизанского отряда. Тихоненков вспоминал: «В одну из сентябрьских ночей я в составе дежурной бригады находился на крыше Дома Советов. Старшим был Писарев. Жарко пришлось в то дежурство. Самолеты бомбили город часа четыре подряд. Багровый дым пожара застилал небо, из окон от взрывов тяжелых бомб вылетали стекла. Под утро на крышу упали две зажигательные бомбочки. Писарев первым бросился к шипящей, брызгающей ярко-белыми огненными искрами бомбе и сбросил ее лопатой на мостовую. Его решительность повлияла на всех дежурных, еще опасавшихся, как бы не рванул шипящий клубок светло-белого огня. Вторая бомба также полетела вниз» [83, с.6].

Есть еще одно свидетельство о жизни Брянска в сентябре 1941 г. Дело в том, что город после 13 сентября посетила представительная группа столичных газетчиков: главный редактор газеты «Красная звезда» Давид Иосифович Ортенберг, главный публицист этой газеты Илья Григорьевич Эренбург и писатель Борис Галин. Записи об этой поездке Ортенберг включил в свою послевоенную книгу «Июнь — декабрь сорок первого. Рассказ-хроника». Кроме того, корреспонденция «В Брянске» за подписями З. Хирена и Я.Милецкого была 21 сентября напечатана в «Красной звезде». Оба упомянутых текста почти идентичны, но в чем-то и дополняют друг друга.

Итак, по мере приближения от Орла к Брянску московские газетчики, помимо военного транспорта, встречали продвигавшиеся по обочинам крестьянские подводы: «Это колхозники возвращаются из Брянска с базара. Преимущественно женщины и старики» [54, с.149]. В Брянск москвичи въезжали по «Черному мосту», который тогда носил имя большевика Игната Фокина. Заметка в «Красной звезде» сообщает: «Рядом с мостом несколько маленьких домишек разбито фашистскими бомбами. <…> Следы бомбардировок видны на центральных улицах – среди жилых домов» [88, с.3]. Ортенберг, в свою очередь, добавляет: «На многих улицах торчат одни печные трубы. Кое-где еще тлеют очаги пожаров. Но жизнь протекает здесь вообще-то нормально. Пульс прифронтового города бьется учащенно, но паники нет» [54, с.149]. О «нормальности» брянской жизни в сентябре 1941 г. говорит и «Красная звезда»: «Жизнь в городе течет нормально. Работает хлебозавод. Открыты продовольственные магазины, столовые, бани, почта и телеграф. В жилищном управлении выдают ордера на комнаты тем, кто остался без крова. В городском совете идет речь о восстановлении поврежденных зданий, о расширении торговой сети» [26, с.3].

Интересно, что о почти еженощных бомбежках Брянска, описанных Тихоненковым, москвичи молчат. Правда, Ортенберг говорит, что в жилищное управление брянского горсовета за ордерами на жилье выстроилась целая очередь потерявших кров горожан [54, с.149]. Горсовет помещался тогда в Доме советов. Следовательно, это здание было на 13 сентября цело – и в рабочем состоянии. Ортенберг продолжает: «По улицам шагают патрули истребительных отрядов: местные рабочие с трехлинейками за плечами (брянских партизан и истребительные отряды вооружали, правда, английскими винтовками [75, с.252]. – Ю.С.). На железнодорожных путях дымят паровозы. Возле них снуют машинисты со своими сундучками. Приходят и уходят поезда» [54, с.149]. В том же духе говорит и «Красная звезда»: «На Брянском железнодорожном узле дымят паровозы, стучат молотки в депо. Дежурный принимает и отправляет поезда. В комнате толпятся кондуктора с сундучками, готовые отправиться в очередной рейс» [26, с.3].

Словом, если безусловно доверять сообщениям «Красной звезды» и Д.И.Ортенберга, то можно предположить, что в период с 6 по 24 сентября Брянск немцы не бомбили, а дежурство Тихоненкова и Писарева на крыше Дома советов приходилось на одну из этих двух дат. Но это вступает в противоречие с постановлением орловского обкома ВКП(б), где сказано, что в течение 20 сентябрьских ночей 1941 г. Брянск подвергался воздушным нападениям врага. Кроме того, в списке потерь 2-го и 3-го отрядов немецкой авиагруппы I/KG28 с 22 июля по 31 декабря 1941 г. значится потерянный 23 сентября 1941 г. в районе Брянска бомбардировщик He111 H-6 за номером 4389 (экипаж - 2/KG28). Корпус этого самолета на 35% был разбит осколками собственных бомб [85, с.115]. Следовательно, другие немецкие бомбардировочные части – помимо 53-й эскадры - бомбили тогда Брянск, и вполне возможно, что каждый день. И.Я.Поручиков также вспоминает о тех днях: «Налеты вражеской авиации становились все чаще и ожесточеннее. Бомбардировки наносили городу большой урон. Был разрушен и городской цирк (он находился на месте бывшего кинотеатра « Октябрь»). Дежурившие на его крыше двое бойцов противовоздушной обороны погибли» [62, с.41].

Можно предположить, что начало октября было в отношении вражеских бомбежек для Брянска не лучше сентября. Скажем, 4 октября оперативное соединение полковника Мартина Фибига из VIII-го авиакорпуса Люфтваффе выполнило 188 вылетов для ударов по тылам и коммуникациям Брянского фронта в районе Брянск - Спас-Деменск – Сухиничи [85, с.38]. Продолжались и воздушные бои в брянском небе. Здесь 2 октября был сбит советским истребителем немецкий бомбардировщик He111H-5 (№3986) из состава авиагруппы I/KG28. Экипаж этого бомбардировщика, имевший номер 3/KG28 и состоявший из летчика унтер-офицера (сержанта) Зандера, наблюдателя унтер-офицера Вахсмута, бортрадиста ефрейтора Зандера и бортмеханика ефрейтора Пабурски, пропал без вести [85, с.115]. В тот же день под Брянском был сбит немцами или поврежден взрывом собственных бомб советский бомбардировщик ДБ-3Ф из состава 212-го полка дальней бомбардировочной авиации (командир экипажа лейтенант В.К.Гречишкин). Предполагают, что все произошло, когда из-за нелетной погоды Гречишкин снизил свой самолет над немецкой колонной до 100 метров. Поврежденный ДБ-3Ф сел всего в полукилометре от вражеской колонны и Гречишкин с экипажем сумел уйти от преследования. Через 22 дня скитаний по немецким тылам летчики вышли к своим [85, с.37].

***

Однако нужно учитывать еще один источник разрушений в 1941 г. 29 июня 1941 г. вышла директива совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом». 4-й пункт этой директивы предписывал: «При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться» [57, с.19]. 3 июля 1941 г. это положение дословно повторил И.В.Сталин в своем знаменитом выступлении по радио, начинавшемся обращением «братья и сестры» [77, с.15].

На следующий день, 4 июля, в Брянск пришла секретная директива орловского обкома ВКП(б) «секретарям районных комитетов партии об организации всенародного отпора немецко-фашистским захватчикам», 3-й пункт которой предписывал: «В случае вынужденного отхода частей Красной армии из районов области, что можно – должно увозиться, а при невозможности – уничтожаться» [57, с.21]. 23 июля 1941 г. орловский обком разослал секрета-

рям горкомов и райкомов области очередное секретное директивное письмо, в котором приказывал: «…Все имущество и другие продукты, которые в силу каких-либо обстоятельств не могут быть вывезены, надлежит уничтожить… с тем, чтобы врагу ничего не осталось. Райком и райисполком выезжают из района последними и проверяют, выполнено ли все то, что было поручено сделать… В случае вынужденной эвакуации все мельницы должны быть уничтожены (путем сожжения), пруды должны быть спущены, а плотины взорваны. С настоящим письмом ознакомить только начальника горрайотдела НКВД и председателя райсовета. После прочтения настоящего письма немедленно составить план эвакуации района или города, после чего письмо уничтожьте путем сожжения» [92, с.59].

Такие строгие приказы, идущие от самого верха, следовало исполнять. Знакомый нам уже сотрудник брянского завода им. Кирова (Арсенала) Никита Степанович Петров вспоминал, что помимо эвакуации заводского оборудования в уральский город Усть-Катав, он, Петров, вместе с несколькими коллегами получил еще одно – тайное – задание: «Толочь взрывчатку и минировать заводские дома и котельные. К октябрю 1941 года все объекты были заминированы, шнуры проложены и оставалось только зажечь спичку… Взорвать заминированные объекты мы не успели: по приказу начальства срочно покинули город» [8, с.27].

Не только Петров не успел взорвать свой объект. Например, Родиону Терентьевичу Залипаеву, члену ВКП(б) с 1927 г., работнику системы водосвета Брянска, «в октябре 1941 года при отходе частей Красной армии из Брянска… было поручено вывести из строя водоснабжение города, для чего были завезены взрывчатые вещества и заложены в нужные места. Залипаев не выполнил этого задания» [92, с.60]. И тут можно задаться вопросом – если брянский водопровод был поврежден во время немецкой бомбежки 30-31 августа 1941 г., о чем пишет К.Ф.Диесперова-Ржевская, то что должен был тогда взорвать товарищ Залипаев в октябре 1941 г.?..

Но в Брянск немцы ворвались более или менее неожиданно 6 октября 1941 г. А вот в Бежице, или, как ее тогда называли, Орджоникидзеграде, на выполнение помянутого приказа у коммунистического начальства было два дня – город красноармейцы оставили 8 октября. Тому, что сами представители коммунистических властей перед своим уходом жгли и взрывали здания в Бежице-Орджоникидзеграде, есть несколько свидетельств.

А вот о том, что немцы бомбили Бежицу летом-осенью 1941 г., нам не удалось найти ни одного упоминания в письменных источниках. (Только в послевоенных воспоминаниях Анны Ильиничны Ткаченко (1918-2010), служившей с 1955 по 1975 г. директором Государственного архива Брянской области, а в сентябре 1941 г. студентки 3-го курса московского Историко-архивного института НКВД СССР, строившей заградительные сооружения в брянских лесах, сказано: «Находясь в брянских лесах, мы были свидетелями, как фашисты ежедневно бомбили г[орода] Брянск и Бежицу» (Написано войной… С.146). Но А.И.Ткаченко, будучи уроженкой рабочего поселка Шахты Ростовской области, вряд ли бывала в Брянске и до войны, и в сентябре 1941 г., и поэтому как бы накладывает свои послевоенные впечатления на описание событий 1941 г.).

Более того, есть свидетельства, что бежичане наблюдали бомбардировки Брянска как бы со стороны. Например, бывший командир роты Орджоникидзеградского партизанского отряда Д.Г.Пуклин вспоминал, что в конце июля 1941 г. его, Пуклина, с группой сталелитейщиков вызвали в Орджоникидзеградский горком ВКП(б) к секретарю горкома Луканову: «Вдали, в направлении Брянска, слышались разрывы бомб. - Бомбят, варвары, мирные города бомбят! – Луканов энергично затянулся дымом…» [65, с.115]

Но вот наступило 8 октября – день, когда Бежицу-Орджоникидзеград оставляли красноармейцы, советская номенклатура и те, кто не желал жить в оккупированном немцами го-

роде. Вспоминает бывший боец местного истребительного отряда, а потом партизан бригады им. Чапаева М.С.Матюшин: «Утром 8 октября день обещал быть светлым и солнечным, но часам к одиннадцати стало от дыма и гари затемнять даже солнце: горела оставленная нашими войсками Бежица» [29, с.134]. Ему вторит начальник отдела кадров и начальник транспортной конторы Орджоникидзеградского (Бежицкого) горторга Александр Федорович Мосин (1901-1975), позже партизанивший в Выгоничском районе Брянской области: «8 октября 1941 года. Я вместе с другими коммунистами покинул Бежицу – объятый пламенем город… Ехали через <Радицу->Крыловку. Видно, как горят заводы – враг уже в городе» [30, с.3]. Секрета из этого пожара во время войны не делали. В датированном 22 июня 1942 г. коллективном письме орджоникидзеградских партизан, направленном эвакуированным в Красноярск рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим завода «Красный Профинтерн» среди прочего говорится: «Мы, патриоты города Орджоникидзеграда, по призыву Родины вступили в истребительный батальон... Истребительный батальон последним уходил из города в лес. Город был в огне, горели склады, предприятия, учреждения, крупные жилые дома» [10, с.225].

Кто же поджог Бежицу? 19-летний технический конторщик станции Орджоникидзеград Александр Пименович Сергеенков уходил из города пешком в составе группы железнодорожных служащих. В группу входили: начальник вокзала Нил Иванович Григорьев, начальник товарной конторы Юшкевич, еще один технический конторщик Мезенцев, двое осмотрщиков вагонов, начальник склада топлива на заводе «Красный Профинтерн» (основанный в 1873 г. Брянский завод, ныне БМЗ) и рыжеволосая девушка с того же завода. Когда эта группа людей получала сало, сахар, спички и водку в ларьке на железнодорожной хозяйственной ветке, идущей от станции Брянск-II через Полпино в лес, к ней присоединились начальник станции Орджоникидзеград Петр Трофимович Роменец и парторг названной станции Прокопович. По воспоминаниям Сергеенкова, парторг Прокопович «сказал, что поджег станцию Орджоникидзеград» [60, с.184]. Таким образом исполнялись процитированные выше директивные предписания московской и областной властей на случай оставления советских городов немцам.

В 1944 г. из Нижнего Тагила, где находился в эвакуации, в Бежицу вернулся Орджоникидзеградский (Бежицкий) машиностроительный институт (позже БИТМ, БГТУ). Тогдашняя студентка этого ВУЗа Лариса Сергеевна Никольская (1922-2013) вспоминала: «В Бежице почти все каменные дома были сожжены. В центре целыми остались только институт, лабораторный корпус, первое общежитие (тогда оно было единственным), два дома на Воронежской (ныне ул. Куйбышева. – Ю.С.) (№6 и №7), да одноэтажные городские домики из кирпича (постройки начала XX века. – Ю.С.). <…> Рассказывали, что в 1941 г., перед приходом немцев в Брянск и Бежицу, было принято решение сжечь основные объекты города, которыми могли воспользоваться немцы, в том числе и жилые дома. Для этого за каждым объектом закрепили ответственных лиц, а уничтожение зданий института и двух домов на Воронежской улице поручили тогдашнему проректору по хозчасти, фамилию которого я не помню. По рассказам, он уехал из Бежицы раньше срока, назначенного для поджога, и в результате здания остались целыми» [3, с.122].

Куда подробнее описала события в Бежице-Орджоникидзеграде выходившая в Берлине русская газета «Новое слово» в номере от 13 мая 1942 г. Приводим текст этой публикации полностью: «Приказ Сталина «жечь и уничтожать все при отступлении» хорошо знали все жители города Бежицы (Орджоникидзеграда). К этому страшному дню жители с волнением готовились, чтобы спасти свои собственные дома и детей. Около каждого дома были приготовлены бочки с водой, песок, лопаты. У некоторых смельчаков за дверьми стояли вилы и

топоры на случай удобного момента угостить поджигателей. 8 октября 1941 года раздался оглушительный взрыв на заводе «Красный Профинтерн». Это и был условный знак для поджигателей. Показались клубы черного дыма во всех частях города. Загорелись заводы, склады, магазины, школы, поликлиника, жилища. Город окутался дымом, дышать было нечем. Крики детей и стоны женщин были слышны во всех концах города. Этого страшного дня десятки тысяч жителей Бежицы не забудут никогда.

По всем улицам города разъезжали на автомобилях и верхом на лошадях работники НКВД и жидовские комиссары и проверяли работы поджигателей.

«По Елецкой улице бежал жид в шинели, — рассказывает один из очевидцев, - в одной руке у него был наган, а в другой бутылка с бензином. Он кричал во все горло: «Выходите все на луг, будем поджигать все ваши дома».

Этот комиссар вместе с секретарем горсовета, коммунистом Морозовым, почти последними из поджигателей бежали из города, угрожая смертью встречавшимся жителям.

По Малоорловской улице, например, многие женщины выхватывали детей из пламени через окна горящих домов. Имущество их, конечно, все сгорело.

На железной дороге стоял паровоз, вооруженный пулеметами. Небольшой отряд людей, одетых в шинели, таскал в вагон со спецсклада сахар, макароны, табак, сало. Когда прекратилась погрузка, склад загорелся. Десятки мужчин и женщин, наблюдавших эту картину, хотели спасти от пожара хотя бы часть продуктов, но им это не удалось, их встретили пулеметной очередью и ружейными выстрелами. В этом складе для работников НКВД и ответственных коммунистов было приготовлено 380 тонн муки, десятки тонн разной крупы, сотни ящиков макарон, табак высшего сорта и другие ценные товары. Все это теперь превращено в пепел. В этом складе оказалась огромная гора соли, а жители города днями простаивали в очередях, чтобы получить 500 грамм соли.

Директор хлебозавода Жировой не разрешал своим рабочим съесть лишний кусок хлеба, а при отступлении комиссары уничтожили на этом заводе десятки тонн муки и сухарей. Приготовленное для выпечки хлеба тесто было вывезено на машинах за город, куда сваливались все отбросы. Когда голодные дети и женщины набросились на это тесто, то и здесь голодающие были встречены пулями.

Сталинские поджигатели уничтожили в городе Бежице 4 крупных и 4 мелких завода, поликлинику, больницу, все школы и учебные заведения, водопровод, баню. Где коммунистам не удалось превратить в пепел парикмахерские, то в них выбили стекла, поломали стулья, столы, поразбивали зеркала. Вот до какой подлости докатились поработителя русского народа. Они хорошо знали, что в городе остались десятки тысяч человек, и все же лишили их самого необходимого для существования, как хлеб, вода, баня, школы» [11, с.4; 2, с.446-447].

Кое-кто из поджигателей не успел уйти – и попался в руки оккупантов. В докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ «о зверствах фашистов в оккупированных районах Брянщины и борьбе молодежи с оккупантами», датированной 1942 годом, среди прочего сказано: «На третий день немецкой оккупации гор. Бежицы на перекрестке Петровской и Боцлиевской улиц стояла виселица. Осенний ветер… раскачивал труп юноши. На груди висела доска с надписью: «Я жег дома! Я – партизан! И за это меня повесили!» [57, с.62].

Также командовавший в 1941 г. Брянским районным партизанским отрядом коммунистический партийный функционер Михаил Петрович Ромашин (1905-1964) в своих воспоминаниях сообщает, что 6 октября 1941 г., в день захвата немцами Брянска, диверсионная группа ромашинского отряда взорвала в Брянске «паровозное депо и помещение школы ФЗО» [50, с.135]. Таким образом, заметный процент произведенных в сентябре-октябре разрушений в Брянске и Бежице следует отнести на счет советской власти и ее функционеров.

***

Но вот Брянск заняли немецкие войска - и город превратился в объект бомбардировки со стороны советской военной авиации. При этом не нужно забывать, что несмотря на эвакуацию, в Брянске оставалось значительное количество мирных жителей. В докладной записке комсомольцев брянских партизанских отрядов, поданной в 1942 г. секретарю ЦК ВЛКСМ, сказано, что в городе тогда проживало 27 тыс. человек [57, с.63]. А к 28 марта 1943 г. по данным Брянской городской управы в городе проживало уже 31,5 тыс. человек [12, с.220; ГАБО. Ф.31. Оп.1. Д.1. Л.184]. При этом, если судить по немецким фотографиям 1941 г., оккупантам достались относительно целыми здания вокзалов на станциях Брянск-I и Брянск-II – несмотря на жестокие бомбардировки немцами этих железнодорожных станций в июле-сентябре 1941 г. Если говорить о центре Брянска, то из знаковых объектов, руины которых обычно демонстрируются в местных публикациях как следствие немецких бомбардировок, целым на 2 января 1942 г. было перестроенное коммунистами здание Брянского общественного собрания на Красной площади. Сейчас на месте этого здания находится областная библиотека. В 1941 г. в стенах общественного собрания размещался клуб завода им. Кирова, а площадь им. К.Маркса немцы переименовали в честь русского композитора М.И.Глинки. Так вот, 2 января 1942 г. главный бургомистр г. Брянска Шифановский именно сюда – в «бывший клуб Кирова на площади Глинки» - потребовал от всех граждан Брянска и его поселков «в трехдневный срок… доставить всю имеющуюся у них коммунистическую литературу для уничтожения…» [57, с.80].

Первое, попавшееся нам документальное свидетельство советского авианалета на Брянск относится к середине ноября 1941 г. В суточном оперативном донесении, подготовленном штаб-квартирой немецкой группы армий «Центр» 15 ноября 1941 г. говорится, что 14 ноября «около 15 час. 30 мин. русский самолет сбросил на восточную часть г. Брянск (т.е. Брянск-I. – Ю.С.) 3 бомбы», а 15 ноября «в 14 час. 00 мин. 6 бомб были сброшены в районе станции Брянск — юг (т.е. Брянск-II. – Ю.С.). Ущерб не причинен» [5,с.624,628].

В период контрнаступления советских войск под Москвой, начиная с 7 декабря 1941 г., «подавляющая часть» самолетов советской дальней бомбардировочной авиации «привлекалась для нанесения ударов по железнодорожным узлам, эшелонам и перегонам с целью воспрещения подвоза к фронту войск и техники врага». Среди попавших таким образом под удар оказались железнодорожные направления Сухиничи – Брянск, Орел – Брянск – Унеча и Брянск – Рославль [90, с.216-217]. В конце декабря 1941 г. и в январе 1942 г. удары по железнодорожным узлам Брянск и Унеча, а также по эшелонам на перегонах Орел – Брянск – Унеча наносила советская 42-я дальнебомбардировочная авиационная дивизия авиации Главного командования. Дивизией командовал полковник М.Х.Борисенко, на вооружении у нее находились дальние и тяжелые бомбардировщики ДБ-3ф, Ер-2, ТБ-3: «Удары по железнодорожным станциям и узлам планировалось наносить днем только в сложных метеорологических условиях при наличии сплошной облачности, а при ее отсутствии – ночью» [90, с.218], что, понятно, прицельного бомбометания не гарантировало, как не гарантировало и безопасности мирным жителям.

В оперативной сводке №1 Генерального штаба Красной армии, подписанной в 8 часов утра 1 января 1942 г. сказано, что 31 декабря 1941 г. дальняя бомбардировочная авиация Главного командования бомбардировала, среди прочего, железнодорожные узлы Брянск и Орел. Всего в тот день советская бомбардировочная авиация произвела 800 самолетовылетов, уничтожила 4 вражеских танка, 154 автомашины, 5 вагонов, 5 орудий, рассеяла до двух батальонов пехоты и сбила 4 самолета противника [6, с.242]. Что из этого перечня приходится на долю Брянска – неизвестно.

Однокласснику Аллы Ржевской Ивану Поручикову не удалось эвакуироваться из Брянска. Иван остался под немецкой оккупацией – и под советскими бомбами. Он вспоминает: «…Немцев далеко отбросили от Москвы. После этих событий наши самолеты все чаще стали пролетать вглубь захваченной врагом территории, а затем начали наносить регулярные удары по военным объектам фашистов в Брянске. Наиболее сильным бомбежкам подвергались железнодорожный узел, аэродром, крупные интендантские склады. Всё чаще немцы объявляли воздушные тревоги. На Покровской горе, где сейчас памятник 1000-летию нашего города, установили несколько зенитных орудий. Много зениток прикрывало аэродром и станции. Но теперь это мало им помогало. Несмотря на сильный огонь зенитных батарей и крупнокалиберных пулеметов, когда все ночное небо искрилось блёстками разрывов зенитных снарядов и разноцветных пулеметных трасс, наши летчики отважно преодолевали огненный шквал и прицельно сбрасывали бомбы. Часто зенитный огонь достигал такой силы, что на крыши домов и на землю сыпался град осколков снарядов. Видели мы - и плакали в бессильном отчаянии, - как был сбит наш тяжелый четырехмоторный бомбардировщик. Он попал в цепкое переплетение прожекторных лучей и не мог из них вырваться. Фашисты перенесли на него весь огонь, а он еще долго летел, сияя серебром в ночном небе. Все гуще вокруг него рвались снаряды. Вдруг самолет загорелся и стал падать. Летчики выбросились из горящего самолета, и прожектора до самой земли вели медленно снижавшиеся, похожие на семена одуванчика, парашюты. Самолет упал на окраине города, вблизи места, называемого сейчас «Макаронкой». С мальчишками я ходил туда. Все вокруг было усеяно обломками. С горечью мы смотрели на красные звезды, на кусках искореженных крыльев» [62, с.54].

1942 ГОД

В начале 1942 г., «в период общего наступления советских войск на западном направлении», советская дальнебомбардировочная авиация продолжила наносить массированные удары по транспортным коммуникациям немцев. Здесь в первую очередь попадали под удар железнодорожные узлы, и среди них – Брянск. Как говорится в книге А.Г. Федорова «Авиация в битве под Москвой»: «Бомбардировщики ДБ-3, Ер-2 непрерывно держали под своим контролем дороги Вязьма-Орша, Ржев – Вязьма – Брянск… В январе – апреле дальние бомбардировщики нанесли ощутимые потери врагу на аэродромах Вязьма, Смоленск, Витебск, Орша, Брянск и др.» [90, с.253] В это время Брянск был зоной ответственности советского 750-го дальнебомбардировочного авиационного полка под командованием подполковника Б.В.Бицкого [90,с.253].

В оперативной сводке №8 Генерального штаба Красной армии, составленной к 8 часам утра 8 января 1942 г. сказано, что накануне советская дальнебомбардировочная авиация «бомбардировала ж<елезно>д<орожные> эшелоны, перегоны и ж<елезно>д<орожные> станции на вяземском и брянском ж<елезно>д<орожных> участках. Произведено 723 самолетовылета» [6, с.296]. В феврале 1942 г. советские бомбежки Брянска продолжались. В оперативной сводке №34 Генерального штаба Красной армии, составленной к 8 часам утра 3 февраля 1942 г. говорится, что 2 февраля советская дальнебомбардировочная авиация «бомбардировала ж<елезно>д<орожные> станции Смоленск, Рославль, Брянск и аэродром противника в районе Боровское». Всего в этот день было «произведено 938 самолетовылетов. Уничтожено и повреждено: 2 танка, 150 автомашин, 155 подвод с войсками и грузами, 5 арторудий, 2 зен<итные> точки, 7 железнодорожных вагонов; рассеяно и частью истреблено более полка пехоты противника». Также в воздушных боях сбито 4, а на аэродромах уничтожено 16 немецких самолетов [6, с.471]. Понятно, что о «сопутствующих потерях» - разрушенных при бомбежке немецких эшелонов и аэродрома городских объектах и погибших мирных жителях - в таких отчетах ничего не говорится.

А вот И.Я.Поручиков, находившийся тогда в Брянске, вспоминает, хотя и сдержанно: «Наши летчики не бомбили жилых кварталов, но все же иногда доставалось и горожанам, дома которых находились вблизи военных объектов. Иногда советские бомбы падали мимо цели. Наш дом стоял у бровки оврага Верхний Судок. Длинный и глубокий овраг подходил совсем близко к военному аэродрому. По его дну проходила одноименная улица. Днем он был хорошим ориентиром, но в ночное время небольшая ошибка штурмана в расчетах могла стать роковой. Так, в одну из морозных январских ночей 1942 года в результате прямых попаданий в два дома погибли несколько семей. Это были женщины и дети. Осколком бомбы был убит двоюродный брат моего друга Товит Халютин. Ему не было и 15 лет. Их дом был в этом злополучном овраге» [62, с.55].

Надо сказать, что в непосредственной близости к станции Брянск-I, на территории ремонтной базы №6 в поселке Урицкий, находился пересыльный лагерь №142 [63, с.207], в зиму 1941-1942 г. переполненный советскими военнопленными из Брянского и Вяземского котлов. С марта 1942 г. этот лагерь стали использовать для размещения мирных жителей: переселенных из зоны партизанской активности, арестованных семей партизан, семей сотрудничавших с оккупантами местных жителей; молодежи, направляемой на работы в Германию. В составленном 18-25 сентября 1943 г. акте чрезвычайной городской комиссии по расследованию злодеяний и нанесенного ущерба немецко-фашистскими оккупантами городу Брянску сказано, среди прочего, что осенью 1941 г. в лагере содержалось до 80 тысяч пленных красноармейцев и что умерло в лагере около 40 тысяч заключенных и перемещенных лиц [68, с.146]. Можно только гадать, сколько из этих 40 тысяч погибли от советских бомб при бомбежках брянского железнодорожного узла. Ведь жителей 142-го лагеря немцы наверняка не эвакуировали перед налетами.

В феврале 1942 г., как пишет историк авиации Д.Б.Хазанов, «главную угрозу для немцев представляли систематические атаки тыловых коммуникаций и аэродромов» советской дальней авиацией. Для противодействия ей «наиболее подготовленные экипажи II/ZG 1 с витебского аэродрома, а с прибытием с Запада в Оршу подразделения, составленного из 2-го и 3-го отрядов NJG3» перебазировались в Брянск. «Однако серьезных успехов немцы не добились», - говорит Д.Б.Хазанов [86, с.39].

В начале марта 1942 г. по Брянску работала советская авиация Западного фронта. Например, в оперативной сводке штаба Западного фронта за 4 марта говорится: «Армейская и фронтовая авиация в течение дня и ночи произвела 482 самолетовылета на бомбардировку войск противника перед фронтом 20, 5, 33, 43, 49 и 61-й армий, аэродромов Балбасово, Смоленск, Брянск... На аэродромах уничтожено 13 самолетов противника. В воздушном бою сбито два Ju 52 . С боевого задания не вернулся один Ил-2. При посадке потерпел катастрофу один Пе-3» [86, с.44].

К марту 1942 г. в Брянск для противодействия советской авиации была перемещена 51-я немецкая истребительная эскадра (JG51), носившая имя недавно погибшего аса Вернера Мёльдерса. Самым знаменитым и результативным летчиком этой эскадры был на тот момент 20-летний (родился 26 марта 1922 г.) лейтенант Ганс Штрелов. В бою 18 марта 1942 г. Штрелов сбил три истребителя ЛаГГ-3 из состава советского 172-го истребительно-авиационного полка. Это были, соответственно, 50, 51 и 52-я воздушные победы немца, за что он был награжден Рыцарским Железным крестом и назначен командиром 5-й эскадрильи своей истребительной эскадры. Для вручения награды в Брянск 19 марта прилетал генерал-инспектор немецкой истребительной авиации А.Галланд [86, с.57]. Через пять дней на счету Штрелова было уже 66 побед и он получил дубовые листья к своему Рыцарскому кресту, сделавшись самым молодым кавалером этой награды. 22 мая 1942 г. в бою с советскими бомбардиров-

щиками Bf. 109G Штрелова был поврежден, ас совершил вынужденную посадку на подконтрольной советским войскам территории, был окружен красноармейцами и застрелился в кабине своего самолета. К тому времени на счету Ганса Штрелова было более 200 боевых вылетов и 68 побед в воздухе (все на советско-германском фронте) [21, с.559-560].

В апреле 1942 г. советский 750-й дальнебомбардировочный авиационный полк «продолжал активно действовать по уничтожению фашистской авиации на аэродромах… Сеща, …и разрушению железнодорожных узлов Смоленск, Дно, Вязьма, Псков, Идрица, Невель, Витебск, Гомель, Брянск» [90, с.254]. Крупнейшие налеты на Брянск были совершены 19 и 20 апреля. Вот что говорится о результатах этих налетов в подписанном Берией сообщении НКВД СССР № 744/Б в Государственный комитет обороны и Генеральный штаб Красной армии: «По данным партизанских отрядов товарищей Емлютина и Суровягина, действующих в Брянском районе, в результате бомбардировки нашей авиации 19 апреля с<его> г<ода> г. Брянска прямым попаданием *разрушено здание немецкого штаба* (здесь и далее курсив наш. – Ю.С.). Имеется много убитых солдат и офицеров. 20 апреля с<его> г<ода> *бомбардировкой разрушен вокзал Брянск-II*, переполненный солдатами и офицерами. Разбито 3 эшелона противника с боеприпасами и другим военным грузом. На станции всю ночь рвались снаряды и патроны. В течение всего дня 21 апреля с<его> г<ода> немцы убирали убитых и раненых. Во время бомбежки среди немцев была большая паника, зенитки прекратили стрельбу. *Среди нашего населения отмечается большой подъем*. Большинство автомашин было выведено на Рославльское шоссе. Отмечается вывоз противником боеприпасов со складов из г. Брянска на Орел и Гомель» [52, с.386].

Из этого сообщения Берии видно, что в апреле 1942 г. советская авиация разбомбила в Брянске как минимум два крупных здания – вокзал Брянск-II и какой-то немецкий штаб. Где именно располагался этот штаб остается пока только гадать. Кроме того, Берию заинтересовала реакция местного русского населения на советские бомбежки – и партизаны доложили своему патрону, что под советскими бомбами местное население испытывало «большой подъем»… Полагаем, оценку эту следует оставить на совести Берии и его, так сказать, «интервьюеров».

С марта 1942 г. по декабрь 1944 г. заместителем командующего советской авиацией дальнего действия служил Николай Семенович Скрипко (1902—1987), с 1944 г. - маршал авиации. В мемуарах этого военачальника довольно подробно описаны налеты его подчиненных на Брянск в 1942-1943 гг. Первая запись маршала Скрипко на эту тему датируется 4 мая 1942 г. В этот день «3-я авиадивизия полковника Н.И.Новодранова и экипажи 746-го и 747-го отдельных бомбардировочных авиаполков нанесли совместный массированный удар по эшелонам врага и станционным сооружениям железнодорожного узла Брянск» [70, с.166]. На вооружении 746-го отдельного бомбардировочного авиаполка, которым тогда командовал полковник В.И.Лебедев, состояли тяжелые бомбардировщики ТБ-7, на вооружении 747-го - двухмоторные дальние бомбардировщики Ер-2 [89, с.14,24].

Штурманом эскадрильи упомянутого здесь маршалом авиации Н.С.Скрипко 746-го авиационного полка был в это время Сергей Федорович Ушаков (1908-1986) – к маю 1943 г. подполковник, с 27 июля 1943 г. Герой Советского Союза, с 1971 г. генерал-полковник авиации. В 1982 г. генерал Ушаков так вспоминал майские налеты на Брянск: «…С командиром Александром Додоновым и бортовым техником Павлом Прокофьевым мы совершили в ночь на 2 мая вылет на бомбардировку железнодорожного узла Брянск. Бомбовая загрузка составляла четыре тонны: две ФАБ-1000, четыре ФАБ-500 и еще 160 000 листовок. После того как были сброшены бомбы, самолет сразу схватили несколько прожекторов. Поэтому ни я, ни стрелки не могли увидеть, где они упали. Пришлось в боевом донесении написать, что точ-

ное место разрыва бомб и результат бомбардировки не установлены» [89, с.33]. Здесь следует пояснить: аббревиатура ФАБ означает «фугасную авиабомбу», число 1000 – то, что боевая начинка этой бомбы составляла 1 тонну или 1000 кг взрывчатки (соответственно, 500 – означает 500 кг «в тротиловом эквиваленте»). О том, что советские летчики свои четыре тонны взрывчатки сбросили 2 мая 1942 г. ночью «в слепую» не скрывает и сам Ушаков. Какие в результате разрушения были причинены окружавшим брянскую железнодорожную станцию городским кварталам можно только догадываться, но понятно, что взрыв 4 тонн тротила был немаленьким.

Что за листовки разбрасывали советские бомбардировщики над Брянском - Ушаков не поясняет. Это могли быть пропагандистские обращения к немцам. Например, весной 1942 г. в расположении немецких войск на московском направлении советские летчики сбрасывали листовки, на которых был изображен указывающий на Гитлера Бисмарк, говорящий: «Этот человек ведет Германию к катастрофе» [86, с.51]. Но когда в августе 1943 г. советские летчики бомбили отступавших из-под Орла немцев, а заодно с ними – и местное население, угнанное оккупантами из зоны боевых действий, над русскими сбрасывались листовки такого неутешительного содержания: «Если будем вас жалеть – врага не победим!» [64, с.281]…

По воспоминаниям Н.С.Скрипко немецкая противовоздушная оборона Брянска была весьма сильной: «Немцы заметно усилили противовоздушную оборону… железнодорожных узлов. Так, например, Брянск прикрывался несколькими десятками зенитных орудий среднего калибра и 20-30 прожекторами» [70, с.204-205]. Подтверждает это замечание и бомбивший Брянск летом 1942 г. С.Ф.Ушаков: «Количество зенитной артиллерии и прожекторов наращивалось. Особенно это было заметно по ПВО важнейших для противника узлов - Смоленска и Брянска. Вскоре у нас и в соседнем 747-м авиаполку шутили: "Кто не был над Смоленском и над Брянском - тот еще не воин!"» [89, с. 24].

21 мая 1942 г . на базе 746-го отдельного бомбардировочного авиаполка была сформирована 45-я авиационная дивизия дальнего действия, куда помянутый полк вошел уже как 890-й авиационный. Командиром дивизии был назначен прежний командир 746-го полка полковник В.И.Лебедев [89, с.32].

Как вспоминает маршал авиации Н.С.Скрипко: «В начале июня (1942 г. – Ю.С.) Ставка (Верховного Главнокомандования, другими словами - Сталин. – Ю.С.) настойчиво требовала от нас вывода из строя железнодорожного узла Брянск, через который проходили интенсивные перевозки гитлеровцев. В течение двух ночей подряд, 2 и 3 июня, из-за плохих погодных условий на эту важную цель смогла пробиться лишь половина экипажей, остальные вернулись с маршрута с несброшенными бомбами. Поскольку погода не улучшалась, на следующую ночь мы послали на задание только наиболее подготовленные экипажи. На этот раз бомбардировка железнодорожного узла Брянск оказалась успешной. Возникшие пожары сопровождались сильными взрывами. Особенно большие разрушения произвела крупная фугасная авиабомба ФАБ-2000» [70, с.182].

Испытывал на брянской земле эту новую двухтонную бомбу экипаж уже знакомого нам С.Ф.Ушакова из 890-го авиационного полка 45-й авиационной дивизии дальнего действия. Ушаков рассказывает: «Нашему экипажу поручили бомбардировку железнодорожного узла Брянск новой бомбой опытного образца - ФАБ-2000. Калибр ее был довольно крупный. Взрывная волна от бомбы такого калибра достигает самолет на большой высоте, и, самое главное, видно, где рвется эта громадина. Тут уж результат бомбометания будет зафиксирован не только экипажем-контролером, назначавшимся теперь на каждый полет штабом дивизии, но и экипажами, находящимися на подходе к цели. Мне тогда очень не хотелось промазать, поэтому над целью пришлось сделать три захода. И командир наш даже словом не об-

молвился по этому поводу, хотя "прогулки" такого рода - в сплошной полосе разрывов зенитных снарядов - весьма опасны. Он мне уже доверял вполне» [89, с.34-35]. Надо полагать, взрыв двухтонной «фугаски» напоминал известный теперь всем по кинохронике ядерный гриб. Жуткое зрелище, тем более на фоне твоего родного города.

В свою очередь, Н.С.Скрипко о налете на Брянск в ночь с 5 на 6 июня 1942 г. вспоминал: «В ту ночь мы потеряли один бомбардировщик ТБ-3. Возвращаясь с боевого задания, наш экипаж неожиданно попал в мощное грозовое облако. Самолет взорвался в воздухе. Причиной тому был грозовой разряд. Все члены экипажа спаслись на парашютах и возвратились в полк.

АДД (Авиация дальнего действия. – Ю.С.) и в последующем продолжала налеты на Брянск. По данным агентурной разведки, с 1 по 7 июня наши бомбардировщики разбили на этом железнодорожном узле девять эшелонов с боеприпасами, несколько эшелонов с автомашинами и один - с продовольствием. Непосредственно в городе прямым попаданием авиабомб было разрушено здание, в котором размещался штаб немецкой части. Особенно эффективным оказался налет 37 бомбардировщиков в ночь на 10 июня. В результате удара возникли пожары на всей территории железнодорожного узла. Было уничтожено 400 тонн бензина, 2 эшелона и свыше 300 гитлеровцев» [70, с.182]. В ночь на 12 июня советская авиация дальнего действия бомбила немецкие авиабазы в Брянске, Сеще, Смоленске, Чугуеве и Полтаве. Маршал авиации Н.С.Скрипко пишет, что тогда «за ночь немцы недосчитались более 50 самолетов» [70, с.183]. Показательно в процитированных фрагментах то, что советская авиация не ограничилась в июне 1942 г. бомбежками брянского железнодорожного узла и нанесла удары по целям, расположенным в самом городе, что, несомненно, должно было повлечь за собой серьезные разрушения.

Кроме того, в июне 1942 г. под советские бомбежки попала Бежица (Орджоникидзеград), которую в свое время пощадили немецкие налеты. Н.С.Скрипко пишет: «Не только железнодорожный узел Брянск, но и подходы к нему находились под постоянным воздействием АДД. В ночь на 24 июня девять наших экипажей на предельно малой высоте в семи километрах севернее Брянска бомбардировали железнодорожный мост через реку Волва (Болва. – Ю.С.). Удачным попаданием авиабомбы МАБ-250 была сорвана одна из мостовых ферм. Железная дорога на данном участке оказалась выведенной из строя.

Немцы с лихорадочной поспешностью ремонтировали поврежденный мост. Но их усилия оказались тщетными. В ночь на 28 июня мы нанесли повторный удар по этому мосту, и снова прямым попаданием авиабомбы один конец железнодорожной фермы моста был сброшен с каменной опоры в воду. На этом участке под Брянском движение воинских эшелонов противника надолго прекратилось» [70, с.182-183].

Что творилось в это время в Бежице видно из коллективного письма местных партизан, направленного 22 июня 1942 г. пребывавшим в эвакуации рабочим завода «Красный Профинтерн»: «За последнее время почти ежедневно советские самолеты бомбят скопления фашистов и их склады. Фашисты, как крысы, разбегаются в разные стороны (убежища они еще осенью приказали зарыть)» [10, с.230]. Это последнее замечание говорит о том, что и для местных жителей укрытия в городской черте Бежицы не было, а, следовательно, им приходилось бежать от бомбежек в окрестные леса и деревни – если, конечно, немцы позволяли…

В июне 1942 г. по Брянску работали все те же два полка советской 45-й авиационной дивизии дальнего действия, а также 747-й отдельный авиаполк, которым тогда командовал подполковник И. Ф. Галинский [89, с.34]. Вероятно, эффект от бомбежек Брянска был в глазах советского командования необыкновенно высок. В результате в 890-м авиаполку торжественно зачитали две телеграммы командования такого содержания: «Согласно агентурным

данным, только в июне при бомбардировке железнодорожного узла Брянск было уничтожено 15 эшелонов, из них 9 с боеприпасами. Во второй телеграмме говорилось о том, что за этот же период на аэродроме Брянск было уничтожено 37 бомбардировщиков, 10 истребителей, 4 транспортных самолета и 5 бомбардировщиков повреждено, взорвано два склада горючего и склад бомб, убито 150 немцев» [89, с.34]. По словам С.Ф.Ушакова, такие сведения до бомбивших Брянск советских летчиков доходили очень редко. Кроме того, мы видим, что под особенно ожесточенные удары советских бомбардировщиков попали в Брянске районы железнодорожных станций и аэродромов (территория старого аэропорта и Бордовичи).

В июле 1942 г. советская авиация дальнего действия продолжала весьма плотно бомбить Брянск. Маршал авиации Н.С.Скрипко вспоминает: «В июле АДД буквально каждую ночь совершала налеты на железнодорожные узлы Орел, Брянск, Курск, через которые тогда проходили все переброски немецко-фашистских войск на южное направление» [70, с.204]. Например, советские летчики нанесли «сосредоточенный удар» по Брянску 4 июля, «а буквально через несколько дней экипаж капитана А.И.Молодчего действовал в качестве лидера при налете на железнодорожный узел Брянск. Хорошо осветив цель САБами (светящими авиабомбами. – Ю.С.) и уничтожив вражеский эшелон фугасными авиабомбами, он обеспечил летчикам части условия для эффективного удара по важным целям. В результате успешного бомбометания были разрушены выходные стрелки железнодорожного узла. Но при выполнении задания самолет-лидер, принявший на себя весь зенитный огонь, получил более 60 пробоин и был подбит. Машина плохо слушалась рулей, летчику с большим трудом удавалось удерживать ее в горизонтальном полете. И тем не менее Александр Молодчий успешно довел поврежденный корабль до своего аэродрома» [70, с.187-188].

Крупный налет на Брянск был совершен в ночь с 11 на 12 июля 1942 г. уже не дальней авиацией, а силами советской 15-й воздушной армии. Данные агентурной разведки о результатах этого налета сообщил тогда же начальнику штаба 15-й воздушной армии заместитель начальника Брянского штаба партизанского движения майор Анатолий Петрович Горшков. По его словам, в Брянске в ходе помянутого налета было уничтожено «два вражеских самолета и склад с горючим на брянском аэродроме. В Брянск-I разбито три эшелона с войсками, вооружением, боеприпасами. В Брянск-II разрушен железнодорожный путь в 47 местах, вокзал, депо. Разбито более 500 вагонов, из них 28 с боеприпасами, 51 с лошадьми, около 200 автомашин, 7 паровозов. Кроме того, эшелон с тяжелой артиллерией, горючим (разбито 30 дальнобойных орудий, 11 минометов, 9 танков) и эшелон с ранеными. Разрушен распределительный пункт, районная управа, два дома, где размещались штабы, склад с боеприпасами в пос. Кавказ, четыре зенитных установки в Орловском парке. В результате бомбардировки уничтожено около 1000 солдат и офицеров. В течение двух дней железнодорожный узел Брянск-I не работал. В нескольких местах возникли сильные пожары. Двое суток рвались снаряды. Бомбардировке не подвергались следующие объекты: склад боеприпасов (бывший артиллерийский склад в лесу 200 м с левой стороны дороги, идущей от Брянск на Брянск-II) и склад горючего (в лесу 8 км восточнее Брянск-II между больничным городком и мясокомбинатом в 100 м севернее шоссе Брянск - Карачев)» [1, с.41; ГАБО. Ф.1650. Оп.1. Д.72. Л.22].

Интересная деталь: Берия уже докладывал весной, что советские бомбардировщики разрушили вокзал Брянск-II 20 апреля 1942 г. И вот в июле разрушение того же вокзала приписано летчикам советской 15-й воздушной армии. Кроме того, мы видим, что на счету советской авиации разрушение на Втором Брянске железнодорожного депо, районной управы, двух домов, в которых, по словам партизан, размещались немецкие штабы, склада с боеприпасами в поселке Кавказ и удар по Орловскому парку. В ту же ночь советские соколы зачис-

лили на свой боевой счет такие «гуманные» акции, как уничтожение эшелона с ранеными и сожжение 51 вагона с живыми лошадьми…

Любопытно, опять-таки, что в своих мемуарах начала 1980-х большинство перечисленных достижений коллег из 15-й воздушной армии маршал авиации Н.С.Скрипко приписал своему ведомству – авиации дальнего действия – но, правда, не за один налет, а за весь июль 1942 г.: «Как сообщали командующий войсками Западного фронта генерал армии Г.К. Жуков в разведывательное управление Генштаба Красной Армии, в результате ночных бомбардировочных ударов по железнодорожному узлу Брянск-2 было уничтожено более 500 вагонов, около 200 немецких автомашин, разбит эшелон с минами и тяжелыми артиллерийскими снарядами, уничтожены 3 эшелона с пехотой и один - с конницей противника, а также эшелон с горючим и склад с продовольствием, выведено из строя 7 паровозов. При налете было разбито 30 дальнобойных немецких пушек, 4 зенитных установки, 9 фашистских танков, другая боевая техника. Разрушены вокзал, паровозное депо, и, как было сказано в сообщении, в 47 местах порвано железнодорожное полотно. Нам стало известно, что железнодорожный узел Брянск-2 не работал несколько суток. Одновременно поступили сообщения о результатах нашего налета на немецкий аэродром в районе Брянска. Там было уничтожено 3 фашистских самолета, 5 повреждено, сожжен склад горючего и вызван большой пожар» [70, с.190-191].

В конце лета 1942 г. до Брянска долетали даже советские штурмовики. Иван Поручиков (которому в тот год исполнилось 14 лет) вспоминает: «В конце лета 1942 года над городом на бреющем полете прошло звено штурмовиков. Они расстреливали немецкую технику на складах у Десны и затем пролетели над улицей Калинина, вызывая восторг у людей, ненавидевших оккупантов. При одном из таких налетов был сбит наш штурмовик. Он упал на лугу, у берега Снежки. Летчики погибли, их останки предали земле жители Заречной улицы, и ещё долгое время мальчишки находили в реке обломки дюраля» [62, с.55].

Осенью 1942 г. налеты советской авиации на Брянск продолжились. Как вспоминает Герой Советского Союза С.Ф.Ушаков о работе своей советской 45-й авиационной дивизии дальнего действия: «В октябре мы не летали только в те ночи, когда материальная часть требовала проведения регламентных работ или ремонта, а в ночь на 30-е и на 31-е сделали по два боевых вылета. Действовала наша дивизия на западном направлении. Целями преимущественно были аэродромы базирования бомбардировочной авиации противника и железнодорожные узлы Брянск, Смоленск, Орша, Витебск» [89, с.88].

1943 ГОД

Новый 1943 г. не принес никаких изменений для Брянска в плане советских бомбардировок. Маршал авиации Н.С.Скрипко вспоминал: «Зимой 1943 года А<виация> Д<альнего> Д<ействия> постоянно бомбардировала транспортные объекты на дорогах Гомель - Унеча - Брянск - Орел, а также Орша - Смоленск - Рославль и на других участках. Особенно пристальное внимание уделялось районам Орла и Брянска, где уже тогда сосредоточивалась крупная группировка немецких войск и куда продолжали прибывать новые резервы противника» [70, с.259].

Крупные налеты на Брянск, если судить по воспоминаниям Н.С.Скрипко, начались в конце января 1943 г. и продолжились в феврале: «В ночь на 25 января 77 экипажей нанесли *мощный удар бомбами крупного калибра* (здесь и далее курсив наш. – Ю.С.) по железнодорожным узлам Брянск-2 и Вязьма. На следующую ночь нам была поставлена более сложная задача - бомбардировать железнодорожные узлы Витебск, Вязьма, Ярцево, Брянск, Ростов-на-Дону. По данным воздушной разведки, противник усилил через эти узлы перевозки своих войск, и нашим соединениям надлежало как можно скорее нарушить их. Спустя несколько

дней штаб АДД получил от члена Военного совета Западного фронта генерал-лейтенанта Н.А. Булганина сообщение, что налетом нашей авиации в ночь на 26 января в Брянске разрушено много военных объектов. *На железнодорожной станции Брянск-1 разбито депо*, повреждены пути, уничтожено несколько вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Разрушен железнодорожный мост через реку Снежеть» [70, с.255]. Обращаем внимание читателей – депо на станции Брянск-I разрушено советской авиацией во время налета 26 января 1943 г.

В феврале было не лучше. Н.С.Скрипко пишет: «Ненастный метельный февраль мешал боевой работе, но в ночь на 5 февраля метеорологические условия несколько улучшились, и мы немедленно подняли в воздух 253 самолета. Наши авиасоединения бомбардировали железнодорожные узлы Брянск, Курск, Орел, Льгов, Гомель, Харьков, Запорожье, Ростов-на-Дону» [70, с.258]. В этот день Брянск мог получить двойную порцию советских бомб. Дело в том, что на 5 февраля бомбардировать наш железнодорожный узел был назначен один из полков 45-й авиационной дивизии дальнего действия. Другой полк этой дивизии – 890-й, в котором служил С.Ф.Ушаков, должен был бомбить Льгов. Но при вылете летчики 890-го полка получили следующую инструкцию: «С юго-запада движутся теплые массы воздуха. Границы их не установлены. Если основная цель окажется закрытой низкой облачностью, бомбить железнодорожный узел Брянск-II, по которому будет наносить удар наш братский полк» [89, с.105].

12 февраля советская дальняя авиация бомбила Брянск, Орел – и Бежицу (Орджоникидзеград): «Военный совет Западного фронта сообщал, что на железнодорожном узле Брянск-2 экипажи АДД уничтожили 3 вражеских эшелона с автомашинами и военным снаряжением, зенитную батарею, разбили водокачку, повредили депо и другие объекты. На станции Орджоникидзеград, расположенной западнее Брянска, также было уничтожено 3 немецких эшелона с автомашинами и различной боевой техникой» [70, с.260-261]. Интересно, что это уже где-то третье сообщение об уничтожении железнодорожного депо на Брянске-II…

По воспоминаниям Н.С.Скрипко, «с 5 по 8 марта метеорологические условия в центральных районах европейской части СССР немного улучшились, и авиация дальнего действия небольшими количествами наиболее подготовленных экипажей смогла бомбардировать важные для перевозок противника железнодорожные узлы» [70, с.261]. Среди этих узлов ожидаемо оказался Брянск, а также другие населенные пункты Брянского края - Карачев и Унеча: «Данные об эффективном налете на Унечу дополнил Военный совет Западного фронта. Паника, охватившая гитлеровцев в результате бомбардировочного удара, докатилась до лагеря военнопленных. Немецкая охрана попряталась в убежища, и бросила посты. Этим воспользовались военнопленные лагеря - многие совершили побег, часть установила контакты с местным партизанским отрядом» [70, с.261-262]. 16 марта советская дальняя авиация снова бомбила, среди прочих железнодорожных узлов, Унечу, а также Новозыбков и Жуковку [70, с.262].

17 марта 195 советских дальних бомбардировщиков нанесли удар по Брянску, Гомелю, Новозыбкову и Бахмачу: «Одновременно, - пишет Н.С.Скрипко, - авиация дальнего действия подвергла ударам аэродромы противника в Брянске, Орле, Карачеве и Сеще. По агентурным сообщениям, только на аэродроме Сеща наши экипажи уничтожили 29 самолетов различных типов. Одна крупнокалиберная бомба угодила в общежитие немецких офицеров. Вместе с гитлеровцами нашли свой бесславный конец под обломками здания и так называемые сотники из пресловутой РОА, сформированной из предателей-власовцев» [70, с.262]. В этом сообщении есть момент, нуждающийся в комментариях.

Призыв вступать в Русскую освободительную армию прозвучал впервые в подписанной бывшим советским генерал-лейтенантом А.А.Власовым так называемой «Смоленской

декларации», которую немцы стали активно распространять по обе стороны от линии фронта только 12 января 1943 г. [17, с.110-111] При этом как реальное воинское соединение РОА Власова стала формироваться лишь в сентябре 1944 г. [20, с.92] Таким образом, в Сеще к 17 марта 1943 г. просто неоткуда было набраться «сотникам РОА». Но на аэродроме было достаточно служащих из числа местных жителей, в том числе и знаменитая советская разведчица Анна Морозова. Кроме того, на территории Брянского края с 1941 г. находилось достаточно союзных немцам формирований, созданных из числа граждан СССР, но, конечно, не подчиненных Власову. Следовательно, были вооруженные и обмундированные коллаборационисты, которые могли погибнуть при советском налете на Сещу.

В последующие несколько ночей советская дальняя авиация бомбила, среди прочих, следующие цели на территории Брянского края: Новозыбков, Унечу и станцию Жуковка. Дело в том, что «противник использовал Жуковку как запасной узел, где отстаивались железнодорожные составы и рассредоточивались воинские эшелоны гитлеровцев. Когда наши бомбардировщики нарушали работу Брянского узла, - вспоминал маршал авиации Н.С.Скрипко, - немцы переключали поток грузов на Жуковку» [70, с.262-263]. Удары по Жуковке пришлись в ночь на 21 и на 22 марта: «Главное разведывательное управление Генштаба Красной Армии сообщало, что в результате сосредоточенного удара соединений АДД в ночь на 21 марта на станции Жуковка было разбито 5 паровозов, уничтожено 70 гитлеровцев и около 400 ранено. На следующую ночь наши экипажи вывели из строя вражеский бронепоезд, разбили 8 платформ с пушками и 4 - с танками, уничтожили 17 вагонов и платформ с обозным имуществом и в шести местах повредили железнодорожный путь. Затем пришло дополнительное сообщение о том, что *в Жуковке разрушено строившееся здание вокзала, городская управа, другие объекты*. Гитлеровцы в конце концов на время отказались от использования этого запасного узла» [70, с.263].

Сообщение об ударе по Жуковке подтверждает запись в дневнике побывавшего на этой станции 21 сентября 1943 г. командира взвода управления 106-й гаубично-артиллерийской бригады Брянского фронта старшины Николая Николаевича Иноземцева (1921-1982): «Станция, пакгауз, завод разрушены нашей авиацией в марте этого года» [22, с.133].

После эпизода с бомбежкой Жуковки и Н.С.Скрипко, и С.Ф.Ушаков молчат о работе советской дальней авиации на брянском направлении до июня 1943 г. И, действительно, о том, бомбили или нет красные летчики Брянск в апреле 1943 г. сказать пока ничего нельзя. Зато в мае 1943 г. главная газета советского военного ведомства – «Красная звезда» - начинает регулярно публиковать сообщения о налетах советской дальней авиации на разных, в том числе и на брянском, направлениях. И это еще один важный источник, который поможет нам выполнить поставленную исследовательскую задачу.

Итак, 5 мая 1942 г. «Красная звезда» сообщила, что в ночь на 2, 3 и 4 мая советская авиация дальнего действия «произвела массированные налеты на железнодорожные узлы Гомель, Минск, Орша, Брянск и на склады боеприпасов в этих городах. К моменту налетов эти железнодорожные узлы были забиты немецкими эшелонами с войсками, боеприпасами, танками, автомашинами и составами с горючим. В результате бомбардировки наблюдались большие пожары и взрывы железнодорожных составов и складов с боеприпасами и горючим» [31, с.3]. После этого «Красная звезда» сообщила о бомбежках Брянска советской авиацией в ночь на 5 и на 6 мая, причем опять «в результате бомбардировки возникло много пожаров и наблюдались сильные взрывы складов боеприпасов и железнодорожных составов» [32, с.3; 33, с.3]. В следующий раз советская дальняя авиация бомбила Брянск 8 мая. Тогда же, среди прочего, под удар попал и участок железнодорожного пути Орел-Карачев. В сообщении «Красной звезды» об этой бомбардировке говорится: «В результате налетов разбито

много паровозов, железнодорожных составов и автомашин с боеприпасами и военными грузами, *разрушено большое количество станционных сооружений* (курсив наш. – Ю.С.)» [34, с.3].

10 мая советская авиация «произвела крупные налеты» на девять железнодорожных станций, среди которых были Брянск и Унеча. Кроме того, удару подверглись железные и автомобильные дороги на участках Брянск-Орел и Людиново-Брянск. При этом, как пишет «Красная звезда», «на железнодорожных узлах Киев и Унеча наблюдались взрывы огромной силы» [35, с.3]. Следующие налеты советских бомбардировщиков на Брянск состоялись 11 и в ночь на 12 мая. При этом «Красная звезда» специально оговаривает, что в Брянске «наблюдались сильные взрывы составов с боеприпасами и воинских складов» [36, с.3]. В сообщении о массированном налете советской авиации на оккупированные немцами железнодорожные узлы и станции 12, 13 и в ночь 14 мая среди целей упомянут Карачев, но особо выделена следующая информация: «Особенно эффективной бомбардировке была подвергнута станция Снежетьская (восточнее г. Брянск) и склады боеприпасов противника в районе этой станции. На станции Снежетьская наблюдением установлены большие пожары и взрывы железнодорожных эшелонов. В расположении складов боеприпасов также наблюдались пожары, сопровождавшиеся взрывами большой силы» [37, с.3].

В ночь на 16 мая советская дальняя авиация бомбила, если верить сообщению «Красной звезды», лишь три цели – и в первую очередь Брянск: «На железнодорожном узле Брянск прямыми попаданиями бомб взорваны железнодорожные составы противника. Возникло до 30 пожаров, сопровождавшихся взрывами большой силы» [38, с.3]. Это последнее сообщение «Красной звезды» о советских авианалетах на Брянск в мае 1943 г.

Масштабы советских бомбежек Брянска в мае 1943 г. потрясали современников. В трех своих книгах известный советский диверсант и организатор партизанского движения, в том числе в Брянских лесах, Илья Григорьевич Старинов неизменно вспоминал, как «в мае 1943 года самолеты 16-й воздушной армии сбросили около 500 тонн бомб на участок Орел-Брянск» [79]. Но при этом он же говорит и о небольшой эффективности этого колоссального бомбометания: «В мае 1943 года на участок Орел-Брянск было совершено 500 самолетовылетов, бомбили также на брянский железнодорожный узел. Движение нарушено незначительно - меньше, чем подрыв одного моста партизанами» [80]. Тот же Старинов приводит и мнение брянских партизан о результатах майских бомбардировок Брянска: «Партизан удивляло, почему, обрушивая на железнодорожные узлы противника тысячи тонн взрывчатки, заключенной в авиабомбы, партизанам сбрасывают ту же взрывчатку лишь десятками килограммов? Командиры партизанских соединений утверждали, что эффект от подрыва железнодорожных эшелонов врага всегда значительней, чем от бомбардировок. Герой Советского Союза М.И.Дука после войны вспоминал, что десятки, сотни авиабомб, сброшенных на станцию Брянск, вызвали лишь четырехчасовой перерыв в движении фашистских эшелонов, и говорил, что с таким же количеством взрывчатки, попади она к партизанам, можно было парализовать все движение на участке Брянского железнодорожного узла, выведя из строя сотни паровозов, тысячи вагонов, платформ и цистерн!» [78]

И теперь вопрос, который напрашивается сам собой: если от этих чудовищных взрывов так мало страдали немецкие военные перевозки через Брянск, то что или кто страдал от них в полной мере? Надо полагать, все те брянские жители, а также люди, волей или неволей оказавшиеся в городе, да еще городские постройки, имевшие несчастье попасть под удар советской бомбардировочной армады.

* * *

В июне 1943 г. к работе по Брянску возвращается советская 45-я авиационная дивизия дальнего действия. Хорошо нам знакомый офицер этой дивизии С.Ф.Ушаков вспоминал: «В

июне (1943) оба полка нашей дивизии наносили удары по аэродромам Орла, Брянска, Сещи, Орши, Запорожья, Сталино. И все же основные наши усилия в период затишья на фронтах были направлены на срыв стратегических и оперативных перевозок противника, сосредоточения и перегруппировок его войск. Бомбардированием железнодорожных узлов решались сразу две задачи: уничтожались эшелоны с боеприпасами, вооружением и горючим и выводилась из строя станция. Повышению эффективности бомбометания в 1943 году в значительной степени способствовало еще одно принципиальное изменение тактики наших действий. Промышленность в конце 1942 года начала выпускать новые светящие авиационные бомбы САБ-100-55, которые при мощности светового излучения в 1400000 свечей горели до четырех минут. В связи с этим в полках, вооруженных самолетами Ил-4, появились самолеты освещения цели. Такой самолет-осветитель появлялся над целью и сбрасывал вместо боевых бомб САБы, а последующие осветители поддерживали подсветку цели. В итоге количество сбрасываемых фугасных бомб уменьшалось, а эффективность удара увеличивалась. Результаты бомбардировочных ударов часто подтверждали агентура и сообщения партизан» [89, с.134].

И вот «Красная звезда» сообщает, что «в ночь на 1 июня наша авиация дальнего действия крупными силами совершила налеты на железнодорожные узлы Полоцк, Брянск и станцию Бежица. В результате бомбардировки на железнодорожном узле Брянск и станции Бежица возникли пожары и произошли сильные взрывы» [39, с.3]. Надо сказать, что в Бежице к станции и железнодорожным путям непосредственно примыкает территория завода, который до войны назывался «Красный Профинтерн» (ныне БМЗ). И можно предположить, что крупные разрушения заводских корпусов, которые демонстрирует советская кинохроника сентября 1943 г. как результат немецкой оккупационной политики, произведены советскими авиабомбами 1 июня 1943 г. Косвенно подтверждает это и письмо побывавшего в Бежице между 7 и 10 ноября 1943 г. инженер-майора Красной армии А.В.Памфилова, заметившего: «Завод сильно пострадал от бомбежки и пожаров» [50, с.114].

В ночь на 5 июня советская дальняя авиация в который уже раз «совершила массированные налеты на железнодорожный узел Брянск и станцию Карачев». «Красная звезда» так описывает эту операцию: «В связи с разрушением железнодорожного узла Орел, произведенным нашими самолетами в ночь на 4 июня (Орел тогда обработывали 520 советских дальних бомбардировщиков [70, с.289]. – Ю.С.), на железнодорожном узле Брянск и станции Карачев спрудилось очень большое число немецких воинских эшелонов. Эти эшелоны противника в ночь на 5 июня и были подвергнуты сильной бомбардировке нашей авиацией. В результате прямых попаданий отмечено много пожаров и взрывы огромной силы. Все наши самолеты, кроме одного, вернулись на свои базы» [40, с.3].

В ночь на 8 июня советские дальние бомбардировщики обрабатывали немецкие аэродромы, в том числе в Брянске и его окрестностях. Красная звезда пишет: «Особенно сильные взрывы отмечены на аэродроме северо-западнее города Брянска» [41, с.3]. Масштабы и детали этого и состоявшегося на следующий день налетов раскрывает в своих воспоминаниях тогдашний командующий советской дальней авиацией маршал авиации Н.С.Скрипко: «В ночь на 8 июня авиация дальнего действия совершила 302 самолетовылета. 102 наших экипажа бомбардировали крупную немецкую авиабазу в Сеще. 87 кораблей нанесли удар по аэродрому противника в районе Брянска... Из-за внезапно ухудшившихся метеорологических условий 38 экипажей сбросили бомбы на запасные цели. 9 июня АДД произвела 279 самолетовылетов. 75 кораблей снова бомбили Сещу. При подходе к цели экипажи наблюдали большое количество вернувшихся с задания немецких самолетов, которые с зажженными аэронавигационными огнями ходили по кругу над своим аэродромом. Лишь после того как

фашистские бомбардировщики совершили посадку, наши экипажи ударили по скоплению вражеских самолетов и вызвали многочисленные пожары. В воздухе появились немецкие истребители, атаковавшие наших бомбардировщиков. Один «мессершмитт» был сбит огнем стрелков-радистов» [70, с.286]. Остается догадываться, что советские летчики выбрали 8 июня 1942 г. в Брянске на роль «запасных целей»…

В ночь на 10 июня советская дальняя авиация вновь бомбила Сещу, Брянск и Орел. Целью стали немецкие аэродромы. В ночь на 11 июня налет повторился: «122 экипажа вновь нанесли удар по неприятельскому аэродрому в Сеще, а в налете на Брянск участвовало 175 кораблей». В ночь на 12 июня Москва подняла в воздух 468 дальних бомбардировщиков, часть из которых опять обрабатывала аэродромы в Брянске и Сеще [70, с.287]. И в ночь на 13 июня советская дальняя авиация бомбила Брянск, Карачев и Гомель. «Наблюдением наших летчиков отмечено более 100 пожаров, - пишет «Красная звезда». – Пожары сопровождались сильными взрывами. Два наших самолета не вернулись на свои базы» [42, с.3].

Во взаимодействии с фронтовой авиацией 187 советских дальних бомбардировщиков 20 июня совершили налет на аэродром в районе Брянска [70, с.287-288]. «Красная звезда» так описывает этот налет: «В ночь на 20 июня наша авиация дальнего действия крупными силами произвела налет на аэродромы противника. Особенно эффективной бомбардировке были подвергнуты аэродромы в районе Брянска и Карачева. Отмечены разрывы бомб крупного калибра среди стоявших на аэродромах вражеских самолетов. В результате бомбардировки возникло много пожаров. Горели самолеты, ангары и склады. Пожары сопровождались многочисленными взрывами. Все наши самолеты вернулись на свои базы» [43, с.3; 93, с.229]. В ночь на 22 июня 152 советских самолета бомбили немецкую авиабазу под Орлом, а другая группа работала по аэродромам в районах Олсуфьева и Карачева [70, с.288].

23 июня 1943 г. в налете на Сещинский аэродром участвовали 198-й штурмовой авиационный полк и 172-й истребительно-авиационный полк. Участником этого налета был 20-летний летчик-штурмовик старший лейтенант Александр Николаевич Ефимов (в дальнейшем дважды Герой Советского Союза, с 1975 г. маршал авиации). После войны А.Н.Ефимов вспоминал: «Утро 23 июня 1943 года выдалось хмурым. Изредка сеял мелкий дождь. Рыхлые серые облака низко висели над летным полем. По всему было видно, что вылет не состоится. <…> В ожидании сигнала на вылет на КП собралось все наше командование. Разговор не клеился. Офицеры перебрасывались односложными фразами, просто чтобы не молчать. Сигнал на вылет последовал… неожиданно... Начальник штаба как-то почти шепотом произнес слово «вылет», продолжая слушать указания. Прижав одной рукой телефонную трубку, другой он показывал нам на дверь. Но никто но пошевелился. И только команда «По самолетам!» вывела нас из оцепенения. <…> Две шестерки штурмовиков под командованием майора Бондаренко и лейтенанта Воздвиженского подходили к аэродрому Сеща. Уже видны были очертания ангаров и самолетные стоянки, покрытые дымными фонтанчиками. В воздухе над аэродромом - сплошная завеса огня. Впереди вспыхивали черные кляксы разрывов, трассы «эрликонов». Группа за группой пикируют самолеты, сбрасывая бомбы на стоянки. А над штурмовиками на всех высотах крутятся истребители - идет воздушный бой. Оставляя за собой дымный след, падает самолет, потом - второй, сгорая на лету, как комета.

- В атаку, за Родину! - подает команду по радио Бондаренко, и группы в стремительном пикировании обрушиваются на врага.

От 172-го истребительного авиационного полка было выделено три звена. Они имели задачу - расчистить небо над Сещей. А еще три звена прикрывали штурмовиков на маршруте и в момент нанесения удара.

Сначала в этом полете события развивались словно по заранее написанному сценарию. Три звена наших истребителей действительно встретили над Сещей несколько пар «мессеров». Те, как челноки, сновали над аэродромом на разных высотах. А рядом уже шел воздушный бой советских истребителей, прикрывавших наши штурмовики, с большой группой самолетов противника.

Оценив обстановку, майор Т. Р. Цыганок с ведомыми четко выполнил свою задачу. Связав боем воздушный патруль противника, они увели его подальше от аэродрома. Правда, потом гитлеровцы спохватились, поняли, что попались на тактическую приманку, и бросились назад. Но и здесь натолкнулись на истребители из группы сопровождения Бондаренко.

Путь к цели штурмовикам был открыт. Со стороны заходящего солнца, с высоты тысяча двухсот метров, они пошли в атаку. Сбросив бомбы на стоянки, наши летчики с бреющего полета стали расстреливать уцелевшие фашистские самолеты на аэродроме.

Выход из боя производился на предельно малых высотах под атаками вражеских истребителей. Теперь вступили в работу наши воздушные стрелки, отбиваясь от наседавших «фокке-вульфов». Несколько раз они пытались расколоть строй «ильюшиных», но безуспешно. Плотно, крыло в крыло, летели штурмовики…<…> И все-таки пулеметная трасса третьего «фокке-вульфа» угодила в поврежденный зенитками самолет майора Бондаренко. У штурмовика был наполовину отбит киль, ранен стрелок. Однако и «фокке-вульф» не ушел. Он тут же был сбит меткой очередью раненого воздушного стрелка - адъютанта второй эскадрильи капитана Анатолия Бессмертного.

Группа майора Бондаренко тоже произвела посадку на аэродроме истребителей. А сам он, немного не дотянув до дома, приземлился на фюзеляж. Когда подоспевшая санитарная машина увезла в госпиталь капитана Бессмертного, было уже темно. Михаил Захарович прикинул время. Оказалось, полет длился около двух часов. А над целью штурмовики были всего три минуты» [19, с.116-121].

Очередной налет советской дальней авиации на Брянск состоялся в ночь на 26 июня. Тогда же бомбили Навлю и окрестные аэродромы. «Красная звезда» пишет: «Особенно разрушительной бомбардировке были подвергнуты эшелоны и склады противника на железнодорожных узлах Брянск-2 и Брянск-1. Возникло много пожаров. В результате нескольких сильных взрывов отдельные очаги огня слились в крупные пожары, охватившие бóльшую часть железнодорожного узла» [44, с.3; 93, с.229-230].

Предварительный итог советских авиаударов по Брянску в первой половине 1943 г. ужасает. По словам маршала авиации Н.С.Скрипко советская дальняя авиация совершила за апрель-июнь 1943 г. 9400 самолетовылетов, из которых 2852 вылета были нацелены исключительно «на железнодорожный узел Брянск» [70, с.289].

* * *

Большую часть июля 1943 г. «Красная звезда» не публиковала сообщений о налетах на Брянск советской дальней авиации. Но это совсем не означает, что налеты на города Брянского края прекратились. Советское информбюро передавало тогда: «В ночь на 5 июля наша авиация дальнего действия произвела налет на железнодорожные узлы: Гомель, Унеча, Рославль... На железнодорожном узле Унеча советские летчики подвергли прицельной бомбардировке эшелоны и склады противника. Через несколько минут после начала налета склады и эшелоны были охвачены огнем… Все наши самолеты вернулись на свои аэродромы» [93, с.230]. По воспоминаниям командовавшего советской авиацией дальнего действия маршала авиации Н.С.Скрипко, с 15 июля, когда Красная армия начала наступать на северном фасе Курской дуги «в сложной обстановке», «наши соединения вновь наносили ночные массированные удары по железнодорожным узлам Орел и Брянск…» [70, с.304]

По мере приближения фронта к Брянску, по городу и его окрестностям наносила удар советская фронтовая авиация. Маршал авиации А.Н.Ефимов вспоминал: «В начале июля двум группам из 312-го штурмового авиаполка под командованием капитана П.Захарова и старшего лейтенанта Н.Алферова была поставлена задача уничтожить вражеские эшелоны на участке железной дороги Брянск - Карачев. Группа Алферова вышла на станцию Белые Берега, где стоял готовый к отправлению груженный танками, артиллерией и боеприпасами железнодорожный состав. Штурмовики с ходу атаковали цель. Тотчас ударили вражеские зенитки, но наши летчики не дрогнули. Несмотря на сильный заградительный огонь, штурмовики выполнили несколько заходов и разгромили вражеский эшелон. А вот группе капитана Захарова сначала не повезло. На железной дороге пилоты не нашли подходящей цели. Тогда ведущий решил пройтись над шоссе. И не напрасно! По дороге сплошным потоком спешили к фронту тяжело груженные автомашины. Захаров подал команду ведомым и повел группу в атаку. Выполнив по три захода, штурмовики уничтожили два десятка автомашин. Не успели летчики отойти от цели, как впереди по курсу обнаружили вражеский аэродром. О существовании его ни в полку, ни в дивизии еще не знали» [19, с.123-124].

Атаковать вновь найденный близь Белых Берегов немецкий аэродром назначили те же группы Захарова и Алферова из 312-го советского штурмового авиаполка: «Первый удар по самолетным стоянкам нанесла группа Захарова, а разгром их довершили ведомые Алферова. Всего на этом аэродроме штурмовики сожгли двадцать фашистских самолетов» [19, с.124]. В последующие дни советская 233-я штурмовая авиационная дивизия наносила последовательные удары по станциям Белые Берега, Карачев, Нарышкино, Хотынец, по железной дороге Брянск – Орел и по шоссейным дорогам в том же районе [19,с.124]. Но штурмовиками дело не ограничилось. Начальник политотдела 3-й гвардейской Смоленской бомбардировочной авиационной дивизии Леонид Алексеевич Дубровин вспоминал: «Наша дивизия пикировщиков продолжала поддерживать наступление наземных войск. Рано утром 17 июля тридцать четыре Пе-2 под прикрытием истребителей нанесли удар в глубине обороны противника по железнодорожной станции Белые Берега. Это юго-восточнее Брянска. Восемь фотоаппаратов зафиксировали точные попадания бомб в скопления эшелонов с гитлеровскими солдатами и техникой, переброшенных с других фронтов для подкрепления обороняющихся частей и соединений» [18].

18 июля Советское информбюро передавало: «В ночь на 18 июля наша авиация произвела налеты на… станции Карачев, Навля... На железнодорожных станциях Карачев и Навля прямыми попаданиями бомб разбито несколько воинских эшелонов противника» [93, с.230]. В 20-х числах июля 1943 г. «Красная звезда» продолжила информировать своих читателей о налетах советской дальней авиации на Брянск. В ночь на 22 июля: «На железнодорожный узел Брянск-1 и Брянск-2 сброшено большое число фугасных и зажигательных бомб. Среди пожаров произошло несколько взрывов большой силы» [45, с.3; 93, с.231]. Удары наносила многократно бомбившая Брянск советская 45-я авиационная дивизия дальнего действия. Служивший в ней С.Ф.Ушаков рассказывает: «Авиация дальнего действия основными силами продолжала действовать по железнодорожным узлам и станциям на направлении Орел - Брянск, а также по опорным пунктам и узлам сопротивления. Беспрерывно работал и наш полк» [89, с.140].

В ночь на 28 июля, по сообщению «Красной звезды», советскими дальними бомбардировщиками «на железнодорожных узлах Орел и Брянск сильной бомбардировке были подвергнуты воинские эшелоны противника. Разбито и сожжено много вагонов. Экипажи наших самолетов наблюдали несколько сильных взрывов» [46, с.3; 93, с.231]. Проживавшая неподалеку от места бомбежек – в Бежице – 17 летняя девушка Людмила Викторовна Леблан (у ко-

торой, так же, как у Аллы Ржевской, отец служил в Красной армии и которая жила с матерью и бабушкой) 27 июля 1943 г. записала в своем дневнике: «Слышен грохот канонады. Прибывают к нам эвакуированные орловцы. Как было немножко забылись, когда удалился фронт. Бомбардировки иногда повторялись, а одно время и довольно часто. Но как ни страшны бомбардировки, а как подумаешь про фронт, то становится еще страшней. Ну ладно, видали страсти в 1941 году, может быть, Бог помилует, в этом году не придется смотреть» [16, Л.10об-11]. Как раз в этот день 27 июля 1943 г. штурман дальней авиации С.Ф.Ушаков был награжден званием Героя Советского Союза.

В августе 1943 г. советские авиационные удары по Брянску и его окрестностям в очередной раз усилились. По воспоминаниям Н.С.Скрипко, его подчиненные бомбили Брянск 4 августа [70, с.308]. «Красная звезда» сообщает: «В ночь на 6 августа наша авиация произвела налеты на железнодорожные узлы Брянск-1, Брянск-2, Харьков и станцию Карачев. Бомбардировке были подвергнуты эшелоны с войсками и техникой противника. Разбито несколько железнодорожных составов, возникло много очагов пожаров, сопровождавшихся сильными взрывами» [47, с.3]. В тот же день 6 августа 1943 г. бежицкая жительница Людмила Леблан записала в своем дневнике: «Третью ночь уже повторяются бомбардировки. Где-то сейчас отец, жив ли, нет ли, ничего не знаем. И скоро ли кончится эта война, как она опостылела, что нет никакого интереса в жизни, живешь – существуешь, и безразлично: сейчас ли умрешь, или немного погодя. Жаль только, что так проходит золотая юность…» [16, Л.14-14об]. Но в ночь на 7 августа состоялся очередной советский авианалет на Брянск-I и Брянск-II. «Красная звезда» пишет об этом: «Прямыми попаданиями бомб разбито несколько железнодорожных составов. Возникло до 30 пожаров, многие из которых сопровождались сильными взрывами» [48, с.3].

10 августа советские войска овладели железнодорожной станцией Хотынец на брянском направлении, 12 августа части Центрального фронта выбили немцев из города Дмитровск-Орловский [70, с.309]. При этом немцы в принудительном порядке эвакуировали из зоны боевых действий мирных жителей Дмитровского района. В пути на территории, входящей сейчас в состав Брянской области, колонны беженцев попали под удар советских «ночных» бомбардировщиков ПО-2. Как вспоминает житель села Домахи Александр Афанасьевич Жидков, подросток в ту пору, «при эвакуации из Домахи в августе 1943 года они на своей лошади приехали в Б<ольшое> Кричино, где был сбор эвакуированных жителей окрестных сел и деревень. По большаку немцы догнали их до станции Брасово (ныне райцентр Брянской области. – Ю.С.), где и разместили. «На станции стояли эшелоны с ранеными немцами. Днем прилетали наши самолеты-«прялки». Видимо, проводили разведку, фотографировали. Люди поужинали под повозками, кто, чем мог. Мужики говорят меж собой: «Они нами прикрываются». Ночью снова прилетели «прялки», навешали осветительные ракеты (фонари), стали планировать и бомбить. Одна бабка спряталась под повозку и матюкается. От взрыва бомбы осколком ей срезало голову с плеч. Во время бомбежки многие забежали на картофельное поле рядом со станцией и залегли в межи. Один кричит («Бормотун» - Бурмистёнков Федор Дмитриевич, 12 лет): «Мне ногу оторвало!», а оказалось его ранило в ягодицу. При ночной бомбежке много побило эвакуированных». Немцы отправили раненых, в том числе и Бурмистёнкова… в Сумскую область. После выздоровления отпустили его в деревню искать мать» [64, с.318-319].

Другую группу эвакуированных, шедшую из деревни Воронино Дмитровского района Орловской области, советские «ночные» бомбардировщики накрыли 10 августа 1943 г. на станции Комаричи (ныне также райцентр Брянской области). Вот как вспоминал этот налет воронинский житель Анатолий Григорьевич Чеботарёв (1927-2009): «В ночь на 10 августа

1943 г. на станцию Комаричи налетело много самолетов, и от бомбежки погибло немало людей. Один из погибших – воронинец Говядов Фрол Максимович, глухой. Убило также учителя «Пал Борисыча». Козлова Михаила Григорьевича ранило под правую лопатку (Раненый Козлов с родственниками добрался до деревни Лубошево в 13 км от Комаричей. Там находился немецкий госпиталь и немцы сделали Козлову перевязку. – Ю.С.). Бомбили Комаричи «прялки» (ПО-2). Немцы их называли «ночными ведьмами». <…> «Наутро рано, оставшихся в живых беженцев, «своим ходом» погнали до станции Аркино (10 км западнее ст. Комаричи)». <…> От Аркино гнали дальше логами… «Догнали нас до Середины Буды (Сумская область, Украина). Всех погрузили в худые «телячьи» вагоны. Посреди эшелона – беженцы, спереди и сзади – немцы. Всего три эшелона. Налетели наши самолеты и разбомбили впереди станции железнодорожные пути – не дали угнать нас в Германию. При бомбежке наши самолеты сбрасывали листовки, в которых было написано: «Если будем вас жалеть – врага не победим!» Во время одного из таких налетов, мальчик трех лет от роду, увидев в низколетящем самолете летчика, закричал: «Мамка! Наш папка нас бомбит!» [64, с.280-281].

В августе-сентябре 1943 г. Брянск и его окрестности с воздуха обрабатывала главным образом находившаяся в распоряжении Брянского фронта 15-я воздушная армия, которой командовал генерал-лейтенант (с 1944 г. генерал-полковник авиации) Николай Федорович Науменко (1901-1967). В состав армии входили: 3-й штурмовой авиационный корпус (307-я и 308-я штурмовые авиационные дивизии), 1-й гвардейский истребительный авиационный корпус (3-я и 4-я гвардейские истребительные авиационные дивизии), 2-й истребительный авиационный корпус и 11-й смешанный авиационный корпус (224-я и 225-я штурмовые авиационные дивизии, 315-я истребительная авиационная дивизия, 284-я и 313-я ночные бомбардировочные авиационные дивизии) [71]. На 29 августа 1943 г. в 15-й советской воздушной армии числилось 802 исправных самолета [61, с.113].

По данным оперативных сводок Генерального штаба Красной армии 11 августа 1943 г. авиация Брянского фронта совершила 247 самолетовылетов, во время которых уничтожала живую силу и технику немцев по дорогам Хотынец—Карачев, Карачев—Брянск и непосредственно перед фронтом наступавших советских частей. На следующий день авиация Брянского фронта сделала 808 самолетовылетов и уничтожала войска противника на поле боя и по дорогам Карачев — Брянск, Желтоводье — Карачев [27, с.166,180]. Непосредственно Карачев бомбил 12 августа 707-й ночной ближнебомбардировочный полк из состава 313-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии (командир дивизии - полковник Александр Алексеевич Воеводин). Летчики дивизии летали на самолетах У-2, «кукурузниках». Такой самолет мог нести около 450 килограммов бомб. Причем помимо обычных фугасно-осколочных ночные бомбардировщики использовали и так называемые термитные бомбы. Эти последние взрывались над землей, после ослепительной вспышки во все стороны летели розовые и белые шарики – и выжигали все вокруг…

Участник налета на Карачев ночью 12 августа 1943 г. лейтенант Николай Александрович Шмелёв (1922-1986) - в 1945 г. старший лейтенант и Герой Советского Союза, с 1961 г. полковник запаса – вспоминал: «Двенадцатого августа нас подняли по тревоге. В семнадцать часов мы уже были на КП. <…> В Карачеве обнаружено скопление эшелонов. Нашему полку приказано нанести по этой станции бомбовый удар. Порядок вылета: третья эскадрилья, вторая, первая. Бомбовую нагрузку взять максимальную. Впереди для освещения цели пойдут два экипажа. <…> Каждому взять по четыре осветительные бомбы. <…> Когда пошли к самолетам, уже совсем стемнело.Через несколько минут мы со штурманом Николаем Корнеевичем Пахомовым были уже в воздухе. На высоте полторы тысячи метров пересекли линию фронта.

— Слева впереди Карачев, — доложил Пахомов.

— Вижу.

Мне почему-то стало немного страшно при подходе к этому крупному железнодорожному узлу. <…> Под крылом медленно проплывало едва различимое полотно железной дороги. Станция была окутана темнотой. Иногда мелькали лишь искорки маневрировавших паровозов. Город затемнен. Когда цель оказалась совсем близко, Пахомов скомандовал:

— Довернуть чуть вправо. После сбрасывания — резко влево.

— Хорошо!

Он сбросил одну за другой осветительные бомбы, потом — осколочные. Еще не успели сработать дистанционные взрыватели наших «сабов», как в небо взметнулись четыре мощных луча прожекторов. Яркий свет резанул по глазам и ослепил меня на некоторое время. И тотчас же сильная взрывная волна подбросила хвост самолета вверх. <…> На высоте примерно триста метров мне удалось наконец выровнять самолет. На станции начались пожары. Это другие наши экипажи сыпали бомбы на головы врага. Когда сброшенные нами «сабы» догорели, на цель вышел Дмитрий Супонин и «повесил» над узлом еще четыре «фонаря». Термитные, фугасные и осколочные бомбы рвались в разных концах станции. А мы «на всех парусах» устремились домой. Сели благополно» [91].

13 августа 1943 г. по данным Генерального штаба Красной армии авиация Брянского фронта произвела 533 самолетовылета, во время которых «штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожала автоколонны противника по дорогам из Карачева на Брянск и скопления автотранспорта в населенных пунктах в районе Карачева… Уничтожено 5 танков, 23 орудия, 70 автомашин, 1 паровоз, 9 железнодорожных вагонов; создано до 30 очагов пожара…» [27, с.191].

Но у 707-го ночного ближнебомбардировочного полка с его бомбами 13 августа была, как вспоминает Н.А.Шмелёв, особая работа: «…Тринадцатого августа нас вновь подняли по тревоге. Когда все собрались на КП, командир полка сказал:

— …Сегодня получен приказ нанести удар по Городищу (ныне в городской черте Брянска. – Ю.С.). Там скопились транспортные и боевые самолеты противника. Надо уничтожить их.

План действий выглядел несколько необычно. Для отвлечения средств ПВО противника и подавления его огня выделялась специальная группа. Основные силы должны были подойти к аэродрому на бреющем и нанести внезапный удар. <…> Третья эскадрилья считалась слабее других по подготовке летного состава, поэтому ей отвели отвлекающую роль. Первая и вторая эскадрильи составили ударную группу. Если раньше экипажи отправлялись на задания по мере готовности каждого из них, то теперь решили вылететь строго по времени и с минимальным интервалом. Это давало возможность быстрее проскочить зону ПВО и нанести сосредоточенный удар. Полк поднялся в воздух. Мы с Пахомовым шли шестыми. Наша эскадрилья должна была первой выйти на цель. При подходе к северной окраине Брянска противник, включив прожекторы, открыл такой сильный огонь из зенитных пушек и пулеметов, что у меня даже спина взмокла. <…>

Пики лучей прожекторов стеной встали вокруг аэродрома. Но первые самолеты уже сбросили бомбы. Отсветы взрывов и очаги пожаров разорвали темноту ночи. Небо полосуют трассы пуль и зенитных снарядов. Прижавшись к земле, ожидают своей участи самолеты противника. Мы сбрасываем на них десятки осколочных и фугасных бомб.

— Горят! Горят! - торжествующе кричит Корнеич и строчит по «юнкерсам» из пулемета.

Вдруг кабину заливает ослепительный свет. В нас нацелены три прожектора. Ну, думаю, теперь крышка. Но нет, повезло, выскочили. Первая атака удалась. Резко развернулись,

обогнули Бежицу с запада и, прижимаясь к густому лесу, благополучно возвратились на аэродром. <…> Напряжение в работе росло. Мы не только недосыпали, порой некогда было даже поесть. Днем нашей пехоте и танкам расчищали путь штурмовики, истребители и бомбардировщики. Ночью действовали мы. *Круглые сутки над брянскими просторами висел гул авиационных моторов*. В эти дни я подал заявление о приеме меня в члены партии (конечно, коммунистической. – Ю.С.)…» [91].

14 августа авиация Брянского фронта «бомбила и штурмовала боевые порядки пехоты и огневые позиции артиллерии противника в районе Карачев, по дороге Карачев — Брянск, произведя 668 самолетовылетов» [27, с.200]. В ночь на 15 августа к фронтовой авиации присоединилась авиация дальнего действия. Около 100 советских дальних бомбардировщиков нанесли тогда «удары по аэродромам Брянск, Сеща, Олсуфьево». 15 августа Красная армия взяла Карачев – и теперь, по признанию маршала авиации Н.С.Скрипко, «поддерживая наступающие войска, авиация дальнего действия почти каждую ночь бомбардировала железнодорожные узлы Брянск-1, Брянск-2…» [70, с.309]

При этом 15 августа авиация Брянского фронта сделала 311 самолетовылетов, во время которых «бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожала войска противника в районе западнее г. Карачев и по дорогам Карачев — Брянск» [27, с.210]. 16 августа авиация Брянского фронта произвела 101 самолетовылет, во время которых бомбила и штурмовала скопление немецких войск перед наступавшими советскими частями и по дорогам на Брянск [27, с.232]. На следующий день та же фронтовая авиация сделала 268 самолетовылетов, обрабатывая дороги Карачев—Брянск и Ружное— Синезёрки. Согласно оперативной сводке № 230 (903) Генерального штаба Красной армии, составленной к 8 часам утра 18 августа 1943 г., 17 августа авиацией Брянского фронта «Уничтожено 13 ж<елезно>д<орожных> вагонов, 2 паровоза и 35 автомашин; разрушено до 500 м<етров> ж<елезно>д<орожного> полотна и *железнодорожный мост в районе Выгоничи*; взорван склад боеприпасов и создано до 25 очагов пожара» [27, с.245]. Примечательное сообщение, поскольку из него мы узнаем, что после разрекламированного в литературе взрыва брянскими партизанами «Голубого моста» под Выгоничами 8 марта 1943 г. этот мост через 5 месяцев и 9 дней пришлось повторно разрушать советской авиации.

Но тогда же, в ночь на 17 августа, по сообщению «Красной звезды», советская дальняя авиация «подвергла бомбардировке воинские эшелоны и военные склады противника на железнодорожных узлах Брянск-1, Брянск-2, Рославль, Славянск, станции Барвенково. В результате бомбардировки возникло много пожаров, сопровождавшихся сильными взрывами. Горели и взрывались железнодорожные эшелоны, склады с боеприпасами и горючим» [49, с.3]. Все это продолжалось и в последующие дни. Когда Брянск был виден с позиций приближающихся советских войск, 21-летний старшина 106-й гаубично-артиллерийской бригады Брянского фронта Николай Иноземцев записал 23 августа 1943 г. в своем дневнике: «Действия нашей и немецкой авиации. Масса прожекторов под Брянском. Обычная фронтовая иллюминация». И на следующий день: «Массированное (по 30–40 самолетов одновременно) применение нашей авиации на протяжении всего дня» [22, с.126].

***

С начала сентября 1943 г. повторяется ситуация начала октября 1941 г., когда перед своим уходом советские функционеры во исполнение сталинской директивы жгли и взрывали здания в Бежице и Брянске. Но теперь тем же занимаются немцы, уничтожавшие в районе Брянского железнодорожного узла то немногое, что уцелело после налетов советской авиации. А с другой стороны до городских окраин уже долетают снаряды советской артиллерии.

2 сентября 1943 г. Людмила Леблан записала в своем дневнике: «Вечером копали картошку, вдруг выстрелы из орудий, и потом потянулись эвакуированные из Радицы. Видны пожары около Брянска» [16, Л.19]. 5 сентября Людмила снова пишет о том же: «Последнее население Радицы выгоняют, дали срок до 2-х часов дня. Сейчас, ровно в два часа, зажгли в нескольких местах Радицу, правее тоже горит; сегодня забирали в городе мужчин до 45 лет. В городе скопилось очень много народа, со всех концов Орловской обл<асти>. В город уже долетали русские снаряды» [16, Л.19об]. Один из таких снарядов угодил 15 сентября в дом знакомых Людмилы Леблан: «…Догнала нас мать Татьяна, встретились по-родственному. Но у них большое несчастье: позавчера попал снаряд в их хатку и почти разрушил» [16, Л.24об].

8 сентября Людмила снова рассказывает о сожженной немцами Радице и пожарах в Бежице и Брянске: «Радица сгорела почти вся, остались пока домики только к линии, а по всей остальной видны только белые печки. Сначала зажгли одну сторону поселка, а другую часть грабили и немцы, и эвакуированные. Очень много мужчин и пленных гоняют на окопы в сторону Вл<асовой> будки. Дом на Вл<асовой> будке сожгли еще 5-го, и он горел до самого вечера. <…> Каждый день любуемся иллюминацией, вот и сейчас наши смотрят на пожары от Брянска до нас» [16, Л.20-20об]. Похожая картина открывается 14 сентября и бойцам 197-й стрелковой дивизии Красной армии: «Бойцы передовых подразделений простым глазом видят улицы Ленина (ныне Фокина. – Ю.С.) и Советскую (ныне – бульвар Гагарина. – Ю.С.), идущие к западному берегу реки. Город горит» [93, с.239]. В политдонесении советской 197-й стрелковой дивизии политотделу 11-й армии, поданном не ранее 13 сентября 1943 г., сказано также: «Отступая, фашистские мерзавцы уничтожили все населенные пункты. Во всех нами освобожденных деревнях немцы не оставили ни одного дома. Ими совершенно разрушены путем взрывов и поджогов Малое Полпино, Большое Полпино, пос<ёлок> им<ени> Толстого и др.» [57, с.385].

Не оставляет Брянск своим вниманием и советская авиация. Людмила Леблан записывает в дневнике 9 сентября: «Сегодня был большой налет русских штурмовых самолетов» [16, Л.20об]. Между прочим, когда Сталин в своем приказе от 17 сентября 1943 г. отмечал воинские части, отличившиеся в боях за Брянск, 313-я ночная ближне-бомбардировочная авиационная дивизия, о налетах которой на Карачев (12 августа 1943 г.) и Городище (13 августа) рассказывалось выше, получила наименование «Бежицкой». А 3-я гвардейская истребительная авиационная дивизия стала «Брянской» [57, с.397].

11 сентября немцы начинают принудительную эвакуацию жителей Бежицы. Оказавшаяся в колонне эвакуируемых Людмила Леблан определила число тогдашних бежицких жителей в 20 тысяч человек. Колоссальный для маленького города исход. При этом немцы известили об эвакуации еще 9 сентября, а 11 сентября в 6 часов утра немецкие фельджандармы требовали от жителей собраться за 5 минут и оставить дома. Людмила Леблан пишет в дневнике: «Выгнали всех не исключая больных. Приказали итти к Десне. Это действительно великое бегство. Народ идет пешком, едет на тачках, двуколках, тележках, запряжены в убогие тележки козы, телята, жеребята. Некоторые едут на коровах, и еще меньше на лошадях. Немцы все время подгоняют, поджигая узкие кварталы, чтобы не останавливался народ» [16, Л.21]. Этот исход невольно заставляет вспомнить бегство брянцев из их горящего города на луг к Десне в ночь с 30 на 31 августа 1941 г.

16 сентября улизнувшая вместе с матерью из эвакуационной колонны Людмила Леблан стала свидетелем того, как «ходили по соседним огородам немцы и подкладывали мины» [16, Л.23об]. Еще раньше, в полдень 14 сентября, немцы перед наступающей Красной армией взорвали мосты, соединяющие центральную часть Брянска с занятыми красноармейцами посёлками у станций Брянск-I и Брянск-II [93, с.240]. Тогда же, как сообщает журнал боевых

действий советской 197-й стрелковой дивизии: «Бойцы тов. Егорова ворвались в пос<ёлок> им. Фокина и станцию Брянск-II и после боев выбили немцев и отбросили их на луга, находящиеся между посёлком Фокина и западной частью города. <…> Немцы открыли огонь по лугу и Володарскому району города из тяжелой артиллерии, установленной западнее Брянска, а также огонь из ДОТов и ДЗОТв, построенных на западном берегу Десны» [93, с.240]. Красная армия в долгу не осталась и перед решающим штурмом Брянска под утро 17 сентября 323-я советская стрелковая дивизия обрушила на город сильный артиллерийский и минометный огонь [93, с.248; 57, с.398], который в первую очередь должен был накрыть район Набережной улицы и ближайшую к Десне сторону улицы III-го Интернационала (Калинина).

1944 ГОД

В 1944 г. возобновляются налеты немецкой бомбардировочной авиации на Брянский железнодорожный узел. Скажем, выходившая во Пскове русскоязычная коллаборационистская газета «За Родину» сообщала своим читателям 28 июня 1944 г.: «…Германские боевые самолеты прошлой ночью совершили сосредоточенный налет на железнодорожную станцию Брянск и Клинцы, вследствие чего возникли большие пожары и взрывы» [53]. То, что налеты такого рода были не единичным явлением, подтверждает изданная в 2004 г. история Брянского железнодорожного узла: «Восстановление узлов, налаживание движения поездов происходило в условиях прифронтовой зоны, когда фашистские самолеты нет-нет да и обрушат смертоносный груз на железнодорожников. Особенно тяжелые последствия массированного ночного налета немецкой авиации были в ночь на 14 июля 1944 года. Враг разрушил то, что было воздвигнуто с таким трудом за девять героических месяцев, погибли десятки железнодорожников, в том числе дежурный по станции Брянск-II В.П.Коноводов и диспетчер – кавалер ордена Ленина П.В.Кузин. Очень важный поступок совершила в ту ночь технический конторщик Анастасия Николаевна Ожогина. Услышав сигналы воздушной тревоги, она собрала 600 документов на грузовые вагоны и быстро унесла их в убежище. Через несколько минут помещение, в котором ранее находились документы, было разрушено бомбой. Спасение документов позволило все 600 вагонов отправить по назначению» [59, с.110].

Вероятно, свидетелями именно этой бомбежки стали вернувшиеся из эвакуации сотрудники Брянского лесного института. Один из них, Владимир Петрович Разумов, вспоминал: «Интересно, что по приезде в Брянск, еще не разгрузившись на станции Брянск II-ой, коллектив вновь попал по бомбежку вражеской авиации, что, конечно, было для нас пренеприятным сюрпризом. К счастью, эта бомбежка оказалась последней и в дальнейшем не создавала беспокойства в среде возвращающихся в город многочисленных организаций и учреждений» [66, Л.5.2.32-5.2.33].

Во время одного из летних налетов 1944 г. удару подверглась также советская зенитная батарея Северного фронта противовоздушной обороны, расквартированная на территории брянского Петропавловского монастыря: «Летом 1944 года самолеты дальней авиации противника прилетели бомбить железнодорожный вокзал Брянска… Самолеты заходили на боевой разворот, когда по ним открыла огонь зенитная артиллерия. <…> Перегруппировавшись, самолеты налетели на зенитчиков, которые раскрыли свое расположение, и часть бомбового груза… упала в расположение батареи» [4, с.13]. Тогда вместе со своими подчиненными погиб командир зенитного взвода 30-летний лейтенант Николай Л. Шапкин. Павших бойцов похоронили на монастырском кладбище, но когда в 1979 г. территория монастырского кладбища понадобилась советским властям под строительство гостиницы «Брянск» останки зенитчиков перезахоронили в братской могиле на центральном брянском кладбище … Наконец, вскоре после того, как в Бежицу из эвакуации возвратился местный машиностроитель-

ный институт, на рубеже сентября-октября 1944 г., в городе была объявлена воздушная тревога, оказавшаяся, «по счастью, последней» [3, с.122].

МАСШТАБЫ РАЗРУШЕНИЙ

Таким образом, мы видим, что в разрушении Брянска активное участие приняли в 1941-1944 гг. обе воюющие стороны – и немецкая, и советская. Масштабы причиненных городу разрушений также являются любимейшей темой советской и постсоветской пропагандистской литературы. Попробуем определить непредвзято эти самые масштабы.

Ущербу, нанесенному Брянску боевыми действиями 1941-1943 гг., посвящен текст, напечатанный в 1986 г. в сборнике «Брянску – 1000 лет» и названый публикаторами «Из акта чрезвычайной городской комиссии по расследованию злодеяний и нанесенного ущерба немецко-фашистскими оккупантами Брянску». Публикация сделана с подлинника, хранящегося в Партийном (партия имеется в виду коммунистическая) архиве Брянской области (ныне Центр документации новейшей истории Брянской области – филиал Государственного архива Брянской области): фонд 1249, опись 2, дело 10, листы 4—9 [7, с.212-213]. Помянутый текст вызывает ряд вопросов: во-первых, он датирован «не позднее 16 сентября 1943 г.», т.е. составлен до занятия Брянска и Бежицы Красной армией. Стало быть, на момент составления документа у его авторов не было возможности полностью обследовать город и его окрестности. Тем не менее, составители не только указывают самые разнообразные цифры, но и с полной уверенностью делают вывод о единственном виновнике разрушений: «...Немецкие изверги разграбили, разрушили и сожгли заводы, фабрики, санатории, больницы, учебные заведения, музеи, театры, культурные учреждения, жилые дома, здания промышленных и коммунальных предприятий, а также ценное оборудование увезли в Германию» [7, с.212].

Во-вторых, непонятен статус, компетентность и полномочия составителей документа. Бумага подписана следующими людьми: председатель комиссии Марченко, члены Хайкин, Ненашев, Коростелев, Василюк, секретарь Лавренкова. Кто эти люди - публикатор не объясняет, в истории Брянска они также ничем не отмечены. Таким образом, перед нами бумага с очевидным пропагандистским подтекстом, подписанная случайными людьми. К тому же в последующие годы этот текст стал основой для исторической фальсификации: в вышедшем в 2003 г. 12-м томе «Книги памяти» Брянской области он был частично перепечатан – но без обозначения купюр и без указания на источник публикации. При этом текст был заново датирован 18-25 сентября 1943 г. и получил «в довесок» два абзаца, рассказывающих о зверском истреблении немцами в Брянске мирных граждан и военнопленных [68, с.145]…

Какова объективность этого «Акта чрезвычайной городской комиссии» видно хотя бы из такого примера: в «акте» сказано, что немцами в Брянске «разрушены большие... заводы,- в том числе им. Урицкого…» [7, с.212] Имеется в виду основанный С.И.Мальцовым в XIX веке Радицкий рельсопрокатный завод, который коммунисты переименовали в 1926 г. в вагоностроительный им. Урицкого. О событиях лета 1941 г. официальная история завода рассказывает так: «Несмотря на непрерывные бомбежки немецкой авиации, все оборудование было демонтировано, а затем погружено на платформы и вместе с семьями рабочих отправлено на Волгу в г. Энгельс Саратовской области. Было вывезено не только оборудование, но и сырье, полуфабрикаты, инструмент» [9, с.20]. Там завод и остался, до сих пор производит троллейбусы. На его месте в Брянске после войны был создан завод «Строммашина», в 1964 г. переименованный в Брянский завод ирригационных машин (Ирмаш), закрытый в 2000-х…

При всех претензиях, которые можно предъявить к названному «акту», он единственный пока документ, дающий статистику разрушений в Брянске. Только нужно помнить, что в деле разрушения города не меньшую роль, чем оккупанты, сыграли советская авиация, Красная армия и коммунистические функционеры. Итак, согласно «акту», в Брянске «Из

имевшихся домов, государственных и коммунальных, по городу из 475 полностью разрушено и сожжено 320; поселок Брянск-I — из 236 уничтожено и разрушено 230;

поселок Брянск-II — из 95 <домов> — полностью уничтожен. Итого по городу и поселкам: домов государственных и коммунальных из имевшихся 806 — 645 уничтожено; домов частного сектора по городу и поселкам: из имевшихся 6087 полностью уничтожено и сожжено 4596 домов. Всего домов государственных, коммунальных и частного сектора по городу и поселкам, из 6893 домов полностью уничтожено и разрушено — 5241. Из этого числа домов уничтожено, разрушено и сожжено: каменных - 450, деревянных - 4171, смешанных — 620. <…> Разрушены большие... заводы,- в том числе им. Урицкого, фабрика им. Сталина. Полностью сожжены и уничтожены поселки Брянск- I и Брянск-II, а также железнодорожные узлы этих поселков…» [7, с.212] Швейная фабрика им. Сталина, позже известная как брянская фабрика резино-технических изделий (РТИ), располагалась в корпусах на углу современных улиц Калинина и Пионерской. В 2000-х годах корпуса опустели – и постепенно разрушаются. Что касается поселков Брянск- I и Брянск-II, а также железнодорожных узлов этих поселков, то выше мы привели многочисленные сообщения советских информационных, документальных и мемуарных источников о почти двухлетних непрерывных бомбежках этих поселков советской авиацией.

Продолжаем цитировать «акт»: «Уничтожены большие мосты через р. Десна из города на пос. Брянск- I и из города — на Брянск- II. Уничтожен железнодорожный мост между Брянском-I и Брянском-II. По городу и поселкам выведен из строя водопровод. Разрушено 57 водоразборных колонок, 49 водопроводных и канализационных кирпичных колодцев. Разрушены полностью водорегулирующая башня в городе высотой около 35 м, емкость установленного на ней бака 650 куб. м с 10-дюймовой коммуникацией. Водонапорная башня Брянск-I высотой около 32-х м, емкость установленного бака — 65 м куб. с 6-ю коммуникациями. Всего разрушено зданий трансформаторных киосков —14… По поселкам Брянск-I и Брянск-II разрушено: 17 трансформаторных киосков с установленными в них трансформаторами. <…> Из имевшихся 7-ми бань по городу и поселкам Брянск-I и Брянск-II уничтожено 6 с банно-прачечным комбинатом на Брянске-I... Самая большая библиотека в городе, состоящая из 5 комнат…Все книги за время оккупации гор. Брянска немцами были расхищены (неужели среди немцев было так много читавших по-русски? – Ю.С.), а здания уничтожены. В Брянске имелся коммунально-строительный техникум, который был разгромлен немецкой авиацией…» [7, с.212-213]

По приведенным цитатам несложно увидеть, что речь в «акте» идет о разрушениях главным образом в поселках Брянск-I и Брянск-II, которые стали неотъемлемой частью города лишь… в 1951 г. [72, с.83] О самом же Брянске в «акте» приводятся лишь отрывочные данные, включенные в текст, вероятно, «понаслышке»… Что касается железнодорожных поселков, то стоит ли удивляться, что после многочисленных немецких и бесчисленных советских бомбежек там мало что осталось? Как сообщает история Брянского железнодорожного узла: «17 сентября 1943 года Брянск был освобожден. <…> Брянский узел лежал в развалинах. Технические устройства пути и связи, паровозного и вагонного хозяйства, энергоснабжения были разрушены – их требовалось создавать заново. 96% всей жилой площади (на Брянске-II! – Ю.С.) железнодорожников было уничтожено. Сохранились только два здания – техникум путей сообщения и общежитие при нем» [59, с.104]. Эти последние здания целы и теперь, располагаются по улице 2-я аллея в Фокинском районе г. Брянска.

Но что же сам Брянск? В ту пору его площадь была меньше территории нынешнего Советского района и делилась, в свою очередь, на Петровский (с примыкающим к нему Городищем) район в северной части города; Центральный, протянувшийся от современного ста-

диона «Динамо» к реке Десне, и на южный Красноармейский район (вдоль Красноармейской улицы). Четвертым городским районом был Карачиж [73, с.32].

5 октября 1943 г. в Брянске оказался старшина Красной армии Николай Николаевич Иноземцев (1921-1982), командир взвода управления 106-й гаубично-артиллерийской бригады. В тот день старшина записал в своем дневнике: «Брянск. Сравнительно мало разрушений, за исключением нескольких домов на главной улице, — все цело» [22, с.135]. Через месяц после Иноземцева в Брянск приехал местный уроженец и житель, инженер-майор Красной армии Анатолий Васильевич Памфилов (1910-1995), написавший отсюда матери и сестре в эвакуацию: «Город наш, несмотря на его раны, разрушен гораздо меньше. Даже несравнимо со всеми городами, в которых мне пришлось бывать после немцев. Он разрушен меньше, чем Бежица» [50, с.113].

В письме от 10 ноября 1943 г. майор А.В.Памфилов подробно описывает близким степень разрушения тогдашнего собственно Брянска, в теперешней центральной части города. Свой обзор майор начинает с местности, где теперь располагается брянский автовокзал: «Красноармейская улица сохранилась почти вся, только сгорел Леша Шаничев (ныне строится), да Георгий тоже сгорел и еще один или [два] дома. Улица, где жили вторые Ивкины, вся цела. Улица, где жили Сергеевы, тоже цела. Целы и большие дома на кладбище (имеется в виду участок, который с XIX века занимали гарнизонное, католическое и еврейское кладбища. Первые два были снесены коммунистами еще до войны, третье – в 1953 г. Сейчас на месте этих кладбищ сквер. – Ю.С.). Школа наша (имеется в виду старое здание школы №9. – Ю.С.) сильно пострадала: одно крыло (левое) разрушено, статуй нет, забора нет, окна разбиты, сейчас в ней казарма. Канатная фабрика сохранилась (здание канатной фабрики Мартынова, современный адрес Красноармейская ул., 61, ныне в полуразрушенном состоянии. – Ю.С.), цел домик Малевицких. Дома – деревянные казармы, – сгорели, забора нет. Краснолобовский дом пересечен бомбой Y2. Остальные целы, целы и конюшни, что были за Макеевым домом. Дом Марии Кузьминичны разобран немцами на дрова. «Сюнечкина» дома нет, сгорел. <…> По Красноармейской улице дальше почти нет разрушений, если не считать нескольких построек госпиталя, да домика напротив его. Урицкая улица, вернее переулок, где был наш магазин № 2, уцелел совершенно. В этом магазине сейчас военторг. Уцелела Урицкая улица, нет только жилых и частично производственных домов фабрики Сталина (РТИ. – Ю.С.), а там, за исключением школы – детского сада (имеется в виду старое здание школы №4 по ул. Пионерской, сгоревшее в 1943 г. – Ю.С.) во дворе Воейкова, которая разрушена, все цело. В этом районе разрушена новая баня (баня №5, которую немцы использовали как дезинфекционный пункт, разрушена в 1943 г., восстановлена после войны. – Ю.С.), выбиты окна, и кое-что разрушено в главном корпусе фабрики Сталина. Напротив, на углу, где был сад ДК, ничего нет, голый пустырь. Снесен с лица земли дом рабпроса. <…> Дом Красной армии (современный адрес: ул. Калинина, 79. После войны – Гарнизонный дом офицеров, теперь занимаемый несколькими магазинами. – Ю.С.) цел и все дома по этой стороне вплоть до гастронома» [50, с.111-112].

Далее А.В.Памфилов описывает сквер, известный современным брянцами как «сквер Кравцова»: «В скверике напротив Никольской церкви (имеется в виду Нижне-Никольская или Успенская церковь, снесенная коммунистами в конце 1960-х. На ее месте сейчас офисное здание на углу улиц Урицкого и Калинина. – Ю.С.) [памятник] Ворошилова взорвали, пьедестал остался» [50, с. 112]. На помянутом пьедестале в 1915 г. был возведен памятник брянскому меценату П.С.Могилёвцеву, который коммунисты снесли и заменили памятником Ворошилову. На опустевший в очередной раз постамент водрузили после войны фигуру

красноармейца, а потом – бюст первого командира Брянского городского партизанского отряда, 2-го секретаря горкома ВКП(б) Д.Е.Кравцова.

Памфилов продолжает свое путешествие по улице III Интернационала, ныне Калинина: «Общежитие лесного института (бывшая почта) разрушено. Посредине, где были каменные ворота, бомба вышибла середину здания (Это здание на углу современных улиц Фокина и Калинина было восстановлено, но в начале 1980-х обрушилось и снесено. – Ю.С.). <…> Дальше ряд домов, Военторг, бакалея, кафе и аптека целы. Дом, где висели часы (сберкасса и магазин) разрушены (дом купеческого сына П.И.Климова после войны восстановлен, ныне в аварийном состоянии. Современный адрес – Калинина, 99. – Ю.С.), так разрушены. До сквера Фокина остался дом бетонный и мясные ряды. В сквере остался трансформатор (новая будка), памятник Фокину изуродовали, отбили лицо, а обелиск остался стоять. <…> За сквером Фокина улица осталась до самого завода: цел магазин мясокомбината, парикмахерская, [магазин] «Охотник», ПТУ. Вообще улица цела. Дальше тоже кое-что осталось, но за 3-ю больницу (ныне наркодиспансер по адресу Калинина, 177. – Ю.С.) я не проезжал. По другой стороне ул. III Интернационала большие разрушения. Во-первых, разрушен Черный мост до основания. Сейчас работает понтонный. Там же. Карачиж почти цел. Подарь цел. Целы галерные сараи, они отстроились недавно…» [50, с.112] На месте галерных сараев сейчас по ул. Калинина пустырь, огороженный забором, на дороге от Набережной к Черному мосту.

Памфилов продолжает: «Вся Набережная улица от сараев до конца сожжена. Исчезло с лица земли Заречье: все сожжено и нет даже бревен на той стороне реки. Это, пожалуй, единственное место, сожженное дотла. Вырубленная Бабаева роща лежит там же. <…> Улица III Интернационала (Калинина. – Ю.С.) по правой стороне, если идти в центр, пострадала сильно, нет целых кварталов. Осталось здание военкомата и прилегающие к нему партшкола, книжный, Драчевка и сожженные магазины. Базар был отстроен… Сейчас на нем торгует масса народу и отстраивают столы. Собор весь побит, но цел. Цела (разбита частично библиотека) школа Луначарского (Калинина, д.84, после войны – ПТУ №5. – Ю.С.) и все дома до клуба завода (им. Кирова, Брянский арсенал. – Ю.С.) (местком). Он сожжен. Завод разрушен и сожжен (ныне старинные корпуса Брянского арсенала либо снесены, либо в аварийном состоянии. – Ю.С.)… Ну, вот как выглядит эта часть города. Нижний Судок такой же, как будто бы и войны не было. Подымаясь по ул. Ленина (ныне Фокина. – Ю.С.), бросаются в глаза разрушенные здания, где жили Жилкины. Здесь от этой улицы (переулка) до Черной горки остался только один полуразрушенный дом НКВД, все остальное, как смело с лица земли. Нет даже коробок домов, ровное место. Здесь фрицы сделали кладбище для своей падали. Сотни крестов к моему приезду были вырваны из могил, а могилы сравнены с землей. <…> 2-ая сторона пострадала, но будет жить. Все дома горсовета сгорели, остались коробки... Здание музшколы угловое, напротив магазина военного цело (что был в доме горсовета). Сейчас в нем горсовет. <…> Театр взорвался на 2-й день, по приходу наших войск был заминирован. Но при приложении рук будет восстановлен (восстановлен, ныне Брянский драмтеатр. – Ю.С.), как и Дом Советов, в подвальном этаже которого было и теперь кино для русских... Дом, где жил дед Севкин, тоже сгорел на 2-й день после вступления наших войск. Сгорел дом Иноземцевых, остальные целы до конца улицы. <…> Дом пионеров цел (помещался в особняке Могилёвцевых на оформленной к началу 1970-х площади Ленина. Снесен к 1977 г. – Ю.С.). От техникума (дореволюционное здание Брянского среднего технического училища, занятое строительным техникумом, было в войну частично разрушено, потом разобрано, с 1960-х на его месте гостиница «Десна». – Ю.С.) и дальше до стадиона, кажется, все цело. Техникум машиностроения сгорел еще в [19]41. Так же сгорел дом Кировского завода на Васильевск[ой] (ныне ул. Горького. – Ю.С.) и Васильевых. Банк новый цел, цел дет-

ский сад. Отстроенный напротив Банка институт цел... Флигель во дворе сгорел... Поликлиника цела, цела и почта (относительно), отделение милиции и диспансер по Васильевой целы. Завод спиртоводочный будет восстановлен. Сквер круглый – цел и целы статуи: дискобол и пловец в центре (ныне эти статуи не существуют. – Ю.С.). Цел красный павильон, который был отстроен перед войной (на месте этого павильона после войны выстроено кафе «Ветерок». – Ю.С.). Клуб Кирова сгорел (ныне на его месте областаня библиотека. – Ю.С.). <…> Школа III-го Интернационала хотя и сгорела, но стены хороши, вестибюль не сгорел (Это бывшая женская гимназия им. Могилёвцевых. После войны используется как административное здание. – Ю.С.). <…> Ул. Советская (ныне бульвар Гагарина. – Ю.С.) кое-где цела. Цело медучилище (современный адрес – бульвар Гагарина, 10. – Ю.С.). Педучилище сгорело (бывшее городское училище. Ныне на его месте большой жилой дом на углу ул. Луначарского и бульвара Гагарина. – Ю.С.). Цело еще несколько домов. Петровская гора цела за исключением большого заводского 4-х этажного дома завода Кирова, который разрушен бомбой (не совсем). Дом на Ленинской, где была столовая ИТР – цел, и где был магазин – цел и городок специалистов – цел. Удивительно! Снесен с лица земли аэродром со всеми его постройками и службами. Городище – цело. Местные сараи целы, городок жилкооперации – цел, хотя много домов погорело и стоят без окон и дверей. Поселки Брянск I, II, Урицкий, Самара-Радица полностью или почти уничтожены. Так же уничтожен Урицкий завод. Лесной городок института уничтожен, но опытные поля, дендрариум и кое-что из домов осталось» [50, с.112-113]. По части водоснабжения Брянска Памфилов подтверждает определения из «акта об ущербе»: «Не работает водопровод и… колодцы только и питают город водой. Сотни людей таскают воду из под горы» [50, с.116-117].

Побывал Памфилов и в Бежице: «Я был и в Бежице. Нет тихого красивого рабочего городка. *Все лучшие здания как на выбор спалили* (курсив здесь и далее наш. – Ю.С.) немцы, все маленькие остались. Сожжен вокзал, Дворец культуры, исполком, фабрика-кухня, детский сад, кино, дома специалистов и магазины, все дома каменные по красной дорожке по правой стороне, где были магазины, все дома по Комсомольской улице, где были дома специалистов, красивые красные коттеджи заводской администрации – *все-все дома, выстроенные при советской власти поджигались факельщиками* (кто на самом деле поджигал эти дома сказано у нас выше. Памфилов лишь передает то, что сказали ему представители местной советской власти. – Ю.С.). Сгорели дома специалистов института, дома стахановцев, военное училище. И чудом уцелел институт, общежитие института и лабораторный корпус. У нас сгорела одна вагонная лаборатория… Завод сильно пострадал от бомбежки и пожаров. <…> Мост через Десну в Бежицу цел (из Городища), через него немцы провели узкоколейку…» [50, с.114].

***

Подведем итог. Из «акта об ущербе» и писем майора А.В.Памфилова видно, что самые масштабные разрушения на пространстве, входящем теперь в городскую черту Брянска, находились или в зоне удара советской бомбардировочной и штурмовой авиации (поселки Брянск-I и Брянск-II, Урицкий и завод им. Урицкого, территория завода «Красный Профинтерн», «старый» аэродром), или на пути наступления советских войск в сентябре 1943 г. (Самара-Радица, Набережная улица и ближайшая к реке Десне сторона ул. III Интернационала – ныне Калинина). От немецких бомбардировок августа-сентября 1941 г. и заложенных немцами перед отступлением в сентябре 1943 г. мин пострадал ряд знаковых зданий в центре Брянска. Но при этом сказать наверняка, отчего пострадали, например, Дом советов и клуб завода им. Кирова – от немецких или советских бомбежек, или (первый) были подожжены советскими функционерами – сказать наверняка пока нельзя. Но все знаковые постройки со-

ветского времени в Орджоникидзеграде-Бежице были подожжены 8 октября 1941 г. советскими функционерами, чему есть несколько свидетельств. От немецких поджогов сентября 1943 г. более всего пострадал частный сектор в Радице и Бежице. При этом очень показательная цифра прозвучала в одном из репортажей, сюжетом которого было состояние брянского ЖКХ, новостной передачи «Вести-Брянск» (ВГГТРК), вышедшей в эфир 13 августа 2004 г. в 11 ч. 30 м.: около 40% жилых зданий в Брянске выстроено до войны…

Что касается интенсивности, силы и масштабности авианалетов на Брянск, то из всего сказанного выше ясно, что за советской авиацией здесь остается первенство перед немецкой с колоссальным, даже несопоставимым перевесом.

Библиографический список

1. Аксенова Н.А. Разведывательная работа в брянских партизанских отрядах в 1941-1943 годах // Роль военной экспозиции в музейной работе. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Брянск, 2005.
2. Батшев В. Власов. Опыт литературного исследования. Ч.1-3 / 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 2005.
3. Бежица: что было и что запомнилось… / Составитель Т.М.Майданова. Брянск, 2016.
4. Безыментов И. Огонь на себя // Аргументы и факты - Брянск. Региональное приложение. 2006. №38.
5. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001.
6. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2001.
7. Брянску – 1000 лет. Тула, 1986.
8. Брянская тема. 2012. №6 (56).
9. Брянская техника – для российских дорог. 255 лет отмечает старейшее машиностроительное предприятие России // Брянский рабочий. 2007. 21 сентября.
10. Брянский ордена Трудового красного знамени машиностроительный завод. Сборник документов и материалов из истории завода. Брянск, 1969.
11. Вести с Родины. Из недавнего прошлого // Новое слово. (Берлин.) 1942. №38 (420). 13 мая.
12. Горбачев О.В. Оккупационный режим в г. Брянске // Из истории Брянского края. Брянск, 1995.
13. Готовьтесь к первомайским дням // Брянский рабочий. 1930. 11 апреля.
14. Гроссман В.С. Годы войны. (Библиотека журнала «Знамя») М., 1989 // http://militera.lib.ru/prose/0/txt/russian/grossman_vs4a.rar - Записные книжки. Август–сентябрь, 1941 г.
15. Детская книга войны. Дневники 1941-1945 / Автор предисловий и составитель П.Иванушкина. М., 2015.
16. Дневник Людмилы Викторовны Леблан (1926-2006) // Частное собрание.
17. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. М., 2004.
18. Дубровин Л.А. Пикировщики. Литературная запись Л. Г. Куликова. М., 1986 // http://militera.lib.ru/memo/russian/dubrovin_la/index.html
19. Ефимов А.Н. Над полем боя. М., 1976.
20. Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Гитлера. М., 2003.
21. Залесский К. Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха. М., 2005.
22. Иноземцев Н.Н. Фронтовой дневник / Сост. и отв. ред. М. М. Максимова /2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.
23. Камозин, Павел Михайлович // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
24. Колотовская А. Зарево над Брянском // Брянский рабочий. 2011. №44. 24 июня.
25. Котиков Н. И. О жизни и выживании // Помним о детстве, войной опалённом // http://timos.ucoz.ru/publ/vospominanija_quotdetej_vojnyquot/1-1-2
26. Красная звезда. 1941. №223 (4 978). 21 сентября.
27. Курская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. Кн. 2. М., 2003.

28. Ларина Е. «В этот день было затишье, как перед бурей» // Комсомольская правда – Брянск. 2009. 27 августа-3 сентября.
29. Матюшин М.С. Уходим в тыл // Взрывы на большаке.: Воспоминания участников партизанской борьбы на Брянщине / Лит. обраб. И. Швейца и А. Савина. - Брянск : Брян. Рабочий, 1963
30. Мосин А.Ф. Дневник партизана. Воспоминания. Брянск, 2003.
31. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Гомель, Минск, Орша, Брянск // Красная звезда. 1943. №104. 5 мая.
32. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Брест, Гомель, Брянск и на порты Ялта и Констанца // Красная звезда. 1943. №105. 6 мая.
33. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Днепропетровск, Кременчуг, Брянск // №106. 7 мая
34. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы и станции противника // Красная звезда. 1943. №109. 11 мая.
35. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы, аэродромы и автоколонны противника // Красная звезда. 1943. №110. 12 мая.
36. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы, автоколонны и аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №111. 13 мая.
37. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы, станции и аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №113. 15 мая.
38. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Брянск, Кременчуг, Днепропетровск // Красная звезда. 1943. №115. 18 мая.
39. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Полоцк, Брянск и станцию Бежица // Красная звезда. 1943. №128. 2 июня.
40. Налеты нашей авиации на железнодорожный узел Брянск и станцию Карачев // Красная звезда. 1943. №132. 6 июня.
41. Налеты нашей авиации по аэродромам противника // Красная звезда. 1943. №134. 9 июня.
42. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Гомель, Брянск и станцию Карачев // Красная звезда. 1943. №137. 15 июня.
43. Налеты нашей авиации на аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №145. 22 июня.
44. Налеты нашей авиации на железнодорожный узел Брянск, станцию Навля и аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №150. 27 июня.
45. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Брянск, Орел, Хутор Михайловский, Дебальцево и станции Карачев, Енакиево // Красная звезда. 1943. №172. 23 июля.
46. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Орел, Брянск и аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №177. 29 июля.
47. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Брянск, Харьков, станцию Карачев и аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №185. 7 августа.
48. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Харьков, Брянск и станцию Мга // Красная звезда. 1943. №186. 8 августа.
49. Налеты нашей авиации на железнодорожные узлы Брянск, Рославль, Славянск, станциию Барвенково, а также на аэродромы противника // Красная звезда. 1943. №184. 18 августа.
50. Написано войной… Письма, дневники, воспоминания участников войн и военных конфликтов XX века. Сборник. (Управление по делам архивов Брянской области. Государственное казенное учреждение Брянской области «Государственный архив Брянской области».) Клинцы, 2012.
51. Николаев В. Дневник из 41-го года // Брянский рабочий. 2001. 20 июля.
52. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.3. Кн.1. М., 2003.
53. Ожесточенное сражение на западе и на востоке // За Родину (Псков). 1944. 28 июня.
54. Ортенберг Д.И. Июнь — декабрь сорок первого. Рассказ-хроника. М., 1984.
55. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. / Сост. В.С.Муравьев; предисл. А.М.Зверева; коммент. В.А.Чаликовой; перевод В.Скороденко. М., 1989.
56. Памятная книга и адрес-календарь Орловской губернии на 1916 год. Орел, 1916. Отдел II.

57. Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой отечественной войны / Издание 2-е, исправленное, дополненное. Тула, 1970.
58. Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941-1944 / Колл. составителей: О.В. Бажан, С.И. Власенко, А.В. Кентий, Л.В. Легасова, В.С.Лозицкий. М., 2010.
59. Паршин А.Г. Стальные магистрали Брянщины. Брянск, 2004.
60. Пискунов В.О. Начало нацистской оккупации Бежицы (1941 г.) в воспоминаниях очевидцев // Русский сборник. Вып.4. Брянск, 2008.
61. Плотников Ю. В. Освобождение Брянщины // Брянский краевед. Вып. VI. Брянск, 1973.
62. Поручиков И.Я. Жизнь как она есть. Автобиографическая повесть. Брянск, 2007.
63. Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 —1944 гг.) / Сост.: Заставенко Г. Ф. (рук.) и др.; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова / 3-е изд. М., 1985.
64. Прохоров В.Е. Сермяжные истории. Брянск, 2009.
65. Пуклин Д.Г. Остаемся в тылу врага // Взрывы на большаке. Воспоминания участников партизанской борьбы на Брянщине. Брянск, 1963.
66. Разумов В.П. Древо моей жизни (Хроники). 5.2. Грозные годы. Брянск, 1983 // Архив семьи Разумовых-Высоцких.
67. Ржевская А. Вечный странник // Брянский рабочий. 2008. 11 апреля.
68. Российская Федерация. Брянская область. Книга памяти. Т.12. Брянск, 2003.
69. Савелькина А. Никита Степанович Петров: «Век – это совсем немного…» // Брянская тема. 2012. №6 (56).
70. Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981.
71. Состав 15-й воздушной армии приводится по изданию: Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945» / М.Л.Дударенко, Ю.Г.Перечнев, В.Т.Елисеев и др. — М., 1985 // http://militera.lib.ru/h/liberation/index.html
72. Соколов В., Шавырин Б. Брянск. Историко-экономический очерк. Брянск, 1952.
73. Соколов В., Шавырин Б. Брянск. Краткий очерк о прошлом и настоящем старейшего русского города Брянска. Брянск, 1946.
74. Соловьев Ю., Реброва Н. Старый город и новый Брянск. Очерки о тысячелетней истории города Брянска. Брянск, 2013.
75. Соловьев Ю.П. Партизанский генерал Михаил Ильич Дука // Studia internationalia. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». (1-3 июля 2015 г.). Брянск, 2015.
76. Список лиц, реабилитированных прокуратурой Брянской области в 2003 году (продолжение) // Брянский рабочий. 2004. 21 апреля. №85
77. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза / Издание пятое. М., 1947.
78. Старинов И. Записки диверсанта // Альманах «Вымпел». М., 1997. // http://lib.ru/
79. Старинов И.Г. Солдат столетия // http://lib.ru/
80. Старинов И. Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. Книга вторая // Альманах «Вымпел». М., 1999. // http://lib.ru/
81. Старинов И. Записки диверсанта // Альманах «Вымпел». М., 1997. // http://lib.ru/
82. Татьяна Петровна Николаева в воспоминаниях, статьях, очерках, интервью…/ Сост. С.Е.Сенков. Брянск, 2004.
83. Тихоненков К.С. Записки партизанского комиссара. Тула, 1971.
84. Хазанов Д. Вернер Мельдерс // Авиа-мастер. 1997. №4-5.
85. Хазанов Д.Б. Неизвестная битва в небе Москвы. Оборонительный период. М., 1999.
86. Хазанов Д.Б. Неизвестная битва в небе Москвы. Финал. М., 2007.
87. Хаупт В. Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941-1942/ Пер. с нем. Л.А Игоревского. М., 2010.

88. Хирен З., Милецкий Я. В Брянске (От специальных корреспондентов «Красной звезды») // Красная звезда. 1941. №223 (4 978). 21 сентября.
89. Ушаков С. Ф. В интересах всех фронтов. М., 1982.
90. Федоров А.Г. Авиация в битве под Москвой / Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1975.
91. Шмелев Н.А. С малых высот. М., 1966 // http://militera.lib.ru/memo/russia/shmelev_na/index.html (Глава «Огонь с неба».)
92. Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск. 1941-1943. Нелегальная деятельность различных сил в оккупированных Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года. Брянск, 2014.
93. И позвала сынов Отчизна... Сборник документов и материалов. Тула, 1985.

Сведения об авторе:
Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, профессор Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, yur.solovjev@yandex.ru

УДК 364.4+ 947.083(470.433)

Е.С. Турлакова

Брянский дамский кружок в годы первой мировой войны. Благотворительная деятельность

Аннотация: *статья посвящена благотворительной помощи Брянского комитета Дамского Кружка местному комитету Красного Креста и о вкладе Дамских комитетов в помощь госпиталям для раненных и больных солдат. Даны сведения о сборе пожертвований на нужды армии, а также отчетность о расходах Брянского Дамского Кружка.*

Ключевые слова: *Дамский комитет, Красный Крест, пожертвования, благотворительность, расходы, отчетность.*

Turlakova E.S. Bryansk Ladies' Circle in the First World War. The Charity.

Abstract: *The article deals with some issues of Bryansk Ladies' Circle Committee of the Red Cross in the First World War, two hospitals created by Ladies' Circle. There is also information on the collection of donations, income and expenditure statements of the Bryansk Ladies' Circle.*

Keywords: *Red Cross, Ladies' Circles (committees), hospitals (infirmaries), donations, charity.*

В Первую мировую войну Россия вступила, обладая сформировавшейся и развитой сетью благотворительных организаций. Они развернули широкомасштабную деятельность с целью облегчить положение фронтовиков, приступили к организации помощи членам их семей и беженцам.Большую роль, в деле обеспечения раненных солдат и организации ухода за ними, а также в реализации разносторонних благотворительных акций на региональном уровне сыграли различные женские организации [1, с. 19].

Интересным явлением в аспекте реализации благотворительности женского населения стали так называемые «Дамские кружки (комитеты)», деятельность которых еще недостаточно изучена исследователями.

В Российской Империи первый «Дамский» кружок появился в Киеве в 1877 г. по предложению княгини Е.П. Кочубей. Несмотря на название в Дамских кружках состояли не только женщины, но и мужчины, которые успешно справлялись со своими обязанностями. Так, двое членов Дамского кружка при Брянском комитете Красного Креста 28 декабря 1915 года − Леон Абрамович и Александр Смирнов, были награждены Орденами Св. Станислава 3-й степени[5, д. 50, л. 45].

Орловский городской Дамский комитет систематически занимался сбором пожертвований на нужды армии. Так, на 1 сентября 1915 г. Комитет отправил в армию более 60 тыс. предметов одежды, 200 аршин холста, 100 пудов продуктов питания (сала, колбасы, ветчины, сладостей, баранок) и мыла, более 9 пудов чая и сахара, более 230 пудов табака и 57 тыс. штук папирос, кроме того, 250 продовольственных подарков. Для сбора средств Дамский комитет устраивал благотворительные базары, лотереи, продажу цветов в пользу детей, призванных воинов[3, с.4]. В городе Болхове Орловской губерниибыло собрано к Рождеству 1915 г. 1575 руб. На эту сумму местный Дамский комитет подготовил 2 тыс. подарков и благодарственные письма [3, с.6].Сборщики никогда не оставались с пустыми руками, благодаря массовому участию населения.

Возвращаясь к Брянскому комитету Дамского Кружка при Брянском местном комитете РОКК, стоит сказать, что в архиве Брянской области не сохранились документы, в которых бы указывалась дата создания местного Дамского кружка. Но имеются данные о деятельности Дамского кружка в годы русско-японской войны[5,д. 26, л. 19]. В годы Первой мировой войны председательницей кружка стала вдова П.С. Могилевцева Зинаида Федоровна. В кружок в основном входили жены известных горожан. На средства кружка (23 тысячи рублей) в

годы Первой мировой войны было устроено два лазарета [4. с. 72]. Первый лазарет при Дамском кружке Красного Креста был открыт 17 августа 1914 года, второй – 6 октября того же года [5, д. 48, л. 17]. Лазареты при Брянском местном комитете финансировались из казны [5,д. 48, л. 102.]. Оборудовались эти лазареты от Общественного собрания и Дамского кружка при Брянском комитете. С течением времени, первый лазарет Дамского кружка был закрыт (с 1 марта 1915 года). Причиной тому послужило большое количество свободных мест в лазаретах вообще, и сокращение медицинской помощи в виду призыва на военную службу врачей [2. с. 117].

В лазарете второго Дамского кружка с начала войны по апрель 1915 года побывало общее количество больных и раненных воинов 180 человек[5, д.45 (т.2), л. 142.].В Брянске проводили кружечные сборы для пожертвований и вели отчетность о суммах сборов, какие города участвуют (Стародуб, Дятьково и др.), сколько израсходовано на нужды лазаретов и госпиталей, и кто устроил сбор. Так, 26 октября 1914 года в «День Красного Креста» одновременного сбора в пользу больных и раненных воинов в Брянске было собрано 670 руб., в Бежице – 337руб. 94 коп., в Дубровке – 214 руб. 60 коп., в Жуковке – 78 руб. 69коп., в селе Ивот – 141 руб. 73коп. Земский начальник Брянска в поселке Супонево выделил 180 руб. 30коп. Всего было собрано 2649 руб. 56 коп., а чистый сбор составил 2632 руб. 11 коп [5, д.43, л. 11].

В архиве Брянской области сохранилась отчетность Дамского Кружка при местном комитете Красного Креста за 1,5 месяца (октябрь-ноябрь 1914 года). В ней указано, что за этот период поступило 3331 руб. 73 коп. от учителей и персонала гимназии и других учебных заведений (мужского приходского училища – 1.80руб., Дубровской высшего начального училища – 7.50 руб.), а также частных лиц: В.П. Фогль, Н.Т. Пипенко, А.Д. Онисимова. Поступали деньги и от различных организаций: от Брянского общественного собрания, от отделения Брянского банка, Брянского казначейства и др. Пожертвования происходили не только деньгами, но и теплыми вещами и продуктами. Так, Лебедевы пожертвовали первому Дамскому лазарету «2 сорочки, 2 пары кальсон, 3 пары носков, Егоров – 6 пачек какао, В.Д. Новиков– 10 пачек спичек и 20 фунтов табаку»[5,д.48, л.21-22 об] и т. д.

В документе подробно расписаны и расходы Дамского Кружка при местном комитете Красного Креста. Так, на содержание первого лазарета Дамского Кружка в Петропаловском монастыре на 26 кроватей за этот период было израсходовано 634 руб. 44коп. Второго лазарета на 50 кроватей – 1450 руб. 61коп. Всегоприход имел на тот период 15840руб., 17коп. Расход на два лазарета составил 2085 рублей, а остатокна 2 ноября 1914 года – 13755 руб. 12коп. Прежде всего, средства уходили на оплату стирки белья: за пуд – 8 руб.75коп., а также на покупку марли (1 руб. 20коп.) и работы по колке дров (1 руб. 30коп.) [5,д.48, л.21-22 об].

Собирали деньги на подарки раненым к праздникам и в стенах учебных заведений (женские училища, торговые школы). Так, в 1914 году собрали 4 ящика подарков, куда входил табак, фрукты, конфеты[5,д. 44, л. 30]. В пользу увечных воинов в марте 1916 года в Брянске прошел благотворительный концерт. Казначейство Дамского кружка при Местном комитете РОКК (казначей Э.Яковицкий) вел отчет о пожертвованиях и расходах. Из отчета за сентябрь 1914 года следует, что в 1-ый лазарет в Петропаловском монастыре поступило пожертвований в сумме 3055 руб. 33 коп. На 28 августа оставалось 11852 рубля 62 копейки. Всего приход к тому времени составлял сумму 14907 руб. 95 коп.

4 ноября 1916 года Зинаида Федоровна Могилевцева сложила с себя звание председательницы Дамского кружка местного комитета Красного Креста [5,д. 50, л. 148]. 21 ноября 1916 года было созвано собрание Комитета Красного Креста и Дамского кружка, которое постановило «Деятельность дамского кружка ликвидировать». От оставшейся денежной суммы

в размере 9091 руб. 77 коп. часть денег было решено передать в распоряжение Брянской земской управы, другую на строительство Болохонского приюта и в Брянскую учительскую семинарию.

Кроме того, на оставшуюся сумму было решено учредить стипендии для гимназий и других благотворительных мероприятий«имени Дамского Кружка в память второй Отечественной войны» [5, д.50, л. 158.].В положение об учреждении стипендии говорилось: «На проценты капитала в 1400 рублей жертвованного Дамским Кружком при Брянском местном Комитете Красного Креста учреждается в Брянской казенной мужской гимназии одна стипендия, именуемая "Стипендия Дамского Кружка при Брянском комитете Красного Креста, в память Второй отечественной войны"». Стипендия назначалась педагогическим советом из числа «достойнейших учеников гимназии сыновейвоинов», павших или пострадавших во время войны, а в случае отсутствия таковых, сыновей беднейших жителей города Брянска. Стипендиат, оставшийся на второй год в классе, лишался стипендии, но педагогический совет вновь мог предоставить ему стипендию по особо уважительным причинам. По окончанию курса стипендиат не нес никаких обязательств за пользованию стипендией» [5,д. 50, л. 151].На собрании также было решено: «Выразить искреннюю благодарность Зинаиде Федоровне Могилевцевой за ее ревностные труды по руководству деятельности Дамского кружка и представить Зинаиде Федоровне пожизненное право замещения вышеупомянутых стипендий» [5,д. 50, л. 158].

В статье рассмотрены только отдельные направления деятельности Дамского кружка Брянского уезда в годы Первого мировой войны, которые получили отражение в документах Государственного архива Брянской области. Разрозненность и эпизодичность источникового материала не позволяет воссоздать целостную картину работы данной женской организации и предполагает дальнейшую исследовательскую работу. Однако уже приведенные отдельные факты демонстрируют, что Дамский кружок явились важной составляющей частью общественной жизни уездов в военный период, способствовал вовлечению в благотворительную деятельность широких масс населения, давал возможность реализации патриотических устремлений женщин в тылу.

Библиографический список

1. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 16-23.
2. Алферова И.В., Турлакова Е.С. Организация приема раненых и больных в годы Первой мировой войны во внутренних военных округах Российской империи (на примере уездов Орловской губернии) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского, Факультет истории и международных отношений, Кафедра отечественной истории. Брянск, 2016. С. 110-118.
3.Белова И.Б. Благотворительность в Российской провинции в период Первой мировой войны: региональный аспект. – СПб., 2012. С. 1-11.
4.Горбачев О.В, Колосов Ю.Б, Крашенинников В.В. История Брянского Края. XX век. – Клинцы, 2003 г. С. 449.
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 52. Оп. 1.

Сведения об авторе:

Турлакова Екатерина Сергеевна - магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, turlakatya@yandex.ru

УДК 658.14+364.054+929(470)

Г.Н. Скороход, А.А. Чубур

Загадка капиталов князя В.Н. Тенишева

Аннотация: *Авторы статьи обращают внимание на то, что стартовым капиталом в Акционерном обществе Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода для князя, предпринимателя и мецената В.Н. Тенишева послужили средства его первой супруги – Анны Дмитриевны урожденной Замятниной. Роль этой выдающейся во многих отношениях женщины, как в судьбе князя, так и в отечественном предпринимательстве, меценатстве и благотворительности незаслуженно забыта и игнорируется многими исследователями.*
Ключевые слова: *Тенишев В.Н., Тенишева А.Д., Брянский рельсопрокатный и железоделательный завод, Гутуевский механический завод, акционерное общество. взнос.*

Skorokhod G.N., Chubur A.A. The riddle origin of the capital of Duke V. N. Tenishev

Abstract: *The authors draw attention to the fact that the initial capital in the Joint Stock Company Bryansk rail rolling, ironworks and mechanical plant for the prince, entrepreneur and philanthropist V.N. Tenishev served as a means of his first wife - Anna Dmitrievna nee Zamyatina. The role of this remarkable woman in many ways, both in the fate of the prince, and in the Russian business, patronage and charity is undeservedly forgotten and ignored by many researchers.*
Keywords: *Tenishev V.N., Tenisheva A.D, Bryansk relsoprokatny and ironworks, Gutuevsky mechanical factory, joint-stock company. contribution.*

Уже более 100 лет историки и краеведы задаются вопросом, сформулированным ещё в конце XIX века министром финансов С.Ю. Витте: как удалось князю В.Н. Тенишеву «сделать состояние собственным трудом, начав службу на казенной дороге техником с окладом 50 руб. в месяц?» [7, с.189; 4, с.6]. Актуальным вопрос остаётся и сегодня: только ли собственный гений привёл князя к финансовому процветанию и блестящему воплощению его идей, равно как и замыслов второй его жены Марии Клавдиевны, или же были в его судьбе люди и события, которые смогли ему серьезно помочь? Попробуем разобраться в немногочисленных фактах, которыми мы располагаем.

Здание Политехникума в Карлсруэ, в котором учился В.Н. Тенишев. Архитектор Генрих Хюбш, 1836 г.

По специальности Вячеслав Николаевич Тенишев – инженер путей сообщения. Закончив два курса физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он был экстренно вызван отцом в Варшаву и продолжил обучение в Политехникуме в Карлсруэ – старейшем техническом учебном заведении Германии. Есть две версии внезапной причины отъезда: студенческие волнения в столице [41] и разгульный образ жизни молодого князя [14]. Не исключено что на решение отца повлияли обе причины в совокупности. Именно в Политехнической школе в Карлсруэ уже вскоре после ее основания, возникла идея новой модели высшего технического учебного заведения, где специфические инженерные и естественные науки занимали бы прочное место

наряду с занятиями литературой, философией историей и искусством [42, S.12]. Не отсюда ли берет начало страсть Тенишева не только к технике, механике и инженерному делу, но одновременно и к биологии (в том числе к этологии животных), к этнографии, к новаторской педагогике и, одновременно к музыке? Так или иначе, политехникум в Карлсруэ окончили многие видные инженеры, например учившийся с Тенишевым будущий создатель автомобиля Карл Бенц [20, с.49].

По окончании учебного заведения в 1864 г. Тенишев служит поначалу простым техником на Московско-Курской и Риго-Орловской железных дорогах. Такое начало на самом деле не удивительно – железнодорожный транспорт в те времена был передовой отраслью, а служба там – престижной. Важно иное: жалование князя составляло лишь 50 рублей в месяц (по покупательной способности это примерно 50473 современных российских рубля по курсу Центробанка).

Был ли он усерден на государственной службе и долго ли на ней состоял? Казалось бы, судя по отсутствию упоминания о каком-либо чине – нет. Но согласно «Табели о рангах» гражданские чины, как и военные, давались по выслуге лет или по особым заслугам. Закон от 4 февраля (24 января) 1722 г. гласит: «Князья императорской крови имеют при всяких случаях председательство над всеми князьями и высокими служителями российского государства. За этим исключением общественное положение служащих лиц определяется чином, а не породой». И там же в п.8: «Сыновьям российскаго государства князей, графов, баронов, знатнейшаго дворянства, такожде служителей знатнейшаго ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной асамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижняго чину, и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однако ж мы для того никому какова рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оныя характера не получат» [13, РГАДА ф.1451, оп.1, кн.13]. Для того чтобы пройти ступеньку в табели о рангах требовалось, как правило, 3-4 года. Мог ли молодой князь попытать счастья на военном поприще? Сохранилась запись 1873 г. в альбоме «Знакомые» у издателя крупнейшего дореволюционного исторического журнала «Русская старина» М.И. Семевского [32, с.73], где рукой князя выведено: «Флигель-адъютант Ею Императорскою Величества, Кавалергардского полка полковник – один из Ваших первых учеников. Вячеслав Тенишев» Опубликованный самим Семевским и подлинный текст отличаются, последний более полный, выявленный Т.М. Вахитовой мы и приводим [6; ИРЛИ, ф.274, оп.1, №395, С.250]. Однако никаких иных данных о службе Тенишева кавалергардом найти в архивах не удалось – потому указанную запись о воинском звании следует считать неким изящным оборотом речи. Меж тем заметим, что полковник в табели о рангах соответствует коллежскому советнику, жалование коего составляло 600-750 рублей в год, то есть все те же 50-60 рублей в месяц.

Ряд историков утверждает, что в 1870 г., менее чем через 6 лет после окончания политехникума, 26-летний Тенишев самостоятельно основал на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге слесарно-механический завод [11]. Реально ли это? Для основания завода «с нуля» требуется внушительный стартовый капитал. Простая арифметика показывает, что Тенишеву потребовалось бы работать инженером не один десяток лет, чтобы собрать нужную сумму. Возьмём для сравнения основателя и акционера Брянского завода В.Ф.Голубева. Он первым в учёбе окончил Петербуржский институт инженеров путей сообщения (его имя как «отличившегося» было высечено на мраморной доске в актовом зале Института). В течение 11 лет занимал высокие должности в Главном Обществе Российских железных дорог, на Нижегородской дороге по службе тяги, затем – главного инженера на постройке железных дорог, где показал не только технический опыт, но и организаторские способности. Далее он

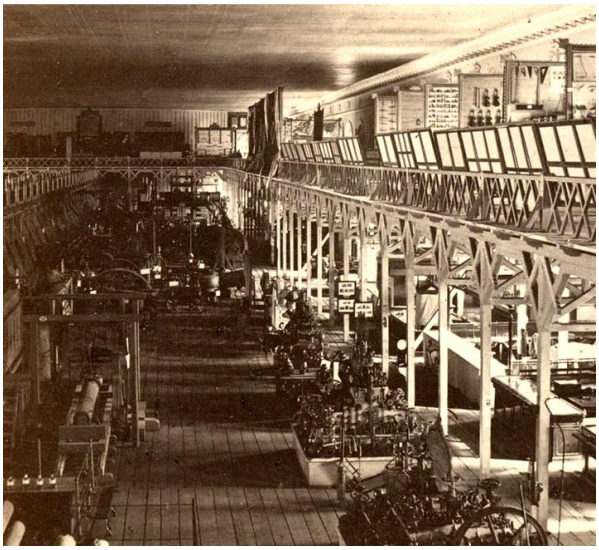
– управляющий Орловско-Витебской железной дорогой, но даже на столь высоком посту всё еще не имеет средств для самостоятельной организации рельсопрокатного производства. И это притом, что он нашел поддержку в лице будущего директора Брянского завода Вильгельма Крахта, имевшего опыт в подобном производстве. В итоге Голубев и Крахт оказались вынуждены убеждать купца и железнодорожного магната П.И. Губонина войти в долю и организовать акционерное общество. При этом Голубев собственноручно делал многие расчёты проекта предприятия. [36, 37].

Так мог ли Гутуевский механический завод быть основан лично князем В.Н. Тенишевым, если за короткий срок нереально заработать стартовый капитал? Объяснение экономической загадки может быть таким. Отец Вячеслава – князь Николай Иванович Тенишев, генерал-майор, кавалер многих орденов, в прошлом Сандомирский губернатор и управляющий путей сообщения Царства Польского, скончался в 1862 г., еще в бытность сына студентом [8]. По всей видимости, он и оставил сыну наследство, хотя вряд ли очень большое. Во-первых, был он все-таки служилым дворянином, живя большую часть жизни на казенное жалованье без капиталов и родовых поместий. Во-вторых, в семье было семь дочерей (Ольга (р.1828), Юлия (р.1831), Софья (р.1835), Екатерина (р.1837), Александра (р.1841), Вера (р.1842) и Людмила (р.1845)) и два сына (Владимир 1837 г.р. и Вячеслав 1844 г.р.) [9, с.190-194]. Вероятно, два небольших завода (второй в Ростове-на-Дону) – это часть наследства. Датой же «основания» завода, вероятно, стал момент, когда Вячеслав Николаевич взялся за модернизацию производства. С этим связано и первое сохранившееся документальное упоминание завода: газета «Московские ведомости» [18] сообщила, что в январе 1870 г. в департамент Торговли и Мануфактур поступило «прошение полковника Шпаковского о выдаче князю Вячеславу Тенишеву и К^0 10-летней привилегии на прибор для топки паровых котлов посредством пульверизации горючих жидкостей» [15]. Завод выпускал лесопильные рамы на паровой тяге, небольшие паровые машины изготавливались здесь же, и вероятно речь шла об их усовершенствовании форсунками Шпаковского. Одновременно В.Н. Тенишев, как инженер-железнодорожник, знающий потребности отрасли, создает новые механизмы для изготовления конструкций железнодорожных мостов, в частности – болтов и заклёпок разных размеров, которых его машина на паровой тяге делала до 4000 в час.

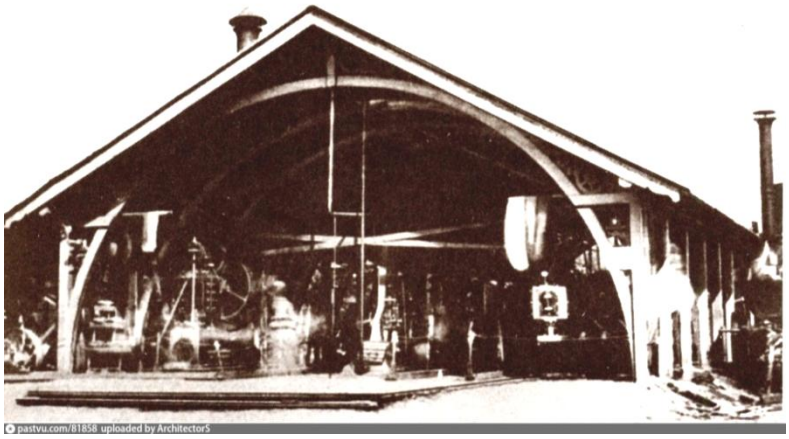
Дела на заводе шли не очень гладко. По видимому, прибыль от него была столь мала, что князь оказался не в состоянии оплачивать из нее аренду земли. «В мае 1871 г. 28-летний Санкт-Петербургский купец 1-й гильдии князь Вячеслав Николаевич Тенишев обратился к управляющему Экспедицией ”с просьбою о продаже ему земли и строений”: на Лифляндскую улицу он желал перенести принадлежавший ему Гутуевский механический завод с острова, где он вынужден платить арендную плату за землю её владельцу. При этом князь принимал на себя обязательство уплаты долгов Экспедиции по ее займам на покупку бывшей фабрики А.Раля и бывшего дома Павловского института. <…> В итоге 6 октября 1871 года император утвердил положение Комитета министров о продаже строений фабрики с землей именно В.Н.Тенишеву за 53708 руб., более того, в феврале следующего года князь получил еще одно разрешение: оплатить почти 4/5 покупки банковскими билетами. 23 февраля 1872 г. купец В.Н.Тенишев внес наличные деньги и 5%-ные банковские билеты в кассу Экспедиции. Фабрика, со снесенными ранее «за ветхостию» несколькими деревянными строениями, была продана» [40, с.111]. Однако завод так и не переехал: фабрика уже к апрелю была выгодно перепродана В.Н.Тенишевым заводчику Л.Е.Кенигу под Чернореченскую бумагопрядильню [40]. И все же желание купить землю на новом месте, оплатив даже долг прежних хозяев, говорит либо о расточительности, либо о крайней срочности предприятия. Надо заметить, что остров в устье Невы не был еще местом плотной промышленной застройки. Как писал А.А.

Бахтиаров в 1895 г., «Лет двадцать тому назад, Гутуевский остров был почти пустырем, поросшим сорною травою» [2].

Изначальная срочность, как и несостоявшийся в итоге переезд, могли объясняться, впрочем, и желанием принять участие в уникальном мероприятии – проходившей с 30 мая по 3 сентября 1872 г. Всероссийской политехнической выставке, приуроченной к 200-летнему юбилею Петра Великого, где В.Н. Тенишев продемонстрировал продукцию своего завода. В ней приняли участие 10000 отечественных и 2000 зарубежных предпринимателей [33]. Заявку от Гутуевского механического завода на участие В.Н.Тенишев подал еще 25 ноября 1871 г., то есть как раз во время затяжного рассмотрения условий земельной сделки на Лифляндской улице. Представленные князем Тенишевым в техническом и железнодорожном отделах машины были оценены по достоинству и отмечены Большой Золотой медалью [15]. Однако ситуацию на заводе эта победа видимо не исправила, ибо дальнейших упоминаний о нём не обнаружено. Что произошло? Некоторые исследователи указывают, что молодой князь продолжал вести «рассеянный образ жизни» и в итоге проиграл в карты значительную, если не основную часть своего наследства – заводы в Петербурге и в Ростове-на-Дону [22]. По воспоминаниям второй жены князя М.К. Тенишевой, он и в зрелые годы не вполне победил пристрастие к карточной игре и алкоголю. Это было причиной бесконечных нареканий и со стороны его первой супруги Анны.



Всероссийская политехническая выставка 1872 г. Технический отдел. АРАН. Ф.446. Оп.1А. Д.65. Л.7.



Всероссийская политехническая выставка 1872 г. Павильон отдела железных дорог на Кремлевской набережной

Итак, из наследства, похоже, остался лишь титул. В этой связи интересно следующее: «Вячеслав Николаевич подавал прошение императору о выдаче копии с определения Правительствующего Сената по делу о княжеском достоинстве рода Тенишевых, утвержденном 2 октября 1851 года. Эта копия понадобилась князю в 1874 г., чтобы передать ее в Департамент Герольдии для утверждения герба князей Тенишевых. Герб Тенишевых был утвержден

13 октября 1875 г. и внесен в гербовник (т.XIII, №20). Как отмечается в книге А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник всероссийской империи», «копия с высочайше утвержденного герба 13 октября 1875 г. выдана инженер коллежскому советнику князю Владимиру Николаеву Тенишеву», то есть старшему брату Вячеслава Николаевича» [6]. Почему на прошение заводчика Вячеслава Тенишева ответ приходит его брату? Возможно потому, что заводчиком князь уже быть перестал.

Примечательно, что много позднее в прошении С.Ю.Витте на имя императора о введении князя Тенишева в Совет торговли и мануфактуры он представляет его не как бывшего заводчика (не упомянуто его владение Гутуевским и другими заводами), а лишь как бывшего Председателя Общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, что косвенно подтверждает печальный исход первых предприятий.

Удивительным образом совпадают год получения родового княжеского герба, год его первой женитьбы и год прихода на Брянский завод в качестве акционера – 1875 год.

Исследователь жизни и деятельности князя Тенишева, Тамара Вахитова пришла к выводу, что: «По-видимому, приданое жены и поддержка тестя, имевшего огромные связи в деловом и правительственном мире, помогли Вячеславу Николаевичу на первом этапе его предпринимательской жизни» [6]. Речь, естественно, идёт о первой жене князя, Анне Тенишевой и её отце. Ведь вторая жена, Мария Клавдиевна, не имела собственных средств. Меценатская и благотворительная «деятельность осуществлялась княгиней… на деньги ее мужа – князя Вячеслава Николаевича Тенишева. В одном из писем Н. Рериху (17 апреля 1912 г.) княгиня писала: «Многое я смогла бы сделать, планов и замыслов у меня хоть отбавляй, но средства имеют границы. При жизни моего мужа было легче — он наживал, а я этого делать не умею...» [6]. Не может быть речи и об огромных связях её отца, коллежского секретаря Пятковского (по «Табели о рангах» соответствовал чину армейского поручика; лица этого чина занимали невысокие руководящие должности), равно как и отчима – коллежского асессора Морица Петровича фон Дезен [28].

Кто же она, первая супруга князя? Если, действительно, именно благодаря ей Тенишев заработал огромное состояние, то отчего сегодня мы так много говорим о меценатской деятельности второй жены и почти ничего не знаем о жене первой? Попробуем восполнить этот досадный пробел.

Анна Дмитриевна Тенишева (в девичестве – Замятнина) родилась в богатой и именитой семье, принадлежащей к высшему обществу. Совершим небольшой экскурс в её родословную. Родственники по материнской линии происходили от родного брата деда царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Род Нарышкиных известен с середины XV века, вознёсся благодаря брачному союзу с царским родом и был особо приближен ко двору. Он дал России царицу, ставшую матерью Петра Великого, многих бояр, губернаторов, генералов, придворных. В петровское время Нарышкиным принадлежали в округе Москвы многочисленные имения: Фили, Кунцево, Свиблово, Братцево, Черкизово, Петровское, Троице-Лыково, их усыпальницей служил Высокопетровский монастырь. Имя Нарышкиных сохранилось в даже названии архитектурного стиля «нарышкинское барокко» (то же, что «московское барокко») [10]: в нём, в частности, строились храмы в усадьбах родственников Петра I по матери. Род Нарышкиных относился к нетитулованному дворянству, занимая в этой социальной страте с петровских времен первенствующее положение. Разными государями предлагались Нарышкиным титулы, от которых они решительно отказывались, мотивируя тем, что не хотят быть ниже светлейшего князя А.Д. Меншикова [23]. Заметим, что среди предков Анны Дмитриевны есть ещё одна царская фамилия – Милославские, родственники первой жены Алексея Михайловича Романова, царицы Марии Ильиничны.

Прапрадед Анны Дмитриевны – тайный советник Александр Иванович Нарышкин (ум.1782) в 1759 г. получил камергерство и состоял при Императоре Петре III, будучи с ним и при неудавшемся бегстве из Ораниенбаума в Кронштадт при гвардейском перевороте 1762 года. Супруга Александра Ивановича – Анна Никитична Трубецкая – дочь фельдмаршала Никиты Юрьевича Трубецкого, отец которого – Юрий Юрьевич при Петре I на воинской службе участвовал в строительстве Петропавловской крепости. Её Трубецкой бастион назван как раз в честь Юрия Трубецкого (здесь уместно напомнить, что род Трубецких ведет начало из родового их города Трубчевска на Брянской земле). Имя Никита сын Юрия получил в честь знаменитого прадеда, князя Никиты Ивановича Одоевского (1605-1689), одного из крупнейших землевладельцев Московского Царства, возглавлявшего правительство царя Фёдора Алексеевича и ведавшего международными делами. Свадьба Анны Никитичны Трубецкой и Александра Ивановича Нарышкина была торжественно справлена во дворце в присутствии Императрицы. Сестра Анны Никитичны, статс-дама Елена Никитична (1745-1832), была супругой князя Александра Алексеевича Вяземского (1727-1793) – одного из доверенных и неподкупных сановников Екатерины II, в качестве генерал-прокурора Сената следившего за расходованием казны. Через его руки прошли почти все известные политические дела того времени – включая Е. Пугачева и А.Н.Радищева. Вяземский вел свой род от внука Владимира Мономаха – князя Ростислава Мстиславича.

Прадед Анны Дмитриевны – Иван Александрович Нарышкин (1761-1841) сенатор, действительный тайный советник при Императоре Александре I выдвинулся при Дворе, будучи пожалован в обер-камергеры, а в 1809 г. в обер-церемониймейстеры. Он приходился дядей Наталье Николаевне Гончаровой и был посаженым отцом невесты на венчании её с Пушкиным. Естественно, что поэт не раз наносил визиты Нарышкиным. С именем И.А. Нарышкина вязаны и знаменитые лермонтовские Тарханы, проданные им в 1794 г. Е.А. Арсеньевой – будущей бабушке М.Ю. Лермонтова. Еще в марте 1762 г. «село Никольское Яковлевское тож (оно же Тарханы)» купила Настасья Александровна Нарышкина – вдова комнатного стольника Ивана Ивановича Нарышкина. «Большую часть жизни она провела при царском дворе. Рожденная Милославская, она была родственницей первой жены царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны… Настасья Александровна слыла ярой противницей петровских преобразований и, будучи близкой подругой царицы Прасковьи Федоровны, жены сводного брата Петра I Иоанна Алексеевича, имела большое на нее влияние. Ее замужество за И.И.Нарышкиным, родственником второй жены царя Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны…, служило примирению этих двух враждующих родов – Милославских и Нарышкиных» [19].

Жена Ивана Александровича, Екатерина Александровна Нарышкина, урождённая баронесса Строганова (1769-1841) дочь действительного тайного советника, барона Александра Николаевича Строганова (1740-1789) владельца Таманского и Кыновского заводов и более полумиллиона десятин земли по реке Чусовой, от его брака с Елизаветой Александровной Загряжской (1745-1831), принадлежала к высшей столичной знати. Она была двоюродной сестрой Н.И. Гончаровой – тёщи А.С. Пушкина. Двоюродный дядя Екатерины Александровны – крупный государственный деятель, граф Александр Сергеевич Строганов – владел Билимбаевским горным округом на Урале. Мать Екатерины Александровны – известная красавица Екатерининского двора – была дочерью генерал-аншефа А.А.Загряжского, положение которого при дворе упрочилось с возвышением Г. Потёмкина (будущего фаворита императрицы семья Загряжских опекала в молодости). В петербургском обществе Екатерина Александровна имела видное положение, благодаря высокому придворному чину мужа, родственным и дружескими отношениями к Марии Антоновне Нарышкиной и постоянному вни-

манию императора Александра I, посещавшего Нарышкиных в их доме на Разъезжей, у Пяти углов. Её сестра – Елизавета Александровна Строганова, в замужестве Демидова (1779-1818) – хозяйка аристократического салона и жена крупного русского промышленника Николая Никитича Демидова, единственного сына Никиты Акинфиевича Демидова. Одиннадцати лет от роду он унаследовал от отца богатейшие железные и медеплавильные заводы, а при них 11550 душ крестьян.

Известен был и другой прадед Анны Дмитриевны – Пётр Васильевич Неклюдов (1745-1798), сын тверского губернского предводителя дворянства. В 1760 г. он начал службу в Преображенском полку, не раз оказывал товарищеские услуги Г.Р.Державину, молодому поэту и будущему министру юстиции. Товарищеские отношения между ними сохранились до последних дней, когда Неклюдов стал уже тайным советником, обер-прокурором Правительствующего Сената [Неклюдов, 1932]. Его жена, прабабушка Анны Дмитриевны – Елизавета Ивановна (1755-1800) была дочерью капитан-поручика Ивана Михайловича Левашова, спасшего жизнь императрице Екатерине II во время обвала дома графа Разумовского в Гостилицах [30].

Дедушка Анны Дмитриевны по материнской линии – Сергей Петрович Неклюдов (1790–1874) был мировым судьей и тюремным инспектором в чине действительного статского советника с героическим прошлым. В августе 1812 г., во время Бородинской битвы корнет Кавалергардского полка Неклюдов служил адъютантом генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына. Участвовал в кампаниях 1812-1814 гг. и был награждён: за Бородино орденом Св.Владимира IV степени с бантом, за Красное – Св.Анны II степени, за Лейпциг же – алмазами к этому ордену, а за Кульм – золотою шпагою «За храбрость» [27, с.211]. Его дочь, мать Анны Дмитриевны – Екатерина Сергеевна Неклюдова (1812-1886), как и её старшая сестра Елизавета Сергеевна (1791-1858) были фрейлинами императорского двора. Фрейлиной стала и старшая сестра самой Анны Дмитриевны - Ольга (1846-после 1914). Ещё одна старшая сестра Анны Дмитриевны, Екатерина (1842-1922) была замужем за действительным тайным советником Анатолием Николаевичем Куломзиным (1838-1923) – гофмейстером, статс-секретарём (имел право лично делать доклады государю), товарищем министра государственных имуществ (1880-1883), управделами Комитета министров (1883-1902), членом русского исторического общества.

Наконец, отец Анны Дмитриевны – Дмитрий Николаевич Замятнин (1805-1881) в 1862-1867 гг. – министр юстиции Российской империи, обер-прокурор II Департамента Сената и сенатор, член Государственного Совета (члены Совета имели право являться к императору без предварительной договорённости), почётный опекун. Он оставил яркий след в истории реформ Александра II и известен в первую очередь как идейный и фактический руководитель судебной реформы.

Мы не случайно столь пространно изложили нюансы родословной и связей А.Д. Тенишевой. Ведь на основании сказанного уместно усомниться в утверждении С.П. Кизимовой, о том, что имени князя Тенишева «было достаточно для того, чтобы Общество развивалось и процветало» (имеется в виду АО Брянского рельсопрокатного завода) [16, с.49]. На деле достаточно было скорее имени его первой жены, знатность происхождения которой (двойное родство с царствующей фамилией, важные государственные посты её отца и мужа старшей сестры и других многочисленных именитых родственников) открывали пред составившим «удачную партию» Тенишевым любые двери, помогая решению проблем как личного характера, так и связанных с производством. Положение первой жены в обществе может легко объяснять и появление у князя новых связей в высших слоях, его высокий пост председателя дирекции Санкт-Петербургского отделения русского музыкального общества, а, возможно, и

получение ряда правительственных заказов Брянским заводом. Более того, именно этот брак позволил князю стать акционером Брянского завода.

Может удивить, что столичный житель князь Тенишев вдруг просится менеджером в глубинку на основанный В.Ф. Голубевым и П.И. Губониным Брянский завод, который находится за сотни вёрст, в крохотном затерянном в лесах селе Губонино. Основатели завода приняли во внимание и ходатайства высокопоставленных лиц, и положение жены князя в обществе, и, конечно, его успешное участие во Всероссийской промышленной выставке. Было полезным для развития производства и то, что В.Н.Тенишев имел 10-летнюю привилегию на прибор А.И.Шпаковского для топки паровых котлов. Однако акционеры-основатели, вероятно, знали и судьбу Гутуевского завода, а потому оказались непреклонны: они согласились взять князя в правление Общества только при условии внесения взноса не меньшего, чем был сделан ими самими.

Анна Дмитриевна Тенишева смогла предугадать блестящее будущее Акционерного Общества Брянского рельсопрокатного железоделательного и механического завода и предложила разорившемуся мужу вложить деньги в процветающее предприятие. Её деньги. Продав одно из принадлежавших ей имений, она передала их супругу, чтобы он, не унижаясь, лично сделал взнос в 200.000 рублей и стал, наконец, одним из ведущих акционеров наряду с «отцами-основателями» завода (к коим его несправедливо относят во многих современных публикациях). Была ли это простая женская интуиция? Не только. Ведь Анна Дмитриевна была не только весьма знатной особой, но и очень высокообразованной женщиной. Она занимала видное место в интеллектуальной жизни Петербурга, серьезно интересовалась современными направлениями в философии, слушала лекции по истории литературы в Копенгагенском университете [17]. Об уровне её интеллекта свидетельствует хотя бы переписка с великим философом Фридрихом Ницше [34]. Датский литературовед Георг Брандес «…немало способствовал знакомству отечественных интеллектуалов с произведениями философа, пропагандируя его идеи в письмах к своим русским друзьям и рекомендуя самому Ницше посылать свои издания таким известным в литературных кругах Москвы и Петербурга персонам, как княгиня А.Д. Тенишева и князь Л.Д. Урусов» [21]. Анна Тенишева перевела на русский язык и опубликовала в журнале «Артист» в 1894 году под заголовком «Вагнерианский вопрос: музыкальная проблема» отрывок из произведения Ницше «Случай Вагнера». Это был первый русский перевод текста Ницше в России [29].

Именно со свадьбы с Анной Замятниной и начинается настоящее восхождение князя. В 1875 году Анна Дмитриевна, одна из самых высокообразованных женщин России того времени, представительница старинного дворянского рода, породненного с императорской фамилией, переехала с мужем из столицы в глухой призаводской посёлок. Здесь на протяжении 16 лет трудилась она наравне с мужем, вскоре ставшим председателем Акционерного общества. Это напоминает хрестоматийный поступок жён декабристов.

Вскоре после приезда Анна Дмитриевна добивается строительства церковно-приходской школы в близлежащем селе Бежичи (до этого школа ютилась в сторожке при храме). Первыми учителями в школе были Пётр Семёнович Покровский, заведующий, законоучитель и священник, и Василий Иванович Успенский. В первом наборе школы было 20 мальчиков и 14 девочек [12].

Заботясь о развитии просвещения А.Д. Тенишева за свой счет открыла в 1878 г. школу-училище и в сельце Губонино (будущей Бежице). К 1880 году в ней, согласно данным Брянского учительского совета, училось 114 мальчиков и 75 девочек [ГАБО. ф 4 .д.25 л.103]. В 1880 году Анна Дмитриевна открыла и содержала за свой счёт в призаводском посёлке Бежица первый детский сад, пригласив заведовать учреждением из Петербурга Евгению Ви-

кентьевну Нигрицкую, «с отличными успехами» и званием «домашней учительницы». Е.В. Нигрицкая окончила «главное немецкое училище при евангелической лютеранской церкви св. Петра в Санкт-Петербурге», а затем и курсы в новаторском заведении того времени – Санкт-Петербургском Фребелевском обществе [26]. Фребелевские курсы в дореволюционной России были в числе немногих учебных заведений, готовивших дошкольных работников (после 1917 г. курсы были преобразованы в Институт дошкольного образования). Заметим, что позже, в 1893 г. вторая жена князя Тенишева – Мария Клавдиевна «превратила сад в ремесленное училище» [39, с.96]. По настоянию Анны Тенишевой Брянским заводом в 1891 году была построена и отдельная женская школа в Бежице. К становлению и развитию здесь больничного дела Анна Дмитриевна также имела прямое отношение: во время русско-турецкой войны она «отличилась в устройстве и функционировании лазарета для раненых в 1877-78 гг., который возглавила в 1878 году как уполномоченная Брянского уездного комитета попечения больных и раненых солдат» [14].

Построенная А.Д. Тенишевой церковно-приходская школа в с. Бежичи

Анна Дмитриевна не считалась с вложением средств и сил для того, чтобы поднять авторитет мужа, который был по характеру далек от помощи простонародью, предпочитая спонсировать высокое искусство и заниматься наукой. В эти годы опубликованы книги «Математическое образование и его значение. Общедоступное изложение В. Тенишева» (1886), «Деятельность животных. Исследование В. Тенишева» (1889). В течение четырёх лет (1883-1887) Вячеслав Тенишев, несмотря на ряд скандальных ситуаций, оставался на должности председателя дирекции Санкт-Петербургском отделении русского музыкального общества. Но одновременно документы фиксируют: в октябре 1889 г. председатель правления акционерного Общества В.Ф. Голубев при обсуждении вопроса о необходимости увеличения средств на школьное образование в Бежице сообщает, что «пристройку помещения при детском садике с квартирой для учительницы и содержание учительницы князь В.Н.Тенишев берёт на себя» [14, с.34]. Фактически развитием просвещения и здравоохранения бежичан занималась его супруга, намеренно остававшаяся в тени князя. Деятельность княгини на этом поприще подтверждает, например, выписка из протоколов правления Акционерного общества Брянского завода за 1890 год: «плодотворная деятельность княгини А.Д. Тенишевой по заведованию школами Общества и её всегдашнее участие к нуждам рабочего населения в Бежице побудило правление обратиться к её сиятельству с просьбой принять на себя труд ответственной Попечительницы всего больничного дела при Брянском заводе, в чём и получило согласие княгини А.Д. Тенишевой» [5, ГАБО, ф.220, оп.4, д.3].

Интересен факт духовной заботы княгини о процветании производства, одним из руководителей которого был ее муж. Как женщина верующая, перед участием Брянского завода во Всероссийской промышленно-художественной выставке, начинавшейся в мае 1882 года и очень важной для деловой репутации мужа, Анна Дмитриевна сделала крупное пожертвование: «Княгиня Анна Тенишева пожертвовала капитал в 3500 руб. облигациями II Восточного займа для учреждения в доме Императрицы Александры Фёдоровны для призрения бедных одной пенсионерной вакансии её имени с тем чтобы назначение пенсионерок предоставлено было ей самой, а после её смерти – Попечителю означенного заведения. На принятие означенного капитала, для употребления оного, согласно назначению жертвовательницы, в 13 день марта 1882 года последовало Всемилостивейшее Государя Императора соизволение». [38, с.488].

Во время совместной жизни с Анной Тенишевой помимо участия в руководстве Брянским заводом ещё одной статьёй дохода князя стал лес, который по первоначальной задумке должен был унаследовать его сын.

Особняк четы А.Д. и В,Н. Тенишевых в Майском парке поселка Бежица

Ещё в 1874 г. акционеры Брянского завода послали специалиста в Акуличские лесные дачи (Клетнянские леса) для изучения возможности их использования для снабжения производства дешёвыми дровами и лесоматериалом. Князь купил неподалеку более 10.000 десятин земли с лесом в Черностуденецкой даче (у д. Лялино и с.Быковичи, ныне Жуковский р-н) и построил на Лелятинском хуторе (ныне Тенишево), лесопильный завод, контору, шпальный завод и две казармы для рабочих, договорившись с лесным департаментом правительства об эксплуатации Акуличских дач. Одновременно с его подачи Правление Акционерного Общества 21 января 1879 г. приняло решение построить заводскую железную дорогу от станции Жуковка до Акуличских дач, соединив их с Орловско-Витебской железной дорогой. Когда ветка дошла до станции Белоглавая, князь стал хищнически вырубать лес в своей Черностуденецкой даче. Заготовленный качественный материал он отправлял на экспорт, а дрова продавал Брянскому заводу. За десять лет Лелятинская дача была почти истреблена, лишь 40,5 десятин запретила вырубать Анна Дмитриевна [14, с.30-33]. Очень похоже, что эти угодья также были оплачены из ее средств, иначе своенравный Тенишев в погоне за обогащением вряд ли остановил бы вырубку. Инцидент привел к серьезной трещине в семье.

В 1891 г. супруги, обладающие уже крупным совместно нажитым состоянием, наконец смогли себе позволить купить дом в Петербурге. В том же году Тенишев, более не нуждаясь в поддержке супруги, начал роман с Марией Николаевой, будущей второй женой. Анна многое прощала мужу, но весть о связях Вячеслава с Марией Клавдиевной переполнила чашу терпения. Произошёл разрыв [14, с.29]. Анна и Вячеслав Тенишевы прожили полтора десятилетия в доме, построенном около Брянского завода. После новой свадьбы князя в 1892 г. все резко поменялось: новая жена относилась к жителям Бежицы свысока, с пренебрежени-

ем, а потому вскоре молодожены переехали в новоприобретенную усадьбу в селе Хотылёво. Там они тоже долго не прожили. Отойдя от дел и бросив Брянский завод, через три года князь с новой женой окончательно перебрался в столицу.

Итак, подведем итог: к моменту свадьбы Тенишева на девушке из обеспеченной знатной семьи Анне Дмитриевне Замятниной, что почти совпало и со временем появления князя на Брянском заводе (1875 г.), у него не было ничего кроме княжеского титула, утверждённого герба и предприимчивости. Остальное дала она: стартовый капитал, приносящий стабильный доход, процветание, уважение окружающих, наконец – наследника Вячеслава Вячеславовича – будущего депутата III Государственной Думы от Орловской губернии. После развода, когда сыну было 13 лет, Анна Дмитриевна смогла дать ему блестящее образование: он окончил с золотой медалью гимназию Гуревича – одно из лучших и прогрессивных частных учебных заведений Санкт-Петербурга, выпускниками которого были Игорь Стравинский, Павел Гайдебуров, Константин Вагинов, Александр Ивич. После гимназии В.В.Тенишев окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, одной из старейших в России ведущих школ юристов. Здесь учились выдающиеся деятели культуры: К.А. Тимирязев, А.А.Блок, Н.С.Гумилев, Л.Н.Андреев, М.М.Зощенко, М.А.Врубель, С.П.Дягилев, Н.К. Рерих, И.Ф.Стравинский. Факультет окончили и два премьер-министра: А.Ф.Керенский и Б.Штюрмер. Анна Дмитриевна сохранила у сына и уважение к отцу. Вячеслав Вячеславович после смерти отца закончил начатое им исследование и объединил большую часть его этнографических штудий в книге «Правосудие в русском крестьянском быту» (1907).

Анна Дмитриевна, как женщина недюжинного ума, внесла немалую лепту в деятельность князя Тенишева, как предпринимателя. После расставания с Тенишевым она в зрелом возрасте сама стала успешным предпринимателем. Немалые средства княгиня продолжала тратить и на благотворительность. В течение многих лет она была главной, а затем почётной попечительницей Приюта для грудных детей имени Д.Н. Замятнина [1]. В 1899 г. в Мценске Анна Тенишева открыла «Школу кружевниц» для девочек 8-12 лет. Школа вошла в пятерку лучших заведений подобного типа в России, так как, наряду с обучением ремеслу, здесь велось преподавание основ грамоты и рисунка. На всемирной выставке в Париже мценское кружево удостоилось серебряной медали, а на выставке в Глазго – почетного диплома, оно демонстрировались с успехом в Египте [25], продавались в Америке, имея большой успех на выставке в Институте искусства в Чикаго [3]. Постоянной заказчицей мценских кружевниц была великая княгиня Елизавета Федоровна, образцы закупались Музеем кустарного искусства в Санкт-Петербурге (ныне Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства) [23]. На Орловской выставке кустарного искусства мценское кружево удостоилось золотой медали, а княгиня – почетного диплома [35].

Возвращаясь к теме капиталов Вячеслава Тенишева и его предпринимательства нельзя не сказать еще об одном нюансе хронологии жизни князя. Т. Вахитова, называя участие в управлении Брянским заводом первым этапом предпринимательской деятельности князя Тенишева, по сути, соглашается с мнением историков, утверждающих, что первые заводы князя созданы были не им самим. Первые восемь эмиссий акций АО «Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод» как исторический источник свидетельствуют, что и в эти годы «первого этапа» князь В.Н.Тенишев не постоянно занимал пост председателя Акционерного общества. Так в четвертом, пятом и шестом выпусках (1887, 1888 и 1889 гг. соответственно) председателем Акционерного общества значится за собственноручной подписью один из основателей завода В.Ф. Голубев, отсутствует князь и среди директоров. Подпись В.И. Тенишева имеется лишь на акциях третьей и седьмой эмиссий (1879 и 1893 гг. соответственно). Но был ли, в таком случае, какой-то второй этап предприниматель-

ской деятельности князя? Отнюдь. Уже через три года после расставания с первой женой Тенишев неожиданно отошёл от дел и посвятил себя в основном научным изысканиям и благотворительности. Да и на эти финальные три года работы на Брянском заводе (1892-1895) приходится немало совершенно не связанных с бизнесом дорогостоящих приобретений, сделанных князем для новой жены Марии Клавдиевны: усадьбы в Хотылёво (1892) и Талашкино (1893), хутор Фленёво (1894). Средства, скопленные в первом браке, теперь лишь активно расходовались. В Санкт-Петербурге они позволили новой чете Тенишевых активно заняться наукой, искусством и благотворительностью.

Выходит, что многомиллионное состояние князя фактически было заработано именно за 16 лет совместной жизни с первой супругой – Анной Дмитриевной Тенишевой (Замятниной), ныне незаслуженно забытой исследователями предпринимательства, благотворительности и меценатства в Российской Империи.

Библиографический список

1. Альбицкий В.Ю., Шер С.А. Благотворительность в Российской империи и охрана здоровья детей // Вопросы современной педиатрии. Выпуск № 2. Том 10 / 2011.
2. Бахтиаров А.А. Пролетариат и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки, - СПб,1895.
3. Блюменталь В. Как рязанские кустарные кружева и вышивания проникли в Америку // Вестник Рязанского губернского земства. 1912 - № 5.
4. Боханов А. Коллекционеры и меценаты в России. М. 1989. С. 6.
5. Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод Акционерное общество Брянского завода п.Бежица, Брянский уезд, Орловская губерния 1873-1918 гг. ГАБО, ф.220.
6. Вахитова Т. «Русский американец» в Петербурге (4) [Электронный ресурс] // Топос : лит.-филос. журн.. – М., 28.09.2012. URL: http://www.topos.ru/article/2742 (дата обращения 08.06.2016).
7. Витте С. Воспоминания: В 3 т. М. 1960. Т.2. С.189.
8. Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II. Л—Я. М., 2009
9. Гребельский П.Х., Первушкин В.В., Шипилов С.Л., Думин С.В. Князья Тенишевы // Дворянские роды Российской империи. Том 3. Князья. – М.: Ликоминвест, 1996. С.190-194
10. Давыдова И. Л. Проблема «нарышкинского стиля» в русском искусстве второй половины XVII в. Автореф. дисс. канд. М., 1978
11. Дубровский А.М., Исаченко Т.В., Кеня И.А. Вячеслав Тенишев – предприниматель, ученый, меценат / Серия: историко-культурное наследие Брянщины. – Брянск, 2011.- 20 с.
12. Иванушкина Н.Н. Из истории школы [школа №22 г.Брянска] // Портал «ПроШколу.Ру» [Электронный ресурс] URL: www.proshkolu.ru/download/329223/9d6bd61ee6f48edb/ (дата обращения 05.10.2016)
13. Именные указы и высочайшие повеления 24 января 1722 г. Российский государственный архив древних актов. Ф.1451. Оп.1. Кн.13.
14. Исайчиков В.Ф. С фотокамерой по старой Бежице. – Брянск. 1999.
15. Калыгина В.М. Князь Вячеслав Николаевич Тенишев – предприниматель // Духовное наследие М.К.Тенишевой и проблемы сохранения, развития традиционной народной культуры : материалы науч.-практич. конф. – Смоленск, 2008. – С. 204-213.
16. Кизимова С.П. Бежица. – Брянск: БГПУ, 1996.
17. Клюс Э. Ницше в России. Революция морального сознания. – СПб: Академический проект, 1999.
18. Князь В.Н. Тенишев – предприниматель // Московские ведомости № 41 - 1870.
19. Кольян Т.Н. Владельцы Тархан - Нарышкины // Тарханский вестник №15, 2002. С.171-175.
20. Кравецкий А. Меценат, презиравший искусство. Зачем князь Тенишев поддерживал ученых и художников // Коммерсантъ-Деньги №41 от 20.10.2014.
21. Левин С.Б. Нравственно-эстетическая концепция Ницше. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук СПб., 2002. – 140 с.

22. Мошков А. Смоленский некрополь [Электронный ресурс] URL: http://smolnecropol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=530:tenishev&catid=45:2012-10-14-14-23-53 (Дата обращения 25.05.2016).
23. Нарышкин К.А. В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России. – М.: Центрполиграф, 2005. - 736 с.
24. Неклюдов А.В. Старые портреты, семейная летопись. — Париж: Книжное дело «Родник» (La Source), 1932.
25. Ниссен А. Из истории русско-египетских связей в начале XX в. // Исторический архив, 1959 - №2.
26. Новосёлова З. Часть 13. Е.В. Нигрицкая (1851-1925) // Sorvali, muistojen lehto. Viipurin Pyhien paikkojen historiaa. Сорвали, роща памяти. История святых мест Выборга. – СПб.: Царское Село, 2007.
27. Панчулидзев С.А. Сборник биографий кавалергардов. 1801-1825. М., 2001
28. Пашенный Н.Л. Список бывшим воспитанникам Императорского Училища Правоведения, окончивших в оном курс наук в 1840-1917 гг. // Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты. — Мадрид: Изд. Комитета Правоведской Кассы, 1967. – 457 с.
29. Перси У. Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада. – СПб: Аграф, 2006. - 256 с.
30. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. - СПб: Изд-во А.С.Суворина,1889.
Русские портреты XVIII и XIX столетия. Т.1., Вып.4.– СПб: Изд. Вел. Кн. Николая Михайловича, 1905,
31. Саломеева А. Сам себя сделал // БОСС. Бизнес. Организация. Стратегии. Системы. 2011 - №9.
32. Семевский М.И. Русская старина. Знакомые. Альбом. - СПб. 1888.
33. Семенова О.В. Политехническая выставка 1872 года // Русская история. 2012 - №2(21) С.60-67.
34. Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX - начало XXI в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 2009.
35. Скороход Г.Н. Благотворительная деятельность княгини Анны Дмитриевны Тенишевой // Деснинские древности: материалы VIII межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М.Заверняева. − Брянск: РИО БГУ. 2016. С.288-296.
36. Скороход Г.Н., Чубур А.А. Директор и председатель правления Акционерного общества Брянского завода Виктор Фёдорович Голубев, как меценат Бежицы // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып.1. – Брянск: «Курсив», 2016. С. 63-85.
37. Скороход Г.Н., Чубур А.А. Брянские промышленники С.И.Мальцов и В.Ф. Голубев: эстафета «русских американцев» или конкуренты и антиподы? // Studia internationalia / Материалы IV международной научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2016. С.119-131.
38. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительствующем сенате 18 мая 1882 г. (№45).
39. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. - Л., 1991.
40. Ходанович В.И. Лифляндская улица: из истории деловой, культурной жизни и быта Санкт-Петербурга в XVIII-XX веках: монография. – СПб., 2010.- 448 с.
41. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.
42. Hoepke, Klaus-Peter. Geschichte der Fridericiana. : Stationen in der Geschichte der Universität Karlsruhe (TH) von der Gründung 1825 bis zum Jahr 2000). – Karlsruhe: Universitätsverlag, 2007.

Сведения об авторах

Скороход Галина Николаевна – преподаватель Брянской кадетской школы имени Героя России В.И. Шкурного. skorochodgn@yandex.ru

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

Историография

УДК 929+930(470)

Н. И. Гришин

Николай Тальберг – историк и деятель русского зарубежья

Аннотация: *статья посвящена вопросам реконструкции биографии, политической деятельности и исторических изысканий Н. Д. Тальберга.*
Ключевые слова: *монархизм, русская эмиграция, историография, история Церкви.*

Grischin N. I. Nicolas Talberg - historian and figure Russianemigre community
Annotation: *the article is devoted to the reconstruction biography, political activity, and historical research N. D. Thalberg.*
Keywords *:monarchism, Russian emigration, historiography, the history of the Church.*

Николай Дмитриевич Тальберг (10.7.1886–11.6.1967) – русский церковный писатель, публицист, историк. Родился в Коростышеве близ Киева в семье юриста, ординарного профессора Киевского университета Дмитрия Германовича Тальберга, род которого ведет свое начало из Швеции.

Николай Дмитриевич сначала учился в киевском Екатерининском реальном училище (1896-1898).С 1898 по 1907 годы обучался в Императорском училище правоведения.Революционные настроения, господствовавшие тогда в студенческой среде, проникли и в Училище правоведения. Группа учащихся стала посещать митинги и задумала произвести коренную ломку традиционного строя училища. Тальберг был в числе тех, кто сумел сплотить крепкое большинство и пресечь этот революционный замысел. В годы Первой русской революции был активным участником черносотенного движения, состоял членом Русского собрания и Русского окраинного общества.Именно тогда к нему пришло осознание, что «его долг заключается в том, чтобы повседневным трудом, серьезной государственной работой укреплять и защищать тот политический строй», который он считал «опорой и основой Русской Земли». Это чувство и заставило его пойти на службу в Министерство внутренних дел, представлявшее собой «передовую боевую линию» самодержавия В 1907 году с золотой медалью это элитарное учебное заведение.

В 1907 году Н.Д. Тальберг начал службу в отделе личного состава Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Осенью 1908 года он был на полгода откомандирован в Ригу для усиления канцелярии временного Прибалтийского генерал-губернатора генерала от инфантерии барона А.Н. Меллер-Закомельского. Осенью 1909 годаТальберг был назначен советником Курляндского губернского правления, через год переведен на такую же должность в родной ему Киев. В конце 1911 года он был откомандирован в столицу для временного усиления Управления продовольственной части. В начале 1913 годаТальберг был назначен членом Черниговского губернского по земским и городским делам присутствия. Все эти разнообразные должности добавили к солидному образованию еще и важный административный опыт[4, с. 9].

В мае 1914 года Тальберг был назначен чиновником особых поручений V класса при министре внутренних дел, с откомандированием в канцелярию министра. Тальбергу поруче-

но было заведовать делопроизводством по выборам в Государственный Совет и Государственную Думу. Летом 1916 года последовало Высочайшее повеление о подготовке к выборам в 5-ю Государственную Думу, вследствие истекавших через год полномочий 4-й Думы. Тальбергом был представлен министру внутренних дел обзор общественно-политических настроений по губерниям и степени подготовленности губернаторов. Он проявил себя как политический деятель крайне правого толка: устанавливал связь с монархическими кругами в целях их консолидации накануне выборов.

Наряду со своей постоянной службой Тальберг, с началом Мировой войны, состоял секретарем благотворительного комитета Министерства внутренних дел. Комитет помогал семьям призванных на военную службу чинов министерства, содержал офицерский лазарет имени Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. С осени 1915 годаТальберг избран членом совета Общества помощи русским беженцам. В конце января 1917 года был назначен, с оставлением в своей должности, помощником управляющего делами сенаторской ревизии, имевшей целью выяснение основательности освобождений от несения военной службы, дававшихся отдельным лицам; ревизию возглавлял член Государственного Совета, сенатор князь А.А. Ширинский-Шихматов.

Опыт подготовки и участия в предвыборных кампаниях и выборах, знакомство с работой Государственной думы, дали основание Тальбергу, уже спустя много лет, в своих эмигрантских публикациях, резко осуждать «изнаночную сторону» российского парламентаризма, причастность «народных представителей» к «развалу» страны. Он критиковал «изменнический Прогрессивный блок, потакавший гнусным клеветам на верховную власть», «председателя Думы Родзянко, возглавившего солдатский бунт, презренного сеньорен-конвента четвертой государственной Думы, похотливо схватившегося за государственный руль и лакейски подчинившегося рассчитавшему его Временному правительству».

Революционный процесс с февраля по октябрь 1917 годаТальберг представлял исключительно как трагедию, обусловленную «гнилостью» и «дряблостью» русского общества, «изменой кучки военных», деятельностью «всемирных злодеев – иудо-масонов». Причины трагедии 1917 года он видел в отступлении от национальной идеи, ее подмене чуждыми мировоззрению русского человека западными либеральными ценностями. Анализируя этот процесс, Тальберг пришел к выводу, что русское общество начало «разлагаться» еще при Александре II, в правление которого оно «послушно побрело на поводу у либералов». В течение столетия российские либералы стремились свергнуть самодержавие и добиться установления конституционного строя. Их союзники террористы «обрушивались на власть в лоб», «сапой взрыхляли землю и бросали семена взрощенных на Западе ядовитых конституционных растений». В годы революции либералы окончательно «столкнули Россию в бездну», провалили «геройское добровольческое движение». Мастерски удалось этим «темным силам» и разложение главного врага революции – офицерства. С их подачи армия утратила общественный авторитет, причем удар направлялся на подрыв самих основ воинского духа: «в течение многих десятилетий в произведениях все более мельчавших писателей, в различных интеллигентских кружках... все военное высмеивалось, офицеры выставлялись недоучками, неудачниками, дармоедами. Служба в гвардии изображалась сплошным прожиганием жизни, служба в армии – беспросветным пьянством. Вся огромная воспитательная и образовательная работа, которая велась офицерством в войсках, искусственно замалчивалась, оставалась для общества неведомой». Свою лепту в подрыв основ воинского духа внесли представители либеральных партий в Государственной думе: военные верхи втягивались в оппозиционную политику, «кое-кого депутаты умели и запугивать». После захвата власти большевиками либеральные политики активно продолжили заниматься политиканством в эмиг-

рации, где постепенно «позахватывали» наиболее важные посты и источники казенных средств, ощущая себя «господами положения [1, с. 108].

После Февральской революции Тальберг подал в отставку и уехал на Кавказ, где помогал в одном частном предприятии своему старому другу. Он был радостно удивлен монархическими настроениями местного населения, в особенности горцев. Октябрьский переворот большевиков застал его в Москве, куда он только что приехал для доклада своему другу. Вступил в тайную монархическую организацию «Великая Единая Россия»,возглавляемую Н.Е. Марковым, переехав с этой целью в Петроград. Организация ставила своей целью спасение царской семьи из заточения в Тобольске. По указанию этой организации он выполнял ответственные поручения. В конце апреля 1918 года он был отправлен ею в Москву и в Киев. В мае он участвовал в небольшом тайном монархическом съезде, происходившем в Киеве. С разрешения местной монархической организации он поступил в министерство внутренних дел правительства гетмана генерала П.П. Скоропадского и, борясь с революционными организациями, устраивал на службу бывших жандармских и полицейских чинов.

После падения гетмана Тальберг добрался до Бессарабии, где прожил год. Вернувшись неудачно в белую Одессу в конце 1919 года, когда там началась эвакуация, он через Болгарию, Сербию, Австрию и Чехословакию прибыл в начале 1920 года в Берлин, зная, что там начинают собираться русские монархисты. По приезде вскоре туда Маркова он возобновил работу в его организации. Принял активное участие в подготовке знаменитого монархического съезда в Рейхенгалле (1921), был избран управляющим делами созданного на этом съезде Высшего Монархического Совета, оставаясь на этом посту до 1938 года[5, с. 41].

Пополнив свои впечатления от «груза с прошлыми грехами» знакомством с западным парламентаризмом, Тальберг окончательно убедился, что «всякий парламент со своими партиями, фракциями, «колами», «блоками» и т.п. таит в существе своем пристрастие, насилие и предубежденность столкнувшегося ради раздела добычи безответственного большинства». Он выступал ярым противником либерализма и парламентаризма в России, рассматривая либералов как «главную подрывную силу» погибшей империи.

Был он также участником Зарубежного съезда в Париже в 1926 года Когда после Зарубежного съезда создалось Патриотическое объединение под председательством И.П. Алексинского, Тальберг состоял в нем членом совета. Выступал с лекциями и докладами на религиозные, исторические и политические темы в Югославии, Германии, Австрии. Защищая монархические идеи в печати, Николай Димитриевич к этому времени выдвинулся как публицист и историк. Он много работал с 1920 года в журнале "Двуглавый Орел" берлинского и парижского изданий и принимал большое участие в издании труда С.С. Ольденбурга "Царствование Императора Николая II". Николай Дмитриевич активно боролся с масонским влиянием на эмиграцию и убедительно опровергал самозваные претензии на престол Великого князя Кирилла Владимировича, незаконно провозгласившего себя Императором в эмиграции.

С самого начала пребывания за рубежом Тальберг активно участвовал в церковной жизни. Когда в 1926 году митрополиты Евлогий и Платон совершили раскол в единой тогда Русской Зарубежной Церкви, Тальберг решительно отстаивал канонический строй. Будучи участником II Всезарубежного Церковного Собора в 1938 года в СремскихКарловцах, он был избран помощником секретаря и участвовал в комиссии, издавшей труды Собора[3, с. 18].

Тальберг был церковным старостой Покровской гимназической церкви в Белграде, храма Святого Архистратига Михаила в Зальцбурге, Покровского храма в лагере Парш и там же Свято-Николаевского гимназического храма.

Н.Д.Тальберг жил в местах главного средоточия русской эмиграции – шесть лет в Берлине, десять лет в Париже и почти восемь в Белграде, побывав по церковным и монархиче-

ским делам в Лондоне, Брюсселе, Афинах, Софии, Бухаресте, Будапеште, Лозанне и Праге. В Белграде он работал в Державной комиссии, ведавшей делами эмиграции. Знания и деловые качества Николая Дмитриевича ценили Первоиерархи Зарубежной Церкви и руководители Русского Обще-Воинского Союза.

В годы Второй мировой войны, в условиях немецкой оккупации Югославии, продолжал обеспечивать деятельность русских учебных заведений, культурных и общественных организаций, работая в Управлении делами русской эмиграции под начальством генерала В.В. Крейтера. В 1944 году принял активное участие в организации эвакуации русских, когда Югославию начали занимать наступающие части РККА. Пробыв потом полгода в Вене, он попал в Зальцбург перед самым окончанием войны. Через этот город проходили массы беженцев, часть которых там оседала, часть следовала дальше. Тальберг стал работать в комитете по устройству беженцев и спасении их от выдач в СССР. Работу эту продолжал он и в лагере Парш. По поручению комитета им начата была постройка лагерной церкви и создана гимназия, первым директором которой он стал, будучи потом председателем учебного совета, руководившего всем учебным делом в лагере. Гимназия за пять лет существования выдала более 100 аттестатов, признававшихся американскими и австрийскими властями.

В 1950 году наш герой переехал в США и стал преподавателем истории в Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвиле. Свою преподавательскую деятельность он тесно связал с работой по отыскиванию и распространению правды о прошлом России.Тальберг был постоянным сотрудником журнала "Православная Русь" и других периодических изданий Свято-Троицкого монастыря, газет "Россия", "Русская Жизнь" и других органов печати.

Изпод пера Николая Дмитриевича вышли следующие труды: «Возбудители раскола», «Святая Русь», «Муж верности и разума — К. Победоносцев», «Император Николай I — православный Царь», «Император Николай I в свете исторической правды», «Святая земля», «Гоголь — глашатай Святой Руси», «Св. Митрофан Воронежский», «Миссионерский подвиг Русской Православной Церкви», «Православное храмоздание Императорской России в Европе», «Трагедия русского офицерства», «Царская Россия и Восточные Патриархи», «Филарет, Митрополит Киевский», «Отечественная быль», «История Вселенской Церкви», «К сорокалетию пагубного Евлогианского раскола» и многие другие[5, с. 52].

Данные работы, в силу политической пристрастности историка, носили ярко выраженный апологетический характер, однако,фактологический материал представляет значительный интерес и в наши дни, если абстрагироваться от первостепенной задачи автора – обелить, очистить русскую историю от штампов и лжи большевистских и русских либеральных историков.Нужно признать, что в этом стремлении историк не сумел выдержать критерий строгой научной подачи материала в ущерб своей политической позиции.

Ключевые работы историка «История Христианской Церкви» и «История Русской Церкви» представляют собой сочинения компилятивного характера. Первый труд, по замечанию протоиерея Валентина Асмуса представляет собой элементарную переработку семинарских и гимназических дореволюционных учебников по данной дисциплине [1, с. 1]. При этом, нужно иметь в виду ограниченные возможности автора в эмиграции.

«История Русской Церкви 1801-1908» также представляет собой лишь конспект лекционного курса, читаемого им в Джорданнвиле.Это обстоятельство подтверждается отсутствием библиографических ссылок. Тем не менее, изложение материала весьма добротно, поднимаемые вопросы носят не только абстрактно-описательный, но и проблемный характер.

Из всех крайне правых идеологов Тальберг предлагал наиболее развернутую программу государственного управления в России после избавления ее от большевизма. Она основы-

валась на идее «единой, твердой и разумной» власти «Православного Царя-Самодержца, по своей совести и воле правящего государством». В деле управления государством ближайшим помощником царя и его единственным доверенным лицом является «Наместник Государев», обладающий всей полнотой правительственной власти, координирующий работу всех министров и руководителей ведомств. Управление на местах осуществляется через доверенных самодержцу лиц – начальников областей. Наиболее важные управленческие решения они принимают совместно с членами Областного совета в составе митрополита, представителей областного церковного собора, помощника начальника области, областных начальников служб и назначенных областных советников, выборных областного Земского собора и их старшины. Тот же порядок «независимости и соборности мнений при единстве ответственных решений» проецировал он на губернии, уезды, волости и приходы (первичные единицы государственного управления). Строго иерархично построил он и судебную систему: высшей судебной инстанции – Главной Государевой Палате – подчиняются региональные судебные органы – областные, окружные (губернские) и уездные суды и местные судебные приходы.

Контролировать все происходящее в государстве позволит, он считал, механизм взаимодействия императора с представителями русской православной церкви (Церковный Собор и Святейший Патриарх), местного самоуправления (Земский Собор и избранный Собором старейшина),органом надзора и контроля за исполнением законов (Главный Государев Сенат). Разработкой законов должна заниматься Главная государева Дума в составе «начальника» и «высших думных чинов», часть из которых назначается императором, а часть избирается Всероссийскими Церковным и Земским Соборами. Аналогичным образом должны формироваться и местные Думы, призванные создавать законодательные основы местного управления.Участниками законотворческого процесса также являлись Православная церковь и органы местного самоуправления – земства.

В своем проекте он подчеркивал важность осуществления законодательной работы компетентными государственными чинами, а также ее проверки со стороны церковных и земских представительных учреждений. Правилом законотворчества он установил недопустимость внесения поправок: «несовершенно составленный закон должен обязательно заменяться новым, а не извращаться путем судебных толкований».

Гарантом государственной безопасности, по проекту Тальберга, должна выступать профессиональная армия, «посменно пропускающая через свои ряды для обучения и военной подготовки молодых людей из имущих слоев населения».Он настаивал на отмене всеобщей воинской повинности, исходя из убеждения, что вооружать и обучать военному делу народ, настроенный против своего государства, равносильно самоубийству [1, с. 111-112].

Решающим фактором возрождения самодержавной России, по Тальбергу, являлась государственная идеология. Он призывал вернуться к идее Святой Руси, сложившейся «единой мудрой работой ее Великих Князей и Царей с Российскими митрополитами и Патриархами». «Связующей тканью государственного тела» должна выступать идея единения православного царя и народа. Он призывал вернуться к идее верноподданности, ибо «Богом данный Монарх, как бы партийно не представлять себе государственное устройство, – должен сделаться непререкаемым символом государственной веры, тем Святая Святых, которое должны оберегать наши люди» [1, с. 112].

Современники, разделявшие взгляды Н.Д. Тальберга, называли его монархистом «с целостным христианским мировоззрением, дающим ответы на вопросы не только моральной и духовной жизни человека и семьи, но и освещающего проблемы общественной, национальной и государственной жизни. Он считал, что мало кому доверявшие (из-за непонимания «общества» и ближайшего окружения) русские самодержцы, «сочетая в себе европей-

скую образованность с даром русскости», искали способы ее осуществления в современной им жизни.

Историк А.А. Корнилов характеризовал Н.Д. Тальберга как «широко образованного и глубокомысленного идеолога русского монархизма, с одной стороны, приводившего в систему и освобождавшего от всего лишнего и часто вредоносного ходячие понятия монархических слоев Русского зарубежья. А с другой стороны, создавшего школу, в которой могла воспитываться и тренироваться подрастающая молодежь, способная образовать некую монархическую элиту, готовую влиться в дело восстановления России»[8, с. 541].

Библиографический список:

1. Антоненко Н.В. Н.Д. Тальберг и его "чаемая монархия" в России // Новый исторический вестник.2010.№ 23.
2. Асмус В.В., протоиерей. История Церкви: Курс лекций. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1998.
3. Гриненко В. На службе неумирающей России // Тальберг Н.Д. О Вере, Царе и Отечестве. Кн.1. М., 2004.
4. Лукьянов В. Краткий биографический очерк // Тальберг Н.Д. О Вере, Царе и Отечестве. Кн. 1. М., 2004.
5. Митрофан (Зноско), протоиерей. Памяти Николая Дмитриевича Тальберга: К 10-летию кончины - 29 мая 1967 г. - 1977 г. // Тальберг Н.Д. О Вере, Царе и Отечестве. Кн.1. М., 2004.
8. Ромов Р.Б. Тальберг Н.Д. // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
9. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. М.: Сретенский монастырь, 1997.
10. Тальберг Н.Д. История Христианской Церкви. М., 1991.

Сведения об авторе:

Гришин Никита Игоревич – студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского nickita.grischin@yandex.ru

УДК 942.055

В. П. Митрофанов

Англоязычная историография аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов

Аннотация: *В статье рассматриваются работы англоязычных историков (Великобритания, США), в которых авторы затрагивали или исследовали различные аспекты аграрной политики английской монархии эпохи Тюдоров и первых Стюартов: законодательство в отношении огораживаний, регулирование хлебной торговли, меры властей по поддержке земледелия, введение в научный оборот новых источников по этим и некоторым иным аспектам аграрной политики. Автор отмечает малоисследованные или неисследованные англоязычными историками аспекты аграрной политики английской монархии данного периода.*
ключевые слова: *аграрная политика, источники, Тоуни Р., огораживания, Керридж Э., Тёрск Дж., аграрная революция.*

Mitrophanov V.P. The English-language historiography of the agrarian policy of the Tudors and the first Stuarts.
Annotation: *The article deals with the work of English-speaking historians (UK, USA), in which the authors touched or examined various aspects of the agrarian policy of the Tudor' and early Stuart' monarchy: legislation regarding enclosures, the grain trade regulation, government measures to support agriculture, the inclusion of new sources in the scientific and some other aspects of agricultural policy. The author notes little explored or unexplored aspects of English-speaking historians of agrarian policy of the English monarchy of the period.*
Keywords: *agrarian policy, sources, Tawney R. H, enclosures, Kerridge E, Thirsk J., Palliser D. M., agrarian revolution.*

В отличие от аграрной истории Англии данного периода, начало изучения которой можно отнести к концу XIX в., аграрная политика монархии Тюдоров и первых Стюартов стала предметом особого внимания историков несколько позже. Однако многие историки-аграрники затрагивали ее отдельные аспекты в своих исследованиях. Это вполне понятно, так как в процессе изучения любого вопроса аграрной истории авторы неизбежно выходили на те, или иные аспекты данной проблемы и вынуждены были делать какие-либо заключения на этот счет. Так, например, ещё Т. Скрэттон дал довольно подробный перечень законов против огораживаний конца XVI–XVII вв., хотя и не выделял взаимосвязи их многочисленных статей с крестьянами и т.п.[34].

Ряд аспектов данной проблемы затронул в своем исследовании Р.Тоуни[37]. Он, по существу, первый в англоязычной историографии поставил вопрос о воздействии аграрной политики Тюдоров на крестьян. Автор исследовал обширный круг источников, в том числе из английских архивов, что сделало его исследование уникальным. Можно сказать, что именно он обозначил важность данной проблемы, хотя специально её и не изучал в силу сосредоточения своего внимания на анализе других важных аспектов аграрной истории Англии XVI–XVII вв. Р. Тоуни достаточно убедительно аргументировал плавность и постепенность изменений в аграрных отношениях в XVI в. и показал рост активности внутрикрестьянских огораживаний по соглашению. Такая точка зрения противоречила марксистской концепции о насильственной сущности огораживаний. Однако его выводы заставили и марксистских историков более объективно взглянуть на экономические причины и последствия огораживаний. Например, всегда ли было насилие над крестьянами со стороны лендлордов в процессе огораживаний и т.п. К числу безусловных заслуг Р. Тоуни можно отнести и введение им в научный оборот большого количества ранее неиспользованного исследователями фактического материала.

Интересная статья, опубликованная в начале XX в. американским историком Э. Гэйем о восстании 1607 г. важна, прежде всего, насыщенностью фактического материала, который позволяет исследовать как процесс огораживаний периода Тюдоров и первых Стюартов, так

и их влияние на крестьян ряда графств Центральной Англии[12]. Большой интерес представляют подсчеты Гэйя об огораживаниях в центральных графствах с 1578 по 1607 гг., которые он проделал на основе данных королевской комиссии 1607 г.[12, p. 195-237]. Эти данные не раз привлекались последующими историками для изучения процесса огораживаний в Центральной Англии и для сравнения с процессом огораживаний в начале XVI. Интересно, что в английской и американской историографии в 1920-30 гг. отмечен некоторый спад исследовательской активности аграрных проблем истории Англии XVI-XVII вв., связанных с аграрной политикой. Однако в целом, исследование некоторых аспектов аграрной истории продолжалось [3]. Лишь в 1940-е гг. начинают появляться значительные работы, в которых затрагивались отдельные аспекты аграрной политики английской монархии XVI-первой трети XVII в. К их числу можно отнести монографию М.Кемпбелл, посвященную изучению одной из категорий английского крестьянства, йоменам [9]. Автор впервые проделала тщательный анализ экономического, социального и отчасти политического статуса верхушки английского крестьянства, показала некоторые аспекты их повседневной жизни и некоторые характерные черты их менталитета. Заслугой М.Кемпбелл можно считать и введение в научный оборот нового фактического материала из местных и центральных архивов Великобритании, которые отчасти освещают отдельные аспекты аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов. Автор несколько идеализирует йоменов, показывает их как некое процветающее «среднее сословие» и т.п., но она показала эту верхушку крестьянства именно как объект аграрной политики монархии. Хотя саму аграрную политику английской монархии того времени она не рассматривала, но нарисованная ею картина социальных и экономических процессов в среде йоменов позволяет лучше понять эволюцию аграрных отношений в английской деревне.

Критический анализ других работ зарубежных авторов, опубликованных в первой половине XX в., в которых рассматривались аграрные проблемы английской истории раннего Нового времени имеется в монографиях В.Ф.Семенова [4, с. 13-55], В.М. Лавровского [2, с. 15-44]. В принципе, их оценка концепций зарубежных авторов не носит слишком идеологизированный характер, хотя они и дали ее с марксистских позиций. Поэтому в целом её можно принять и сегодня.

В дальнейшем остановимся лишь на работах англоязычных авторов по аграрной истории Англии XVI – XVII вв., вышедших в свет во второй половине XX в., в которых затрагивались те или иные аспекты аграрной политики. Причем отметим, что и за этот период не появилось специальных исследований. Однако зато появились фундаментальные исследования как в целом по аграрной истории Англии XVI – XVII вв., так и по ее отдельным аспектам, которые, безусловно, представляют интерес и для понимания некоторых аспектов аграрной политики. Столь значительное количество работ, появившихся в то время, объясняется, дискуссией в послевоенный период о джентри. Критический анализ этой дискуссии в отечественной историографии уже был дан и, в принципе, с ним можно согласиться [5].

После этой дискуссии для большинства английских и американских историков-аграрников стало ясно, что ни рост джентри и упадок аристократии, ни эволюция манора, как и ряд других вопросов аграрной и социальной истории Англии раннего Нового времени нельзя успешно изучать без учета политики государства в аграрной сфере. Поэтому некоторые англоязычные историки начинают затрагивать её отдельные аспекты. Так, например, при изучении политической истории Англии елизаветинского периода Дж. Ниль в своей работе касался и аграрной политики [27]. Он, в частности, затронул, ставший к тому времени, уже дежурным вопросом в историографии, об обезземеливании английского крестьянства в XVI в. По его мнению, таковое явление имело место и произошло это из-за отмены ограничений на огораживания, что в сочетании с невозможностью для промышленности поглотить всю

массу пауперов привело к росту бродяжничества [27, p. 337]. В принципе это было логичным суждением автора, хотя и не подкрепленным каким-либо массовым статистическим материалом источников. Однако видимо, нельзя объяснить массовую пауперизацию крестьян только непоследовательной аграрной политикой короны. Но можно согласиться с тем, что английская мануфактура действительно ещё не могла поглотить всю массу разоренных крестьян, по крайней мере, до начала правления Елизаветы I Тюдор.

Дж. Ниль одним из первых обратил внимание на ход обсуждения законов об огораживаниях в парламенте, причем использовал для этого как парламентские данные, так и мемуарные источники. В тоже время в своей оценке огораживаний он, по сути дела, согласился с точкой зрения самих современников из числа сторонников огораживаний и называет их аргументацию в пользу конверсии пахоты в пастбища «экономическим рационализмом» [27, p. 237]. Но это понятие носит несколько абстрактный и апологетический характер и не объясняет в полной мере суть процесса.

Известный английский историк того периода Э. Керридж, изучавший аграрную историю Англии XVI – XVII вв., также касался ряда вопросов связанных с аграрной политикой монархии того периода [20, 21, 22, 23]. Особенно интересен его подход к вопросу об огораживаниях по договору между лендлордами и крестьянами, отношение к этому процессу со стороны государства и которые он стремится представить как определяющую, экономически закономерную тенденцию в аграрных отношениях [21, p. 94-111]. Но и он в своей работе иногда приводит факты насильственного сгона крестьян с земли, хотя и рассматривает подобные явления скорее как исключение, чем правило [21, p.128]. Вместе с тем Э. Керридж ввел в научный оборот некоторые новые источники, в частности, касающиеся огораживаний по соглашению, которые опубликовал в приложении к своей монографии [20, p. 181-189]. Автор не рассматривал специально место крестьян в аграрном законодательстве Тюдоров и первых Стюартов, отношение крестьян к этому законодательству и т.п., но сделал некоторые интересные наблюдения на этот счет.

Пожалуй, ближе всего к проблеме аграрной политики подошла в своих работах Дж. Тёрск [6, p.200-255, 36, 37, 38]. Она затронула ряд неизученных до неё аспектов аграрной истории английского королевства этого периода. Так, например, именно она впервые чётко выделила саму проблему аграрной политики английского абсолютизма Тюдоров и Стюартов. В ее работах нашли отражение многие актуальные экономические и социальные аспекты аграрной политики: состояние коронных земель, рентные отношения, регулирование правительством торговли хлебом и хлебопродуктами, некоторые меры центральных и местных властей в отношении земледелия, социальная борьба крестьянства и т.п. Автор дала вполне определенную оценку многих аспектов аграрной истории Англии и аграрной политики Тюдоров и Стюартов. Так, например, правительство Елизаветы I Тюдор она характеризует как противника огораживаний, что, по ее мнению, нельзя сказать о кабинетах Якова I и Карла I. [6, p. 228]. Аграрные законы второй половины XVI в. она оценивает следующим образом. Первый елизаветинский закон об ограничении огораживаний был принят парламентом в 1563 г., что означало возвращение к традиционной поддержке земледелия. Поэтому, по ее мнению, в этом статуте не содержалось ничего нового. Сталкиваясь с фактом изменения курса аграрного законодательства в 1593 г., что выразилось в снятии ограничений на огораживания, Дж. Тёрск заметила лишь, что момент для послабления был выбран неудачно, имея в виду разразившийся в стране голод. Принятые парламентом в 1597-1598 гг. новые законы против огораживаний, она назвала «паническим законодательством», которое, как она считает «оказало обратную услугу», ибо хлеб в стране подешевел [6, p. 228]. Однако хотя относительно хлеб и подешевел, но в источниках нет свидетельств о массовой реконверсии пахоты,

результатом чего было бы резкое снижение цен на хлеб и образование больших хлебных излишков. Более того, напротив, данные комиссии по расследованию огораживаний свидетельствуют об обратном явлении даже в традиционно хлебопроизводящих графствах [12, p. 233]. Видимо, Дж. Тёрск просто взяла на веру заявление в парламенте одного из защитников огораживаний небезызвестного придворного фаворита, мореплавателя и поэта У. Рэли.

В целом политику Тюдоров в отношении огораживаний она оценивает как «колеблющуюся и неопределенную» [6, p. 231]. Это объективное определение, которое само собой напрашивается при первом же прочтении аграрных законов Елизаветы I Тюдор. Но также уместно задаться вопросом: а почему эта политика была «колеблющаяся и неопределенная»? Что заставляло её кабинет проводить именно такую политику? Чтобы ответить на эти вопросы, ещё недостаточно только проанализировать аграрные статуты и некоторые прокламации. Необходимо рассмотреть также и ряд других вопросов, которые как раз связаны с взаимоотношениями крестьян и государства: различные меры центральных и местных властей по поддержке земледелия, регулирование продовольственного рынка и т.д., которые лишь частично затрагивались англоязычными историками [13, 24, 25, 33, 35, 36].

Заметим, что в своих работах Дж. Тёрск частично касалась и такого малоизученного вопроса, как комиссии по расследованию огораживаний. Так, автор отметила, что в ходе расследования комиссии в 1607 г. имело место много судебных разбирательств в Суде Звёздной палаты, в результате чего были оштрафованы ряд огораживателей. В то же время, полагает она, ничего радикального против огораживателей по результатам работы комиссии не было сделано. Она приводит некоторые данные о новых огораживаниях, совершенных уже после работы комиссии[6, p. 231]. Аграрную политику Тёрск справедливо рассматривает как часть экономической политики абсолютистского государства. Так, в своей монографии об экономической политике она затронула совершенно неисследованный вопрос о производстве вайды в XVI – начале XVII в. Она отметила расширение посевов вайды с середины 1580-х гг. Объяснение этому автор видит, прежде всего, в том, что война между Испанией и Нидерландами прервала поставку в Англию португальской вайды. Разумеется, это отрицательно сказалось на английском сукноделии. Другая причина, по ее мнению, заключается в падении цен на зерно, что побудило английское фермерство расширять посевы под вайду. По ее подсчетам в 1585 г. выращиванием вайды занимались в 12 графствах страны. Общая площадь посевов под вайду составляла 5 тысяч акров пахотной земли. Она считает, что это давало работу для 20 тысяч человек в течение 4-х месяцев в году, отмечает регулирование этого процесса со стороны властей [39, p. 29]. В то же время она не обратила внимания на последствия расширения посевов вайды для крестьян и само их отношение к этому новому явлению в аграрной сфере.

Несомненно, труды Дж. Тёрск, в том числе и публикация 4-го тома «Аграрной истории Англии и Уэльса» под ее редакцией значительно продвинули как изучение аграрной истории Англии раннего Нового времени в целом, так и аграрную политику монархии Тюдоров и первых Стюартов. В результате были намечены новые исследовательские перспективы для историков. Её заслуга и в том, что она ввела в научный оборот новый фактический материал из центральных и местных архивов Великобритании.

В методологической основе её исследований прослеживается позитивистский подход к истории. Можно предположить, что превалирование в исследованиях экономических вопросов произошло не без влияния работ советских авторов по истории Англии, а также и под влиянием «новой социальной истории», которая в 1970-80 гг. господствовала в британской историографии. В целом же позитивизм оказался достаточно неплохой методологической основой для исследования аграрной истории Англии XVI – XVII вв. Так, она, рассматривая

влияние на аграрную политику экономических, политических и социальных факторов, почти не упоминая влияния религиозных, психологических и других второстепенных факторов.

Выделив даже в специальный раздел тему «Аграрная политика», Дж.Тёрск, считала ее специальной темой для исследования. Нет необходимости перечислять все вопросы аграрной истории Англии периода 1500–1640 вв., поставленные и исследованные ею в многочисленных публикациях, тем более, что на этот счет в свое время исчерпывающую характеристику дал М.А.Барг [1].

Ряд работ по аграрной и социальной истории Англии указанного периода были написаны американскими историками. Хотя в них не рассматривалась проблема аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов, все же стоит остановиться хотя бы кратко и на их характеристике. Прежде всего, следует сказать, что на их работах сказалось влияние английской историографии. Так, они широко используют фактический материал из специальных исследований английских авторов, но ставили несколько иные исследовательские задачи, поднимали и малоисследованные вопросы, имеющие косвенное отношение к аграрной истории. Так, Р. Пагсон в коллективной монографии о тюдоровской политике середины XVI в. заметил, что на аграрное законодательство этого периода наложили отпечаток демографический рост и денежная инфляция [26, p.94-115]. Другой соавтор этой работы Р. Смит высказал мнение о том, что аграрные статуты издавались исключительно в интересах бедняков [26, p. 100-107]. В США даже вышла в свет монография, посвященная изучению голодовок в тюдоровской Англии. Ее автор Э. Эпплеби подчеркивает заботу правительства о бедняках, особенно в плане регулирования торговли хлебопродуктами и ценами на них. Он, в частности, доказывает, что правительство делало все для того, чтобы бедняки могли свободно покупать хлеб на рынках [7]. На первый взгляд, это действительно так. Во всех преамбулах статутов и прокламаций о хлебной торговле эта мысль проходит красной нитью. Но было ли в действительности все так однозначно? Уже беглый взгляд на такие нарративные источники, как «Описание Англии» Гаррисона показывает, что на местах все обстояло значительно сложнее, и выполнить требование хлебного законодательства для местных властей было делом непростым [14, p. 246-253].

Тем не менее, проблема регулирования правительством пауперизма заслуживает особого внимания. Ее объективное решение может быть только в контексте исследования всей аграрной и социальной политики английской монархии раннего Нового времени. Однако американские историки не дали такого обстоятельного анализа. Кроме того, огораживания с эвикцией крестьян не рассматриваются ими в качестве главной причины пауперизации крестьян. Однако вряд ли можно анализировать социальные проблемы Англии этого периода без учета этого фактора.

Почти аналогичную оценку этого аспекта политики государства дал английский историк Р. Аутвайт в небольшой статье о вмешательстве английского правительства в область торговли хлебопродуктами [31]. Автор предпочёл не рассматривать торговлю хлебопродуктами в контексте процесса генезиса капитализма в целом, аграрной и социальной политики Тюдоров и первых Стюартов, в частности. Поэтому воссоздать объективную картину политики английского государства в этой сфере ему в полной мере не удалось.

В 1980-е гг. в Великобритании и США издано ещё ряд солидных работ по различным аспектам аграрной истории Англии XVI–XVII вв., в которых частично затрагивались и проблема именно аграрной политики. К их числу следует, прежде всего, отнести работу Дж. Пеллисера [28]. Очевидно, под влиянием работ своих предшественников по тематике исследования (возможно и современников- В.М.) он придает слишком большое значение демографическому фактору в процессе аграрного развития Англии XVI - XVII вв. Автор доказы-

вает, что рост населения решающим образом влиял на развитие сельского хозяйства и, в частности, на огораживания, аграрную политику Елизаветы I Тюдор. По его мнению, в связи с ростом населения лорды маноров и держатели стремились более эффективно использовать землю или же расширять обрабатываемые площади за счет пустошей, заболоченных земель и т.п. Неслучайно подзаголовок его исследования звучит «Крестьяне и лендлорды». Социально-экономические вопросы аграрных отношений оказываются в центре внимания его работы. В ходе своего исследования Дж. Пеллисер утверждает, что насильственных огораживаний было мало, что часто огораживания проводились по соглашению между лендлордами и крестьянами. Автор развивает известное положение в англоязычной историографии об экономической оправданности огораживаний, но при этом опять-таки использует аргументацию современников из числа сторонников конверсии пахоты в пастбища, хотя известно, что в то время в Англии было и немало противников огораживаний [28, p. 185]. Оперируя данными Э. Керриджа и некоторых других английских и американских авторов, он стремится доказать, что в ходе огораживаний не было разорения крестьян и т.п. Большинство английских крестьян, по его мнению, имели гарантии своих держательских прав на землю в судах и лишь держатели «по воле лорда» (т.е. копигольдеров – В.М.) и вилланы не имели их [28, p.185]. Однако еще задолго до появления работы Дж. Пеллисера не только историки-марксисты, но и представители немарксистского направления в историографии признавали тот факт, что огораживания очень часто были насильственными, что они влияли самым непосредственным образом на разорение части крестьянства и т.п. [37, p.147]. Разумеется, Дж. Пеллисер не мог об этом не знать и поэтому для аргументации своего мнения выдвинул ряд факторов объективного характера. Во-первых, полагает автор, исчезновение крестьянства происходило постепенно по мере сосредоточения земли в руках «удачливых» лендлордов и йоменов [28, p. 194]. Рост населения, сопровождавшийся увеличением спроса на сельскохозяйственную продукцию, неизбежно требовал интенсификации сельскохозяйственного производства, а это могло быть возможным лишь при значительных капиталовложениях, которые не могли осуществлять большинство крестьян. Во-вторых, основными причинами разорения крестьян он считал периодические неурожаи, дробление крестьянских наделов при наследовании. Если рост арендной платы имел здесь какое-либо значение, то это тоже происходило в силу увеличения численности населения, поскольку увеличивалось число претендентов на земельные держания и крестьяне якобы сами предлагали более высокие вступительные взносы и арендную плату. Дж. Пеллисер допускает, что не только малоземельные крестьяне порой не могли возобновить свое держание после окончания очередного срока, но и более зажиточные порой не могли этого сделать, а поэтому и уменьшалась общая численность крестьянства в Англии. Крестьянские участки могли стать объектом захвата со стороны зажиточных фермеров, но и сами они также могли стать жертвой подобных устремлений лендлордов. В-третьих, Дж. Пеллисер доказывает на примере графств Центральной Англии, что огораживания пахотных земель были полезны для повышения урожайности зерновых культур, ибо конверсия пахоты в пастбища улучшала качество почвы путем ее унавоживания [28, p.185, 189, 194]. Это действительно так, но при условии, что эти пастбищные земли будут вновь обращены под пахоту, а это как раз во многом зависело от позиции органов государственной власти. К сожалению, этот аспект в его монографии не нашёл должного отражения.

Касаясь, правда, в чисто описательном плане парламентских статутов против конверсии пахоты в пастбища, он признает, что в них наблюдаются постепенные изменения, которые связаны с все большим пониманием правительственными кругами региональных особенностей сельскохозяйственного производства в королевстве. Аграрную политику Елизаве-

ты Тюдор он не связывает с глубокими процессами социально-экономических изменений в аграрных отношениях, их капиталистической ломкой. Автор лишь констатирует, что во второй половине XVI в. огораживаниям препятствовали правительство и «народная враждебность». К тому же они становились экономически невыгодными, так как рост населения и увеличение спроса на хлеб, депрессия цен на ткани делали более выгодным выращивания зерна [28, p. 185].

Дж. Пеллисер утверждает, что во второй половине XVI в. сельское хозяйство Англии обеспечивало в основном население страны продуктами питания. В связи с этим он затрагивает вопрос о регулировании торговли хлебом елизаветинским правительством. Автор привлек немалый статистический материал, достаточно обстоятельно его обработал и попытался объективно воссоздать картину этого аспекта аграрной истории. Однако он не рассматривал вопрос о перекупщиках зерна, спекулянтах хлебопродуктами, хотя все это хорошо отражено в статутах, прокламациях и распоряжениях правительства о торговле хлебом. Поэтому его выводы о регулировании хлебной торговли и т.п. носят ограниченный характер и сводятся, фактически, к тому, что политика короны в области хлебной торговли была более близка к свободному вывозу зерна по сравнению с предыдущими веками [28, p.118].

Надо отметить, что все выводы автора достаточно аргументированы. Он не допускает каких-либо голословных утверждений. Широкое использование цифровых данных – отличительная черта его исследования. Достоинством работы можно считать широкий диапазон исследования социально-экономической и политической сферы английского общества второй половины XVI в. Вместе с тем читателю бросается в глаза некоторая политизация в его исследовании. Автор строит свою концепцию явно с целью противопоставить ее распространенной в то время марксистской концепции аграрного развития Англии. Отсюда, видимо, иногда прослеживается его тенденциозность в подборе источников, что особенно заметно при трактовке им вопроса об огораживаниях. Так, он довольно часто приводит высказывания современников о пользе и выгоде огораживаний и умалчивает при этом о том, что было и немало их противников. Умалчивает Дж. Пеллисер, к сожалению, и о многочисленных жалобах крестьян на огораживателей в различных судах и правительственных учреждениях, что связано с выполнением аграрных законов на местах.

Таким образом, выдвижение Дж. Пеллисером на первый план в качестве первопричины обезземеливания крестьянства демографического фактора явно свидетельствует о его мальтузианском подходе к проблеме аграрной истории Англии второй половины XVI в. Поэтому его концепция, хотя и представляет определенный научный интерес, но выглядит менее убедительной, чем концепция Дж. Тёрск.

Довольно формальный подход к вопросу об огораживаниях и судьбах крестьянства в Англии XV-XVII вв. заметен в статье английского историка Д.Р.Уорди [42]. Его стремление составить хронологию огораживаний, начиная с 1500 г. и вплоть до начала XX в., не лишено научной значимости. Однако, к сожалению, автор не связывает свои хронологические построения с процессом генезиса капитализма и совершенно игнорирует насильственные методы в процессе огораживаний. Он повторяет укоренившиеся в английской и американской историографии положение о распространенности огораживаний по договору. Используя известные данные правительственных комиссий по расследованию огораживаний 1517 и 1607 гг., Д. Уорди стремиться преуменьшить масштабы конверсии пахотных полей в пастбища в XVI-XVII вв. Он полагает, что с 1450 по 1607 гг. в Англии было огорожено лишь 2% всех земель [42, p.494]. Это дает ему возможность «растянуть» хронологические рамки огораживаний вплоть до 1914 г., представить их как плавный и постепенный процесс. Однако он не может игнорировать того общеизвестного факта, что английское крестьянство рассматрива-

ло очень часто огораживания как очевидное зло. Поэтому, видимо, автор замечает мимоходом, что в тюдоровский период термин «огораживания» имел дурной смысл, что против них выступало большинство населения, многие члены парламента и почти все правительство. Вместе с тем Д. Уорди стремится преуменьшить размах огораживания пахотных земель в XVI–XVII вв. и с этой целью делает акцент на подсчет огораживаний пустошей, различных общинных угодий.

В целом, статья Д. Уорди показала, что проблема «огораживания – крестьяне – государственная политика» в исследовательском плане имеет значительные лакуны, которые еще предстоит закрыть историкам дальнейшими исследованиями в области аграрной и социальной истории Англии. Кроме того, статья вызвала небольшую полемику в английской историографии. Так, другой английский автор Д. Чепмен также опубликовал статью, в которой дал критический анализ построениям Д. Уорди [11]. Историк справедливо отметил недостаточную убедительность его подсчетов общего размера огораживаний в XVI – XVII вв., как по причине скудности источников, так и в силу стремления исследователя покрыть этот недостаток чисто дедуктивным путем. Однако оппонент прошёл мимо главного недостатка рецензируемой им статьи – отсутствия связи огораживаний с эвикцией крестьян. Статья Д. Уорди наглядно показала, что только количественным методом невозможно исследовать такое сложное явление, как огораживания. Исследователь, желающий показать объективную картину, неминуемо должен рассматривать огораживания в контексте капиталистической перестройкой аграрных отношений в Англии XVI - XVII вв., с учётом роли государства в этом процессе и отношения самого крестьянства к ним.

Надо отметить, что за последнее десятилетие в Великобритании и США историки-аграрники продолжали исследование ряда вопросов аграрной истории Англии XVI–XVII вв. Особенно плодотворно работала школа английских историков Джоан Тёрск. Отметим, прежде всего, работу Р. Меннинга о восстаниях в Англии XVI–XVII вв. [25]. Хронологически она охватывает почти весь период Тюдоров и Стюартов и представляет большой интерес для изучения такого аспекта аграрной политики, как реакция крестьянства на неё. Автор рассматривает не только уже известные историкам события социальной борьбы английских крестьян и ремесленников, но и касается таких вопросов, которые до него, практически, не изучались. Так, например, он достаточно обстоятельно осветил причины крестьянских восстаний, подсчитал процент участников восстаний из каждой категории крестьян. Причем его исследование основано не только на традиционных источников, опубликованных в различных сериалах, но и на архивных данных. Практически, впервые в англоязычной историографии он изучил вопрос о сопротивлении крестьян огораживаниям по соглашению [25, p. 108-131]. В тоже время нельзя сказать, что работа Меннинга не поставила окончательную точку в исследовании этого важного аспекта крестьянской жизни и государственной политики. Скорее всего, он лишь наметил некоторые пути исследования его для последующих научных изысканий в этом направлении.

Из других последних работ по аграрной истории Англии XVI–XVII вв. можно отметить очередное исследование Э. Керриджа об общинных землях [22], Э. Кассмал о сельской экономике Англии XVI- первой половины XIX в. [24], работу Р. Холи о коронных манорах [14] и труд М. Овертона о сельскохозяйственной революции в Англии[28]. Хотя авторы не затрагивают, практически, проблему аграрной политики, но их исследования социально - экономических проблем позволяют уточнить некоторые аспекты взаимоотношений крестьян с институтами государственной власти. Происходившая в английской историографии в 1980-90-е годы дискуссия об аграрной революции в Англии раннего Нового времени дала толчок к поиску новых подходов к трактовке этого явления[8]. В 1990-2000-е годы этим занимаются по-

следователи Дж. Тёрск в Рединском университете, в частности, Р.Холи, возглавляющий научный исторический журнал «Английское сельскохозяйственное историческое обозрение» и опубликовавший ряд работ по аграрной истории Англии раннего Нового времени [15, 16, 17, 18, 19]. (На наш взгляд, работы данного автора и некоторых других современных англоязычных историков требуют специального изучения в контексте аграрной истории Англии раннего Нового времени). Дискуссия способствовала также активизации исследований в области аграрной экономики в Англии XVI–XVIII вв. Кроме того практически все известные в Великобритании историки-аграрники признали значимость именно периода XVI–XVII вв. для аграрного развития страны. Так, Э. Керридж вообще считает, что именно в эти века в Англии и произошла собственно «аграрная революция». В ходе дискуссии, об «аграрной революции» высказывались и некоторые другие мнения, но при этом английские историки-аграрники рассматривали её в отрыве от социальных изменений и не учитывали роль государства в ней, т.е. именно аграрную политику.

Таким образом, многие англоязычные исследователи аграрной и социальной истории Англии раннего Нового времени в своих штудиях касались отдельных аспектов аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов: аграрного законодательства, законов о торговле зерном, мер государства по поддержке пахоты, отчасти отмечали реакцию крестьянства на аграрную политику государства. Однако при изучении аграрного законодательства ими не были учтены королевские прокламации в отношении огораживаний, неполно дано и проанализировано содержание статутов по ограничению огораживаний, а также почти не показан процесс подготовки аграрных законов в парламенте и отношение к этому законодательству со стороны крестьянства и других социальных слоев английского общества. Возможно, поэтому до сих пор в англоязычной историографии нет комплексного исследования аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов.

Библиографический список

1. Барг М. А. Рецензия на Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. // Средние века. М.: Наука, 1972. Вып. 35. С. 297 – 305.
2. Лавровский В. М. Исследования по аграрной истории Англии XVÎIXIX вв. М.: Наука, 1966. – 256 с.
3. Митрофанов В.П. Англоязычные историки о фермерских хозяйствах в позднесредневековой Англии (XVI-середина XVII в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Вып.2./ Гл. ред. В.В. Кондрашин. - Пенза: ПГУ, 2014. С.5-13.
4. Семёнов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М-Л.: АН СССР, 1949. - 372 с.
5. Шарифжанов И.И. Исторические предпосылки английской революции в освещении английской и американской историографии// Средние века. Вып. 41.1977. С. 278-299.
6. The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. 1500 – 1640 / Ed. J. Thirsk.; Gen. Ed. H. P. R. Finbery. Cambridge.: University Press, 1967. – 919 P.
7. Appleby A. B. Famine in Tudor and Stuart England. Stanford, California: University Press, 1978. – 250 P.
8. Brenner R. Agrarian Roots of European Capitalism// Past and Present. № 97. 1982. P. 16 – 113.
9. Campbell M. S. and Overton M. A New Pespective of Medieval and Early Modern Agriculture: Six Centuries of Norfolk Farming. 1250 – 1850 // Past and Present. Vol. 141. 1993. P. 38 – 105.
10. Campbell M. The English Yeomen Under Elizabeth and Early Stuarts. New Haven.: Yale University Press, 1942. - 453 p.
11. Chapman J. The Chronology of English Enclosures // Economic History Review. 2-nd series. Vol. 37, № 4. Oxford. 1984. P. 557–559.
12. Gay E. Elizabeth Village Surveys. //TRHS. 2-nd ser. Vol. 18. P. 67 – 89. Gay E. The Midland Revolt of 1607 // TRHS, new series. Vol. XVIII. – L., 1904. P. 195 – 244.
13. Gras N. S. The Evolution of English Corn Market. From The 12-th to 18-th centuries. Cambridge.: University Press, 1915. - 498 p.

14. Harrison W. The Description of England / Ed. By G.Eldelen. N.Y.: Cornell University Press, 1968. – 512 p.
15. Hoyle R. W. The Estate of The English Crown 1558 – 1640. Cambridge.: University Press, 1992. - XVIII, 440 p.
16. Hoyle R. W. Tenure and The Land Market in Early Modern England: Or a Late Contribution to the Brenner Debate // Economic History Review, 2-nd series. Vol. XLIII № 1. L., 1990. P. 1 – 20.
17. Hoyle R. W. Petitioning as popular politics in early sixteenth century England// Historical Research. № 75, 2002. P. 365-89.
18. Hoyle R. W. The Masters of Requests and the small change of Jacobean patronage// English Historical Review № 126. 2011. P. 544-81.
19. Hoyle R. W. "Wrightsonian incorporation" and the public rhetoric of mid-Tudor England // History, № 101. 2016. P. 20-41.
20. Kerridge E. The Agricultural Revolution.- L.: Allen and Unwin, 1967. - 428 p.
21. Kerridge E. Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After: L.: Allen and Unwin, 1969. - 216 p.
22. Kerridge E. The Common Fields Of England. - Manchester.; University Press, 1992. – VIII, 216 p.
23. Kerridge E. The Farmer of Old England. L.: Allen and Unwin, 1973. – 180 p.
24. Kussmaul A. A General View Of The Rural Economy Of England, 1538-1840. - Cambridge.: University press, 1990. – XIV, 216 p.
25. Manning R. B. Villadge Revolts. Social Protest and Popular Disturbances in England, 1509 – 1640. Oxford.: Clarendon Press, 1988. - XIII, 354 p.
26. The Mid-Tudor Police (15401560)/ Ed. by Jennifer Loach and Robert Tiller - L.: Macmillan, 1980. VII, 223 p.
27. Neale J. Elizabeth I and Her Parliaments. Vol.2. L.: Cape, 1958. – 452 p.
28. Palliser D. M. The Age Of Elizabeth: England Under The Late Tudors (1547 - 1603). - L.; N.Y.: Longmann, 1983. - XXI, 450 p.
29. Overton M. Agricultural Revolution ? Development of The Agrarian Economic in Early
30. Overton M. Agricultural Revolution in England: The Transformation of The Agrarian Economy, 1500 – 1850. – Cambridge.: University Press, 1996. – XIV, 257 p.
31. Outwaite R. Dearth and Gavernment Intervention In English Grain Markets. 1590-1700.// Economic History Rewiev. 2-nd ser. Vol. 34. № 3. - Oxford, 1981. P. 389 – 406.
32. Outhwait R. B. Death, Public Policy and Social Disturbance in England. 1550 – 1800. Basingstoke.: Macmillan, 1991. – 71 p.
33. Rural Change and Urban Growth, 1500 – 1800. Essays in English Regional History. – L.: Longman, 1974. – 360 p.
34. Scrutton T. E. Commons and Common Fields in The History and Policy of The Laws Relation to Commons and Enclosures in England.- Cambridge.: University Press, 1887.- 180 p.
35. Slack P. Books of Orders: The Makings of English Social Policy, 1577 – 1631// Royal Historical Society. Transactions. 5-th series. Vol. 30. - L., 1980. P. 1–22.
36. Slater J. The English Peasantry and Enclosures of Common Fields. L.: Constale, 1907. – 337 P.
37. Tawney R. H. Agrarian Problem in the 16-th Century. –L., N.-Y.: Longmfns, Green and C^0, 1913.- 438 p.
38. Thirsk J. Enclosures and Engrossing // Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. Cambridge, 1967. P. 200-255.
39. Thirsk J. Economic Policy and Projects.- Oxford.: Clarendon Press, 1978.- 290 p.
40. Thirsk J. The Rural Economy of England: Collected essays. L., Habledon Press, 1984. - XIV, 420 p.
41. Underdown D. Revel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603 – 1660. Oxford: Clarendon Press, 1985 - XVI, 324 p.
42. Wordie J. The Cronologe of English Enclosures // Economic History Review. 2-nd series. Vol. 36. № 4. Oxford, 1983. P. 483-505.
43. Wrightson K. English Society, 1580 – 1680. L.: University Press, 1982. - 264 P.

Сведения об авторе:

Митрофанов Владимир Петрович, д.и.н. профессор кафедра «Всеобщая история и обществознание», историко-филологический факультет, педагогический институт имени В.Г.Белинского, Пензенский государственный университет. 440026, г. Пенза, ул. Красная,40. E-mail- vm@em-england.ru

Общество и политика

УДК 324(470)

О.С. Балыкина, М.Ю. Мисник

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности восприятия образа политического лидера. Выявлено, что, воспринимая образ политического лидера, студенты характеризуют не только внешнюю сторону личности, но и проявляют интерес к его внутреннему миру.*
Ключевые слова: *восприятие, политическое восприятие, лидер, руководитель, власть, ценностные ориентации.*

Balykina O.S., Misnik M.Y.***The image of a political leader in the perception of the students***
Abstract. *The article deals with the peculiarities of perception of the image of a political leader. It is revealed that, sensing the way the political Lee-der, the students characterize not only persona, but also showing interest in his inner world.*
Keywords: *perception, political perception, leader, guide-driver, power, values.*

Восприятие как процесс целостного отражения предметов, ситуаций и событий, обеспечивает ориентирование человека в окружающем его мире [3]. В политической психологии его рассматривают через призму процесса социализации и трактуют как «…врастание подрастающих поколений во взрослый политический мир…» [2]. Особенности восприятия тесно связаны с политической культурой, политическим сознанием, самосознанием, эмоциональными переживаниями. На формирование этих особенностей влияют события внутренней жизни страны, действующие политические институты, внешнее окружение страны, общество в целом.

Подрастающее поколение - это будущее страны, это будущие общественные и политические лидеры. В настоящее время молодежь активно вовлекается в разные общественные организации, политические партии, движения. Но насколько эффективна эта работа и каков результат этой деятельности?

Одним из важных аспектов изучения в социальной и политической психологии – феномен лидера. Общественный и политический лидер всегда воспринимается и характеризуется неоднозначно. Во многом это зависит от того, чьи интересы он представляет. Кроме того, важно, чтобы его слова и обещания не расходились с конкретными делами. От этого в свою очередь зависит авторитет лидера и доверие к нему со стороны общества.

Одна из задач, стоящая перед политическими лидерами, сформировать, воспитать самостоятельных, целеустремленных молодых людей, готовых в будущем принять активное участие в общественной и политической жизни страны.

С другой стороны, необходимо выяснить, как сами молодые люди относятся к современной политике, какой образ политического лидера для них приемлем и значим.

Целью нашей работы является изучение особенностей восприятия образа политического лидера. В качестве респондентов были выбраны студенты 1 и 3 курсов ФИиМО БГУ в количестве 50 человек. Все они не являются активными участниками общественных и молодежных движений.

Для достижения поставленной цели мы использовали методику С.С. Бубнова «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций», метод семантического дифференциала (СД) Ч.Осгуда [4], методику «Неоконченные предложения».

В своем исследовании мы исходили из предположения, что восприятие образа политического лидера во многом зависит от ценностных ориентаций студентов.

На основании проведенного исследования (используя методику С.С. Бубнова «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций») мы установили, что для студентов 1 и 3 курсов приоритетной является необходимость «в помощи и милосердии к другим людям» (70%). Следующей по значимости ценностью у первокурсников является – «приятное времяпрепровождение, отдых» (61%), а у респондентов третьего курса – «признание и уважение других людей и влияние на окружающих». Молодые люди, проявляя уважение, помощь и поддержку к другим людям, вправе ожидать такое же отношение и к себе. На третью позицию (38%) первокурсники ставят «поиск и наслаждение прекрасным» и «признание и уважение людей и влияние на окружающих». Для студентов третьего курса ценностным является «приятное времяпрепровождение, отдых».

Судя по приведенной шкале ценностных ориентаций испытуемых, в своих предпочтениях они демонстрируют непоследовательность, противоречивость. Можно предположить, что и процесс формирования их личностных качеств продолжается. Это находит свое отражение и в восприятии событий, явлений, происходящих как в государстве,так и в мире в целом.

Необходимо отметить, что при явном доминировании положительных ценностных ориентаций студентов,только 2% респондентов видят необходимость в «социальной активности для достижения позитивных изменений в обществе». Большинство же студентов не считают нужным участвовать в общественной жизни, так как не видят смысла и результата своей возможной общественной и политической деятельности.

К такому же выводу мы пришли и в 2013 г., когда проводили пилотное исследование проявления толерантности в системе ценностных ориентаций студентов [1].

Следующим этапом нашего исследования стало изучение восприятия образа политического лидера. Для этого мы использовали метод семантического дифференциала (СД) (Ч. Осгуд). Студентам были предложены 6 слов-стимулов: «лидер», «власть», «руководитель», «управление», «авторитет», «пророк», которые необходимо было оценить по семибалльной шкале. При анализе полученных результатов мы отметили положительную характеристику всех слов-стимулов, за исключением – «пророк». Молодые люди оценивали его как старого, слабого, грустного и покладистого. По нашему мнению, такие характеристики могут быть связаны со скептическим отношением подрастающего поколения к разного рода пророчествам, предсказаниям.

Обобщая результаты вышеописанного исследования, мы выделили четыре группы респондентов по степени доминирования ценностных приоритетов. Первую группу составили студенты, ориентированные на «приятное времяпрепровождение, отдых», «высокое материальное благосостояние» (35%). Вторая группа – те, для кого важны «помощь и милосердие к другим людям», «признание и уважение людей и влияние на окружающих», «любовь» (28%). Третья группа – студенты, выделившие «высокий социальный статус и управление людьми» (24%), а также «социальную активность для достижения позитивных изменений в обществе» (2%). Четвертая группа – молодые люди без ярко выраженных ценностных ориентаций (11%).

В первых трех группах «лидер» ассоциируется с понятиями сильный, веселый, сложный, новый, правдивый, честный, «отец», упрямый, руководитель, авторитет. Его деятельность должна быть эффективна. Однако следует отметить, что в первой группе респондентов при оценочных характеристиках «лидера» использовались слова «опасение», «тревога», а

представители второй и третьей групп были склонны приписывать, в первую очередь, положительные оценки: «добрый», «хороший», «быстрый».

Категории «руководитель», «авторитет», «власть» получили схожие характеристики. Респонденты воспринимают их как полезных, настойчивых, энергичных, нападающих, «обладающих авторитетом», «истинных и правдивых», «оказывающих значительное влияние на окружающих». Следует обратить внимание на то, что представители третьей группы склонны переоценивать эти понятия, характеризовать их в превосходной степени.

На третьем этапе исследования мы предложили студентам дописать незаконченные предложения.Это позволило им более свободно и полно выразить свое восприятие политического лидера в современном мире. Проанализировав полученные результаты, мы, с одной стороны, нашли подтверждение позиции, ранее высказанной респондентами, а с другой – выявили новые особенности их восприятия образа политического лидера.

Приведем примеры незаконченных предложений: «Лидер должен обладать…» харизмой, настойчивостью, решительностью, «четко знать свои полномочия». Это – человек, «уверенный в своих силах». Он «толерантный и принципиальный», «работает в команде», «хороший оратор».Политический лидер всегда должен «служить своему народу».

По мнению студентов, «от других людей политического лидера отличает…» наличие сильной власти, авторитета у граждан своей страны. Вся его деятельность должна быть направленна на защиту интересов своего народа.

«Политический лидер никогда…» не лжет, «не действует в личных интересах», «не бросит в беде».

Среди вопросов, на которые мы не получили ответы, или же они были очень скупыми, немногословными, - это: «В какую историческую эпоху Вам хотелось бы жить и почему?»; «Назовите политиков, которым Вы доверяете…»; «Назовите молодежные общественные организации/движения…». Размышляя о наиболее значимых эпохах в мировой истории, респонденты чаще всего называли XVIII и XIXвека. У студентов они связываются с «временем больших экономических и политических перемен, культурных преобразований». Это время, когдабыли востребованы такие качества личности, как «долг», «честь», «достоинство». К нашему сожалению, более 80% опрошенных студентов отказались назвать лидеров и молодежные организации, которые вызывают у них наибольший интерес. Среди лидеров, служащих эталонами образа политического лидера, чаще всего назывались С.В. Лавров, В.В. Путин.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Воспринимая образ политического лидера, респонденты руководствуются положительными ценностными ориентациями. Однако, при этом, большинство из них не выражает стремление к «социальной активности для достижения позитивных изменений в обществе». При характеристике политического лидера студенты акцентируют внимание на тех качествах, которые непосредственно проявляются в его общественно значимых действиях и поступках. Воспринимая образ политического лидера, студенты характеризуют не только внешнюю сторону личности, но и проявляют интерес к его внутреннему миру. С нашей точки зрения необходимо повышать мотивацию студентов к самореализации тех качеств политического лидера, которые являются для них наиболее значимыми.

Библиографический список

1. Ерохина Н.М., Балыкина О.С. Толерантность в системе ценностных ориентаций и направленности личности студентов гуманитарных и естественнонаучных специализаций. /Актуальные вопросы психологии: Материалы V Международной научно-практической конференции. 19 ноября 2013 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2013. – 196 с.
2. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. - Екатеренбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.

3. Психология. Словарь/Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: 1990. – 494 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

Сведения об авторах:
Балыкина Ольга Сергеевна, кандидат психологических наук**,** Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;
Мисник Мария Юрьевна студентка факультета истории и международных отношений, старший лаборант кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 316.454

В.И. Золотов

Преподавательское сообщество исторического факультета БГУ в эпоху перемен

Аннотация: *В статье предпринимается попытка исследования процесса идентификации и самоидентификации университетского сообщества, представленного преподавателями исторического факультета провинциального университета. На основе проведённого опроса членов данного сообщества анализируются представления о назначении и функции университета сегодня, рассматриваются обстоятельства, деформирующие образ общепризнанной модели университетского образования.*
Ключевые слова: *идентификация, самоидентификация, университетский статус, университетская культура.*

Zolotov V.I. Teacher fellowship of history faculty on transition time

Annotation: *The article is attempt study of identification and self-identification with university fellowship history faculty teachers. On base conducted interrogation are analysed notions on purpose and functions current university. Examine deforming circumstances manner ideal model university education.*
Key words: *identification, self-identification, university status, university culture.*

Нынешнее состояние отечественного образования, в том числе университетского, поставило преподавателей высшей школы в нелёгкое положение. Известно критическое отношение преподавательского корпуса к идущим переменам. Рейтинговая модель существования вуза, по мнению многих, выхолащивает смыслы обучения, направленные на формирование и передачу профессиональных знаний, формализует учебный процесс. К этому добавим, что беседы с магистрантами свидетельствуют об отсутствии у них чувства принадлежности к университетской общности, ощущении статуса университетской модели образования. Особый «культурный код» университета, его этика, самооценка и амбиции, та «инаковость», которая позволила выжить университету в разные эпохи, для магистрантов не очевидна [1] **(**право присуждения учёных степеней, относительная независимость от внешних условий и от господствующей идеологии, обладание университетской корпорацией наивысшей интеллектуальной компетенцией).

Следует уточнить, что данные суждения получены в universitas исторического факультета университета, «вышедшего» из педагогического института, и ставшим «классическим» только 15 лет назад. За эти годы университетов в стране стало много и их возвышение до статуса университета схоже. В то же время исторический факультет Брянского университета имеет крепкий костяк преподавателей историков, большинство получивших ещё в советское время университетское образование, с солидным преподавательским стажем, почти все, преподающие в магистратуре, имеют докторскую степень. Преподаватели-историки не обделены вниманием в столичных научных кругах.

Вспомним, что в наше время малопонятной ломки сложившейся системы высшего образования традиция, история отечественного университетского образования имеет неоспоримые услуги. Она оставила заметный след в истории российского общества, начиная со времени своего появления в стране. Об университете как феномене, описанном П.Ю. Уваровым, интересно говорится в двух публикация последнего времени, так или иначе анализирующих состояние высшей школы в наше время [2,3]. В них ставится проблема понимания места и роли университетского сообщества, в том числе, в наше время. Именно университетского сообщества, того universitas, которое и составляло сущность и силу университета. Авторы на основе воспоминаний и интервью стремятся проследить те ценности и представления, которые определяли, идентифицировали университетское сообщество в разные эпохи. Одновременно делается попытка проследить процессы самоидентификации членов сообще-

ства в условиях тех изменений, которые происходят в современном университетском образовании. В основу этих исследований был положен архив личных воспоминаний и интервью большой группы преподавателей столичных вузов. Схожие цели, применительно уже к провинциальному университету, предполагается проанализировать в данной статье.

Опрос, данные которого стали основой названного исследования, проводился среди преподавателей факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета в июне 2016 года. Было роздано 18 анкет, предусматривалась анонимность участников. На её вопросы ответили 14 человек. В рамках микроисторического исследования, как представляется, опрос вполне репрезентативен и может претендовать на научность. Вопросы носили открытый характер и делились на две группы. Первая предусматривала изучение представлений об университете как виде образовательного учреждения, вторая – представление об университетском сообществе как ядре университетского пространства. Фактически первая группа вопросов ставила проблему идентификации университетского сообщества, вторая – самоидентификации участников как членов этого сообщества в условиях современных социально-политических и социокультурных процессов.

Участникам опроса были предложены следующие вопросы.

1. *Охарактеризуйте двумя-тремя словами качество, характеризующее университеты среди других учреждений высшего образования.*
2. *Есть ли преемственность между императорскими, советскими, перестроечными и постсоветскими университетами?*
3. *Чем отличается университет 2000-х годов от советского времени? Какие тенденции Вас радуют, какие настораживают?*
4. *В чём, по Вашему, назначение университета как вида высшего образования?*
5. *В чём, по Вашему, назначение университета в настоящее время?*
6. *Что происходит с российскими университетами сегодня?*
7. *В чём, на Ваш взгляд, причины нынешнего состояния университетов?*
8. *Какие качества, на Ваш взгляд, отличают профессиональное сообщество университетских преподавателей?*
9. *Считаете ли Вы себя отдельной корпорацией, сообществом, исповедующими определённые профессиональные, этические принципы?*
10. *Что представляет собой, на Ваш взгляд, «университетская культура»?*
11. *Считаете ли Вы, что на факультете сложилась определённые культурные, научные традиции?*
12. *Что, на Ваш взгляд, способствует ощущению университетской общности (открытое обсуждение работ коллег, научные конференции и чтения, теоретические и прикладные семинары преподавателей, совместные проекты кафедр, юбилейные и праздничные застолья, какие-то ритуалы). Что ещё, на Ваш взгляд?*
13. *Каких дисциплин, в программе обучения, на Ваш взгляд, не хватает студентам исторических специальностей?*
14. *Чем является университет для Вас – государственным учреждением, храмом науки, домом, сообществом профессионалов, самоуправляющейся корпорацией, научной лабораторией, хранилищем культурных ценностей?*

Характер ответов в целом характеризует озабоченность респондентов состоянием дел в университетском сообществе и образовании. Встречаются достаточно глубокие, развернутые характеристики положения вещей, они дополняются краткими, но очень точными наблюдениями других респондентов. Часть вопросов скорее говорят о репрезентации преподавателя на фоне текущих процессов, по сути, о воображаемой роли, о «нише», реальной или воображаемой, занятой ими в этих процессах. Очевидно различие ответов представителей старшего поколения и преподавателей, идущих за ними, теми, которые вошли в универси-

тетское сообщество в 90–е и нулевые годы, никогда не работавшие в университетах советской эпохи, численное соотношение тех и других ровно пополам. Немало ответов носит оценочный характер, некоторые имеют самый общий характер. Тем не менее, они представляют микрокосм сообщества, в котором можно увидеть и большее. Хотя опрашивались преподаватели-историки, однако их оценки чаще касались проблем университетского образования в целом. Методология ответов в основном строится на соотнесении модели «идеального» университета, известного по университетам царской и советской эпох, по личному опыту преподавания в известных университетах страны, и практик существования университета в современных условиях и обстоятельствах. Анализ содержания ответов рисует следующую картину.

В вопросе *о качестве, характеризующем университеты среди других учреждений высшего образования* вышеупомянутое поколенческое деление в нём наглядно. Прежде всего, подчёркивается главенствующее положение науки в университете. Так, «старшие» отмечают «наличие научных школ, большую роль науки в жизни вуза наряду с преподаванием», «специфический культ знания, науки», приобщение к большой науке. «Профессионализм, наука, статус», «свободомыслие, демократизм внутренней жизни, приоритет содержания образования над формами, наука», «универсальность, широкий кругозор, наука», «профессионализм, наука, независимость суждений». Роль науки выделяют два представителя из когорты «младших» - «университет – прежде всего, наука, исследования», «наука, качество, основательность». Интерес один ответ из рядов «старшего» поколения – «не вижу отличий в современной обстановке», очевидно, респондент хотел сказать, что современные университеты не отличны от других видов вузов. В ответе одного из респондентов «младшей» группы понятия «качество», «основательность» вполне коррелируется с понятием «профессионализм». Понятие «статус», это два случая, (ответы от 90-х и нулевых годов), на уровне интуиции признают «особость» университетов в системе высшего образования, обладания ими некоего качества, которое делает это учебное заведение престижным местом обучения.

Понятие «профессионализм», встречается дважды, это не только качественная характеристика, но, возможно, на уровне подсознания, отражает сожаление по качеству преподавания в сегодняшнем вузе, оно утрачивается. Очевидно, «сожаление» коррелируется с понятием «качество», «основательность» в ответе одного из респондентов «младшей группы». В целом же, в ответах превалирует соотнесение университета с наукой, качественное образование, присутствие некого «духа» университета. В то же время присутствует чувство утраты чего-то важного, существенного.

После такой характеристики сущности университета, по сути «идеального» (вопрос 1), был предложен вопрос *о назначении университета* в целом (вопрос 4). Естественно было соотнести высокую оценку статуса и назначения университета, его функции. Ответы определили двуединую задачу существования университетов. Первая его ипостась - «сочетание науки и образования», «большая роль науки в жизни вуза наряду с преподаванием», «учить мыслить, а не потреблять знание», «приобщение к науке», «примат фундаментального образования над образовательными технологиями», «культура научного мышления». Второе назначение университета – «подготовка специалистов по широкому спектру направлений фундаментального и прикладного научного знания», «подготовка высококвалифицированного специалиста», «готовить реальных профессионалов», подготовка высокопрофессиональных кадров для различных сфер народного хозяйства, обеспечение высокого уровня научных исследований». Задача подготовки профессиональных кадров для государства и общества свойственна высшей школе в целом. В наших ответах такая задача тесно увязывается с получением навыков научной работы, развитием научного знания, «образование через научный поиск». В некоторых ответах говорится о необходимости формирования личности, потреб-

ности к самообразованию, необходимости дать широкий кругозор и общую культуру выпускнику. Все эти ответы исходят из обеих групп, «старшей» и «младшей». Один ответ «старшего» респондента считает назначением университета готовить «интеллектуальную и управленческую элиту разных уровней, обладающую как глубиной знаний, так и широким кругозором» (возможно, таковым себя идентифицирует один из участников опроса).

В целом, в таких ответах присутствует понимание «особой» миссии университета в обществе. Важно традиционное для нашего общества понимание университетского статуса - прежде всего образовательная функция, которая базируется на высоком научном знании. Значительно меньше говорится о влиянии университетского сообщества на формировании личности студента, выпускника. Формирует же личность приобщение к настоящей науке, о котором говорится в ответах, но не игра в науку.

В вопросе о *назначении университета как вида высшего образования* так или иначе соотносится с предыдущим – реализуется ли высокий статус университета в его функции. В этом смысле ответы на третий вопрос, *какие тенденции в его развитии радуют, какие настораживают*, не питают иллюзий. Крайнее мнение «младшего» поколения сводится к тому, что «новые университеты – это не университеты в истинном, классическом смысле слова понятия, особенно те, кто поменял статус в последние 10-20 лет». Вслед ему идёт убеждение респондента «старшей» группы, который говорит об отсутствии «свободомыслия, демократизма внутренней жизни, приоритете содержания образования над формами». Более мягко оценивает ситуацию респондент из 90-х годов - «советские университеты имели флёр элитарности, так как их было мало. Теперь же все вузы – университеты, университетское образование стало массовым и, как следствие, ниже уровнем». Коммерциализацию университетской жизни, «деньги, деньги, деньги» плюс падение уровня знаний, в ответе пришедшего в вуз так же в 90-е годы. Респонденты из «младшей» группы говорят о большей свободе от идеологического диктата в научном творчестве, «возможности свободного преподавательского творчества». Настораживает респондентов растущая формализация и бюрократизация университетской жизни.

Такие оценки не будут полными без жёстких оценок двух респондентов «старшей» группы. Первая из них утверждает, что «университет превратился в бюрократический институт власти для манипуляции сознанием молодого поколения. Радует, что среди массы студентов есть те, с кем интересно работать, что позволяет с надеждой ходить на работу». В ответе другого «настораживает имитация смыслов университетского образования. Рейтинги, компетенции, баллы, которые успешно «пишутся», но не подготовка профессиональных и научных кадров». В требовании к вузам зарабатывать деньги государство слишком уповает на частные фонды, благотворительность и меценатство. С другой стороны, деидеологизация обучения позволила расширить пространство исторического знания, в известной степени, совершить прорыв в целом ряде общественных и гуманитарных наук».

В этой амбивалентности «радует-настораживает» преобладание последнего. В ответах ясно звучит голос университетского сообщества и, прежде всего, голос преподавателя вуза, человека, любящего свою профессию, посвятившего себя и, небесталанно, подготовке профессиональных кадров. Все они говорят о снижении уровня знаний, многие со знанием дела могут их сравнивать. Сравнение не в пользу современного университетского образования. Те качества университетского образования, о которых говорилось в ответах на вопрос 1, сейчас не являются первенствующими.

Эта боль за современное состояние университета в пятом вопросе дополняется оценкой состоянии и мнением о *назначении университета в наше время*. На вопрос отвечают скупо, обще. Фактически представляется картина, на которой методом от противного звучит

неприятие того, что происходит в современном университетском образовании. Вот два принципиальных ответа. Один формулирует его назначение как стремление «сформировать компетенции при минимизации расходов, сделать преподавателя бизнес-единицей», другой ещё на что-то надеется - «университет должен стать храмом науки, где учились бы и работали только подвижники». В какой-то степени, в этих определениях обозначено направление эволюции университета к началу нового тысячелетия, пускай в крайней и мрачной форме, то, что составило содержание ответов на 2-3 вопросы. Другая группа ответов позитивнее, они принадлежат в большинстве к «младшей» группе и сводит назначение университета в настоящее время к подготовке профессионалов в условиях современных научных прорывов.

Что-то мы потеряли от прежнего университета, поэтому второй вопрос о *преемственности* университетской модели образования в разные эпохи истории страны логичен.

В качестве опорных точек зрения по нему приведу две, принадлежащих «младшему» и «старшему» поколениям и, как представляется, исчерпывающие. Первая утверждает, что «преемственность существует только в тех университетах, которые были основаны как университеты и не прерывали своей истории». Мнение из «старшего» поколения об императорских и советских говорит о преемственности «в кадрах и традициях их работы». Между императорскими университетами и перестроечными – в свободе высказываний и исследований. Между советскими университетами и постсоветскими – в бюрократизации и росте бумаготворчества. Очевидно, необходимо говорить о роли традиции в широком смысле для признания университета состоявшимся явлением. Прежде всего, это социокультурная традиция и преемственность, созданная поколениями universitas, запросами общества и времени. Интересна мысль, и с ней можно согласиться, о преемственности в кадрах и традиции императорских и советских университетов. Действительно, кадры ценили, за редким исключением, многое прощали, советская профессура чтила своих учителей и наставников, благодаря чему были сохранены и созданы новые школы и направления исторического поиска. Без объяснения, о преемственности между двумя первыми типами университетов говорит ещё один ответ «старшего поколения», его дополняет мнение из той же когорты респондентов о том, что наличие преемственности зависит от времени создания университета (речь, очевидно, о тех советских университетах, которые возникли, как прямые преемники университетов царской эпохи). Как представляется, имеется в виду отмеченная социокультурная и культурная традиции. Три ответа из группы «старшего» поколения пессимистичны, преемственность или утеряна, или присутствует, только если в названии. Респондент «младшей» группы отмечает деидеологизированность и свободу преподавания в перестроечных и постсоветских университетах.

Как представляется, в этих ответах отражена идея особого статуса университета как учебного заведения высшего образования, о нём знают, кто-то о нём догадывается, ощущает. Эти догадки в недлинном ряде ответов, смею утверждать, определяются некоей атмосферой университетского пространства, особым «духом» университета вместе с ощущением потери чего-то важного. Такая преемственность олицетворяется знаниями и культурными ценностями через общение со своими учителями и книги. Университет признаётся социокультурным явлением.

Шестой и седьмой вопросы предлагают респондентам объяснить *суть и причины нынешней ситуации в университетском образовании.* Ответы и рассудочны, и эмоциональны. Один из участников «младшей» группы» считает, что «происходит естественный отбор, количество постепенно переходит в качество» и он же – о причинах нынешнего состояния: «Ошибки в образовательной политике государства, кадровый дефицит» (насколько, в таком случае, правомерно признать естественный отбор и качество при дефиците кадров – *авт.*). Интересен почти саркастический ответ - «идёт поиск «универсального» учёного на основе

наукометрических критериев «качества образования»: педагога, учёного, менеджера, финансиста, при этом важна форма, но не содержание, что в корне неверно». Говорится о «расширении уже существовавшего в советское время «зазеркалья», или говоря современным языком, виртуального пространства», об отмирании большинства вузов и сохранения немногих, перенаправления молодёжи к заводским и фабричным воротам. Апокалиптические оценки – «падение в пропасть, сплошные выживания», «торжество профессиональной безграмотности», «высшее образование в стране постепенно угасает», «ничего хорошего, формируется низкопробный выпускник, не умеющий думать, а, порой, плохо понимающий, что он выпускник университета», «университетское образование стало массовым и, как следствие, ниже уровнем». Два ответа «младших» респондентов говорят о реформе высшего образования, в том числе упоминается её приспособление к болонской системе образования. В целом, в ответах звучит ощущение хаоса, охватившем университетское сообщество.

Один ответ из среды «старшего» поколения развёрнут. Он сводится к следующему. С одной стороны, на университеты возлагают не свойственные им задачи. Слепо копируя западную модель образования, университеты, прежде всего, должны стать научными центрами, что в России всегда возлагалось на институты Академии наук, университеты несли на себе, прежде всего, образовательную функцию. Игнорирование интересов высшего образования в 90-е годы - начале нулевых создали ситуацию всеобщего высшего образования. Интересы реального сектора хозяйства были забыты. Сейчас предпринимаются лихорадочные усилия к тому, чтобы развернуть поток вчерашних школьников в технические, инженерные вузы. Для этого всё более сокращается финансирование гуманитарного образования (речь не о полчищах новоиспеченных юристов, экономистов, менеджеров, фактически купивших дипломы).

Помимо этого, выхолащиваются смыслы профессионального обучения, когда за стандартами и компетенциями забывается содержание обучения. Смысл научной работы видится не в проблеме исследования, а в каком журнале ты печатаешься. Чего-чего, а русский чиновник при поддержке другого чиновника всегда умел «писать» нужные цифры. К сожалению, авторы проводимых реформ так и не сказали честно, чего они добиваются, сводя всё к общим разговорам об эффективности и конкурентоспособности отечественных науки и образования.

В целом, по этому вопросу у сообщества нет какого-то более или менее определённого мнения, оно ощущает себя в подвешенном состоянии, перспективы весьма размыты, где-то звучат ноты безысходности, когда всё в руках чиновника, но не сообщества. Поэтому почти апокалиптично звучат и *причины* такого положения. «Калька американской вузовской системы при гораздо меньших затратах, наши олигархи не желают тратиться на науку. Произошёл разрыв национальной традиции и практики в сфере образования», «американизация», коммерциализация и «приватизация» образования, «ошибки в образовательной политике государства», прежде всего, «всеобщее высшее образование», ошибки образовательной стратегии власти, бездумное подражание западным образцам в условиях глобализации общественных процессов. Упоминается и засилье формального, бюрократического подхода к проблемам образования, насаждение стандартов в живом обществе. Увеличение количества высших учебных заведений привело к снижению стартового уровня будущего студента. И наконец, очень жёсткие причины. «Нежелание властей иметь образованное общество, отсюда вакханалия критериев эффективности университетов», «в общем состоянии страны», когда «очень многое делается «как бы». В этих ответах и горечь, и нелицеприятные оценки того состояния, которое наблюдает университетское сообщество, знающего немало достойных страниц в истории университетского образования страны.

Проанализированный блок вопросов представляет, несомненно, достаточно точную картину состояния университетского сообщества. В ответах «миссия» университета или на-

чинает умаляться («старшее» поколение), или довольно слабо прорисовывается. Она дискретна, противоречива и характеризуется одним существенным упущением. Университет рассматривается скорее как функциональный феномен, как функция, но не социокультурный, человек в нём не виден. Такова идентификация университета к началу тысячелетия, соотнесение его с моделью университетского сообщества, пришедшего к нам из Западной Европы. Многое в этой модели утрачено, что особенно заметно в ответах респондентов «младшей» группы, вследствие чего в ответах участников опроса идентификация университета расплывчата.

* * *

Насколько ощущают свою принадлежность к университетскому сообществу преподаватели, обладают ли они *качествами, характерными для профессионального сообщества университетских преподавателей*?

Два качества в своих ответах выделяют респонденты – преданность науке, компетентность в своих дисциплинах и профессиональная этика. Этические качества описываются как «определённая культура поведения», «следование академическим традициям». Что стоит за такими словами? «Терпимость к инакомыслию и суждениям других», «высокий интеллектуальный уровень, культ науки», «профессионально-педагогическая компетентность, интеллигентность», «свобода взглядов, идей», «независимость суждений», профессионализм в науке, «научная добросовестность», творческие отношения со студентами при корректности и субординации», «научная этика профессионала», преданность любимому делу. К чести опрашиваемых, все эти черты составляют существенную часть университетского этоса. Однако самые жёсткие границы принадлежности к научному профессиональному сообществу в опросе определяются «репутационной ответственностью», в целом, тождественной университетскому этосу. «Репутационная ответственность» «в современных условиях подвержена как никогда сильнейшему воздействию. Здесь и стяжательство, и непрофессионализм, и подхалимство, интриганство. Увы, все эти понятия не только присутствуют в высшей школе, но, зачастую, даже не скрываются и выдвигаются в качестве достоинства (умеет жить). Соответственно, «университетская культура», ещё один аналог университетского этоса [см. 4] - всё, что свободно от этих «родимых пятен тучных лет» третьего тысячелетия. Привносимые новшества почему-то не затрагивают этих фундаментальных проблем».

Предложенная дефиниция «репутационная ответственность» имеет глубокое содержание. Тот же автор продолжает: «Считаю умственно ограниченными людьми тех, кто «берёт с презрением двумя пальцами за уголок студенческие работы» и распинается об их бездарности. У каждого поколения свой «набор» навыков и умений. Мы читали, они - нет, мы мечтали – у них с этим делом обстоит хуже, но они зачастую умеют делать то, что не дано освоить многим из нас. Конечно, всё это не означает, что среди студентов только одни открытые и скрытые таланты. Увы, хватает откровенных бездарей, ещё больше лентяев. Главное, необходимо разобраться, для чего нужно образование. <…> Гуманитарное образование необходимо нашей стране, <…> прежде всего, чтобы разорвать порочный круг дикости в представлениях, бытового хамства, «пацанских» поступков по понятиям.<…> Потакание настроениям толпы в сегодняшней политике ставит, на мой взгляд, перед гуманитариями особые задачи сохранения гуманистического, толерантного, человеческого в наших студентах».

В жёстких формулировках респондент пишет о преподавателях, не понимающих миссию образования и сводящими своё пребывание в университетском сообществе к игре статусными амбициями, не принимающих норм университетского этоса, о тех, которые никогда не будут «репутационно ответственными» преподавателями и учёными. Вслед за ним о том же говорят и другие. «Профессиональное сообщество университетских преподавателей сего-

дня ничем не отличается от преподавателей других вузов» (ответ из «младшей группы»), «в реальности всё чаще ничем не отличается» (ответ из «старшей» группы»).

К сожалению, университетский преподаватель утрачивает какие-то важные, отличительные качества носителя особой культуры. Как замечает В. Савчук, «те качества, которые определяли человека «идеального» университета, в советское время казались вынужденными, а в постсоветских условиях такое отклонение [от «идеальной» модели – *авт*.] свободно избирается и потому предполагает уверенность в его, этого отклонения, естественности и целесообразности, а значит, и в несущественности интеллигентского кодекса, в его устарелости, несоответствии духу времени и т.д.» [2, 250] Преподаватель, сохраняющий верность университетской культуре, смотрится в лучшем случае как большой оригинал.

После анализа тех качеств, которые отличают профессиональное сообщество, уместно поставить вопрос о самоидентификации преподавателя, насколько он соотносит себя с неким идеальным типом такого преподавателя. Считает ли преподаватель себя членом *отдельной корпорации, сообщества, исповедующим определённые профессиональные, этические принципы.* Девять из четырнадцати опрошенных ответили «да». Научные профессиональные сообщества защищают себя с помощью жёстко проведённых границ, подразумевающих, в том числе, и систему дисциплинарной сертификации и «историю в корпорации» (там же). Три ответа дают категорическое «нет», - «у нас давно всё утеряно», двое выразили сомнение. Ряд ответов «да» основаны на перечисление черт, формирующих такое сообщество. «Для университетских преподавателей достаточно давно сложилась система профессиональных ценностей. Их сохранение принципиально важно на фоне определённого размывания классической университетской традиции при современных тенденциях развития образовательной среды». И это не высокомерие. И ещё один ответ – «стараюсь придерживаться принципов университетского этоса», - признание существования сообщества, но и признание тех реалий «развития образовательной среды», о которых упомянуто выше, тех реалий, которые грубо меняют характер сообщества.

Можно ли в этих условиях говорить *об «университетской культуре*? В ответах нашей анкеты кто-то называет «университетскую культуру» историческим термином, феномена этой культуры сейчас не существует, кто-то считает всеобъемлющим понятием – от дресс-кода до образа мыслей. Она же – «специфический тип культуры, для которого характерен культ науки», «профессионализм», «достоинство, культ знаний, нравственность поступков во всём». Так же университетская культура воплощает в себе «научную честность, стремление отстаивать свои этические и научные принципы, заинтересованное внимание к творчеству коллег и студентов». Понятие «университетская культура» используется крайне редко. Вместо «культуры», судя по контексту, можно говорить о «тенденции», «тренде» [см. 2, 272] . И два критических мнения – «это целое включает в себя уважительное отношение к науке, научным исследованиям, качеству преподавания, к личности», но «не чувствую её, вероятно, потому, что государство сводит работу преподавателя к службе», «университетская культура сейчас ничего не представляет, всё в прошлом». Отрадно, что в данных ответах наблюдаем сочетание профессиональных и человеческих качеств сообщества.

Сумело ли время дать профессиональному сообществу *какую-то традицию*, которая стала бы некоторой «фирменной чертой» университета, университетского сообщества?

Ответ скорее утвердительный, во всяком случае, так считает восемь респондентов. Есть сомневающиеся - «не уверен», «традиции есть, но они далеки от научной традиции», «о “культурной традиции” лучше помолчим, «культурной нет, научная – очень слабо», «да, во всяком случае, была». В качестве так или иначе сложившейся традиции называют, прежде всего, *существующий тренд научных исследований*, респонденты активно его реализуют. В

двух ответах говорится о «научной традиции», «о тенденциях формирования научных школ». В одном ответе утверждается, что на факультете «сложились определённые культурные и научные традиции. Но есть отличия в состоянии дел в 1990-е годы и сейчас. Факультет меняется». К сожалению, респондент не конкретизировал данное наблюдение. Наконец, ещё одно признание с учётом деструктивных трендах времени: «Несомненно, на факультете сложились научные и культурные традиции, которые надо всячески оберегать от внешних неблагоприятных воздействий. Подтверждение – неформальное, никем не инициируемое неприятие преподавательского хамства в отношении студентов, лизоблюдства, стяжательства». Интересное наблюдение, которое отражает, возможно, не традицию, но одну из характерных черт преподавательского кодекса сообщества на факультете.

В ответах на данный вопрос, несомненно, в самых общих чертах признаётся утрата некоей культурной традиции университетского сообщества, считая существующей научную традицию. Последняя представляется, прежде всего, в виде научной школы, но в реальности об этом не приходится говорить. Обе традиции пока только ощущаются, но представлении их сущности звучат достаточно определённо.

Что способствует ощущению университетской общности?

С перечисленными в вопросе обстоятельствами подавляющее большинство респондентов соглашаются, некоторые из них добавляют неформальное общение не только в застольях, но во время конференций, в перерывах между занятиями.. Ряд респондентов указывает, что прикладные и научные семинары преподавателей, совместные проекты кафедр должны обязательно проводиться с участием студентов, в заботе о смене. Два ответа отличаются от всех остальных. Это «корпоративизм, характерный для западных университетов» и «высокая нравственность и профессионализм». Опять речь идёт о «духе» университета, университетской культуре. Почти во всех вариантах ответов на вопросы этого блока некое подсознательное стремление к обладанию этой культуры, культуры корпорации.

Совместные проекты кафедр, прикладные и теоретические исследования, конференции, научные чтения преследуют, прежде всего, профессиональные цели. Однако, в условиях упадка профессионализма уместен вопрос, на какой теоретической основе? Каков фундамент формирования этих форм и видов научного поиска? Какими знаниями студент должен обладать, прикладными или теоретическими? Более половины ответов говорит о необходимости учёта основ методологического знания, современного исторического знания. Речь идёт об интегрированных междисциплинарных курсах, курсах, формирующих навыки научно-исследовательской работы, базовых знаний по истории и смежным гуманитарным наукам. Последние включают знание истории литературы и искусства, курсы по истории культуры, социологию, политологию, культурологию, социальную психологию, историографию. Часть респондентов предлагает дисциплины прикладного характера, в том числе источниковедение, «языки (хотя бы латынь)», всё, что необходимо для «ремесла историка». Все дисциплины, «которые позволяют студентам самостоятельно излагать своё в*и*дение тех или иных проблем» (при этом, настаивает один из ответов, обязательно прибегать к письменным формам изложения). Доминирование дисциплин, связанных со смежными гуманитарными науками, как представляется, и это отрадно, коррелируется с ясным запросом научной составляющей университетского пространства как отличительной чертой университетского сообщества.

Исследуемое сообщество редко *считает университет* своим домом (два случая). Для шести респондентов это «сообщество профессионалов», четырёх – храм науки, научная лаборатория. Один ответ уточняет, что «по сути, университет - храм науки, в реальности - пространство для реализации своего профессионализма». Оценочные суждения рассматривают университет как государственное учреждение, три случая, один из которых уточняет – «бю-

рократическое <…> с видимостью демократии». И опять же, на первое место выходит представление о корпорации профессионалов, предощущение «духа корпорации». Но в целом, восприятие университета прагматично, скорее как функции.

Информация, извлечённая из данных опроса, выражает ощущение растерянности и разочарования сегодняшним уровнем запроса общества к гуманитарному образованию. Ценностные и смысловые его характеристики подвержены коррозии и деформациям. Многие участники опроса со своей практикой, опытом преподавания, со своими представлениями об особой природе университета, трепетными и уважительными, оказались в другом университете. Далеко не все готовы принять эти перемены [3, 278]. Потери высшего образования, очевидно, определили и упомянутые низкие оценки университетского пространства сегодняшними магистрантами, или они рождены низким уровнем школьного образования?

В целом же, в ответах превалирует соотнесение университета с наукой, качественное образование, присутствие некого «духа» университета. В то же время отметим чувство утраты чего-то важного, существенного. В таких ответах присутствует понимание «особой» миссии университета в обществе. Традиционная для нашего общества высокая оценка университетского образования базируется на ценности качественного научного знания. Значительно меньше говорится о влиянии университетского сообщества на формировании личности студента, выпускника. Формирует же личность приобщение к настоящей науке, о котором говорится в ответах.

К сожалению, университетский преподаватель утрачивает какие-то важные, отличительные качества носителя особой культуры. «Стараюсь придерживаться принципов университетского этоса» - признание существования сообщества, но и признание тех реалий «развития образовательной среды», о которых упомянуто выше, тех реалий, которые грубо меняют характер сообщества. В ответах на данный вопрос, несомненно, в самых общих чертах признаётся утрата некоей культурной традиции университетского сообщества, считая и существующую научную традицию. Последняя представляется, правда, в смутном образе научной школы, хотя до реализации этой тенденции далеко. Обе традиции пока только ощущаются, но представлении об их сущности звучат достаточно определённо.

Доминирование дисциплин, связанных со смежными гуманитарными науками, как представляется, и это отрадно, коррелируется с ясным запросом научной составляющей университетского пространства как отличительной чертой университетского сообщества. И всё же представление о корпорации профессионалов, предощущение «духа корпорации» в наше время с трудом выдерживает испытание этих ценностей на прочность.

Библиографический список

1. Уваров П.Ю**.** Университеты империи глазами медиевиста (в защиту идола истоков). // Диалог со временем. № 7. 2001. С. 207-223**.**
2. Савчук. В.А. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентификации. // Диалог со временем. № 37. 2011. С. 223-254.
3. С. Гатина С., Гребёнкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. № 51. 2015. С. 261-286.
4. Любимов Л. Восстановление университетского этоса // Известия. 27. июня 2012.

Сведения об авторе

Золотов Всеволод Иванович **-** доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского 241036 Брянск, ул.Бежицкая, 14. (4832)666645 E-mail: viz.volic@yandex.ru

УДК 323.26(470)"1601/1619"

П. Фельдман

О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XVII В.

Аннотация: *статья ставит задачу, на основе исследований источников попытаться выявить линии социальных конфликтов и выяснить их природу в годы гражданской войны начала XVII в.*
Ключевые слова: *социальный конфликт, социальная борьба, линии конфликтов, восстание Болотникова, гражданская война.*

Feldman P. On the nature of social conflicts during the Civil nachala XVII war.

Abstract: *This article aims, based on research sources to attempt to identify the social conflicts and to find out their nature during the civil war of the early XVII century.*
Key words: *social conflict, social struggle,line of conflict, the uprising Bolotnikova,civil war.*
Author: Feldman Pavel, 2nd year student.

В советской историографии благодаря известной капитальной монографии И.И. Смирнова установился, и долгое время существовал взгляд на конфликты, происходившие в годы «Смуты», как на «крестьянское восстание против феодального гнёта»[4,С.6]. Как справедливо отметил В.М. Панеях, «подбор источников, их анализ и построение самой работы И.И. Смирнова были подчинены заранее установленной доктрине. Так, во вступительном слове перед защитой диссертации он заявил, что ″в общей форме вопрос о природе восстания Болотникова был достаточно ясен, и природа восстания Болотникова как восстания крестьян против феодального гнёта была очевидна″» [2,С.203]. Таким образом, исследователь как бы снимал вопрос о разнообразии социальных конфликтов в годы гражданской войны, выдвигая на первый план столкновения крестьян и феодалов.

Со времени выхода в свет работы А.Л. Станиславского появилась точка зрения на события начала XVII в. не как на крестьянскую, а как на гражданскую войну [6]. Правда, А.Л. Станиславский не исследовал восстание Болотникова, а концентрировал своё внимание на последнем периоде Смуты и освещал позицию только вольного казачества, а остальные слои населения и конфликты между ними он подробно не изучал. Р.Г. Скрынников в своей работе «Россия в начале XVII века. “Смута”» специально исследовал вопрос о таких явлениях как разбои [3,С.58-74]. Р.Г.Скрынников утверждал, что в разбойничьих шайках были представители всех слоёв холопства, но лидирующую роль отдает боевым холопам. Они были вооружены и являлись профессиональными военными, так что для них не составляло никакого труда объединяться в отряды и грабить на дорогах. Этот способ добычи пропитания был наиболее легким и эффективным. Также историк обращал внимание на то, что иногда мелкие дворяне разбойничали на большой дороге либо посылали на разбой своих крестьян [3,С.69]. Отход от предвзятого освещения событий Смуты как крестьянской войны и начало разработки вопроса о природе социальных конфликтов ставит задачу дальнейшего исследования темы, чему и посвящена настоящая статья.

В 2003 г. вышел сборник источников под названием «Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601-1608. Сборник документов». Составители уделили главное внимание источникам, освещающим события времён голодных лет и восстания И. Болотникова. В этом сборнике собраны не только источники с 1601 по 1608 гг., но и упоминания об этом восстании в документах последующих лет (до 1789 г.), что позволяет провести исследование различных форм социальной борьбы.Изданные в указанном сборнике источники дают возможность исследовать природу социальных конфликтов во время граж-

данской войны, что и является целью настоящей работы. Эта задача особенно актуальна потому, что до сих пор в литературе сохраняется точка зрения И.И. Смирнова на сущность событий гражданской войны, что отражено в указанном сборнике.

Исследование источников показывает, что эти социальные конфликты развивались по разным линиям. По источникам удалось выявить три линии конфликтов. Наиболее широко распространенными были антиправительственные выступления, которые имели множество форм. В источнике было обнаружено 34 упоминания о них, из которых удалось выявить четыре таких проявления антиправительственной линии.

*Таблица 1.**Проявления антиправительственной линии***

№	Формы антиправительственных акций	Кол-во, проценты
1.	Казнь верных царю помещиков (см.: с.229, 231, 237-238, 241, 295-297, 300, 306-307, 328-329, 331 ,332, 333, 351-353, 357)	13 (38,2%)
2.	Мятежи городов и крестьян (см.: с.48, 49, 53, 54, 113-115, 131-132, 177, 293-294, 298)	9 (26,4%)
3.	Неподчинение царской власти без применения насилия (см.:с.35, 45, 130-131, 170-171, 172, 205-206, 217-218)	7 (20,5%)
4.	Казнь членов семей верных царю помещиков (см.: с.223, 224, 241, 299, 305-306)	5 (14,7%)

Источник: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601-1608. Сб.документов. М., 2003.

В приведённой таблице отразились главным образом события 1606 г. - массовые отказы городов Поволжья, южных и центральных уездов от присяги царю Шуйскому (2 форма протеста), их переход на сторону повстанцев. Все сословия принимали сторону антиправительственных сил, над несогласными чинили расправы (1 форма). Это видно на примере дворянства. Дворяне, которые переходили на сторону мятежников оставались невредимыми, а верных царю сразу же убивали. В случае если дворянин переходил на сторону правительства, в отместку убивали его родственников (4 форма). Такое поведение восставших объясняется тем, что дворяне в то время были главной военной силой и либо они вливались в состав войска Болотникова, либо погибали и не входили в состав царских сил, тем самым ослабевая их.В 1607 г. антиправительственная линия всё так же преобладала, но теперь её проявления заключались в основном в неявке дворян на царскую службу (3 форма), хотя в городах, которые захватили мятежники при отходе к Туле, продолжались избиения верных царю дворян. (Кроме того, она проявлялась в выписи людей из посада во времена восстания Болотникова для уклонения от уплаты налогов, и также в отказе платить крестьян оброк помещику и налоги в царскую казну-3 форма).

Следующей по частоте упоминаний в источниках стала разбойная форма конфликта – ограбление, убийство. В одном источнике конкретизировано содержание термина «разбой»: «Поместье его воевать, и людей и крестьян бити и грабити, и животины имати, и хлеба травити и толочити» [1,С.168]. Отдельные случаи, когда антиправительственная акция сопровождалась грабежом, они также были отнесены к проявлениям разбойной линии конфликтов. В таблице 2 приведены результаты вычислений количества таких преступлений по отношению к представителям разных сословий. Выявлено и разделено на 3 группы 21 случай проявления данной линии.

В период с 1601 по 1603 грабежи часто упоминаются в источниках в связи с описанием борьбы правительства против разбойников («Того же году… посылал государь дворян за разбойники: В Володимер – Олексея Фомина да Тимофея Матвеева сына Лазарева. На Волок

на Ламской – Михаила Борисовича Шеина да Олексея Ивановича сына Безобразова. В Вязьму – князя Ивана Андреевича Татева да Офонасья Милентьева..»). Главным образом это связано с голодом по всей территории страны. Разбои происходили на дорогах, ведущих к Москве, поскольку там проходили торговые пути, по которым в неё поставлялся хлеб [1,С.19]. Измученное голодом местное население было готово на всё, чтобы найти пропитание. Образовывались шайки, которые начинали грабить на дорогах купеческие обозы, а также местных крестьян. В челобитных царю крестьяне писали о разбоях как об одной из главных причин их разорения. Встает вопрос: кто же были эти самые разбойники?И.И. Смирнов видел за этими повсеместными нападениями, одновременно появившиеся очаги восстания холопов против феодалов и считал это первыми проявлениями вооруженным борьбы угнетённого класса против эксплуататоров [4, С.83].

Таблица 2. Проявления разбойной линии

Пострадавшее сословие	Кол-во, проценты
Разбои в отношении крестьян и посадских людей (см.: с. 19,20-22,61,75,86,165,198-199,211-213,313)	9 (43%)
Разбои в отношении дворян и их поместий (см.: с. 45,168-169,209,214,238,305,357, 358)	8 (38%)
Разбои в отношении церкви (см.: с. 42,81,197-198,226-227)	4 (19%)

Р.Г.Скрынников, отвечая на этот вопрос, указывал главным образом на холопов [3,С.69]Хозяева отпускали своих холопов на волю, чтобы избавиться от лишних ртов. И перед ними вставал выбор, либо стоять в очередях за хлебом, что раздавали в Москве и умереть от голода, либо вступить в шайку в надежде на выживание. Правда, наблюдение Р.Г. Скрынникова относится в наибольшей степени к начальным годам Смуты. Нужно отметить, что уже в первые годы гражданской войны источники отмечали, что «на Белой по дорогам розбои великие, поезжих людей розбойники розбивают, и побивают досмерти, и проезду и проходу всяким людем нет, да и села и деревни многие на Белой, ездя, розбойники розбивают и людей многих побивают до смерти» [1,С.21]. Здесь совершенно определённо говорится об ограблении и убийствах крестьян.

В 1606 г. отмечается скачок в развитии разбойной линии в связи с началом восстания И. Болотникова: упоминания о разбоях встречаются в источниках чаще. Восставшие громили дворянские усадьбы, отбирали товары у купцов. В первом случае можно усмотреть какие-то проявления социального протеста, что могло бы подтверждать подход И.И. Смирнова к оценке событий как антифеодальной борьбе.Грабёж купцов уже труднее определить таким же образом. Наряду с этими акциями источники отразили и другое – ограбление жителей государственных и монастырских деревень.Так, в7115 г. (1606-1607 гг.) в связи со сбором ямских денег власти отмечали, что эта подать не взята «з дву сел, с Обабурова да с Курьянова, по игуменскому приговору и соборных старцев, з Зубова з десяти вытей с третью, а с Курьянова и з Гаврина с чатырнадцати вытей с полувытию, с обеих приказов не взято десяти рублев с четию. Не взято потому, что села воеваные, вконец разорены от козаков» [1,С.61].

Как видно из показаний источников, антиправительственные силы грабили всех подряд, не делая различий, кто перед ними: дворянин, купец, монах или крестьянин.Чаще всего упоминаются проявления данной линии в отношении крестьян и посадских, отсюда можно прийти к выводу, что сильнее всего пострадало крестьянство. «Разбойная линия» в 1607г. ослабевает по сравнению с 1606 г., (с 11 случаев в 1606 г., до 6 в 1607г.) однако всё равно встречается в источниках довольно часто. Причина заключается в том, что подконтрольные

восставшим районы уменьшились, а на освобождённых от них территориях действовала царская власть, довольно жестоко пресекавшая любые проявления разбоев.

Наиболее ясно источники говорят о столкновениях по поводу земли. В источниках отражены случаи столкновения между монастырскими и черносошными крестьянами. Особенно часто они происходили в 1602-1606гг. В следственных материалах по этим делам хорошо описаны события и их участники и роль каждого из них в происходившем. Дело доходило до кровопролития по отношению к лицам, представлявшим власть, например в 1605 г. крестьяне Аргуновской волости убили губного старосту [1,С. 91].

Таблица 3. Земельные споры

Время	Источник	Место	Стороны конфликта	Причины	Проявления	Последствия
1602	Грамота царя Бориса Годунова (С. 36)	Важский уезд, Шенкурский стан, Ледский стан, Подвинские чети	1) Монахи Богословского монастыря 2) Крестьяне Ясмогорской волости	Земельный спор	« И те де крестьяне НекраскоШулев с товарыщистарцов их учалилаяти и безчестити, и из луков стреляти, и грабити, и с острова старцов и крестьян збили, и сена косить не дали»	Государь велел: «Да в том есми их во всех судили и сыски всякими сыскали, да по суде своему и по сыску меж них управу учинили безволокитно по нашему указу, чеводоведетца. А в чем будет вам меж их управы учинити не мошно, и вы б суда и сыску список, и обоих исцов за поруками, и по них порученные записи прислали бы естя к нам к Москве, и велели отдать в приказе Казанского и Мещерского двора дьяком нашим Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, как пашенная пора минетца, и мы по тому велим указ учинити.»
18 марта 1605	Грамота царя Бориса Годунова (С. 42-43)	Аргуновская волость	1)Монахи Троице-Сергиева монастыря 2)Крестьяне Аргуновской волости из деревень Омутища и Крутые поляны	Земельный спор	«И Аргуновские волости староста Петруша Седельцо, да целовальник Якушко, прозвище Гудок, да крестьяне…. собрався со многими людьми,вышли с ослопы, и с рогатины, и с самопалы, государевы грамоты у тебя не послушали,и сыскивать не пустили, и окольних людей, и старожильцов, и троецкогоприказщикаФедьки Конищева хотели убити насмерть, а губного целовальника и убили.»	Государь велел: «А того еси берег накрепко, чтоб у аргуновских крестьян с троицкимикрестьяны в той земле и в угодьях бою и драки такие, как у них наперед сего, не было никоторыми делы, и нихто чтоб в чужие земли не вступался.»

4 октября 1606	Грамота царя Василия Шуйского (С.91)	Вотская волость	1) монахи Троице-Сергиева монастыря 2) Черносошные крестьяне Вотской волости	Земельный спор	«Били нам челом … Троице-Сергиева монастыря архимаритИоасаф с братьею, а сказал: в Галиче де у них вотчинка Попова слободка,а пожаловал ее… царь и великий князь Федор Иванович… И в те де угодья вступаютца насильственно нашие черные Вотцкие волости крестьяне,и бьют челом нам о тех угодяьх коими хотят завладети»	Государь велел: «И в нынешнем 115 году сентября в 13 день в Галицкой четверти перед диаком нашим перед Петром Желябужскимтроетцкойархимаритиасаф положил с наших грамот списки,да в Галицкой чети сыскано Троице Сергиева монастыря с правые грамоты на тое Попову Слоботку список, и в списках написано, что им ПоповуюСлоботкоювладети со всеми угодьи, а Вотцкие волости крестьяном в тое монастырскую вотчину вступать не велено.»
Июль 1619	Из челобитной монахов и монастырских крестьян (С.283-284)	Нижегородский уезд	1) Монахи Печерского монастыря 2) Нижегородские земские старосты (посадские люди)	Земельный спор	« И в прошлом , государи, во 120 году нижегородцкие земские старосты Петр Григорьев да Федор Марков тое Толконцовскую пустыньку у печерских старцев отняли»	«А царьские грамоты не послушали, и приказали ведати тое Толконцовскую пустынь бражником чернецу Маркелу да чернецу Авраму для совей корысти мимо царских грамот. А что в той пустыньке было в церкве риз и книг, и хлеба, и то все строенье те чернецы проворовали и пропили, и лесные угодья и мельницу сторонним людям на пустошенье роздали, и братью розогнали , и крестьянишек выпродали»

Как видно из приведённой таблицы, земельные споры происходили по всему рассматриваемому периоду. Их сравнительно немного. Исследованные источники говорят только о земельных спорахмежду черносошными крестьянами и монастырями. Конфликты рождалисьиз-за дележа сельскохозяйственных угодий, переходя даже в открытые столкновения черносошных с монахами и монастырскими крестьянами. Единственное, что роднит эту линию с другими и отличает от земельных споров в мирное время, это случаи кровопролития.

Итак, природа социальных конфликтов в годы гражданской войны была разнообразна. По источникам выявлены следующие линии: антиправительственная, разбойная и земельные споры. Статистические вычисления помогли в какой-то мере (!) нащупать количественное соотношение между разного рода конфликтами, приблизиться к представлению о реальной обстановке в стране. Всего за описываемый период найдено 60 описаний конфликтов, среди них лидирует антиправительственная линия 34 проявления – (57%), далее следует разбойная 21 – (35%), и земельные споры 4 – (7%). В первую очередь это конфликты между проправительственными и антиправительственными силами, что естественно для гражданской войны. Следующими по значению (о чём не говорилось до сих пор в научной литературе по теме) были конфликты, проявлявшиеся в виде убийства и грабежа крестьян, монахов, дворян. Причём, судя по исследованным источникам, главным страдательным лицом были крестьяне.

В связи с большим значением этой линии конфликтов обращает на себя внимание мысль С.М. Соловьёва, забытая в позднейшей литературе: «Давно уже мы имели случай за-

мечать неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государстве. [В царствование Грозного] Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего; сокрушение прав слабого пред сильным при отсутствии просвещения, боязни общественного суда, боязни суда других народов… Внутреннее, духовное отношение человека к обществу было слабо; всё держалось только формами, внешнею силою, и, где эта внешняя сила отсутствовала, там человек сильный забывал всякую связь с обществом и позволял себе всё на счёт слабого» [5,С.377-378]. Так, порывая со своей общественной средой (сельской или городской общиной, дворянской территориальной корпорацией), уходя в вольное казачество, человек утрачивал и контроль со стороны этой среды. Новая среда – отряд вольных казаков, разбойничья шайка – имела совершенно иные нравственные представления и нормы, обычно антисоциального характера.

Поземельные споры были характерны не только для обстановки гражданской войны, но и для мирного времени; можно даже высказать предположение, что отмеченные конфликты в большинстве случаев не были связаны с внутренней борьбой в стране, не имели отношения к разделению страны на два враждующих лагеря. Отличительной их особенностью было то, что они сопровождались кровопролитием, в этом только и сказался отпечаток гражданской войны. Не видно проявлений «антифеодальной борьбы» (на чём настаивал в своё время И.И. Смирнов) - в источниках не заметно, чтобы именно низы общества, т.е. крестьяне и посадский люд, специально убивали помещиков и грабили их поместья в целях борьбы против феодального гнёта.Как совершенно ясно говорят исследованные источники, убийства помещиков носили политический смысл, а не социальный (антифеодальный, по терминологии советской науки). Выяснение разных линий внутренних конфликтов в русском обществе ставит под вопрос применимость ко всем им наименования «народное движение», которое употреблено в названии использованного в настоящей работе сборника источников.Здесь не видно какого-то единого народного движения.

Библиографический список

1.Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601-1608. Сборник документов. М: Наука, 2003- 491с.
2. Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005 – 240 с.
3.Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. "Смута". М. , 1988 –283 с.
4.Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л., 1951 – 590 с.
5.Соловьев С.М. История России с древнейших времен Т. VIII М., 1989 - 747 с.
6. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. - 270 с.

Сведения об авторе

Фельдман Павел **-** студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.
Начало издания: декабрь 2016 г.
Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».
Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.
Знак информационной продукции 16+
Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Сайт сетевого издания: http://www.clio-brgu.ru поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

• 07 – исторические науки и археология;
• 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. ***Статьи публикуются на некоммерческой основе***.

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

- **Контакты**

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201
Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45
Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru